

ВОЛОГОДСКИЙ
ЛАД
2024

ВОЛОГОДСКИЙ

ЛАД

1 (42)
2024 год

Литературно-художественный журнал

1

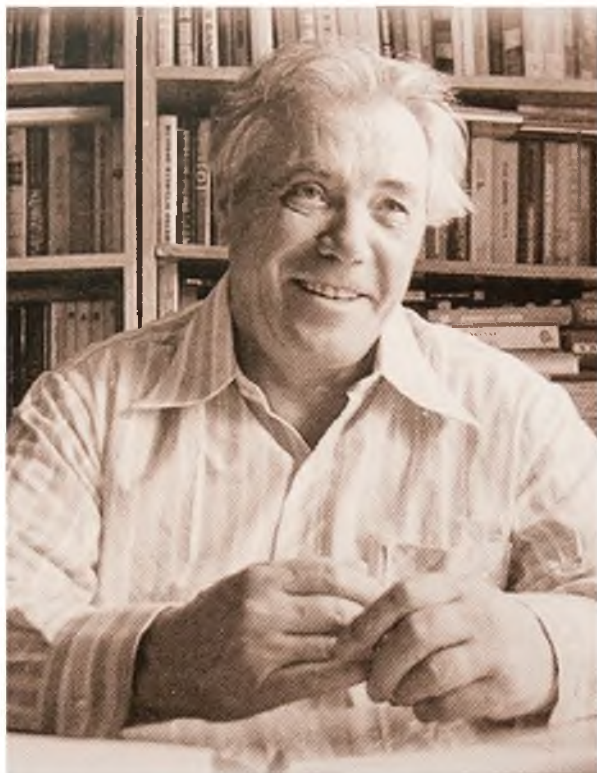
Виктор Петрович снова в Вологде

Один мудрый человек советовал каждому найти свою поляну. Я её нашел в Вологде. Вообще Русский Север, когда я приехал туда, покорила сразу. Поразили своей красотой северные пейзажи. Ничего подобного ни в Сибири, ни на Урале не видел. Не знаю, насколько всё это увиденное и пережитое обогащает перо, но душу - несомненно. К тому же в Вологде была и есть одаренная писательская организация. В дружеском кругу я многому научился, многое понял. И главное - что надо быть с Родиной, - понял именно в Вологде.

Виктор АСТАФЬЕВ

Виктор Астафьев в своём вологодском кабинете.

Тема литературно-музыкального вечера, состоявшегося 15 апреля в областной универсальной научной библиотеке, - «Вологодские страницы Виктора Астафьева»; он был посвящен 100-летию выдающегося русского писателя. Вечер был проведен в рамках проекта «Литературная гостиная», который уже несколько лет ведет заведующая отделом просветительских программ библиотеки Наталья Швецова.

В нашем городе Виктор Петрович прожил чуть больше десяти лет и в это время создал книги, которые принесли автору всесоюзную славу, - «Пастух и пастушка», «Царь-рыба» и другие. Вологодские впечатления отозвались и во многих других произведениях, написанных уже в Красноярске.

Открывая вечер, начальник областного департамента культуры Владимир Александрович Осиповский вспомнил о своем опыте первого общения с прозой Виктора Петровича:

- Открыл случайно «Царь-рыбу» и... «выплыл» только спустя какое-то время...

Окончание на 214 странице

Трудами «десантников спасения» открылся полный вид на колокольню Воскресенского храма

Время добрых дел

Вологжане помогают возрождать святыни края

Традиционная русская культура, причем не только церковная, основана на христианских ценностях, и Православная Церковь помогает воспитывать и поддерживать в русском народе православное представление об основах жизни. Русский Север до сих пор поражает богатством церковной архитектуры: на территории Вологодской епархии находятся 295 храмов в аварийном состоянии и 188 руинированных. Для того, чтобы сохранить чудом дошедшие до нас святыни, на Вологодчине действуют два благотворительных фонда - «Наследие Русского Севера» и «Добротолубие». Об их недавних акциях рассказывает предлагаемая читателям публикация.

I. «Десант спасения» будет продолжен

Больше двадцати священников трудились в первое воскресенье июня на восстановлении полуразрушенной церкви в селе Воскресенском под Вологдой. Возглавил «десант спасения» митрополит Вологодский и Кирилловский Савва.

Высокая колокольня храма Воскресения Господня хорошо видна издалека. Но

не каждый путешественник, привлеченный живописным видом, решится зайти внутрь храма: мало того что обвалились свод и одна стена, так еще и купол поврежден упавшей на него берёзой, которая выросла вплотную к церкви...

Воскресенская церковь построена в 1783 году. Около 250 лет здесь возноси-

• И НЫНЕ, И ПРИСНО

Священник Сергей Зяблицкий: «Перед работой мы установили иконы Господа Вседержителя и Божией Матери»

Священники убрали деревья, стеной окружавшие храм

Митрополит Савва благословил участников «десанта спасения» на труд ради спасения древнего храма

ли молитвы Богу жители окрестных деревень, пока безбожные власти не закрыли храм в середине XX века. С тех пор он медленно разрушался.

Поездку в Воскресенское ради спасения древней святыни организовал благотворительный фонд «Наследие Русского Севера». Потрудиться собрались священники из Вологды и Вологодского округа. Целый день здесь раздавался рев и визг бензопил, стук топоров. Труженики убрали упавшую на храм берёзу и спилили деревья и кустарники, которые сплошным забором окружали церковь, а также скосили траву, безудержно росшую вокруг церкви. Очистили храм от мусора, окопали его по периметру, освободив стены от вала земли, - теперь кладка не будет намокать. Окна закрыли деревянными щитами, которые «десантники спасения» и сколотили: отныне появилась преграда для дождя и снега, которые беспрепятственно годами попадали в храм, способствуя его разрушению.

- Русский Север славен своими святынями, - считает митрополит Савва. - Однако, к сожалению, некоторые из них нахо-

---

Фонд «Наследие Русского Севера» приглашает волонтеров, водителей тракторов и автомашин, специалистов-реставраторов принять участие в возрождении храмов Вологодчины. Заявку на участие можно прислать на электронную почту фонда info-nasledieRS@yandex.ru или по номеру телефона 8 999 260 88 15.

дятся в забвении, как и этот храм. Возможно, он ещё и не числится памятником архитектуры, но для нас, православных, он, конечно же, - святыня. Вот мы и решили сегодня потрудиться, чтобы постараться подготовить его к консервации. Сделаем всё, чтобы остановить процесс разрушения... Надеюсь, что когда-нибудь мы здесь будем совершать Божественную литургию вместе. Призываю всех неравнодушных к истории нашего государства и Православ-

• «ДЕСАНТ СПАСЕНИЯ»

ной Церкви людей объединиться ради сохранения истории, сохранения культуры, сохранения нашей русской святости.

Рассказывает директор фонда «Наследие Русского Севера» иерей Сергей Зяблицкий:

- Конечно, работу мы начали с молитвы. А потом установили иконы Господа Вседержителя и Божией Матери. Теперь в возрождаемый храм можно прийти и помолиться перед образами. Когда-то здесь были уникальные росписи, но от них остались лишь фрагменты, которые очень плохо сохранились. Образы, которые поместили сегодня в храм, мы распечатали при поддержке наших вологодских меценатов - компании «Калейдоскоп». Хочу заметить, что это не единственный наш помощник. Ветви кустарников и деревьев перерабатывали в щепу благодаря сотрудничеству с вологодским ботаническим садом, который предоставил измельчитель. Щепа будет использована для присыпки деревьев в городе. Наш фонд готов к сотрудничеству и с другими организациями и предприятиями - давайте возрождать наше наследие вместе!

Отец Сергей считает, что фонд «Наследие Русского Севера» должен открыть новое направление своей работы:

- Мы намерены включить в сферу нашего внимания храмы, которые не имеют статуса памятника культуры, пустуют и не имеют собственника. Во многих местах области есть храмы, которым нужна помощь, - в наших силах не позволить им разрушаться! Фонд приглашает волонтеров на летние экспедиции с целью проведения консервационных работ на храмах Вологодской области. Ждем предложений о сотрудничестве! «Десанты спасения» в Воскресенское обязательно продолжатся. Надеюсь, что подобные акции будут проводиться и в других местах: к нашему сожалению, фронт работ для «десантников спасения» очень велик.

**Окончание на цветной вклейке
в середине номера.**

Трудиться приходилось в самых разных условиях

Воскресенский храм окопали по периметру, защитив стену от намокания
Фото: сайт Вологодской митрополии

Под синим небом Вологодчины

Литературная премия имени Станислава Мишнёва, которую уже во второй раз присуждают в Тарногском районе, называется «Под синим небом». Мне кажется, эти слова можно поставить как девиз к любому номеру «Вологодского ЛАДА», ведь он старается рассказывать, как жилось прежде и живется сейчас под синим небом Вологодчины.

Автор нескольких книг прозы Станислав Михайлович Мишнёв ушел из жизни четыре года назад; память о нем земляки бережно хранят. Сборник избранной прозы писателя-тарножанина «Вещая моя печаль» подготовлен попечением местной администрации при поддержке Вологодской писательской организации. Презентация книги на родине писателя состоялась 24 июня - в день рождения С. М. Мишнёва. «Сборник получился солидный, на пятьсот страниц, - сообщил Александр Силинский, руководитель Тарногского литературного объединения «Родники». - О такой книге мечтал Станислав Михайлович».

В этот же день были объявлены лауреаты второй мишнёвской премии. Отрадно, что ими стали авторы нашего журнала: в номинации «Поэзия» - Николай Цыганов, в номинация «Малая проза» - Виталий Ламов, в номинации «Вещая моя печаль», где рассматривались произведения, посвящённые жизни и творчеству писателя, - Надежда Юрова.

К сожалению, проза Станислава Мишнёва за пределами Вологодчины известна не так уж широко, хотя творчество Станислава Михайловича, несомненно, заслуживает, чтобы о нем знали больше. Надеюсь, что этому поспособствуют готовящиеся обменные номера журналов «Вологодский ЛАД» и «Волга XXI век».

Предложение об обмене публикациями прозвучало на состоявшемся в Вологодском центре писателя В. И. Белова телемосте «Вологда - Саратов «Вчитаться в человека» между Центром и библиотекой №99 г. Саратова. Темой обсуждения было сегодняшнее положение деревенской прозы. Главный редактор журнала «Волга XXI век» Елизавета Мартынова на предложение откликнулась, и теперь и у нас, и в Саратове готовятся номера, которые должны показать вологжанам саратовских писателей, а волжанам - авторов из Вологодчины. Думаю, что рассказы Станислава Мишнёва представлены будут обязательно.

Журнал «Вологодский Лад» вот уже несколько лет выходит с периодичностью один раз в год. Спешим сообщить хорошую новость - по поручению губернатора Вологодской области Георгия Филимонова, начиная с этого года, журнал будет выходить два раза в год. Первый номер вы уже держите в руках, а второй номер выйдет в свет в декабре!

Наша просьба к читателям: помогайте делать журнал интереснее! Пишите, что нравится в «Вологодском ЛАДЕ», а что вызывает вопросы; предлагайте темы для публикаций; называйте авторов, чьи произведения вы хотели бы видеть на страницах журнала. Давайте делать хороший журнал вместе!

Андрей САЛЬНИКОВ

А любовь - она вечная!

Заметки дочери поэта

*Если мы подумаем, что сделали для нас наши родители,
то мы будем поражены неизмеримостью нашего долга.
Святитель Амвросий Медиоланский*

«...Начало 1963 года. Раздаётся звонок. Открываю дверь, и в нашу маленькую переднюю начинает вливаться семейство - я бы сказал, племя Яшиных: высокие, статные, с горящими озорством глазами - папа, мама, две дочери, два сына. Сразу влюбляюсь во всю семью. С Яшиными просто - их всё интересует, любопытство - до всего. У всех шестерых одно имя - Яшины (одно понятие). Через год Александр Яковлевич спросит меня: «Кого в нашей семье вы любите больше?» - «Не знаю - всех вместе».

Так нашу семью представлял Вадим Георгиевич Кнорре. А появились мы в их доме по приглашению тёщи Вадима Елены Львовны Горностаевой, с которой наша мама жила в юности в одном доме...

Вадим Георгиевич - обаятельный, остроумный, интеллигентный. Как пишут в интернете: «Из дворянского рода учёных, доктор физико-математических наук, профессор». Он стал часто бывать в нашем доме в Лаврушинском переулке. И, посещая наш дом, стал ещё и поэтом, как и многие наши гости. Да и мама с папой познакомились в Литературном институте, где тогда училась после архитектурного института Злата Константиновна.

Наши родители вместе с нами, а нас уже было трое, долго скитались без своего дома. Жили и в бывшей бане около деревянного здания общежития Литературного института в писательском посёлке Переделкино. Потом больше года на Беговой улице, где по совету друзей заняли пустующую квартиру. А раз без прописки - значит, и без про-

довольственных карточек - время послевоенное... И под постоянной угрозой прокуратуры выселением.

Папа писал 29 декабря 1946 года шуточное поздравление Александру Фадееву, который знал о сложном положении семьи, бывая у нас в этой самой бане:

«Дорогой Александр Александрович.

Позвольте поздравить Вас с Новым Годом. От всего сердца желаю Вам здоровья, крепости душевной и плодотворного успешного творческого труда.

Пользуюсь случаем, чтобы ещё раз сказать Вам, что я на всю жизнь благодарен Вам за доброе отношение ко мне и к моей работе, что я с Вами навсегда.

Не примите плохо и моё шутивное новогоднее посвящение - не смог не порифмовать старик в связи с годовщиной пребывания на Беговой улице.

А. Я.

Новогоднее послание

А. А. Фадееву

*Целый год поэт без прописки
В стольном граде провоевал,
С болью в сердце друзьям и близким
Поневоле надоедал.*

*А скажите, что правды нету
На земле, - не поймёт поэт.
Значит, он ещё рвётся к свету,
Седины в его сердце нет.*

*Значит, крепок ещё он духом
И не брюхом одним живёт...*

*Рай не нужен! -
Ему Лавруху
Посулите на Новый Год».*

Отец с мамой бывали в Лаврушинском у Пришвина, у Сельвинских и видели, что к писательскому дому пристраивается корпус. И папа по наитию сказал маме: «Здесь мы будем жить». Тогда это казалось невозможным. Но за 1949 год Александр Яшин был награждён Сталинской премией¹ за поэму «Алёна Фомина». И в 1950-м году он получил ордер на трёхкомнатную квартиру именно в этом доме на самом верхнем этаже. Моя младшая сестра, наша Златочка, тогда всё время говорила стихами. И от неё мы получили такой своеобразный ордер-стихотворение:

*С каждым днём всё выше, выше
Вырастает дом до крыши.
Вот и стены, вот и дверь -
Мы войдём туда теперь.*

*Здесь и окна,
Здесь и свет,
Здесь ковёр в цветы одет.
Ах, какой хороший дом!
В этом доме мы живём.*

Наш дом - он начинается от наших улиц и переулочков с чудными небольшими домиками, кое-где ещё сохранившимися. И дома с портиками и колоннами, с лепниной, и церкви все, буквально окружающие нас со всех сторон - такие разные, и каждая такая особенно прекрасная.

Наш дом. Он стоял - самый большой в округе среди маленьких старинных домов - деревянных и каменных, усадебных, классических особнячков послепожарной Москвы. Были и доходные дома, как скалы, в нашем Замоскворечье. Но они все отстояли подальше от нас. И только храмы возвы-

шались надо всем². И не казались они высокими, а только красивыми и необходимыми - не построенными, а выросшими на единственно возможном для них месте. В детстве мы их видели только снаружи, внутри не бывали. Открылись они гораздо позже и засияли своим незаходимым сиянием уже и в нас. Лаврушинский упирается в сказочно красивую, особенно в зимнее время, чугунную решётку классической усадьбы с портиком, с колоннами уральского промышленника Демидова. Решётка также была отлита на его заводе. Это со временем мы стали что-то узнавать о нашем тихом, милом Замоскворечье. Теперь, конечно, его уже нельзя назвать совсем тихим, но всё-таки размеры наших улиц и переулков не позволяют им быть очень шумными. Да и в разное время они разные были. Перед войной мама жила на Раушской набережной напротив Кремля и каталась на лыжах по заснеженной Ордынке. Никаких троллейбусов и автобусов не было. Но было время, когда на углу Климентовского переулка и Ордынки - Климентовского острожка - шли самые ожесточённые, решающие бои с поляками в 1612 году, ставшие переломными в этой борьбе.

Лаврушинский переулок в центре древней исторической Москвы известен не только всем москвичам. Здесь находится знаменитая Третьяковская галерея. Когда там бывали интересные выставки осенью или зимой, то многие из наших знакомых поднимались к нам и оставляли верхнюю одежду, и тогда их свободно пропускали без очереди - гардероб был не нужен...

Так что Лаврушинский переулок, дом семнадцать, был нашим первым законным, любимым, родным-родительским домом. Нас даже в письмах называли: «Лаврушин-

¹ Позже, при Хрущёве, Сталинская премия называлась Государственной премией, и даже значок переделали.

² В Москве до революции было запрещено возводить здания выше колокольни Иоанна Великого. Поэтому колокольня Новоспасского монастыря выглядит недостроенной на один ярус, иначе она была бы выше кремлёвской колокольни.

• К 110-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА ЯШИНА

цы». Папа в письмах иногда подписывал шутиливо: «Лавруха».

Родительский дом вместе с местностью, где он расположен, - это твоя колыбель. У нас был редкой красоты и торжественности вид из окон. Они смотрели прямо на Кремль, на всю его панораму, и от этого великолепия нельзя было глаз отвести. И когда люди впервые входили в комнату и видели это чудо, восклицали: «Да, у вас прямо государственственный вид!»; «Вот теперь я понимаю, что я в Москве»; «У вашего окна можно молиться!»

...Когда по телевизору передают поздравление с Новым годом президента, показывая всю панораму и отдельные здания Кремля, мы то в окно смотрим, то в телевизор: одно и то же. Кремль - это центр мироздания. Стоит! Наполеон надругался, пытался уничтожить. Революция стреляла... Починили, поправили, освятили... Стоит!

Папа писал:

*А мне Москва не легко далась:
Из тундры в берестяных сапогах
Я шёл пешком в осеннюю грязь
К её святым берегам.*

Он всегда знал, чувствовал, что Москва - священная, Кремль - святой. Есть у него и такие строчки в стихотворной тетради: «Всё те же рифмы: «Земля - Кремля»... Слова примелькались, присохли, а вернулся из деревни, глянул и не нарадуюсь: это же сказка. И «начинается земля, как известно, от Кремля»...

Очень жалко, что после так называемой перестройки стало исчезать понятие: Родительский Дом. Какой бы он ни был - у кого большой, у кого маленький, рядом был сад, двор, где ты рос с соседними ребятами, играл в лапту, в классики, казакоразбойников, приобретал друзей... Теперь смысл этого понятия разложен на цифры: двушка, трёшка, однушка...

Яшин любил всё, где он вырос. Сравнивал русские избы с надёжным Ковче-

гом и с финскими домиками: «Русские избы рубленые, бревенчатые, не из досочек, не то что какие-то финские домики». В шестнадцать лет он записывает: «Только тогда я буду постоянно жить в Москве, соглашусь на это, когда вы перенесёте её на мою родину».

Вот запись 1951 года: «В Пермасе, когда увидел реку Юг, опять, как бывало, заволновался.

- Какой маленький Юг, оказывается! - сказал кто-то.

Для кого-то это просто речка, а для меня Юг - это и Волга, и Дон, и Днепр!»³

А вот запись 1937 года:

«Ездил в Дунилово. На реке была поднята вода - спущена запруда (плотина), шёл лес. Переправлялся на брёвнах. Парень хотел перенести на спине, но оборвались оба.

Был в церкви. Седой поп с внучком живёт в сторожке. Нет ни дьякона, ни псаломщика, ни сторожа. Видел явленную икону. Оправа сделана Никольским купцом Рыжковым.

Шёл лес и по Анданге.

Был на Бабьей дороге и на Анфаловой гриве. Видел раскопки, камни.

За Андангой райские земли. Курортные окрестности. Крым! Кавказ! Нет, лучше, красивее, потому что роднее!

Родные!!! Родина, что может быть прекраснее её! И у каждого своя. Главное - понять это, увидеть».

Сколько любви у него к родительскому дому - простой избе. Сравнивает её с невестой.

*...Отныне стала небогатая
Изба,
где столько лет я прожил,
Душе моей, навек засватанной,
Ещё дороже.*

На излучине Юг-реки, с детства любимом месте - Бобришном Угоре он построил избушку, где надеялся жить и работать.

³ Пермас - село, где церковь, в которой его крестили. стоит на реке Юг.

Здесь же, на Бобришном Угоре, он завещал себя похоронить.

Но вернёмся к Лаврушинскому, городскому дому, в котором мы поселились и прожили в нём вместе более шестидесяти лет.

Дом наш начинался, как у всех - с прихожей, где висели по обеим сторонам пальто, куртки, шапки на вешалках. Мама отгородила эту часть длинной толстой занавеской, завязав с двух сторон посередине шнуром. Получилось как в театре - за кулисами. Дальше передняя продолжалась коридором, по обеим сторонам которого родители водрузили простые полки, сделанные пленными немцами ещё на Беговой. Они переехали с нами.

Кроме полок с книгами, с самого начала у нас в доме жил рояль. Даже на Беговой. Папа приобрёл его для мамы. Но потом и мы все учились музыке, играли. В доме почти всегда звучала музыка. Но только младший брат Миша кончил Московскую консерваторию, стал пианистом и преподавателем.

Папу никогда не раздражала наша учебная игра. Помню даже, когда я играла вальс Шопена, он вошёл в комнату и сказал: «Ты даже не представляешь, как это хорошо!» Приходили к нам и играли иногда профессиональные пианисты, самой известной из которых была Мария Вениаминовна Юдина - близкая знакомая бабушкиной юности. Но больше всего мы любили, когда садилась за рояль наша мама.

О нашей маме много можно рассказать. Она всегда любила математику. И, когда вечером ложилась с неприятным настроением, то просила: «Дайте мне решить какую-нибудь задачку или пример, мне надо успокоиться». Но учебники, по которым учились наши дети и которые мы ей предлагали, - она браковала...

Помню, как она в кухне мыла посуду в раковине и пела. Или она моет, а я рядом стою и рассказываю ей что-то из заинтересовавшей меня книги - то, что прочитала.

Голос её, вид, всегда был исцеляющий. Она всегда умела и своих и посторонних людей утешить, приласкать, сказать что-то доброе.

...Мама садилась за рояль всё реже. У неё просто времени оставалось очень мало от всех хлопот-забот. Но это всегда было радостью и для нас, и для неё. Вот она ставит ноты на пюпитр, открывает их и тихонько разбирает по нотам ноктюрн Шопена - своего любимого композитора. Или этюд Скрябина... Мама так подбирает ноты, читая их с листа, словно пробует, как они звучат. Кажется, что она не разбирает, а сама сочиняет. В доме сразу уютнее - живая музыка...

Приезжала папина сводная сестра и пела нам простые колыбельные, которые я до сих пор помню и потом пела своей дочке и своим внукам: «Спи-ко, Аня, Бог с тобой, Божий Ангел над тобой. Божий Ангел над тобой, над головушкой твоей». Или: «Баю, баю, подбаень, в поле бегаёт олень. Мы оленья увьём, Лиде шубку сошьём. Из остаточка выйдет шапочка». Или: «Баю, баю, баеньки, скатаем Мише валенки. В самый раз по ножкам, бегать по дорожкам»...

А мамина колыбельная была особенная, другая, про белого лебедя с лебедятами, со мальчми со ребятами, на которого напал злой коршун.

У нашего папы тоже была заветная песня, он пел её, когда вёз нас куда-нибудь на своей машине, которую приобрёл на Сталинскую премию. Помню, как мы шли с папой по нашему заветному кругу: Лаврушинский, выходили на набережную, переходили через Малый Москворецкий мост над Обводным каналом. Он любил, чтоб его кто-то из нас прогулял. Вечером, уже в пальто, в коридоре, папа спрашивал: «Кто меня прогуляет?» Прогуливали по отдельности, и беседы были с каждым индивидуальные.

Если прогулка шла малым кругом, то сворачивали на Болотный сквер, проходили Фалеевским переулком к Москве-реке и, пока по нему шли, любовались сокровен-

• К 110-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА ЯШИНА

ным видом Кремля в узкой раме переулка, который подводил к расширению вида и открытию всего Кремля с этой стороны реки. И потом уже по Малому Каменному мосту возвращались. А большой круг - это дальше пройти по Большому Москворецкому мосту и перейти на Кремлёвскую набережную под сень деревьев - народу там почти не бывало.

Во время сделали новую модель легкой машины, и папа рассказывал, как Сталину называли разные имена новой машины. Хотели назвать «Родина», но Сталин со своим акцентом продемонстрировал, как это будет звучать: «Купил «Родину», продал «Родину». Не разрешил. И стала тогда машина «Волгой».

...На фоне соседских семей - у кого один ребёнок, редко у кого два - нас казалось очень много, и называл нас папа или кто другой: «яшинский колхоз».

В какой-то год он решил всех свозить на море, говоря: «Я ваш шофёр». Мама сидела с ним рядом и часто читала ему вслух и всем нам или пояснения о том, что мы проезжали, или книгу, которую выбирал папа. И они делились потом мнениями. Папа очень доверял ей.

Путешествие он строил так, чтобы всё важное, встречающееся на пути, не пропустить. Так он нас свозил в Ясную Поляну, Спасское-Лутовиново, останавливался у каждого значительного памятника; у танка, установленного рядом с шоссе, рассказывал, что происходило на Курской Дуге.

Возил он нас и в Ленинград, в Лебяжье, Ораниенбаум, место своего служения во время войны. Не однажды мы его просили: «Пап, расскажи о войне!» Он застывал, потом поворачивался и со слезами уходил: «Нет, не могу ещё. Не улеглось!»

Так вот, книги. Когдаходишь в наш дом, ты как бы окутан с двух сторон книгами. Отец собирал их всю жизнь. До войны, во время войны: в дневнике военного времени есть запись, что шесть томиков Пушкина он

выменял на гильзы... В мирное время привозил книги из разных командировок, со съезда писателей и, подписывая каждому, давал наставления, советы. Например: «Любимая доченька Наташа! По твоему заказу купил для тебя на съезде писателей несколько интересных книг. Эта, кажется, самая интересная из всех⁴. А чуть подрастёшь - прочитаешь «Спартак» Джованьоли, которого я тоже передаю тебе. Отец. 25/XII -54 г.»

Вот ещё подаренная книга «Умелые руки»: «Нашей любимой старшей дочери Наталье в день, когда ей исполнилось десять лет. Люби книги, родная, береги их, начинай собирать свою библиотеку...»; «Наташенька, люби книги, береги их, читай больше. Твой папа»...

Дарил всем детям: «Сыну Мише из Владивостока для его первой библиотеки с любовью. Отец». И ещё есть такая запись: «Своим детям я буду сначала давать русскую литературу, а уже потом западную».

В нашем доме жило много писателей, многие из которых часто бывали у нас, не говоря уже о приезжавших из Вологды. И накапливалось много книг с дарственными надписями разных авторов. Помню, когда я лежала с высокой температурой, болела свинкой, из соседнего подъезда мне принесли книгу Агнии Барто со стихами: «Дорогой моей читательнице - Наташе. А. Барто. Читай стихи, смотри картинки, выздоравливай от свинки».

Надо сказать, что у папы был каллиграфический почерк. Стройный, чёткий. И не только у него, в районном городке Никольске - почти у всех... Такие учителя были, которых отец вспоминал всю жизнь.

Сохранилась старинная высокая книга «Моя первая священная история в рассказах для детей» священника Воздвиженского. С крупным шрифтом и с картинками, с маминой подписью на титульном листе: «Злата Ростковская». Из маминого наследства. Светлая обложка, разделённая на

⁴Книга Г. Мало «Без семьи».

множество клеточек-окошечек с детскими головками в них. И посередине между ними, в окантовке, слова, которые запомнились на всю жизнь: «Бойтесь, дети, лени, как дурной привычки - И читайте в сутки вы хоть по страничке». На последней странице стояло число и папина подпись, когда он её прочитал, как и на всех других прочитанных им книгах.

Память о человеке - молитва. Но и она состоит из Слов. И самая главная книга в мире - это Библия.

И в нашем доме была Библия. Да не одна. И все они, как и мамина книга, хранились в кабинете в книжном шкафу. Библию в иллюстрациях Доре родители купили по случаю в букинистическом магазине в Ленинграде. Вторая Библия - огромная, толстая книга - была у нас почти такая же, как у тётки Дуни, нашей лифтерши, и стояла она у папы в шкафу. Красивая, в кожаном переплёте с крестом, с тонким орнаментом и с надписью по-церковнославянски, подаренная отцу по его просьбе в его родном Никольске.

Третья - «Библия в картинах знаменитых мастеров», часть вторая - Новый Завет. Санкт-Петербург. Книгу эту подарил отцу сторож вологодского кремля - он её вытащил из костра, в котором сжигали религиозную литературу. Отдарил в благодарность за то, что Яшин достал ему через обком - в магазине тогда невозможно было купить - валенки. На обложке надпись рукой Яшина: «Подарена Зориным Мих. Мих. в Вологде 31/III-58 г.».

И ещё было небольшое Евангелие - «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. В русском переводе». Сзади надпись: «ДЛЯ РУССКАГО НАРОДА 25 коп». Все такие книги не напрасно жили в нашем доме. Отец перед смертью исповедался, причастился и передал - завещал всю свою семью замечательному батюшке - отцу Александру Куликову, который и крестил меня, брата Михаила, мою дочь Лидию и стал нашим се-

мейным духовником. Он и отпевал раба Божьего Александра (об отце Александре Куликове подробнее Н. А. Яшина написала в статье «Господи, сохрани нас всех в вере!», опубликованной в нашем журнале в 2023 году - ред.).

Книги объединяют семью. И мы проживали с героями книг ещё и их жизни, сочувствуя, сопереживая, радуясь и печалась. Помню, как наш Сашенька плакал в кровати перед сном. Мама подошла, спросив с тревогой: «Сашенька, что с тобой?» В ответ был всхлип: «Ж-жучку жалко!»⁵.

Как-то я ходила по книжному коридору и, глядя на разноцветные корешки книг, никак не могла решить, что выбрать. Открылась дверь кабинета, и вышел папа. Я тут же спросила его:

- Пап, что бы мне почитать?

- Почитай своих родителей! - ответил он.

- Ну, папа! Я же серьёзно...

- Я тоже серьёзно. Почитай своих родителей: отца и мать, - повторил он.

Я запомнила эту заповедь на всю жизнь. Позже я узнала, что заповедь эта - одна из христианских заповедей. Папа в церковь тогда не ходил, но много знал из Евангелия и суть христианства понимал. Думаю, что на большие праздники либо у них в деревне была служба - в часовне, либо в Пермасской церкви, в которой его крестили и которую сейчас наконец-то возрождают.

Бывали у нас и семейные чаепития-посиделки. Собирались на кухне за круглым столом. У нас и в большой комнате был большой круглый стол. И когда приезжали из Чехословакии друзья, то они на обратной дороге всё обсуждали, почему им так хорошо было с нами. И решили, что это из-за круглого стола - все на равном расстоянии друг от друга. Купили себе такой же. А наши чаепития бывали не просто с пряниками и печеньем, а со стихами! Все читали стихи. Кто свои, кто тут же экспромтом со-

⁵ Это о книге «Тема и Жучка» Гарина-Михайловского.

• К 110-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА ЯШИНА

чинял. В маминой семье её сестра Ирина в детстве писала стихи. Вот портрет нашей мамы-девочки:

*Глазки - сини незабудки,
Носик круглый,
Алы губки.
Золотых волос копна -
Это Златочка - она!
А душой светлее света,
Красотой небес одета.
И лицом мила всегда -
Только... плачет иногда.*

Она такой и осталась, наша мамочка: «Глазки - сини незабудки... Красотой небес одета». Я не знаю более приветливого и доброжелательного человека, чем наша мама, - ко всем. Папа часто призывал: «Бери пример со своей матери!»

Мама наша, несмотря на большую занятость в помощи папе (все его рукописные страницы были перепечатаны ею, считаны), она была и первым слушателем, и ценителем, - но она и с нами была частью нашей жизни. А папы, мне казалось, нам всегда не хватало. В то время Союз писателей загружал ещё и литературной общественной работой, он часто уезжал в командировки.

Всё в жизни бывает: и обиды, и ссоры, и непонимание временное. Но и тут папа мне, ещё маленькой девочке, писал в письме о наших отношениях: «Конечно, и ссоры бывают, но они временные. А любовь - она вечная».

Прошло много лет. Родители наши ушли. Но именно наши родители создали наш дом, **РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ**, построили его своей любовью, заботой, преданностью нам, детям. Так незаметно, изо дня в день, из года в год, они питали нас своими знаниями, а главное - своей любовью. Скрепляли коробочки коммат, как цементом, своей любовью. Учили уму-разуму, когда бывало, что и мы сворачивали с торного пути. Но они всегда были рядом, готовые подхватить нас, чтоб не улетели в пропасть.

Семья. Как она зарождается, как складывается? Сама собой, или её надо строить? Надо не жалеть ласковых слов друг для друга.

Родители - кто может быть ближе, дороже не только в детстве, но и на протяжении всей жизни. Братья, сёстры, бабушки, дедушки, потом свои дети, муж, жена, внуки. Но основа всего родители - краеугольный камень семьи, рода, начиная с родителей наших родителей и вглубь, дальше. Так ручьи вливаются в большую реку, называемую родом, родословной. Это надо знать и помнить с детства - иметь ответственность и за родных, и за свою жизнь. Ты не сам по себе существуешь. Мы связаны многими нитями.

...Помню и наши некоторые семейные советы, которые собирал отец. Например, долго не могли дать имя нашему младшему братику. Уже и штрафом угрожали. И с Пришвиным советовались. Но помню и шапку, в которую папа положил разные записочки, и вытянули все одно и то же имя.

Раньше я думала, что папа нам мало времени уделяет по сравнению с мамой. Общаться с ним - это почти редкость, даже когда он был дома. Радость. Ответственность, подарок. Он почти всегда был занят, дверь в кабинет часто закрыта, хотя он иногда и посвящал нас в свой мир. Когда ещё были маленькими, удавалось прорваться в его кабинет, к письменному столу, как в тронный зал. Папа для нас открывал письменные ящики, показывал, где у него лежат записные книжки, и иногда даже читал несколько строчек. Мы знали, что это была его работа, и не смели дотронуться сами до чего-нибудь.

На столе с зелёным сукном под стеклом лежали некоторые бумаги с нужными ему записями. Лежало несколько старинных открыток, пришедших от мамы. Помню необыкновенное изображение воина Александра Невского на коне перед войском в шлемах и со штыками. Самая необычная

была репродукция картины польского художника Яна Стыки. На ней был изображён Христос в терновом венке, положивший руки на плечи уставшему старику, припавшему к Нему. Видно было, что он еле добрёл до Христа излить перед ним все свои страдания... Седой, в сапогах, знаменитой толстовке... Это был гениальный наш писатель - Лев Толстой.

На столе был прибор с самопишущими ручками на мраморной подставке. Деревянный очень красивый стакан из самшита, привезённый им с юга, и тесно прижавшиеся друг к другу тонко отточенные простые карандаши, ножницы... Конечно, мы сами имели карандаши, и даже цветные, но у папы всё казалось драгоценностью. Любая мелочь. Он доставал из стола какую-нибудь и медленно показывал нам из своих рук. Иногда разрешалось что-то подержать. Высокая настольная лампа на ножке из синего стекла и с белым колпаком освещала его труд.

На столе лежала и пачка чистой бумаги для работы. На листах было что-то написано. Папа очень любил чистые листы бумаги, но экономил её, часто писал на обороте уже использованного листа. Дело в том, что в годы его детства и учёбы бумага была редкостью. Тетради выдавались в школе ограниченно. Писали на вырванных листах сзади книг, сшивали из кусочков свои тетрадки. Писали на разных бланках с различными текстами. Даже на бересте писали.

Помню, на столе стоял очень красивый почтовый набор в виде картонного сундучка с картинками. Позже он подарил мне этот набор с надписью: «Наташе за хорошие письма и для хороших писем». Помню ещё на столе простые небольшие портреты в рамочках, опирающихся на откинутую ножку из толстого картона. Портреты Л. Толстого, В. Маяковского и, кажется, М. Горького. Но главное: под стеклом на столе лежала мелованная карточка, на которой было написано его рукой: «МОЛИТВА (утренняя). ПО-

МОГИ МНЕ, ГОСПОДИ, НАПИСАТЬ ЕЩЁ ОДНО СТИХОТВОРЕНИЕ! 1958 г.»

А когда мы все были маленькими, он приходил к нам в детскую из кабинета отдохнуть. В спортивном костюме, в валенках - по полу дуло - ложился на ковёр посередине комнаты, и начиналась наша любимая игра. «Кто первый?» - спрашивал папа. Мы забирались на папин живот по очереди, и он нас катал, стараясь подпрыгивать немного. Это называлось: «Поехали к бабушке в гости на папином животе». На поднятых ногах он нас качал, и это тоже называлось: «Поехали к бабушке в гости на папином животе». Но уже на самолёте.

И мы, дети, барахтаясь, смеясь, знали, что это не просто игра... Знали, что ехать к бабушке надо поездом, поэтому мы подпрыгивали на животе, свесив ноги по бокам. А с поезда надо было пересест на небольшой самолёт АН... Поэтому вторая часть игры: теперь полетели на самолёте к бабушке в гости... Мы меняли друг друга, папа подкидывал маленьких Сашу, Зайку, Мишу, пока не закашливался от своей астмы. Думаю, если бы какой-нибудь силач предложил нам такие развлечения, они бы не заинтересовали нас. Здесь и было всё дело в том, что это твой папа, и везёт он нас не куда-нибудь, а к своей маме, нашей бабушке в его родную деревню, которая, видимо, стояла перед его глазами день и ночь, и свидания с которой он ждал без передышки - день и ночь.

И не понимая тогда всего, осталось это в нас: на папином животе - то есть жизни. Ведь живот - это жизнь. Куда поедет? - конечно, в русскую деревню из каменного замкнутого города. Мы взлетали, приземлялись и пролетали над реками, речушками, бескрайними лесами, над лугами с копнами сена, которые казались нам из окна настоящего самолёта детскими куличиками в песочнице.

Писем мы получали от родителей, когда они уезжали, - много. Была и такая открытка. Родители в Кисловодске - это город, где

• К 110-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА ЯШИНА

отцу легче всего дышалось. Я с детьми, веду хозяйство. По радио передают, пишут в газетах страшные слухи, что ходит какой-то садист по квартирам, звонит, представляется: «Мосгаз» - и потом страшно убивает жильцов. Мне даже снился сон, что входит в квартиру какой-то мужчина, а у нас в коридоре маленький круглый стол сервирован: тарелки, ложки, вилки. Он берёт мельхиоровый маленький ножик с рисунком на нём. Я говорю ему: «Это же фруктовые ножи, они не режут...» Обо всём этом, о своих страхах я написала родителям, и папа ответил: «Последнее письмо о «типе» нас, конечно, перепугало, мать особенно. Но мы верим в твою рассудительность и осторожность. Спаси Христос всех вас». Вот какого защитника - Спасителя - призвал нам на помощь наш партийный папа. Самого главного, самого надёжного. Не звал ни милиционера, не советовал запираиться на особый замок, а просто призвал к своим детям Самого Христа...

Отец очень любил не только дарить подарки, но и получать. Привозил иногда неожиданно камушки с моря. Всегда хоть что-нибудь. Как купец из «Аленького цветочка». И всё это было для нас Аленьким цветочком.

Сыну Мише подарил на день рождения 8 костров в нашей берёзовой роще.

Злате 11 сосенок подарил - аллею. Сам посадил. А когда Злата была маленькая, её привезли летом из детского сада, и она побежала по просеке, которую папа сам прорубил от нашей калитки в осинник. И, споткнувшись о корень, сильно разбила коленки. Плакала, промывали, смазывали жгучим йодом или зелёной. Заснула, а проснулась, и - первое, что ей мама сказала: «Теперь можешь бегать по тропинке просеки, сколько хочешь, и не упадёшь: папа, пока ты спала, все корни выкорчевал».

Мамин голос лечил, врачевал. Он был не просто ласковый. А какой-то глядящий тебя по голове, окутывающий просыпающейся в

тебе радостью жизни, перевешивающий и изгоняющий страх, примиряющий тебя с миром, со всем, что случилось...

Так было и в детстве. Наступила тёмная, неприветливая осень с дождями, с непроглядными ночами. Мы спим на своих кушетках, окно наглухо закрыто плотными шторами. Будильник уже прозвенел. Надо идти в школу. Но встать не хочется: вылезать из-под тёплого одеяла, где можно свернуться в тёплый клубок... И вдруг в комнату быстро, легко входит мама в длинном запахнутом халате, с заплетённой косой вокруг головы, как короной. Она решительно подходит к окну и раздвигает штору со своей молитвой: «Солнышко, вставай скорее! Помоги моим детям подняться, в школу пойти!»

Она учила нас самому, казалось, простому: «Солнышко никуда не делось, оно и за тучами светит!»

Отец иногда очень надолго уезжал, и очень скоро приходила телеграмма: «Вылетай. Без тебя не могу».

Надо сказать о стихотворении «Молитва матери». Это не о папиной матери - нашей бабушке. Это он с нашей мамы списал, но в атеистическое время о религии нельзя было говорить, и Яшину легче было, удобнее главным героем стихотворения сделать неграмотную деревенскую старушку. «Молитва матери» - это о нашей маме; это её мольба к Божией Матери с просьбой дать ей любви, что ей очень много надо любви, чтобы хватило на всю семью: на мужа, на сына, на дочь свою... Это она молилась о своей семье, а вместе с ней и наш папа. А она всегда была рядом.

Начинается стихотворение так: «В комнате матери нет иконы...» Но икона всегда у нас стояла на серванте в большой комнате - общей. Смоленский образ Божией Матери. Мы росли с ней. Ликеё, удивительный взгляд полон теплоты, участия и доверчивости. У папы в дневнике записан разговор с младшим сыном:

«Миша спрашивает, показывая на икону в золотой ризе:

- Папа, откуда у тебя такой портрет?

- Мама дала. А ты знаешь, кто на этом портрете?

- Царевна⁶».

Уезжая, родители всегда присылали нам письма, даже в детский сад, и от нас тоже всегда ждали. Папа был выдумщик. Однажды он прислал мне из Гагр письмо на листке фикуса. И марка была приклеена, и печать поставлена. И как это он уговорил работника почты принять такое письмо... Сохранить этот лист не удалось - рассыпался...

Мне не было ещё девяти лет, когда появился в доме наш маленький братик, которому долго выбирали имя и, наконец, назвали Михаилом. Он поселился в железной кровати с натянутыми сетками по бокам, и мы с благоговением разглядывали его.

Когда Мише было около месяца, уже вечером папа вдруг позвал меня к себе в кабинет. Он сидел за столом, но уже ничего не писал, хотя ручка лежала на бумаге. Я встала около его кресла и слушала, что он мне говорит: «Посмотри почту, нет ли там чего, письма какого-нибудь». - «Папа, я только что смотрела почту - там ничего нет - пусто». - «А ты ещё раз проверь», - хитро и как-то весело посоветовал мне отец...

В то время почтовые ящики висели на входной двери каждой квартиры. Почта была утренняя и вечерняя и всегда точно приходила в одно и то же время. Выйдешь за дверь, и через круглые отверстия внизу видно, есть там что-то или нет. ...

И вот я, подчиняясь настойчивости папы, открыла дверь на лестницу и через глазочки ящика увидела, что там что-то есть. «Надо же, - удивилась, - кто-то прислал или принёс что-то». Открытка была репродукцией известной картины Решетнико-

⁶ Это икона - благословение З.К. её крёстной Ксении Анатольевны Половцевой, внучатой племянницы П.А. Кропоткина. Этой иконой маму и папу благословила на брак наша бабушка Екатерина Георгиевна Ростовская.

ва «Прибыл на каникулы». На ней изображён был суворовец, отдающий честь своему деду, радостно встречавшему его... Вернувшись в дом, прочитала, что это мне. Твёрдым папиным красивейшим почерком: «Лаврушинский пер., д. 17, кв. 102, Яшиной Наташеньке».

А рядом крупными корявыми буквами с ошибками такие слова: «Дарагая мая Наташа! Я тибя очинь люплю и абажаю. А ты миня люпишь? Твой (б зачёркнуто) прат МИША ЯШИН. Прости ищё плоха пишу. 27XI- 53 г.» Неграмотно, но смысл всего был понятен. Непонятно было только, почему это от братика Миши. Вон он лежит, запелёнутый. А письмо уже написал.

Я его всю жизнь хранила в папиросной бумаге, как сокровище. Папа уверял, что это письмо от Миши. Я, конечно, не верила, но и странно - сомневалась. Вот так он нас связывал друг с другом с самого начала общей любовью: его и нашей.

Кроме писем, папа всегда оставлял записки, так как вставал по крестьянской привычке рано: «ДОБРОЕ УТРО, НАША ЛЮБИМАЯ МАМА, вставай с лёгкой ноги. Целуем тебя. Папа, Наташа, Злата, Саша 21/VI-1950 г.»

Везде, во всём - его любовь, иногда скрытая. Как Передреев написал о Яшине главное: «Какая вами двигала любовь!»

К 800-летию Вологды Яшин издал книжку: «Тебе, любимая!» Любимая Вологда! А книгу «Босиком по земле» посвятил Бобришному Угору. И сколько таких строчек признаний у него:

*Я давно на родине не был
Много в сердце скопил тоски.*

*Далёко где-то зацвели рябины
За Вологдой, а мне покоя нет.*

...Детство и папино, и мамино было сиротским. Мама писала, что просыпаться голыми они уже привыкли и дальше столько пережили. Спасло то, что в детский дом попала.

• К 110-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА ЯШИНА

Александр Яковлевич и Злата Константиновна Яшины

У отца ещё хуже было. Один в городе, питался только сухими ковригами да мороженой картошкой, заболел туберкулёзом. В педтехникум пришлось экзамены сдавать босым. Но вспоминал всегда только с любовью всё. И писал о своих краях, людях, лесах, как о сказочном заповеднике:

«Вероятно, для каждого любимые с детства места представляются неповторимыми. Но думается, что в отношении наших вологодских и архангельских лесов это не просто игра воображения. Таинственные волокна, медвежьи буераки, жизнь среди охотников и звероловов таили в себе для детского возраста столько прелести, что, может быть, поэтому я склонен вспоминать из той поры больше хорошее, чем плохое и жестокое.

Летними вечерами в мою родную деревню нередко вместе с коровами заходили с выгона лоси. И, кажется, нигде на свете не было такого множества грибов, ягод и таких прозрачных родников с живой водой (конечно с живой!), как у нас.

Новое и старое, самобытное, как бы сплелось у нас в затейливые кружевные узоры. Рядом с колхозными электростанциями стоят ещё деревянные шатровые церкви, а в Тарногском районе женщины и по сей день носят расшитые бисером кокошники.

К северу от Вологды что ни район, то свой особый говорок.

Поныне живёт в наших местах неистребимая любовь к былинам и сказкам. В полях, на дальних сенокосах, в охотничьих избушках и на лесославе - нигде отдых не проходит без сказок».

У отца детство было деревенским, у нас - городским. Нам он говорил: «Я - крестьянин. А вы уже дети интеллигента». В своём замечательном рассказе «Угощаю рябиной» он писал: «... всё-таки мне почему-то жаль иногда своих детей. Жаль, что они, городские, меньше общаются с природой, с деревней, чем мне хотелось бы. Они, вероятно, что-то теряют из-за этого, что-то неуловимое, хорошее проходит мимо их души.

Мне думается, что жизнь заодно с природой, любовное участие в её трудах и преобразованиях делают человека проще, мягче и добрее. Я не знаю другого рабочего места, кроме земли, которое бы так облагораживало и умиротворяло человека».

И вот ещё запись из дневника Александра Яшина - как завещание поэта, писателя, только что прошедшего войну; написано в 1946 году, но звучит и сейчас для нас: «Удивительное, окрыляющее душу чувство любви к родной земле, страстное желание ей добра, силы, изобилия, славы порой захватывает меня всего. Хочу всем и каждому из нас счастья, успехов в работе, долгих лет жизни. И ещё хочу, чтобы ощущение радости и какого-то полёта души было доступно каждому человеку, чтобы каждый хоть раз в своей жизни испытал это благородное слияние всего себя с Родиной нашей и уже никогда больше не забывал бы этого животворящего очистительного святого чувства».

Наталья ЯШИНА

Из письма Злате Константиновне Яшиной
поэта Александра Александровича Романова, многолетнего
руководителя Вологодской писательской организации

...Иной раз задумаюсь о своей литературной судьбе (да и не только литературной) - и сразу же первее всех вижу Яшина... С него у нас, в Вологде, всё начиналось, потом вокруг него все сходилось - и наши первые литературные шаги, и наши первые успехи. Сам он бывал в Вологде все-таки наездами, а ощущение было такое, что он всегда рядом. И это постоянное ощущение его присутствия удесятерило силы каждого из нас, вологжан, и заставляло относиться к себе, к своей работе строго и взыскательно.

Вот кое-кто спрашивает: почему именно в Вологде столь высокий уровень литературного понимания и дела? Да потому, что с самого начала, еще с сороковых годов, Александр Яшин первый поднял «планку» для литературных дебютов так высоко, что она оказалась не на периферийном, провинциальном, а сразу на столичном уровне, без всяких скидок. И сам являл пример такой высоты, и только с такой высоты смотрел и на нас, еще совсем зеленых, не жалея своих сил, своего времени, чтобы то одного, то другого поддержать «на лету», помочь подтянуться к той высокой «планке», и если кому-нибудь из нас (С. Викулову, В. Белову, Н. Рубцову, В. Коротаеву, ну и мне, медленному) удавалось это сделать - как он радовался, гордился, и всё - с самым искренним бескорытием, какое ныне уже редкость... Да что говорить - Вы все это знаете лучше меня...

Милая Злата Константиновна, я это все еще раз хочу сказать именно Вам, жене и другу Александра Яковлевича, чтоб Вы всегда знали, что мы - тоже от Яшина, что в нас в меру способностей каждого много Яшинского, совестливого, честного, серьезного и тревожного, что и делает человека писателем. А от нас все это идет к другим, ныне еще молодым ребятам - и, значит, живо в жизни то давнее ощущение строгого и взыскательного Яшинского присутствия, значит, он - с нами и будет он долго-долго и после нас...

А. РОМАНОВ

Александр Романов, Александр Яшин, Василий Белов

Гости из Вологды на родине Александра Яшина

Запасаемся светом...

*Всех увидеть,
Обо всём расспросить,
Полям пройтись, поздороваться с лугом!..
Не разучился ль траву косить?
Не разучился ль ходить за плугом?..*

Александр Яшин

Отшумела, отплясала и отпела XXIII Межрегиональная Никольская-Ильинская ярмарка. В этом году торжище было посвящено 110-летию со дня рождения Александра Яшина. Как тут не позавидовать никольчанам, которые ежегодно, в последние дни июля, собираясь со всех городов и весей нашей державы, устремляются на свою малую родину, испытывают это острое чувство народного единения. Невольно вспоминаются слова знаменитого земляка: «И ещё хочу, чтобы каждый хоть раз в своей жизни испытал это благородное слияние всего себя с Родиной нашей

и уже никогда больше не забывал бы этого животворящего очистительного святого чувства».

Ещё в Вологде, ранним утром 28 июля, встречая только что прибывшую из Москвы делегацию Союза писателей России, я постоянно выхватывал взглядом таблички на лобовом стекле многих автобусов: «Никольск», «на Никольск», «в Никольск»...

Руководимые и направляемые заботливой рукой директора Вологодской областной универсальной научной библиотеки Татьяны Николаевны Буханцевой,

мы, писатели-вологжане, со столичными гостями юбилейных торжеств: председателем Союза писателей России Николаем Фёдоровичем Ивановым, первым секретарём Союза писателей России Геннадием Викторовичем Ивановым, заместителем председателя правления Союза писателей России, главным редактором сайта «Российский писатель» Николаем Ивановичем Дорошенко и председателем совета по поэзии нашего союза Виктором Фёдоровичем Кирюшиным - устремились на Никольск.

Город встретил тёплым солнечным днём и гулом вавилонского столпотворения. Одежда, обувь, хозяйственные товары, деликатесы национальных кухонь, изделия народных промыслов...

Заливались гармошки. В гул много тысячной толпы врывается задорная никольская частушка... Невольно пришло в голову пушкинское: «Здесь русский дух!.. Здесь Русью пахнет...»

Ну, а мы, писательская братия, устремились, прежде всего, к святым для нас местам: на родину Александра Яшина, деревню Блудново и к месту его упокоения - на Бобришный Угор. У могилы прославленного земляка сказал добрые слова председатель Вологодской писательской организации Михаил Карачёв, прочитал свои стихи Юрий Максин, возложили корзину цветов москвичи. Дом поэта встретил нас приятной прохладой скромного деревенского быта.

Пообедав, мы переместились в центральную районную библиотеку им Г. Н. Потанина, где с успехом прошла презентация издания книги из серии «Для семейного чтения» Вологодской областной библиотеки «Сладкий остров». Над изданием работал коллектив библиотеки. Книга издана при поддержке департамента культуры области. В сборник вошли прозаические и поэтические произведения Александра Яшина. Трогательно и проникновенно

написана вступительная статья о родителях, семье и родном доме дочерью писателя - Наталией Александровной. Никольчане и гости в теплой и доброжелательной обстановке вспомнили биографию и творчество Александра Яковлевича. Сотрудники областной библиотеки рассказали о том, как проходила работа над новым изданием. На мероприятии прозвучали песни на стихи Александра Яшина в исполнении Владимира Сергеева.

В день же торжественного открытия ярмарки на главной сцене выступили почётные гости праздника и сказал своё напутственное слово наш Дед Мороз. Душевно и удивительно свежо прозвучала плясовая «Гули-гули», поставленная хореографом Еленой Николаевной Красиковой.

Группа писателей, возглавляемая Александром Цыгановым, навестила нашего замечательного товарища по перу Василия Михайловича Мишенева.

Позднее я вручил главе администрации Никольского муниципального района Вячеславу Васильевичу Панову фотографию макета памятника первому военному Никольска - маршалу Ивану Степановичу Коневу с дарственной надписью скульптора Александра Шебунина. Мне, как и многим никольчанам, конечно же, хотелось, чтобы в городе было достойно увековечено имя прославленного военачальника. И, желательно, к приближающемуся 80-летию Великой Победы...

Далее любители художественного слова переместились в городской парк, где в полдень начался литературный праздник «...Родина моя, родина моих стихов». Как всегда, ярко и образно выступил Николай Иванов, процитировав нашего великого классика: «числюсь по России...». Нашли отклик в сердцах слушателей стихи Геннадия Иванова и Виктора Кирюшина. Николай Дорошенко подчеркнул роль земли вологодской как родины литературных талантов. Писателей-вологжан представ-

• К 110-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА ЯШИНА

лял Михаил Карачёв. Геннадий Сазонов познакомил литературную общественность со свежим номером литературно-художественного журнала «Берега», где опубликована его статья «Родина - это люди», посвященная яшинскому юбилею. Нелли Нащёкина прочитала отрывок интервью, данного ей участником специальной военной операции. Юрий Максин познакомил с новыми стихами. Я же, приветствуя земляков, процитировал моего деда, Михаила Ильича Собакина, чей прах лежит у красивейшего храма - церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы, что напротив Байдарова: «Эту землю никогда не топтала нога захватчика!». И закончил краткое выступление своим признанием:

*Я в никольские просторы
Упаду, заруюсь в лён.
Я в никольские угоры
С детства раннего влюблен.
Только здесь, в ночной беседе
Об укусах и жнивье,
В засыпающем соседе
Дед привидится вдруг мне.
Сосен вспыхнут перелески,
Нежно выплывет заря.
Стихнут в жбане пива всплески.
Стихнет всё... и ты... и я...*

Как всегда, когда бываешь в гуще событий, время пролетает быстро. Завершилось наше пребывание в одной из столиц Поюжья. Конечно же, хотелось упомянуть всех, с кем свела судьба в эти июльские дни, чьими трудами и заботами пронизана была вся атмосфера праздника. Это заместитель главы администрации Никольского муниципального района по социальной работе Елена Сергеевна Игумнова, начальник районного управления культуры Наталья Васильевна Бушманова, директор информационно-методического центра культуры и туризма Светлана Геннадьевна Лагутина, замечательный экс-

Михаил Карачёв на Бобришном Угоре

курсовод Наталья Александровна Павлова, фотолетописцы нашего пребывания Елена Николаевна Цыпышева и Ольга Владимировна Рыкова. Это и сотрудники всё той же центральной районной библиотеки, приютившие нас, вымокших под дождём, и напоившие чаем с выпечкой.

...Одно из лучших стихотворений Александра Яковлевича Яшина называется «Запасаемся светом»... Вот и мы, уезжая, запаслись благодатным светом гостеприимной никольской земли...

Сергей СОЗИН,

*поэт, член правления Вологодской
писательской организации*

Редакция благодарит сотрудников информационно-методического центра культуры и туризма Никольского муниципального района и центральной районной библиотеки им Г. Н. Потанина за любезно предоставленные фотоматериалы.

Инна
Никитина

Инга Александровна Никитина (девичья фамилия Чурбанова) родилась в Вологде. Окончила школу с золотой медалью, затем Вологодское музыкальное училище (специальность «теория музыки и фортепиано») и филологический факультет Вологодского педагогического института с отличием. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей России. «Вологодский ЛАД» не раз публиковал стихи Инги Чурбановой.

Гербарий

*Льжи у печки стоят,
Гаснет закат за горой
Месяц кончается март,
Скоро нам ехать домой.
Юрий Визбор
«Домбайский вальс»*

* * *

*Льжи у печки стоят
Средь чугунов и кастрюль, -
Вот и закончился март,
Вот и начался июль.*

*Что они, льжи, стоят?
Вынести. Бросить. Забыть.
Жалко, закончился март, -
Сказка разбилась о быт!*

*Кончен Снегурочки сон, -
Лели поют, Мизгири.
Дразнят: «Пора из лесов,
Только смотри не сгори!»*

*Жарит июль и цветет, -
Скачет, поёт и жуужжит.
Всё-таки сладок и мёд! -
Лето, а хочется жить!*

*Лето, и хочется цвeсть -
В холод ли, в дым ли-пожар,
Но
Ландыша добрая весть
Снежным - ох, нехороша!*

*...Льжи у печки стоят:
Хочешь - надень и лети!
Девочки, кончился март.
Мальчики, всё впереди!*

* * *

*Пепел тёпл, угли горячи:
Домик дров был сух и ловко сложен.
...Я хочу согреться у Печи,
Но она согреть меня не может.*

Пыл вполсилы - не нарочно, нет:
Воздух волгл, от солнца мало проку...
Лишь сухой подсолнух прошлых лет
С потолка глядит, повешен
сохнуть...

А огонь плясал и жар метал,
В купол бился и трещал поленем.
Танцевал! Но холода метал
Не готов к лиеню и плавлению, -

Он забился в щели и шестки,
В чугуны ушёл, в серпы и грабли,
В родника подземные пески,
В кочевую стаю зимних зябликов.

В глуби глин, тугих и голубых,
В корни умирающих черёмух,
В короба нарядов, лет былых,
В воскресений ворохи прощёных.

В волны вод апрелей снеговых,
В насты марта, февраля метели,
Где уже не можно ни любить,
Ни жалеть, что птицы улетели.

Но весной - вновь зяблик!
Печь топя -
Я его увидела! С надеждой -
Кину сверху зимнюю одежду:
- Грейся, Печка! около тебя
Словно зяблик летний,
стану прежней!

Лет минувших дым - гони, гони!
Вот уже тепло твоё ловлю я, -
Пусть купальниц жёлтые огни
Снова смоят зарево июля,

Пусть неодолимый водолей
Луг зальёт, а выросшие травы
Лютый лютик памяти моей,
Отцветая, большие не отравит.

Пусть запыляет иван-чай
И зажжёт поляны красный клевер,

Ночь придёт, густа и горяча, -
Вот уже пришла! А зяблик верил...

* * *

Мою черёмуху срубили:
На мёд её уж не летит
Ни страстный жужел, ни обильный
Отряд шмелей, ни злой москит.

ТЛЯтворный дух её предсмертный
Ещё виётся надо мной,
А ствол уже влечётся, бедный,
В помой, закончив путь земной.

И тополя трепещут следом,
Поскольку скоро им - туда ж:
Предусмотрительным соседом
Владеет праведный кураж.

Он очищает, защищает,
Предотвращает и трещит,
Что мерзки тли и пуха шали,
Что рубка - наш надёжный щит!

...О сколько ест деревьев чудных
Тля - о-ля-ля! Но дождь, ветра
Омыли б, высушив, врачуя,
Очистив холодом утрат,

И ствол - всё был бы тонкостроен,
А ветви - гибки и черны.
Они чего-нибудь да стоят
В трущобах города чумных!

...Моя рябина, опасаясь,
Почти листом не шевелит.
Кустом дрожит сирень косая -
Неровен куст, невзрачен вид.

У них ни сада и ни тына
Чужого города среди...
И всё же, тонкая рябина, -
Цвети, безумная, цвети!..

* * *

Рву молодую крапиву,
Чаю успеть до плода. -
Даже крапива красива,
Если ещё молода!

Даже крапива желанна,
Даже крапива нежна,
А процветет - и не жалко,
И - никому не нужна.

- Что, застарела? Успела?
Тёмная, жесткая стать!
Сине-зелёная спелость
Жгучего, в зубчик, листа.

Мимо неюности, мимо!
Пользы увял витамин!
Ты опоздала, крапива,
В кухонный-банный промин!

Ввысь - и уже негустая,
Стебели трудно сминать,
Рвать или резать - устанут.
А семена, семена -

Лишние! Им - торопливо -
В землю предзимнюю - пасть...
Заросли старой крапивы -
Жгутся... Последняя страсть!

ШМЕЛЬ

Иногда нужно просто выжить
Без претензий на правоту. -
Петь, смеяться. Ходить на лыжах
С карамелинкою во рту.

Иногда нужно просто вспомнить
Нежность сфанума, смог болот
И шмеля-мохнача упорный
Над багульниками полёт.

И ведёрка морошки тяжесть,
И морошки в ведёрке цвет...

... Остальное - уже не важно:
Шмель, и лето, и смерти - нет!

(2017)

* * *

Всё будет, как быть положено:
Не в молодости, так в старости.
... Трава умирать накошена,
А пахнет - медовой радостью.

Цветами и сладким запахом -
Уйти не спеши! - приковыывает!
... Пока росла - жгла, царапала,
А скошена - лежит шёлковая...

Играючи ноги трогает,
И гладит, и шепчет ласково...
Пока росла - была горькая,
Скосили - и стала сладкая!

Скосили - и стала лёгкая,
Как в самой далёкой младости...
... Трава умирать накошена,
А пахнет - медовой радостью!

АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК (В пятьдесят. Юбилейное)

Теперь хотеть не цветочек аленький,
Не яблочко наливное, -
Избушку на курьих,
И ступу ладную,
И - веник. Метлу

то есть.

Теперь - палисадник обтыкать колыями,
На них - черепа бывших
Врагов,
друзей,

любимых,
поклонников...

Не всех. Но нескольких - вышло бы.

Минюя угоды, - поля-огородья, -

Позволить себе

уйти в леса.

Оставив парков осенних подиум -

Пойти
на диких птиц голоса.
И снова учуять, как пахнет лесом, -
Смольём, комарьём, поганками, -
И снова услышать, как бьется сердце,
Когда над бором
вброды гаркают.
Опять нырнуть в платок,
как в палатку,

В рюкзак горбом,
В сапоги резиновые.
Увидеть, как выросли ёлки-палки,
Но небо над ними - всё синее.
И выросли сосны, и бор не прибран,
И все лесники - уволены.
Но звёзды - всё звёзды. Созвездие
Рыбы
Плывёт и гаснет
над изголовьем.

...Теперь хотеть не цветочек аленький,
Теперь и беленький чаять сложно.
Зато теперь можно жить,
как маленькая, -
Ничего для любви не делать нарочно.

Разве что выкрасить Курьи Ножки,
Кашу сварганить
Гусям-
лбедям.
Иль наточить топоры и ножки,
Чтобы боялись всякие нелюди.

...Сказки раскраска пуста и невинна,
Словно цвета обнулились до красного.
Кажется, «50» -
чего-то там половина?
Вот и прекрасно, вот и прекрасно!

* * *

Но пруд уже застыл...
А. С. Пушкин

Седьмое августа, и бабочки в стекло,
Поймав поток, летят неотвратимо.

Еще не холодно. Еще почти тепло.
Но лето пёстрое, смеясь,
стремится мимо.

Еще не холодно. Но плёс уже заснул.
Два дня назад над ним кричали дети,
Собака бегала, рыбак кидал блесну,
И никому не думалось о смерти. -

Гудел комар, и солнышко цвело,
И холодность воды не огорчала,
И иван-чай, неистово лилов,
На берегу качался величаво.

О август радостный, о бабочки в цвету!
Ваш яркий танец смертно непорочен!
А лето пёстрое застыло на мосту,
И в воду смотрится, и уходит
не хочет.

ПЛАЧ ПО ПЕСКУ

Белый-пребелый песок-
Соль преглубокой реки,-
Берег над белым высок,
И облака высоки.

Солнце недаром пекло, -
Высохло холодное дно!
Дюнами складно легло, -
Белое, как полотно.

Тёпл и нежен песок,
Ветром оваян живым,
Только на нём не растёт
Ни камыша, ни травы.

Ни репья, ни цветов,
Ни ивняка, ни ольхи -
Белый-пребелый песок,
Дно преглубокой реки!

Ты ещё - нет, не земля,
Ты уже - нет, не река,
Рано тебя заселять,
Поздно рекой нарекать!

Белый-пребелый песок,
Лето недолгое дли!
Дна корабельного соль -
Жги, и слепи, и мани!

Только и есть у тебя -
Лета короткого всплеск,
Древнего тень корабля,
Дальнего берега лес.

Только и есть у меня -
Имя холодной реки,
Стон теплохода, маяк
Бакен и чайчий крик...

Словно тебя я кусок -
Дна, пустоты и вины -
Белый-пребелый песок,
Дно обнажённой Двины.

Словно кусок, да не тот!
Словно цветок, да не мил...
Скоро ль - песок зацветёт,
Лес над рекой изумив?

* * *

Колокольчики мои, цветики степные,
Что смотрите на меня, темно-голубые?
Бабушка - из А. К. Толстого

В пять с половиною недосыгаемо
Бус ожерелье - копи не копи.
В старом селю я учусь выцыганивать:
«Бабушка, бабушка, буски купи!»

Полно на полках и ткани, и кружева,
Чайники, чашки, тетрадки и клей,
Спицы вязальные, снасти для ужения,
Пуговки, тапки, собачка в стекле...

Вечные копи цветков Соломоновы, -
Ленты, венки и кладбищенский плен,-
Мыловы запахи, одеколоновы -
«Саша», «Тройной», треугольный
«Кармен»...

Бусы стеклянные, серьги наивные,
Радуга неопалимых купин!
«Бабушка, бусы хорошие, длинные -
Хватит надолго. На вырост - купи!»

Бусы горят - голубые, голубые,
Мама не купит, а папа - тем пач.
Бабушке тяжело. В ладонь её грубую
Падают бусы: «Купила. Не плачь».

Счастье запретное, счастье цыганское
Семенем пало, цветком проросло.
Бабушки полумонашее царствие
Не посчитало те бусики злом!

Бусы баские - а нет, не обидели
Черный пиджак, сапоги и платок.
Бабушка - Царь. Не в угоду родителям
Радость. Мы - гордые обе. А то!

Шею объяли цветные, опасные -
Песнями, шальями... Но не жалей,
Бабушка! Тёмных одежд твоих
праздником
Бусы те светятся в жизни моей!

То, что не спето тобой и не сплясано,
Что не взлелеяно, что не цвело -
В бусинок нитку голубую связано
И - из ладони - в мою утекло.

Ах, голубые лета незабудные!
Цветиков диких степных перезвон!
Что вы смотрите на Бабушку, глупые,
Что вы навяли ей перед сном?

Звонами тех колокольчиков
скрытыми,
Рожью забытой, где глубь васильков,
Бусами, чётками, снегом. Молитвою -
Бабушки память. Во веки веков.

***

В сухом снегу утоплены могилы, -
Такая стынь, такая бель и вьюжь!

Так, пред младенцем кружево раскинув,
Младенца топят в пене белых рюш.

Младенца топят в первом
                                белом платье,
И первый чепчик - тоже мил и бел,
Как молока уроненная капля,
Когда младенец грудь не захотел.

Всё в молоке - и первом, и последнем.
И млечный путь, и мрачный
                                путь домой,
Где мамин дом, и даже дом соседний -
Бегут и плачут, белые, за мной.

И я бегу от них, осиротелых,
Чтоб отдохнуть на кладбище лесном,
Где тень креста, что вышита
                                на белом,
И роз тела, что вытают весной.

СНЫТЬ

Еще под снегами лесная земля,
Еще под снегами.
А воды, смущённо поля веселя.
Несутся лугами

К реке, и не можно бродить
                                по полям,
Мечтая о лесе,
И зябко ночами гусям-лебедям...
А снить - уже лезет!

Ещё мимо берега льдины плывут,
Кусты затопило,
А снить уже - снить уже -
                                снить уже тут:
Взошла торопливо!

И знать не желает
                                настырная снить,
Что будут зазимки,
Что снег понесётся, что ветер
                                зашумит,
Озябнут осинки,

Что вербы нахохлятся в голом лесу,
Осыплются ольхи,
Ведь снить - она чуёт:
Апрель на носу,
А март - на задворках!

И всё образуется: берег, трава,
Ковёр мать-и-мачех,
Старушек движенье, оранье орав,
Гулянье собачек...

«Всё стерпится-сбудется! -
                                думает снить, -
Не цас - так позднее!»
...Я тоже стараюсь в апреле не нить,
Я тоже, поддавшись обманам весны,
Как снить, зеленею!

ИЗ ДНЕВНИКА

Вкруг избы над глубоким оврагом
Я сама посадила цветы, -
И гуляю веселым варягом,
И смотрю в тот овраг с высоты.
Жаждой странствия - детской хворью -
Отболев, на судьбу не ропису:
На подворье ращу помидорье,
Огурцы на подворье ращу.
И среди ноготков и люпинов
Я сознанье, как утварь, леплю:
Я забыла, кого я любила,
И не знаю, кого люблюю.
Даже музыка - юность и небыль -
Каменеет, как сон черепах:
Мой Шопен теперь - в шепоте неба,
Старый Бах - в телеграфных столбах.
Мне теперь - привидения тише,
Земляной созидаю уют, -
Муравьи, легкотелье рикши,
О труде свои песни поют.
...Над безмолвной избой, над оврагом
Вертолет стрекозы дребезжит...
А оврагом, как тайная влага,
В Океан мое Время бежит...

Евгений
Некрасов

Евгений Викторович Некрасов много лет руководил лучшими газетами Вологодчины: в семидесятые годы - «Вологодским комсомольцем», с 1991 по 2005 год - «Красным Севером».

Был Евгений Некрасов и редактором нашего издания - когда это был журнал для семейного чтения и назывался «Ладом», издавал его «Красный Север». Выйдя на пенсию, заслуженный работник культуры России Е. В. Некрасов издал более десяти поэтических сборников, не раз его стихи публиковались в «Вологодском ЛАДЕ».

Я больше жизни жизнь люблю

***

*Свежо и ясно.
День осенний
раскинул крылья
над землёй.
И журавлиный клин
последний
на небе плещется волной.*

*Опали листья.
Клёны грустно
ветвями голыми стучат.
На грядке кочаны капусты
одни - не убраны - стоят.
Наносим дров,
натопим печи.
Наварим из капусты щей.*

*Их аромат -
привычный, вечный -
рванётся изо всех щелей!*

*Он оживит избу отраднo,
придаст уютa и теплa -
раздорам лучшaя преградa,
душистый оберег от злa...*

***

*Сонно дышит река...
Ветерок к щёкам льнёт...
Льнёт туман
к берегам...
Солнце тихо встаёт...*

Мне бы
тополем стать!
Звонкостволою сосной.
Или чайкой летать
над родной стороной!..

Вольно в небе
парить!
Воздух сладко
вдыхать.
О заботах забыть.
И печали не знать.

О былом не жалеть.
Не страдать.
Не тужить.
Как уж сложится -
петь.
Как получится -
жить...

* * *

Слеза души
нередко закипает
в груди моей,
незримая другими.
И светлой грусти
волны наплывают,
и чувства
пробуждаются святые -
любви,
восторга жизнью...

И желанье
счастливым сделать
ближнего кого-то.
Отвлечь
от горьких мыслей
состраданьем.
Согреть участием,
улыбкою,
заботой...

Людскому сердцу
тягостно без друга.

Мучительно
остаться одиноким.
Когда стучится в двери
только вьюга
и знаешь,
что до края недалёко...

* * *

Запахом бед
пропиталась Россия -
неистребимым,
как въедливый пот.
Что за злоеца
тёмная сила
славной державе
вздохнуть не даёт?

Сколько в разборках
погибло народу
в междоусобной
кровавой вражде
разнообразным подонкам
в угоду
и в беспросветной угастро
нужде...

Чем негодны
настолько мы Богу
что бережёт он
свою благодать?
Боже,
облегчи России дорогу.
Горько народу
невинно страдать!..

Дочке Наташе

***

Я не кричу.
Во мне кричит,
наружу рвётся
возмущенье,
когда меня
плыть по теченью
заставит трусость норовит.

Так проще, - говорит. -
Не рви
ты сердце
в тягостных сомненьях.
Закрой глаза
и знай пльви,
отдайся прихоти теченья.
И не страдай ты,
не борись.
Не мчись
наперекор стихии!..
Откуда только вы такие?!
Одна даётя
людям жизнь...

Одна...
И я по ней иду,
собою часто недовольный...
Взрывной.
Ранимый.
Беспокойный...
Но с совестью
своей в ладу...

***

Если горя хлебнул
хоть немного -
восприимчивей станет
душа.
И утоптанней
жизни дорога -
хоть бежишь,
хоть идёшь не спеша.

Отнесёшься понятливей
к людям,
беды легче
начнёшь принимать.
В заморочках
и тягостях буден
предпочтёшь
о лишеньях молчать.

И судьбе
попридержишь укоры:

не дано
её прихоти знать,
бесполезно вступать
с нею в споры -
не сестра,
не жена
и не мать...

Осмотрительней будешь,
мудрее,
довелось если
горя хлебнуть...

И на свет белый
взглянешь трезвее -
не безоблачен
жизненный путь...

* * *

Ощущение
жизни начала,
силы солнечной,
воли в груди!
Лодка с парусом
ждёт у причала.
Половодье надежд впереди.

Подниму парус
девственно-белый.
Ветер яростный в снасти впрягу.
И рванусь в неизвестное
смело,
лет обузу
стряхнув на бегу!

***

Орлан над рощею
кружится,
раскинув крылья величаво.
В нём сила грозная
таится.
За ним -
бесстрашной птицы
слава.

*Владыкою неоспоримым
он над округою
царит.*

*Никто
незримой тенью мимо
не пролетит,
не пробежит...*

*Ему,
крылатому,
подвластен
простор бескрайний
поднебесный...*

*Кто осознал полёта счастье,
тому земные рамки
тесны!*

• ИЗДАНО В ВОЛОГДЕ

Небесный почтальон со своим самоваром

В нынешнем году издательство «Родники» выпустило книгу Павла Широглазова «Небесный почтальон». Это уже четвертый сборник стихов поэта, живущего в Череповце. Читателям нашего журнала его стихи знакомы по публикациями прежних лет.

Павел - руководитель театра «Етишкина жизнь», член Союза писателей России (рекомендацию дала Ольга Фокина), член Российского фольклорного союза. С 2015 года сотрудничает с череповецким Рубцовским центром, с 2017 года руководит бродячим театром кукол «Етишкина жизнь». Поэт много гастролирует по стране; в нынешнем году объехал чуть не всю Вологодчину, выступал в ДНР и Москве, Санкт-Петербурге и на Ярославщине... На стихи Павла написано более семидесяти песен, самые известные - «Гуси-лебеди», «Душа моя - это колокол».

*Я из всех в мире слов выбираю свое:
Со своим самоваром надёжнее.*

Броско сказано, правда? Впрочем, свою песню в огромной русской поэтической семье пытается спеть каждый. Но ведь самостоятельность не означает отрицания всего, что сделано другими; и Павел признает своё внимание к творчеству Николая

Тряпкина и Николая Рубцова, Глеба Горбовского и Александра Башлачева... «Искать какое-то сходство, конкретные пересечения едва ли стоит, - замечает поэт и издатель из Рыбинска Сергей Хомутов. - Скорее всего, они родственны Широглазову обрванной и лексической свободой».

Самовар Павла Широглазова, закипая, попыхивает на свой лад. В нем чуткому уху можно уловить нотки, свойственные перечисленным поэтам, но ярче всего в стихах Павла Андреевича, конечно, скоморошьи черты. Да он это не то что не скрывает, а всячески подчеркивает:

*Гремите, бубны! Смейся, детвора!
Ругайся на руке моей, Петрушка!...*

Наверное, именно свобода высказывания привлекла к творчеству череповецкого поэта известного художника Никаса Сафронова, который предложил Павлу сделать иллюстрации к его будущей книге.

Геннадий Иванов

Геннадий Иванов родился в 1950 году в городе Бежецке Тверской области. Детство начиналось в деревне, в полях, в начальную школу ходил в бывший барский дом из имения Слепнёво, где когда-то жили и творили Николай Гумилёв и Анна Ахматова. Потом семья переехала в город Канда拉克шу, на Кольский полуостров, - там жили в бараке на берегу Белого моря, там окончил школу, оттуда уходил в армию, в арктическое плавание, там работал в районной газете и начал писать стихи. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор десяти книг стихов. Написал три книги очерков о своей малой родине «Знаменитые и известные бежечане». Лауреат нескольких литературных премий, в том числе премии Ф. И. Тютчева «Русский путь». Первый секретарь Союза писателей России. Живёт в Москве. «Вологодский ЛАД» публиковал стихи Геннадия Викторовича. В предисловии к книге поэта «Ликуй, душа!..», изданной редакционно-издательским домом «Русский писатель» в 2015 году, говорится: «Геннадий Иванов - поэт, безусловно, христианский, поэт православный, глядящий на мир и на человека в мире «духовными очами веры», впитавший в своём творчестве танже и на подсознательном, интуитивном уровне весь духовный и исторический опыт своего народа, отличавшегося в своём бытии, когда надо было - непреклонной стойкостью, когда надо - кротостью и смирением».

В небесах булыжные дороги...

* * *

* * *

*Встаёт мой дед и говорит: «А где Россия?»
Встаёт мой прадед - и опять: «А где Россия?»
И третий, и четвёртый: «Где Россия?»
«Россия где?» - мне предки говорят.
А я в ответ: «России больше нету».
А я в ответ: «Она осталась с вами».
А я в ответ: «Её уже не будет.
России нету места на земле».
И дед, и прадед, третий и четвёртый
Глядят в глаза мне. «Быть того не может!
Не может быть! Хоть что-нибудь осталось.
Ищите, мы поможем», - говорят.*

*Ни тропаря, ни кондака не зная,
Стою стыдливо, слушаю, молюсь.
Я за тебя молюсь, родная Русь.
Не может стать бесовскою святая.
Я за тебя молюсь, святая Русь.
За обновленье русского народа.
Пусть наносное сгинет, отпадёт,
Пусть сохранится в Боге наш народ,
Лукавого пускай не ищет брода...
Да сохранится в Боге наш народ.
Пускай его рассеются враги.
Прошу: «России, Боже, помоги».*

* * *

Поля зелёные, коричневые пашни,
В душе любовь и к небу, и к земле -
И оттого немного даже страшно,
Что ничего не надо больше мне.
Иду пешком из Ханина в Слепнёво,
Иду тележной узкой колеёй,
Я знаю жизнь и горькой, и суровой,
Но нынче это в недрах, под землёй.
Всё где-то там до времени таится
И жутко машет острою косою.
А здесь - ромашки, ветер на пшенице,
И я иду в рубашке и босой!..

* * *

Как мне нравится эта туча!
Как под нею темнеет лес...
Как прокатится гром трескучий...
Как приблизится молний блеск...
Сколько раз это видел-слышал,
А всё время как в первый раз...
Вот и ливень пошёл по крышам -
Красота!
Но бойцам сейчас,
Если дождь и они в окопах...
Нелегко бойцам, нелегко.
Не оставишь окопы скопом -
Враг - он рядом.
Недалеко.
18.08.23.

ПАМЯТИ МАГОМЕДА АХМЕДОВА

И самолёт кампании «Победа»,
И солнце светит, и земля в цвету!..
Но Дагестан уже без Магомеда
Меня встречает в аэропорту.
А без него не те уже и горы.
А без него не тот и разговор.
Не стало поэтической опоры
В Махачкале. Осиротел простор
В Хунзахе, и гора Седло в тумане...
И виды стали скучными в пути.
Тоска-печаль. Я говорю заранее:
Ты, Дагестан, печаль мою прости.
Он был достойный ученик Расула.

Расул в нём жил... И Пушкин жил, и Блок...
Он, мальчик из далёкого аула,
Постичь и выразить так много смог.
Он дружбу чтит. Да, он стремился к славе -
Он был поэт и был в своём он праве.
Он был порывист, но и мудрым был.
Да, он поэзию боготворил.
Терпеть не мог словесных проходимцев.
В Гунибе у аварцев был любимцем.
В Хунзахе тоже, и в Махачкале
Его стихи у многих на столе...
Конечно, жизнь - и радость, и победа.
Особенно когда земля в цвету!
Но Дагестан уже без Магомеда
Меня встречает в аэропорту.
29.08.23.

* * *

Кино-то кончилось, а уходить не хочется.
Ещё немного в кресле посижу...
Меня давно зовут уже по отчеству.
Я стар уже, понятно и ежу.
Но как-то вот живётся ещё, дышится.
Хотя смотрю всё чаще в небеса.
Пока оттуда ничего не слышится...
Я посижу немного.
Полчаса...
20.08.23.

* * *

Поля, поля, поля, поля, поля...
А над полями небо, небо, небо...
Земную жизнь ещё немного для,
Я вспомнил место, где давно я не был.
Дитя полей, но и небес дитя,
Я счастлив, что я был не обездолен,
И что по жизни медленно идя,
Всегда и небо видел я, и поле.
25.08.23

* * *

Моя любимая, родимая,
с которой шёл я по тропиночке, -
она теперь уже незримая...
Она была не половиночкой.
Она была мне всем единственным!
Она была мне полной чашею!
Она была мне всем таинственным!
Она была моей Наташею!

* * *

В небесах бульжные дороги:
Едет гром, колёсами стуча.
Тучи, словно горные отроги...
Вырубил свет, горит свеча.
Мир гремит - и небеса, и дали.
А во мне такая тишина...
Мы с тобой друг другу всё сказали,
Нам всё ясно.
Жди меня, жена.

* * *

Моя любимая, жена, моя хорошая,
Не под землю ты теперь. Не под порошею.
На этом кладбище не ты,
а только косточки,
А ты в далёком далеке... в небесной лодочке
Ты поплыла туда, туда, где все
встречаются,
Где всё любовь, где всё светло,
Все обнимаются...
На этом кладбище не ты,
а только меточка,
Что ты жила, что ты была,
как эта веточка,
Что над могилою висит и чуть
колышется.
Твоё согласие с судьбой мне с неба слышится.

* * *

На что бы ни смотрел,
заглядываю за...
За этот лес, за красоту земную.
В неведомое просятся глаза -
по красоте другой уже тоскую.
По красоте другой,
где ты теперь...
В краю высоком, для землян туманном.
Где только встречи и где нет потерь -
в краю высоком и обетованном.
13.07.23

ШЕФСКИЙ ДОМ

Шефский дом... Каланча пожарная...
Михалков, Распутин, Белов...
Это место не элитарное.
Здесь не любят лукавых слов.
«Дом колхозника наш» - любовно так
Лихоносов его назвал.
Так приветливо в этих комнатах.
Кто в них только не ночевал.
Снег пушистый идёт на улице,
Как в деревне какой-нибудь.
И писатель идёт - сутулится,
А придёт - и расправит грудь!
Дом писательский. Он с колоннами,
Он классичен и светел он.
За проёмами за оконными
Здесь нередок праздничный звон.
Я люблю вас, друзья-писатели.
Вам невесело в этот век.
И хулители, и созидатели,
Вы порой - как на голову снег.
Неожиданно налетаете -
И какие уж тут дела.
То стихами вы запытаете,
То застолим. Не со зла.
Шефский дом... Каланча пожарная...
Пусть и лет через пятьдесят
Торжествует здесь жизнь не бездарная
И таланты сюда спешат.
14.12.22.
Комсомольский пр., 13

* * *

Нужное не сложно.
Сложное не нужно.
Это непреложно.
Это не натужно.
Бабочки летают.
Цветики цветут.
Люди умирают...
А потом живут.

Марина Ерофеевская

Марина Викторовна Ерофеевская родилась в рабочем посёлке Урдома (Ленский район Архангельской области). Окончила в 2011 году Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова по специальности «менеджмент организации». Живёт в городе Корянжме. Печаталась в журналах «Вечерний Котлас», «Аврора», «День и Ночь», «Двина», «Дружба народов» и др. Финалист Международного литературного конкурса имени А. С. Пушкина «Лицей» (2023). Годом раньше участвовала в литературном семинаре молодых авторов в Вологде. В 2023 году стала также участницей семинара «Братья по духу» в Белозерске; два стихотворения Марины Ерофеевской были опубликованы в подборке произведений авторов белозерского семинара в номере «Вологодского ЛАДА» за 2023 год. Вот как отзывался эксперт «Лицея» Дмитрий Шеваров (кстати, тоже автор нашего журнала) о стихах Марины Ерофеевской: «Муза северной поэтессы очень сдержанна, совестлива, стыдлива. Эти черты, увы, не часто нынче встретишь и в людях, и в поэзии. Нет ничего более чуждого современной литературе, чем стыдливость. А вот Иннокентий Федорович Анненский в начале XX века говорил, что за стыдливостью - будущее нашей словесности... Истоки поэзии Марины Ерофеевской - в самом воздухе Русского Севера, в традициях словесности, украшениями которой стали Борис Шергин, Василий Белов, Николай Рубцов...»

Двадцать пятый кадр

ЦИКЛ СТИХОВ

***

*Я уловила двадцать пятый кадр, -
В нём солнце устремляется за МКАД,
Рисую лишь грейпфрутовый закат,
Как маки на фарфоровом сервизе.
И щурит глаз обманчиво галó,
Дворовый куст пострижен наголо,
Из всех его нерубленных голов
Болит одна. Он метеозависим.*

А за ночь много снега намело,

*Свистит снегирь в надежде на тепло,
В его груди ещё не спелый плод,
Уже почти сгорающий снаружи.
Но слышу я, как у него внутри
Поёт Господь, играет попурри.
На небе солнце делится на три.
А значит, скоро снова будет стужа.*

*И будут сёла, словно пустыри,
И кочегарка медленно курить,
Дворовый куст пострижен и побрит,
И до весны почти не узнаваем.*

Мы будем снова жить до декабря.
Так каждый год, и проще говоря,
Мы - лишь грейпфрут в груди у снегиря.
Десятки зим созреть не успеваем.

***

Ложился снег на талый наст,
Как птичья стая,
И мой бесформенный каркас
Со снегом таял.
Стоял ты с розою ветров -
Промокший, слабый.
К несчастью ли - с пустым ведром
Ты встретил бабу?
Глядел февраль, как хитрый лис,
На наши лица.
С тобой ветвями мы сплелись -
Не расцепиться.
Но понеслись наперебой
Синичьи трели,
Все молодели. Мы с тобой
Увы, старели.
В глаза, подобные углю,
Я всё глядела,
И повторяли мы: «Люблю!
Душой и телом!»
Но наступил дождливый март,
А дальше лето,
И крови требовал комар,
А нас уж нету...
Но был когда-то снег и наст.
В тот вечер хмурый
Снеговика лепили нас
С натуры.

***

Полярная ночь расставляет сети,
Интриги плетёт,
распускает сплетни.
Она в колыбели качает йети,
Но йети уже совершеннолетний.
А мозг его - словно орешек грецкий,
На севере, в принципе, то, что нужно.

Добыть бы огонь и скорей согреться,
А лучше умчаться на полюс Южный.

Где солнце, как будто большой
горчичник,
Под утро прилипнет на поясницу.
Побелены цветом - не снегом - вишни.
Полярная ночь никогда не снится.

Вот йети медведем бредёт по полю,
Опять собирает в костёр поленья,
Не зная, как холоден Южный полюс.
На сердце глобальное потепленье.

Наивный ребёнок в спасенье верит.
Зелёные сполохи светят ярко.
Ведь он человек, как другие звери.
У йети типичная биполярка.

***

Хомяка я в лесополосу
Хоронить в коробочке несу.
Весь мой мир подобен колесу,
Бег в котором тоже будет прерван.

Он пушист, на брюшке рыжина,
И ему плевать на времена.
Учит смерти вовсе не война,
А хомяк, тот самый-самый первый.

Доживать не хочется до ста,
И чем ближе к возрасту Христа,
Завести бы лучше мне кота,
Ведь давно уже не малолетка.

Жизнь - хрусталь, прозрачна и хрупка.
Вновь несу в коробке хомяка,
Он живой, живой, живой пока...
Для него моя готова клетка.

ФАНТОМНОЕ

Боль нарастает и ставит меня
на «стоп»,
Слева под рёбрами перегорают чип.

- Доктор, скорей доставайте
фонендоскоп!
Дайте таблетку, которая не горчит.

Доктор, пишите - симптомы
мои просты:
Руки немеют, и ток разрывает грудь,
Если гляжу на стоящие в ряд кресты,
Если гляжу на притоптанный
свежий грунт.

Если я вижу на мусорке чёрствый хлеб,
Мёртвую кошку и связку
бесценных книг.
Дом мой давно превратился
в закрытый склеп,
Имя моё превратилось в обычный ник.

Доктор, ответьте мне -
сколько осталось лет?
Что там внутри, отчего так
болит оно?
- Я удивлю вас, но нечему там болеть,
Даже душа ампутирована давно.

БЕРЕЗЕ

Отсырело лето, прошла страда,
Ты, берёзка, с осенью не в ладах,
Вся черна, худа и немолода,
Кожа одна да кости.
Ты в последний раз проводила птиц,
Участился тремор, упала ниц,
Замерла в реке головою вниз,
Мощи сложив на мостик.

И опять печалишься ты о том,
Что не быть бумажным тебе
листом,
Ни стеной не стать,
ни косым крестом
На городском погосте.
Сбросит берег тело с пологих плеч,
Кто-то скоро в доме затопит печь,
Соберёт останки и будет жечь
Кожу твою да кости.

НАШЕ МОРЕ

Наше море встречало нас -
Чёртов палец да рыбий глаз,
Плавники да акулий зуб,
Сети, пластик, бензин, мазут.

Между галькой стекло, стекло,
В изумруд превратив стекло,
Берега превратив в погост.
Море, море, верни нам хвост.

Не толкай нас волной назад,
Окуни нас в свой райский сад,
Дай нам пищи, вина, икры,
Золотых чудотворных рыб.

Но на сушу - грехи, слова
Изрыгает девятый вал.
Руки, ноги и прочий хлам
Наше море вернуло нам.

КОСТОЧКИ

Озеро перевёрнуто сверху вниз,
Белое, бесконечное. Медный лист
Щурится на воде, словно хитрый лис.
Сделай на память фото!
Каждый, кто видел свет, полюбил его,
Вышла из берегов холодная H₂O
Текстами, мыслью, мудростью вековой,
Кровью твоей и потом.
Озеро - это яблоко, посмотри!
Ты - сердцевина, косточка, мир внутри,
Там в глубине - вся суть! Зачерпни!
Бери!

Зрей урожай ради!
Корни твои выросли в Белозерский вал,
Листья твои пробилась едва-едва,
Глянь! Прорастают образы и слова
Прямо в твоей тетради.
Будут плоды, и будут они красны,
Будет зонтом белеть
под ногами снить,
Будут стихи, и вещими будут сны.
Сбудется встреча снова.

*Солнце впадает в озеро,
                                бьёт ключом,
Жадно кусаешь яблочко, сок течёт.
Я собрала все косточки в кулачок
И посадила слово.*

УРОЖАЙ

*Дни утекают по одному,
Видишь - сентябрь уже.
Город расписан под хохлому,
А небеса - под гжель.
Лузгает семечки в небе Бог,
Смотрит своё кино.
В каждом сюжете, само собой,
Скрыто двойное дно.*

*Вроде красиво, светло, тепло,
Только вот всё не то.
Делят последний созревший плод
Apple, Адам, Ньютон.
У коммунальной планеты - жор.
Кончился весь запас.
Смотрит голодным больным бомжом
На аппетитных нас.
Мы выживаем, горьки на вкус
В глотке и животе.
Только разбитый большой арбуз
Не соберёт костей.
Мякоть гниёт, и под роем мух
Красным блестит бетон.
Не понимаю я, по-че-му
Так ужасает он...*

Виктор учил быть счастливыми победителями

8 января 2024 года мы отметили 85-ю годовщину со дня рождения не только выдающегося русского поэта Виктора Коротая, но и моего отца.

От матери ребенок берет нежность, тепло, чувство гнезда, а отец, на мой взгляд, дает силу, ощущение свободы, способность преодолевать любые невзгоды, преодолевая усталость. Скажу высокопарно: ради жизни на Земле. Думаю, не переборщил... И отец успел мне дать эту сверхсилу, которую я с гордостью передаю по наследству.

А начиналось оно знаете с чего? Со стихотворения «Строгость».

*Мальчик,
А уже видна основа
Рассудительного мужика.
Нет, ты у меня не зацелован
И не заворкован ты пока.
Помню, дед мой, выростивший трудно
Четверых Мастеровых Солдат, -
Без особой заданности будто -
Был всегда
На ласку скуповат.
Даже бабке, что перед дорогой
Гладила да нежила сынков,
Замечал внушительно и строго:
«Ты не порть мне, матка, муж и ко в!»
Я и сам порою замечаю
Дедовскую струнку за собой,
С малых лет тебя не приучаю
К сладости
Да слабости любви.
Собственного сына не балуя,*

*Ты потом признаешься и мне:
«Были слишком редки поцелуи,
Потому и памятной
Втройне».*

Для больших дел нужны не только ноги, но и крылья.

• ПОЭТЫ НЕ УХОДЯТ

стики вместо хлеба. Им нужно было просто выжить.

А это самая сумасшедшая сила на свете - ВЫЖИТЬ. Чувствуете, если у нас забрать весь наш пресловутый комфорт, оставить гольшом на улице, как это тут же становится важнее важного - ВЫЖИТЬ?

Может, поэтому мой отец вынужден был вырастить те крылья слишком рано, до привычного нам совершеннолетия. В свои 18 он уже настоящий МУЖИК. Иначе нельзя - голодное время требует взять ответственность на себя, всю и сразу; превращение птенца в орла происходит почти мгновенно: семье нужна ГОЛОВА.

Прочувствуйте эти ранние строки.

МЛАДШЕМУ БРАТУ

*А было всё не так давно:
В хозяйстве даже нет обмылка,
Опять зашторено окно,*

*И на столе дрожит коптилка,
И «юнкерсь» не первый год
Крестами черными на небе,
И на растопку вновь идет
Отполированная мебель.
Соседка не встает с утра.
От горя выживет едва ли:
Ей похоронную вчера,
Уж третью, кажется, прислали.
Мать, видя, как я вдруг ослаб,
Косому спекулянту Глебу
Пальто отцовское снесла
За черствую буханку хлеба.
Но мы не раз голодным днем,
Свой шаг вливая в общий топот,
И в стужу шли и под дождем
За город, на рытье окопов.
Киркой орудовали зло,
Мальчишки, надрывая жилы.*

*...Тебе вот слушать тяжело.
А мы всё это пережили.*

Вадим Кожинов, Виктор Коротаяев, Станислав Кунев, Роберт Балакшин. Тотма, 1987 год.

Николай Рубцов и Виктор Коротаев.

III

Заметим, что именно искренность у Виктора Коротаева сродни покаянию, и она снова дает ему невероятную силу. А для чего? Для того, чтобы вновь встать на крыло и взмыть под солнце.

Кстати, в своем лирическом монологе Поэт, кажется, повел разматывать грустную нить, однако он всегда держится за позитив, замечаете? Смотрите, как он это делает в «Ночном письме» поэту, своему лучшему другу Вадиму Кузнецову.

*Вадим Петрович, что-то грустно, брат.
Не потому ль, что, медленно старея,
Идти вперед всё горше и труднее
И поздно поворачивать назад.
Судьбою не приучен я стонать,
Но что-то с каждым днём
В ней больше трещин,
Знакомых - уйма,
А друзей всё меньше
И это, право,
Больно понимать.*

*Неужто ждёт меня такой удел,
Когда какой-то хлыщ,
Едва зевая,
В твою небрежно сторону кивает:*

*Что вот-де мог,
Да сам не захотел.
Иначе мы устроены, мой друг,
И помним, где нужны
И где полезны.
Но ты прости:
Я тоже не железный,
Успел -
Поплакал в дружеский сюртук.
Мы не одним живём на свете днём,
Зато одной мечтой и верой дышим,
Весёлых писем
По ночам не пишем,
Но и утрами
Тожe слёз не льём.*

«Прекрасно однажды в России родиться» - все помним эту коротаевскую строку... Разве здесь есть пессимизм? Да в Коротаеве один сплошной посыл: человек рожден для счастья. Согласны? Стихотворение называется «Последние сапоги»; обратите внимание, - отнюдь не последние.

*Вчера старшина, не коробясь,
Усвоив, что выношен срок,
Мне выдал под личную роспись
Последнюю пару сапог.*

Из воспоминаний поэта
Станислава Куняева:

*«Эпоха прошла, жизнь
прошла, остались музеи, книги,
памятники, кладбищенские
стелы с барельефами,
воспоминания, письма,
фотографии, книги
с дарственными надписями:
«Дорогому Станиславу Куняеву
с добром и благодарностью, что
судьба подарила мне такого
друга. Сердечно.
В. Коротаев. 12.X.84 г.».*

Ирина Астафьева, Николай Рубцов, Мария Корякина (жена Виктора Астафьева), Виктор Коротаяев, Виктор Астафьев на берегу реки Вологды

*На них поглядев мимоходом,
Грустнели опять и опять
Ребята, которым три года
До праздника этого ждать.
И я с холодком незнакомым
Подумал, робея слегка,
Что вроде дорога до дому
Теперь уж не так далека.
Последняя пара кирзовых,
Скрипучих товарищей новых,
Отделанных как на заказ.
На крепких железных подковах,
Поставленных в угол и снова
Примеренных за ночь не раз.
О, сколько подметок и нервов
Пришлось измочалить в пути,
Чтоб к этим, обычных размеров,
Гвардейским сапожкам прийти.
О, сколько еще будет надо
По грешной земле колесить,
Скользить, подниматься и падать,*

*Чтоб их до конца доносить.
Но, преодолая усталость,
Любимая, помни итог:
До нашего счастья осталась
Последняя пара сапог.*

Да у Виктора Коротаяева сплошь один посыл - что в жизни, что в творчестве: Человек рожден для Счастья. Согласны? Вчувствуйтесь в это любимое многими стихотворение; обратите внимание: несмотря на название, они отнюдь не последняя в жизни поэта обушка.

...Это только малая толика того, что мы можем разглядеть, когда говорим о Викторе Вениаминовиче как о большом Поэте - так сказать, верхний слой.

А вся его глубина предстает, конечно, в прозе. Не зря коротаяевская книжка «На свиданье» ночевала у Виктора Петровича Астафьева под подушкой. И этот

великий художник прозаического слова в мае 1997-го просто не выдержит: «Какой дуб рухнул!.. На Руси не стало еще одного, очень крепкого, очень этой земле нужного прозаика и силу набравшего поэта...» С Астафьевым солидарны Ольга Фокина, Василий Белов, Вадим Кожинов, для которых Виктор Вениаминович - больше, чем просто выдающийся поэт.

Александр КОРОТАЕВ
Фото из архива автора

Редакция надеется в следующем номере журнала представить читателям прозу Виктора Коротаева из книги, что понаравилась Виктору Астафьеву.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА...

*Живем мы недолго, - давайте любить
и радовать дружбой друг друга.
Нам незачем наши сердца холодить, и
так уж на улице вьюга!*

*Давайте друг другу долги возвращать,
щадить беззащитную странность,
давайте спокойно душою прощать
талантливость и бесталанность.*

*Ведь каждый когда-нибудь в небо глядел,
валялся в больничных палатах.
Что делать? Земля наш прекрасный удел -
и нет среди нас виноватых.*
Станислав Куняев.

Любил Виктор Вениаминович в свободную минуту развернуть меха баяна

«Услышать музыку в душе...»

Выставка «Услышать музыку в душе...» открылась в филиале Кирилло-Белозерского музея-заповедника «Музей-квартира В. И. Белова» 15 мая 2024 года. Проект объединяет четырех выдающихся мастеров слова и музыки - Виктора Петровича Астафьева, Василия Ивановича Белова, Василия Макаровича Шукшина и Валерия Александровича Гаврилина, творческое наследие которых является неотъемлемой частью русской культуры.

Связующим звеном в осмыслении переплетения их судеб стала Вологда - город, где «краски земли и неба по-акварельному прозрачны и чисты, а леса хранят девственное величие, бьют древние родники, питающие былинные, сказочные, песенные сюжеты и образы, их узорный, словесный лад», как писал в конце двадцатого века русский прозаик и литературный критик Всеволод Сурганов.

Отсюда, из Вологды, вынесет главную тему своего творчества - тему женской судьбы, женского характера - Валерий Гаврилин. «Сидит себе в Вологде Белов и метко стреляет дичь: у него всегда крупные литературные трофеи», - скажет о своем друге Василий Шукшин. Вне контекста Вологодского края невозможно рассматривать творческую биографию Виктора Астафьева, сюда он приедет в 1969 году, чтобы «попробовать жить в исконной России». В 1973 году на Вологодчине Василий Шукшин снял самую важную свою киноработу - фильм «Калина красная»; исследователи рассматривают его как творческое завещание Василия Макаровича. Но не только место объединяло и питало этих творцов. В их наследии есть какая-то глубинная, не зависящая от вида искусства близость взглядов, близость художественных миров, мироощущения, общность нравственных и общественных позиций.

Василий Белов и Василий Шукшин. Вологодская область, конец 1960-х годов

«Услышать музыку в душе...» - под таким названием 24 апреля 1985 года в «Литературной газете» вышла статья Валерия Александровича Гаврилина. Публикация состоялась после премьеры масштабной симфонии-действия композитора «Перезвоны», которую советская культурная общественность назовет «потрясени-

Основу выставки «Услышать музыку в душе...» составили уникальные фотоматериалы и архивные документы, рассказывающие о взаимоотношениях и творческих переплетениях жизненных линий четырех выдающихся деятелей культуры и искусства. Проект приурочен к 100-летию со дня рождения Виктора Петровича Астафьева, 95-летию со дня рождения Василия Макаровича Шукшина, 85-летию со дня рождения Валерия Александровича Гаврилина.

Представлено более 70 фото- и документальных материалов из фондов восьми музеев страны, Вологодского драматического театра и личных архивов. Экспозицию «Услышать музыку в душе...» можно увидеть до 10 октября нынешнего года.

ем» и «примечательным событием в музыкальной жизни страны». В статье композитор признается: «Я бесконечно люблю русскую литературу. Стремлюсь учиться у великих писателей раскрытию образов, постижению характеров. Это близкие мне по духу люди, мои единомышленники».

Через основных персонажей своих произведений, через музыкальные темы композитор искал пути сближения с «людьми русской деревни, кто действует в рассказах и повестях Шукшина, Тендрякова, Абрамова, Астафьева, Белова». И отнюдь не случайно к двум из них отсылают нас важнейшие сочинения Вале-

Виктор Астафьев в рабочем кабинете в Вологде, 1979 год. Автор фото - Р. Кучеров.

рия Гаврилина в центральном для него «формате» действия: «Перезвоны» - «По прочтении В. Шукшина», «Пастух и пастушка» - «По прочтении В. Астафьева». Столь же острое и живое ощущение потери старого сельского уклада позволит ему откликнуться музыкой на спектакль по пьесе Василия Белова «Над светлой водой». Героическая и трагическая тема войны отразится в кантате «Тревога» по мотивам стихотворения Александра Романова и в вокально-симфонической поэме «Военные письма».

Творческие миры русских писателей и композитора связывало стремление «рассказать о русских наших людях, о горькой судьбине ихней», писал Виктор Астафьев, обращаясь к Василию Белову после опубликования «Привычного дела». В стиле повествования, в языке, в архитектонике произведений - неизменная верность классическим традициям большой и великой русской литературы.

Грампластинка «В. Гаврилин «Перезвоны». По прочтении В. Шукшина. Симфония-действие для солистов, хора, гобоя и ударных», 1988 г.

Дарственная надпись Валерия Гаврилина на грампластинке «Военные письма, вокально-симфоническая поэма на стихи Альбины Шульгиной», 1985 г. На конверте с лицевой стороны: «Самому нежному русскому писателю, любимому Василию Ивановичу Белову с нежностью, восхищением и поклонением, с благодарностью за светлое время, проведенное с его книгами - за время, украсившее жизнь вологодского человека Валерия Гаврилина, одного из миллионов его читателей и почитателей. Май, 1985 г.»

П Е С Н Я

Валерию Гаврилину

Нет, я не падал на колени
И не сгибался я в дугу,
Но я ушел из той деревни
Что на зелёном берегу.

Через березовые звонки,
Через ольховые кусты,
Через колхозные заслоны
И все контрреволюционные посты.

Мостил я летом и зимой
Лесную гибельную гать.
...Они рванулись вслед за мною,
Но не могли уже догнать.

Они гнались, гнались не даром, -
Я снянул тягостный покров,
Увидел дымы былых пожаров
И высыхающую кровь.

Сквозь дикий свист вселенской злости
Шагну ль еще немного всячать, -
Зановит праведные кости
И слезы детские воссият.

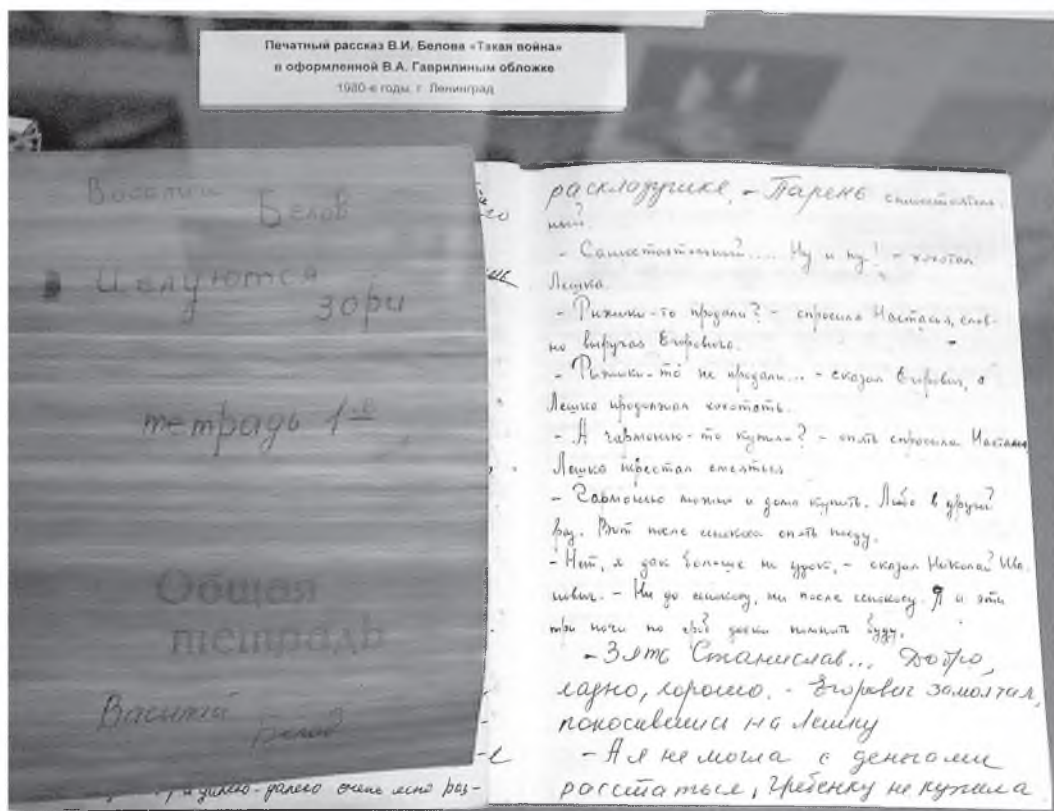
Так пусть одни земные кремни
Расстают другу и врагу
Куда я шел из той деревни
Что на зелёном берегу.

1968

В. И. Белов. Машинопись стихотворения «Песня. Валерию Гаврилину», Вологда, 1968 г. Из фондов музея-квартиры В. И. Белова

Доказательств духовного родства героев выставки можно привести очень много: это и схожесть в переломных моментах биографии, и точки пересечения во взглядах на некоторые проблемы общественной жизни. «Василию Белову - человеку безмерно родному и по Руси нашей братской близкому», - подпишет свою книгу Виктор Астафьев уже после отъезда на родину, в Красноярский край. В своих воспоминаниях Василий Белов расскажет об «удивительном сходстве своего и шукшинского детства, преодолении московских льдов и ненависти врагов за волю к

Обложка и страница рукописной тетради с записью Валерием Гаврилиным повести Василия Белова «Целуются зори». Передана в музей вдовой композитора Н. Е. Гаврилиной. Фото Сергея Юрова

борьбе», в Астафьеве признает «крепкого, убористого и честного писателя... цельного и устремленного», а в Гаврилине «первого композитора современной России».

«Где-то рядом, близко проходили наши пути», - отзовется Гаврилин о Шукшине. Композитор чувствовал, что ему близко шукшинское слово, исповедальность и мучительные раздумья героев произведений Василия Макаровича. Тоскуя по родине, Валерий Александрович переписал повесть Василия Белова «Целуются зори», заботливо обернул в отдельную обложку «случайно выпавший» из журнала беловский рассказ «Такая война».

Композиторы - «инструменты, вылавливающие музыку из человеческой души».

Свойство музыкальной души Валерия Гаврилина было еще и в том, что он «услышал» эту музыку в литературных творениях близких ему по духу писателей «деревенской прозы» и смог передать слушателям. В каждом произведении, как и в каждой душе, звучит музыка, главное - её услышать. Перефразируя Василия Ивановича Белова, хочется сказать, что бессмертна душа человеческая, бессмертна совесть, бессмертно наследие героев этой выставки, проживших свою жизнь, совести и души не теряя...

Готовя экспозицию, сотрудники музея-квартиры опирались на публицистические тексты, письма, очерки и интервью героев выставки. Дополнением к фото-

документам, представленным на выставке, стали цитаты из публикации Василия Белова «Тяжесть креста: воспоминания о В.М. Шукшине» («Наш современник», № 10, 2000) и воспоминаний о Валерии Гаврилине «Голос, рождённый под Вологодой» («Наш современник», № 9, 2004). Устроители выставки использовали статьи, тексты выступлений и интервью Валерия Гаврилина, помещенные в сборнике «Слушая сердцем...» (СПб.: Композитор, 2005).

Филиал Кирилло-Белозерского музея-заповедника «Музей-квартира В. И. Белова» впервые демонстрирует фотоматериалы, переданные в фонд музея сыном Виктора Петровича - Андреем Викторовичем Астафьевым, а также рукописи воспоминаний В. И. Белова о В. А. Гаврилине и В. М. Шукшине, письма, книги с автографами писателей, фотодокументы, освещающие вологодский период жизни В. П. Астафьева. Фотографии писателя в Вологде, семейные фото и совместные фотографии В. И. Белова и В. П. Астафьева предоставили для выставки Красноярский краевой краеведческий музей и библиотека-музей В. П. Астафьева в селе Овсянка Красноярского края.

Вологодский государственный музей-заповедник, краеведческий музей Сокольского округа, Вологодский краеведческий музей имени В. А. Гаврилина (Вологодский район) обладают обширными фотоматериалами, рассказывающими о пребывании в Вологде композитора Валерия Гаврилина. На выставке представлены фотопортрет юного музыканта 1952 года; фотодокументы, освещающие последний приезд Валерия Александровича Гаврилина в Вологду в 1997 году; семейные фотопортреты с супругой Натальей Евгеньевной Гаврилиной на отдыхе в деревне Скрябино Вологодского района и фотографии с Татьяной Дмитриевной Томашевской - первой учительницей музыки Валерия Гаврилина.

Отдельный раздел посвящен фильму Василия Макаровича Шукшина «Калина красная». В 2024 году отмечается 50-летие выхода картины на киноэкраны. Всероссийский мемориальный музей-заповедник В. М. Шукшина в селе Сростки Алтайского края предоставил для показа на выставке фотографии со съемок, документы о процессе создания фильма, которые дополнены отрывками из писем и воспоминаний Василия Шукшина, Василия Белова и Виктора Астафьева.

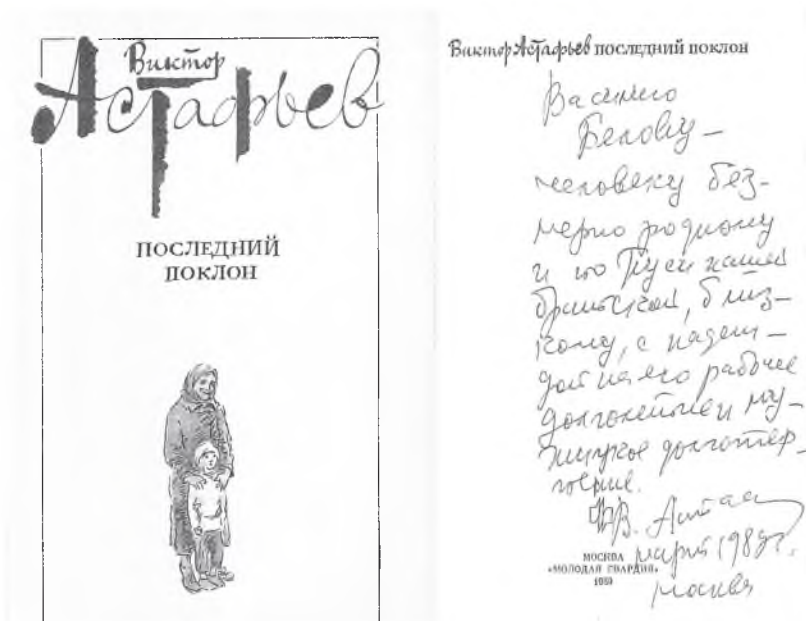
Вологодский драматический театр демонстрирует афиши и программы спектаклей «Над светлой водой» по одноименной пьесе Василия Белова и «Черемуха» по пьесе Виктора Астафьева. Музыка к спектаклям написал Валерий Александрович Гаврилин. Премьера «Над светлой водой» состоялась в 1973 году. На выставке представлены также фотографии из альбома, подаренного Василию Ивановичу Белову артистами Вологодского драматического театра в день 50-летия писателя. На снимках - исполнители ролей в спектакле по беловской пьесе, который стал «визитной карточкой» Вологодского театра на гастролях в 70-е годы. Он оставался в репертуаре на протяжении 10 лет: 273 раза актеры выходили на сцену.

Отдельно стоит отметить снимки, предоставленные Государственным музеем истории литературы, искусства и культуры Алтая. На них - Василий Белов и Виктор Астафьев как участники Шукшинских чтений на горе Пикет в селе Сростки в 1989 году. Это показывает, что взаимоотношения двух выдающихся прозаиков продолжались и после отъезда Виктора Петровича в Красноярск.

Ольга АНФИМОВА,
*директор музея-квартиры В. И. Белова,
филиала Кирилло-Белозерского
музея-заповедника*

Семья Беловых в гостях у семьи Астафьевых в деревне Сибла, 1970-е годы

Дарственная надпись на титульном листе книги В. П. Астафьева «Последний поклон. Том I»: «Василию Белову - человеку безмерно родному и по Руси нашей братской, близкому, с надеждой на его рабочее долголетие и мужицкое долготерпение. В. Астафьев. Март 1989 г. Москва»

Татьяна
Андреева

Татьяна Александровна Андреева - автор книги мемуаров «Прощай, XX век!» (2010), фрагменты из которой публиковал «Вологодский ЛАД». Знакома нашим читателям и книга Татьяны Андреевой «Вологодская бывальщина» - невыдуманные истории из жизни вологжан печатались в нескольких номерах «Вологодского ЛАДА» и очень понравились читателям. Татьяна Андреева - очень наблюдательный человек, она умеет подмечать интересные детали нашей жизни, которые нередко становятся сюжетами её произведений. Представляем читателям подборку небольших рассказов Татьяны Александровны, написанных в недавнее время.

О любви, кабачках, псах и котиках

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ ИЗ НАШЕЙ ЖИЗНИ

МАЛЫШ

Я живу на верхнем этаже симпатичной пятиэтажки из силикатного кирпича. Напротив моих окон, в переулке, два года назад четверо молодых людей затеяли необычное предприятие. Необычное потому, что я во всём нашем городе ничего подобного не видела. Они сняли в переулке небольшой деревянный дом, избу в четыре окошка с простыми белыми наличниками впереди и по три окна с боков. Если стоять в переулке лицом к избе, то вход будет слева, сбоку, а справа из досок сколочена пристройка, высотой до крыши. В доме ребята живут, а в пристройке работают.

Рано утром к дому подъезжает крытый фургон и привозит дощатые ломаные поддоны, такие используют магазины для перевозки и хранения на складах разных, в основном продовольственных, товаров.

Для тех, кто не знает, что такое поддон, попробую объяснить: это объёмная, решётчатая подставка из досок, которая не даёт товару соприкоснуться с землёй или другими поверхностями и сохраняет его в целости. Размеры этих подставок примерно два на полтора метра.

Целый день ребята ремонтируют поддоны, заменяют в них сломанные или подгнившие доски и складывают вокруг дома аккуратными кипами. Вечером грузят го-

товую продукцию в фургон, увозят заказчиком и возвращаются обратно.

Год назад у них появился пёс по кличке Малыш. Сначала я увидела его из своего окна, и он сразу мне понравился. Я вообще люблю собак, особенно лаек, но и простые дворняжки вызывают во мне тёплые чувства, наверное, потому, что тянутся к людям, доверчивы и непритворливы, а уж верностью их можно только восхищаться. Малыш, скорее всего, - помесь лайки с дворняжкой, но от этого он не менее красив. Мордочка у него острая и длинная, чёрного цвета с белыми щеками, влажный, чуткий нос, чёрные уши торчком и чёрный галстук на белой груди. Туловище тоже чёрное, а длинные, изящные лапы и хвост колечком с тыльной стороны - светлые.

Мы познакомились поближе, когда однажды днём я медленно брела этим переулком в аптеку, а он подошёл ко мне и заглянул в глаза снизу вверх. Его глаза, поразившие меня глубиной и выразительностью, были совершенно человеческие, и я прочла в них, что он сейчас одиноки и не прочь со мной пообщаться. В тот момент я поняла, что собаки, да, наверное, и другие животные могут «говорить» глазами. Он разрешил мне погладить себя по лбу и почесать за ушком. (Вообще, это признак полного доверия и стремления к разговору).

С тех пор около года я ходила по нашему с Малышом переулку то в магазин, то в аптеку. Наша дружба крепла, во всяком случае, мне так казалось. За всё это время я видела хозяев Малыша только издали, и они всегда были заняты. Я заметила, что мой друг подрос и определился со своим предназначением: умница пёс понял, что он работает в переулке, как и его хозяева, - наравне с ними, что по должности он - сторож, который охраняет поддоны и своих ребят, а также весь переулок. Сознывая всю важность этой работы, Малыш истово сторожил свой переулок. Он

заливисто лаял на проходящих мимо незнакомых мужчин и хулиганистых мальчишек, гнал их со своей территории. При этом он никогда не лаял на женщин, одиноких и с детьми, на стариков и знакомых.

Перемены в наших отношениях начались, когда Малыш выбрал себе «главного человека» в компании. Интересно, что и среди ребят этот парень был начальником. Малыш всюду сопровождал его, жался к ноге, охранял от посторонних людей и всячески демонстрировал свою верность и преданность. Теперь он позволял чесать себя за ушком, гладить и тормошить только этому человеку. Однажды я неосторожно подошла к нему в присутствии его главного друга и протянула руку, чтобы погладить. Малыш лежал в этот момент поперёк дороги и внимательно следил за прохожими.

Он не вскочил, не залаял на меня, а лишь внимательно посмотрел снизу вверх, и слегка обнажив зубы, тихо заворчал, будто говоря: «Дружба дружбой, а ты эти фамильярности при начальстве брось, я на работе». Это было забавно, но и обидно: до этого случая он проявлял ко мне совсем другие чувства. В общем, я перестала подходить к Малышу и лишь издали давала ему понять, что я своего отношения к нему не переменяла.

И вдруг однажды он пропал. Я каждое утро смотрела в окно, но его не было видно, ходила по дорожке, где он обычно сторожил поддоны и хозяев, - пусто, Малыш исчез. Наконец, я набралась смелости и спросила у одного из парней, где Малыш, и сказала, что скучаю по нему. Он не смог вразумительно ответить, и я смирилась с потерей друга.

Но как-то утром я шла по своему привычному маршруту в аптеку, когда меня догнал фургон с поддонами. Автомобиль поравнялся со мной, и я услышала, что водитель стучит по стеклу, всячески стараясь привлечь моё внимание. Я останови-

лась, он открыл окно и сказал: «Вы спрашивали, где Малыш, посмотрите, кто сидит рядом со мной на пассажирском сиденье!» На радостях я было потянулась к своему другу, но не тут-то было! Малыш сидел выше меня, он снисходительно, сверху вниз, скосил на меня глаза, будто говоря: «Ну, что встала, иди своей дорогой, женщина, не мешай мужикам работать!» Я засмеялась и продолжила свой путь.

С тех пор произошло ещё одно событие, о котором стоит рассказать. Я заметила, что Малыш переменил место службы - теперь он не бегал среди ребят, не лежал на пути прохожих, а ездил со своим начальником на автомобиле, теперь он был не каким-то сторожем, а помощником начальника! Было особенно забавно наблюдать, как пёс с утра ждёт приезда фургона, следит за разгрузкой и погрузкой товара. Будь он человеком, обязательно принимал бы в этом важном деле участие. Мне иногда кажется, что Малыш и считает себя человеком - так нетерпеливо он ждёт, когда хозяин откроет дверцу машины, одним прыжком взлетает в кабину и садится на своё место!

И я думаю: вот бы все люди с таким желанием и удовольствием выполняли свои обязанности, как мой друг - пёс Малыш!

ГРИБНОЕ МЕСТЕЧКО, ИЛИ ЭТО БЫЛО ДАВНО...

С детства обожаю тихую охоту - походы за грибами. По осени, бывало, приеду в родную деревню - и сразу отправляюсь на опушку леса, а там меня всякие грибочки, будто специально, дожидаются: белые и красноголовики (подосиновики), подберёзовики и грузди с волнушками, опята и лисички.

Вот и в тот раз, много лет назад, пришла я в конце августа в деревню и первым делом покатила на велосипеде на свои грибные плантации. Подъезжаю,

глядь - прямо под высокой ёлкой крепкий белый гриб стоит, и вокруг него, как детки, мелкие грибки хором водят - полюбовалась я на них издали и пошла срезать. Вдруг слышу звук какой-то всё ближе, будто в мою сторону лошадь проскакала. Оглянулась - недалеко лосиха с лосёнком стоят и на меня удивлённо смотрят, видно, не ожидали здесь человека увидеть. Не знаю, кому в тот момент страшнее было, лосихе с детёнышем или мне с корзиной и перочинным ножиком наперевес. Постояли мы так, наконец, я не выдержала и шевельнулась - лосей, к моему облегчению, словно ветром сдуло.

Я выдохнула и двинулась было снова к своему белому грибу. Но на всякий случай решила оглядеться. И что вы думаете? Из-за соседнего малинового куста молодой мишка лохматую башку высунул. Глянул на меня - и ну бежать, только ветки сухие под лапами захрустели...

«И на фига мне эти приключения?» - мелькнуло в голове. Однако грибы быстренько собрала и бегом к велосипеду.

Только когда на дорогу выехала, остановилась передохнуть и почувствовала, как во мне каждая клеточка дрожит...

В общем, в том сезоне я больше одна в лес ни ногой!

МУЖЧИНЫ ПОСЛЕ ПЯТИДЕСЯТИ ПЯТИ ЛЕТ

Сегодня встретились с друзьями. Видимся очень редко: дача, дети, внуки - все заняты.

Рассказываем друг другу, кто как живёт, свободное время проводит. Посмеялись над моим мужем Игорем, потому что он мышку на даче пожалел, из мышеловки достал и отпустил. Подруга Света больше всех смеялась и рассказала историю про своего мужа Владимира.

Пока осень, он в одиночестве живёт на даче, строит веранду. Однажды заметил,

что на кухне летает оса. Он нарезал спелое яблоко и разложил на блюде. Оса села на яблоко и стала лакомиться. Так продолжалось целую неделю. В субботу приехала Света, начала готовить обед; вдруг, откуда ни возьмись, оса - ну, она её с ходу и прихлопнула. В обеденное время заходит в кухню Владимир и говорит:

- Что-то осы сегодня не видно!

Света отвечает:

- Да вот я только что прихлопнула одну!

А муж так расстроился:

- Я же её целую неделю кормил!

Света чуть со смеху не упала и говорит:

- Кто же это в здравом уме ос кормит?!

Ая подумала: «Какие они всё-таки трогательные, мужчины после пятидесяти пяти лет!»

ПРО КАБАЧКИ

1

Осень. Убрали на даче овощи. Вся квартира завалена кабачками. Жена готовит их каждый день, а они не убывают.

Жена говорит мужу:

- Сегодня у нас котлеты из кабачков и торт с кабачками.

Муж:

- Фу, опять кабачки! Сколько можно?! Я скоро сам кабачком стану!

Жена ставит на стол бутылку пива.

Муж:

- Не подлизывайся, не буду!

Жена ставит бутылку водки.

Муж:

- Так и быть, давай котлеты!

2

Я сегодня пошла в булочную рано утром и, пока никто не видел, положила на лавочку у подъезда два кабачка - у меня их мореросло.

Прихожу обратно, а рядом с моими кто-то ещё пять штук положил!

Если тебе осенью никто не подарил кабачок - значит, у тебя нет друзей!

ОТЕЦ РОДНОЙ

Моя племянница Аня очень любит кошек. В городской квартире у них с мужем Саней живёт обожаемый, с детства донельзя избалованный кошак с говорящей кличкой - Жулик.

Кот с годами сильно переменялся. Если раньше его опекали хозяева, то теперь он сам взял над ними шефство. Аня со смехом рассказывает, как он следит за порядком дня в доме, особенно в вечернее время, когда по какой-либо причине они с мужем долго не ложатся спать. Своё отношение к такому безобразию Жулик выражает беготнёй по периметру квартиры и громким мяуканьем, означающим, что все приличные коты и люди уже давно легли в кровать! Это может продолжаться довольно долго, пока кот не добьётся своего. Загнав Аню и Саню в постель, Жулик прыгает к ним и уютно располагается в ямке между хозяевами. Теперь все на месте, всё в порядке и можно спокойно почитать до утра...

Аня говорит, что отныне они кличут кота не Жулик, а Отец Родной!

КОШАЧЬИ НЕРВЫ

А вы знаете, что у кошек тонко организованная нервная система?

Вот и я не знала! Звоню сегодня племяннице Ане и спрашиваю, скоро ли она на улицу выйдет: мы с ней в деревню ехать вместе собирались.

- Скоро, - отвечает, - только помогу Жулику (любимому коту) муху поймать, и выйду.

- Что?! А он сам не справится?!

- В том-то всё и дело! Ты же знаешь,

у нас потолки высокие, а стены оштукатурены - так что он, бедняжка, до мухи не допрыгивает и когти по штукатурке скользят!

- Ну и плюнь на это дело, я тебя у подъезда жду. А кот как-нибудь сам с мухой разберётся.

- Не могу плюнуть, Жулик так расстраивается, что без слёз смотреть на него невозможно!

И давай мне про кошачью тонкую нервную систему рассказывать...

Ох, не дождусь я Аньку сегодня и, пока у меня самой нервы в порядке, поеду в деревню одна!

ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ

Старую колхозную кобылу звали Галькой. Никто уже не помнил почему. В паре с ней многие годы работал пожилой возчик Сергей. По утрам он шёл в конюшню, где стояла Галька, - отсюда начинался их совместный рабочий день. Запрягая свою помощницу в телегу или в сани, в зависимости от времени года, Сергей никогда её не ласкал, но и не обижал. Понукая, не пользовался ни кнутом, ни вожжами, а говорил, что надо делать, куда идти или бежать. За многие годы общего труда кобыла научилась понимать его с полуслова, с полувзгляда, предвидеть каждое движение и желание. Галька запомнила все места доставки грузов, которые они с Сергеем перевозили в ближние и дальние деревни и знала все дороги наперечёт.

Сергей, участник Великой Отечественной войны, усвоил дурную привычку, за которую его грешно осуждать - частенько в конце рабочего дня, как после боя, вместе с друзьями или сам по себе, выпивал стакан водки и с возрастом стал после этого отключаться. Если такое случалось в поездке, выпив, он просто падал в телегу

или в сани и засыпал, а Галька самостоятельно везла его в свою деревню, доставляла до дома. Лбом и носом ткнувшись в окно, давала знать жене Сергея, что привезла хозяина домой. После этого Гальке говорили: «Иди на место», и она безропотно шла в конюшню, где её распрягал конюх, и занимала своё стойло.

Что тут скажешь? Умнейшее и добрейшее существо была кобыла Галька - и не грех помянуть её добрым словом и доброй памятью.

КИТАЕЦ НА ВОЛОГОДЧИНЕ

Это воспоминание навеяно знаменательным событием - приездом 20 марта сего года в нашу страну генерального секретаря ЦК компартии Китая, председателя Китайской Народной Республики товарища Си Цзиньпина.

В начале шестидесятых годов прошлого века в вологодской глубинке, в селе Кубенском, на остановке рейсового автобуса торговал своими изделиями старый китаец, Бог весть как попавший тогда в наши края.

Трудолюбивый старик с утра раскладывал у остановки столик с разноцветной гофрированной бумагой, кистями и красками, проволокой и нитками. На виду у всех проезжающих он ловко делал из бумаги небольшие абажуры, расписывал их затейливыми рисунками, надписями на китайском языке и продавал желающим по сходной цене. Его товар никогда не залеживался, тем более что в Кубенском и в ближних деревнях такой предмет, как абажур, был редок. И вот благодаря этому человеку почти в каждом сельском доме над обеденным столом появился нарядный экзотический фонарь!

Как появился китаец в нашей глубинке из ниоткуда, так и исчез в никуда, но его абажуры до сих пор живы у некоторых местных стариков. Как и память о нём.

РЕАБИЛИТАЦИЯ ПОСЛЕ ИНСУЛЬТА

Двухнедельное пребывание Андрея в одной палате с мужичком, который изъяснялся только матом, благотворно подействовало на последнего. В присутствии Андрея он теперь больше молчал или с трудом выговаривал слова общего обихода, а материться в лечебных целях бегал в небольшой парк, который окружает санаторий, и подолгу упражнялся там, зная, что вокруг людей нет.

И вот однажды, когда Андрей отдыхал после лечебных процедур, в палату влетел Мишка и радостно сообщил:

- Я тут анекдот вспомнил: «Один мужик пошёл в магазин»... - остановился и растерянно сказал, - а дальше забыл!

Андрей спрашивает:

- А зачем он в магазин пошёл, за водкой?

- Нет...

- А может быть, за хлебом?

- Не помню...

И грустно отошёл к своей койке. Через пару минут Мишку осенило:

- За хлебушком пошёл!

- А дальше?

- А дальше опять не помню!

- Так, может быть, тебе выругаться как следует - и вспомнишь!

- Пойду-ка я в обратно в парк, прокричу все матюги, которые знаю. Глядишь, и в самом деле память вернётся!

И ушёл.

Андрей же стал думать, как помочь Мишке вспомнить анекдот; разве что какой-нибудь свой ему рассказать?

ПОЛОВИНКА МОЯ...

Мой муж, моя половинка, значительно старше меня, с виду маленький, толстенький, круглый, и я его безумно люблю! Это мой третий муж.

За первого я вышла по неопытности, сразу после школы. Такие браки долго не живут. Мы развелись. Второй муж мне изменил, и мы тоже расстались. Оба моих первых мужа были высокими, стройными красавцами, на которых обращали внимание все окружающие женщины, включая моих подруг. Настродалась я с ними так, что думала: больше никогда замуж не выйду.

А познакомилась я со своим «колобком» в интернете и сразу влюбилась в его голос, такой он был мужественный, низкий и бархатный, хотя к тому моменту я совсем разуверилась в мужчинах и окончательно решила больше с замужеством не связываться.

Но когда мы встретились, он окружил меня бесконечным вниманием и обожанием. Я утонула в его любви и не устояла, он стал моей второй половинкой. Мы давно вместе, но он по-прежнему обращается со мной как с маленькой, беззащитной девочкой. Стоит мне ушибиться, порезать пальчик, заплакать или застонать, как он бросается меня лечить с такой любовью, что моё сердце тает, словно восковая свечка. И мне это так понравилось, что я научилась немного хитрить: когда мне хочется, чтобы он приласкал меня, я специально плачу или делаю вид, что мне больно...

Думаю, меня можно простить за эту невинную хитрость, ведь любви много никогда не бывает!

*Александр
Цыганов*

Александр Александрович Цыганов родился в 1955 году в дер. Блиново Кирилловского района. После окончания Феропонтовской средней школы учился в автомотоклубе, работал в совхозе «Родина» слесарем, рабочим. Служил в армии в ракетных войсках стратегического назначения. После службы закончил Вологодский педагогический институт по специальности «учитель русского языка и литературы». Затем около десяти лет служил в УФСИН, работал в колонии с осужденными за тяжкие преступления. Автор прозаических книг, вышедших в разных издательствах страны. Ряд рассказов включен в факультативную программу школ области. Лауреат литературной премии МВД СССР и МВД России (2010 - 2011 гг.), Всероссийской премии им. В. М. Шукшина «Светлые души», Государственной премии Вологодской области по литературе, а также международной премии «Филантроп» (первая премия, 2010 г.). Член Союза писателей СССР и России с 1989 года. Живет и работает в Вологде. В журнале «Вологодский ЛАД» публикуется регулярно, начиная с первого номера.

Случайные этюды

РОДИНА

Летним июньским вечером, когда чуткая тишина приглушает все звуки, добрее душа. Ты сидишь на тёплом бревне у Вологды-реки после неблизкой дороги в одиночестве, смотришь на горящие в красном закате купола Софии... Мимо тебя, счастливые, проходят Соборной горкой парень в белоснежной рубашке и девушка в лёгком, как дыхание ребёнка, платьице.

Сейчас в стороне твоего сенокосного детства так же незабываемо дивно, на всю округу светится родной Феропонтовский монастырь, а у дальнего речного водопоя вечерне замерли тёмно-фиолетовые

кони с былинными гривами... Как давно мне не приходилось быть в своих местах, возле той самой тихой заводи с прозрачной ключевой водой, где через звенящую кузнечиками тропинку ждёт не дожждётся наша одинокая баня, под прокопчённым потолком которой всегда мощно и приятно шумит сухим жаром, а душе становится покойно и отраднo, как в детстве.

Смешное милое детство! Мне никогда уже больше не возвратится в твою сказку, но память печально и томительно зовёт за собой, и я покорно и радостно отдаюсь ей... Детство моё! Ты помнишься мне одним ослепительным ярким днём, в малиновом мареве которого плывёт

ЗЕМЛЯКИ

наш старый дом. И подле него - загорода, где неизменно волнующе пахнет свежей речной рыбой упругая, как берёста, жёлто-звонкая стружка.

В жарком воздухе гудит зноем, золотистые потоки испарений тают в вышине, изменяя горизонт янтарно-волнистыми гибкими линиями. И в этой сияющей солнечной радости средь густой травы муравы ходулисто щеперится на весёлой горушке наша кормилица Красотка и глупо-глупо плятятся на меня, босоногого, сквозь первозданную кипень черёмухи...

А в хрустально-незабудковом куполе бездонных небес трепыхается крохотный зелёный самолётик - неотвязная мечта безгрешных моих снов: схватить эту странную игрушку, обязательно сунуть её в карман штанов, и чтоб она там, как добрый ручной зверёк, ласково шебуршала, будто делясь своим сокровенным с единственным и верным другом...

Моё травяное бесконечное детство! Во веки веков будешь ты в моём сердце человеческом, потому что великой памятью первой любви, вечной девочки в синем июне, дало мне - милосердно и бескорыстно - удивительные силы жить и помогать другим.

А сегодняшняя благодатная ночь приносит с собой успокаивающую прохладу вперемежку с медвяно-густым, тягучим запахом липы, и опять с такой же необъяснимой силой манит куда-то надмирным светом непостижимая, золотой царской чеканки луна - светло, как днём. Ты слушаешь тайную жизнь серебристо-узорных прибрежных ив, и отчего-то робко-радостно ждётся появления оттуда ни с кем не сравнимой неземной девушки с загадочными глазами...

Но вот уже ты идёшь вдоль и поперёк от юности исхоженными улицами, теперь такими по-домашнему уютными, бережно прикрытыми воздушно-прозрачным покоем, что будто сама душа просто, чуть слышным шёпотом и произносит: «Здравствуйте, родные мои».

Я возвращался домой. Добрался до райцентра и, узнав на автостанции, что рейсовый автобус ушёл, а следующий будет не скоро, отправился за город ловить попутку. День был жаркий, в воздухе парило. То и дело с тяжёлым гудом проходили красные «КамАЗы», гружённые гравием, проносились легковушки.

Я уже устал голосовать, когда из-за поворота шоссе показался ярко-синий автобус, украшенный гирляндами цветных шариков. К удивлению, автобус остановился передо мной, словно по чьей-то невидимой команде.

Водитель, молодой парень в шёлковой рубашке с распахнутым воротом, захлопнул за мной дверцу и крикнул, задорно оглянувшись на салон:

- Ну что, свадьба, двинули?

Ему ответили дружным гвалтом. Водитель чему-то засмеялся, маленький автобус набрал скорость и, казалось, полетел по чёрной асфальтовой ленте.

*Вот кто-то с горочки спустился,
Наверно, милый мой идёт, -*

вывел женский звонкий голос. И тотчас в автобусе голосисто подхватили:

*На нём защитна гимнастёрка,
Она с ума меня сведёт...*

А русоволосая молодайка-запевала вела дальше:

*На нём погоны золотые
И яркий орден на груди-и...*

- Далеко? - взглянул на меня весёлый водитель.

- В Глебовское, - улыбнулся я.

- По пути, значит! Доставим в сохранности!

Мотор вдруг зачастил, зачихал, и автобус, подрулив к обочине, остановился. Водитель, немного покопавшись в движке, тыльной стороной руки поправил волосы и по-хозяйски объявил:

- Перекур!

Со смехом и разговорами праздничная толпа вылезла наружу и сошла с бровки на луговину. Здесь, после только что прошедшего мелкого дождя, всюду блестели капли, а чуть дальше, возле опушки зеленеющего леса, нежарким светом горел иван-чай; и откуда-то сверху, слева, лучистым колесом весело скатилось солнышко.

В голубом и чистом небе свадебным венцом восхищала радуга. Одной стороной она опускалась за лес, в наши сказочные задумчивые озёра, а другой - туда, где ждала гостей невеста. Среди нежных лент радуги не было только белой, как будто чья-то незримая добрая рука сняла и подарила её невесте...

...А вскоре все уже едут, отчего-то вдруг призадумавшиеся; и в этом неожиданном молчании чей-то негромкий, удивительно родной голос произносит:

- Господи... как хорошо-то!..

ПОСЛЕ ДОРОГИ

Свободно влетаясь в мою одинокую послебанную дрему, вокруг неожиданно сгустился воздух: явственно ощущалось его бережно-бархатистое, невесомое прикосновение, точь-в-точь живое, как само дыхание... С усилием разомкнув глаза, я на миг заставил себя поверить в происходящее как в самый обыкновенный сон, но нет - всё было в яви, - я ещё не заснул.

И тогда без страха я вверился тому, что находилось вне описания, именуемого реальностью, - и принятого всюду называться *видением*: воочию диво совершалось... Словно неведомая крылатая сила подхватила меня в мгновение ока, и я легко, незаметно вознесся, без удивления и испу-

га увидев себя напоследок - после дальней дороги - на стареньком продавленном диванчике в пустом углу родной деревенской избы.

Далее, незримый и свободный, я просторно поднялся в недоступную высь и, ступая, чуть-чуть перебирая босыми ногами, оказался в куполообразном бездонно-белом строении: на сверкающих нестерпимым блеском стенах, солнечно, во всю благодать встречало лучистое изображение кого-то мне незнакомого, но в то же время до щемящей, неземной боли дивно близкого...

Позади распахнуто возвышались высокие врата, над которыми с всеохватной бездонностью зодиакально мерцало, космически возносясь, величественное расположение небесных светил, - земное предвидение разных времён и народов...

А я, оглядевшись в лазурной неподвижности храма, обнаружил, что рядом есть ещё человек, - и тут вдруг моё сердце пискнуло всей своей болью, я моментально осознал, что этот осиянный медовым светом мальчик был не кто иной, как мой нерождённый сын. До сих пор это было для меня непостижимо, и, видно, уже никогда не взять в толк, как парой анальгиновых таблеток, однажды рекомендованных будущей матери при болях недалёкой местной медичкой, можно одним махом, навсегда разрушить всё лучшее, что только может быть в нашей жизни?..

А теперь, в этом чудодейственном мире, мне даже было дано с невыразимой радостью слышать его, моего прекрасного сына: лицо ангела с подвижным, молодым выражением, ясная речь, лишь мною ощущаемая; должному в свой срок явиться, ему, моему сыну, были уготованы страдания за прошлое и настоящее, а ещё за то, что предназначалось в будущем, потому как всё, творимое на свете, ведается не нашим умом, а Божьим судом...

И уже исчез, неведомо растворившись, мой сын, оставив мне чувство великого покоя, ибо ощущался теперь в душе целиком - единой частью меня; но было далее то, что просто заставило вовсе замереть, - стоял я на густом, неподвижном облачке... На таких же, снизу подсвеченных таинственным закатным сиянием, тоже стояли и точно внутрь себя смотрели старцы седые, белые, как лунь, а века, мимо них струившиеся пылинками искрящимися, оказывались бессильными - не в состоянии были вывести их из этого мудрого, непостижимого для человека великоотайного созерцания Вселенной...

Но здесь я опять подумал о доме, и мне было тотчас позволено увидеть себя со стороны на том же старом нескладном топчанчике, и, понимая, что в любое время я смогу быть там, в своём сиротском одиночестве, - снова я предстал в соборном творении неземном, а может быть, и не возвращался оттуда, только это уже было мне вовсе неведомо.

Потому что дальнейшее - не при нас писано: передний стоящий, подняв вдруг тихо свою большую белую голову, с такой молниеносной неприметностью глянул на

меня исподлобья, что сразу стало ясней некуда, кто именно определяет всех тех, с кого в означенное время, когда надо будет, обязательно и совсем не в последнюю очередь спросится...

Следом, склоняясь к фресковой, словно замелованной стене, он коснулся прислонённого посоха, изнутри сиявшего мощным, приглушённо-золотым светом, и опустил его в стену, разверзнув её: невероятной силы звериный рёв вселенского холода ворвался снизу - от земли, оттуда, где пока ещё мы все были...

«Холодно нынче на земле», - молвило - отразилось гласом вселенским от неземной высоты храма. И, осознавая, для чего всё это было, глянул и я вниз... Точно бы собранные воедино на гигантской длани, двигались там люди - мельтешащие, безгласые, туда-сюда снующие со своими как будто скрытыми ото всего на свете вечными делами и личными тайнами и ни за что, никогда не желающие понять единого - главного: не только всё, творимое нашими руками и воображением, а и всякое дыхание земное днём и ночью видится - зрится нетленно из дивного храма Творца...

Юрий
Максин

Юрий Михайлович Максин родился в 1954 году в деревне Плосково Череповецкого района, живёт в городе Устюжне. Автор семи поэтических сборников. Стихи в разное время публиковались в журналах «Москва», «Наш современник», «Роман-газета. XXI век», «Встреча», «Юность», «Воин России», «Невский альманах», «Север», «Русская провинция», «Берега», «Врата Сибири», «Родная Кубань», «Вологодский ЛАД»; в альманахе «Академия поэзии», в газетах «Литературная Россия», «Литературный Санкт-Петербург». Лауреат областного поэтического конкурса имени Николая Рубцова (1985), победитель российского литературного конкурса имени Вячеслава Кузнецова (2005), лауреат премии имени Владимира Соколова журнала «Юность» (2005), победитель международного поэтического конкурса «Золотое перо - 2007». Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Публикуемая нашим журналом повесть - часть трилогии о нашем времени.

Дни Восадулина

(ИЗ ГЛУБИНКИ)

СПЕКУЛЯНТ

- Только вчера нарисовал, - неожиданно для себя произнёс Восадулин, протягивая предпринимателю за два килограмма гречки, которая в магазинах снова исчезла, новенькую пятитысячную купюру.

Стоя в очереди у автолавки, подъехавшей к самому дому, он ощущал нарастающее беспокойство, что в кошельке нет мелких денег. Наверно, поэтому язык и решил прийти на помощь хозяину, сгладить неприятную для него ситуацию шуткой. И пошутил. И кто только за язык дёрнул!

А перед тем было так: банкомат, выдавая заказанную сумму, «рассчитался» все-

го двумя банкнотами. Потому что юный пенсионер, не набравшийся опыта общения с денежными аппаратами, вместо кнопки «с разменом» нажал кнопку «выдать крупными».

Предприниматель после слов Восадулина вздрогнул. Купюра прямо сияла и даже пахла свежей краской.

- Да пошутил я, пошутил. Ну пошутил... - оглядываясь на притихшую очередь, повторил новоявленный «фальшивомонетчик», даже спиной ощущая, что его «помощник» сильно перестарался.

Предприниматель с опаской вертел в руках гладкую купюру, всё не решаясь принять её:

- А помельче не найдётся?

- Чего нет, того нет, - виновато улыбнулся, предвидя подобный вопрос, Восадулин и продемонстрировал содержимое кошелька, где красовалась ещё одна такая же, как будто вчера нарисованная.

- А у меня сдачи нет, - соврал, выворачиваясь из неприятной для него ситуации, новоиспечённый продавец.

- Ничего. Я подожду, мне спешить некуда, - продолжая оглядываться и робко улыбаться, произнёс незадачливый покупатель, тем самым невольно подогревая откровенно себя нехорошие подозрения.

- А нечего ждать, вали отсюда! А то полицию позову! - вдруг грубо оборвал его торговец гречкой, набычившись своей бритой наголо головой.

- Да это же Восадулин... Егор. Он у нас человек известный, не может без юмора. А деньги и у меня, как только что нарисованные. Наверное, мятые в банкомате закончились, - вступил в разговор ещё один обладатель крупных банкнот.

- Так! И ты тоже отойди! Когда разменяете, тогда и поговорим.

На мгновение в длинной очереди повисла тишина.

- А нечего тут разговаривать! Новые деньги его не устраивают! - в ответ завопил невольный защитник Восадулина. - У самого, кроме гречки, и брать-то нечего. Ты откуда хлеб возишь? Со свалки? Буханкой убить можно. И колбаса всегда просрочена. Эй, у кого рваные и гнутые деньги - подходи! За такие продукты только рваными да гнутыми и надо рассчитывать.

Уже отходивший от очереди со своими немногочисленными покупками сосед Егора по лестничной клетке пристально взгляделся в купленную полторашку «Жа-тецкого гуся»:

- Надо же, даже пиво просрочено! - удивлённо пробормотал он, но, как оказалось, достаточно громко.

- Вот-вот, а цены не снижают, - заволновалась очередь.

- А может, полицию стоит позвать?! - продолжал кричать заступник Восадулина. - Пускай-ка возьмут этого мироеда за жабры вместе с тухлым товаром! Деньги его новые не устраивают! А меня консервы старые не устраивают и булки с плесенью...

- Где ты плесень увидел?! Какая плесень?! Сам ты плесень! - в ответ завопил предприниматель.

Егор уже и не рад был неуместной шутке своего бесконтрольного языка. Он всё время хотел ввязаться и прекратить возникшую перебранку, но так и стоял с раскрытым в виноватой улыбке ртом. Ввязаться в начавшийся ор не было никакой возможности. Как на передаче «Пусть говорят».

С юности, когда ещё стражи порядка звались милиционерами, он носил в кармане милицейский свисток. Свисток много места не занимал. И носил его с собой Егор вовсе не из страха перед хулиганами, а на всякий случай. Ему нравилось по весне где-нибудь у ручья в зарослях ивняка подпустить в соловьиную трель залиvistый звук нехитрого милицейского инструмента. На полном выдохе иной раз получалось и громче и длительней. Соловей ошарашенно замолкал, но тут же, раздражённый бешеной ревностью, выдавал такую трель, что Восадулин смущённо прятал милицейский свисток обратно в карман, одновременно переживая за соловьиное горло.

Но, как говорится, всё к одному: свисток он сегодня оставил дома.

А предприниматель вошёл во вкус. Он продолжал орать, и лицо его всё сильнее наливалось наглой от жадности кровью. И Восадулина стало страшно, как было страшно за влюблённого соловья: «Не дай Бог, лопнет что-нибудь в горле или мозгах этого влюблённого в рубли человека.

У него и жена, и дети, наверняка, есть. Земляк всё же, соотечественник как бы...»

Ах, это вездесущее, вошедшее в моду «как бы»! Таким словечком следовало бы суррогаты обозначать, заменители то есть. Ну какие в нынешней торговле предприниматели? Все они - как бы. Взяли подешевле, продали подороже. Сами ничего не произвели, им и мысли такой в голову не приходит. Стопроцентные спекулянты!

Но Восадулин, будучи отходчивым по характеру, продолжил мысленно жалеть «как бы предпринимателя»: «Его ведь из-за меня и проверить могут, на волне возмущения. Привлекут, чего доброго, за тухлый товар...».

«Самого бы тебя не привлекли», - вступил в диалог с ним внутренний голос.

«Нас-то привлекать не за что, - ответил ему Егор. - Ни слова наши, ни дела за разумные пределы покуда не вышли».

Действительно, никто в очереди ничего противозаконного ещё не совершил. Наоборот, очередь всё громче вспоминала про полицию как законного представителя власти.

И молодой, приятно пахнущий оделоном человек, в чёрной форме, не преминул явиться на её нечаянный зов, как являются черти из табакерки:

- Так. Кто здесь зачинщик?..

А кто зачинщик? Кто неудачно пошутит или кто торгует просроченным пивом?

Очередь замолчала. Предприниматель тоже. Вовремя зашухерился. И полицейский, не без основания, уставился на того, кто стоял во главе очереди.

«Вот теперь и доказывай, что не верблюд. И кто меня дёрнул пошутить про эту злосчастную купюру, пять штук одной бумажкой, - неволью переходя на блатной жаргон, с досадой сформулировал Восадулин. - И где теперь эти «пятиштучные» разменяешь? Не-ет, то-о-лько не в банке. Там, поди, все деньги новые. Как будто вчера нарисованные».

- Гнилой ты предприниматель! И товар у тебя гнилой! И даже гречкой ты меня не заманишь! - опять кем-то дёрнутый, прокричал распоясавшийся язык, когда его обладатель, выйдя из продолжавшей молчать очереди, уходил от автолавки.

Молодой представитель власти молча проследовал за ним. В силу своей молодости он не знал, кто такой Егор Восадулин.

А действительно, кто он в этом изменчивом мире?..

ДВОРНИК

Из времён года ему нравились осень и зима.

Когда начинался кленовый листопад, а клёнов на участке целая аллея, Дворник, подняв крупный лист чистого жёлтого цвета, долго смотрел на его прожилки. Они были похожи на ствол дерева, на расходящиеся от ствола ветки, как будто кто-то крону клёна сделал плоской, как её вертикальный срез, а затем уменьшил срез до размеров листа.

Листья с одного дерева, словно из большой и дружной семьи, попадались и поменьше, и покрупнее, иные с целый тетрадный листок, но все - похожие друг на друга.

Господи! Как же их было много на дереве и как им хорошо было вместе! Они шелестели под лёгким ветерком, и каждый, кто проходил мимо, мог услышать их неторопливый, ласкающий друг друга шёпот. А в совсем тихую погоду они покоились на ветках, сознавая спокойную красоту своей общей кроны. Красоту покоя.

И вот осень. То один листок упадёт, то другой...

А однажды безветренной октябрьской ночью резко ударил мороз, и утром вокруг каждого клёна лежало слегка заиндевевшее золотое кольцо из опавших листьев.

«Вот вы и обручились с осенью», - подумал тогда Дворник.

Он всегда собирал букеты из самых крупных и самых красивых кленовых листьев, и они потом долго стояли в комнате - до самого Нового года, когда в доме появлялась ёлка.

Вместе засохшие листья и ёлка вызвали в душе Дворника диссонанс - как два несогласуемых между собой звука или как мумия и живой организм.

Ёлка наполняла дом зелёным запахом хвои. Особенно сильно пахло в первый день, когда хвоя оттаивала. А чтобы ёлка дольше жила в его доме, Дворник ставил её комельком в воду, налитую в специальную подставку. И лишь спустя две недели, а то и позже, в хорошо обогретой комнате начинался «листопад» иголок.

«Половины зимы как не бывало», - размышлял тогда Дворник.

И вот тут зима, словно спохватившись, что время уходит, щедро рассыпала свои снежные запасы, которые превращались в толстое пушистое покрывало. Свежевыпавший снежный пух Дворник легко раскидывал лопатой по обе стороны закреплённой за ним дорожки. К концу настоящей зимы вдоль неё нарастали сугробы, и дорожка становилась траншеей, в которой, если глядеть сбоку, взрослого человека было видно наполовину, а от детишек лет пяти оставались видны лишь помпони их вязаных шапочек.

В гололёд дворники посыпают дорожки песком. Песок на подошвах разносится по подъездам, проникает даже в жилища людей, осыпаясь с подошв у порога. Но что с этим поделаешь?

«Так надо», - в дни гололёда мысленно повторял Дворник, размашисто рассеивая песок по дорожке.

И эту свою обязанность выполнял на совесть, но влюблённым он был в снегопад.

Ну с чем сравнишь ту приятность, когда, поработав лопатой до пота, переоделься в сухое бельё и пьёшь чай в тёплом жилище, когда тело отдыхает в тепле? И Двор-

ник улыбался здоровым ощущениям после работы на свежем воздухе.

«Тут тебе и физкультура, и спорт. Не надо никакого спортзала. Да ещё и деньги платят», - он так и говорил, рекламируя свою работу в разговорах, кто как устроился в своём пенсионном возрасте.

Но всех почему-то в первую очередь интересовала зарплата.

Она у некоторых пенсионеров, работавших сторожами, была значительно больше, но Дворник про себя такой заработок называл «зряплатой». И это было недалеко от истины. В криминальной хронике еженедельно сообщалось, что кто-то где-то что-то спёр, но не было ни одного сообщения о том, что такой-то сторож что-то где-то усторожил.

«А наша работа видна всем. И всем приятно, если мы хорошо поработали», - так рассуждал Дворник, тщательно убирая листву или очищая дорожку от снега.

Он знал, что люди после обильного снегопада, выходя из дома, вслух выражают свои эмоции, особенно если выходят с детьми, провожая их до детского сада. И хотелось услышать: «Ай да дворники у нас! Всё расчистили. Какие молодцы!»

«Вот и попробуй не расчистить. Какой пример покажешь малышам?» - спрашивал себя в чрезвычайной ситуации Дворник. И отвечал: «А плохой получится пример, хуже некуда. От самого дома малыш будет слышать: «За что только деньги платят?»»

Но есть и другие родители. Они поясняют маленькому жителю Земли, почему так бывает, что снег не расчищен.

А почему так бывает?

Один раз Дворник заболел. Но даже с температурой, надев ещё один свитер, закутавшись шарфом, расчистил дорожку от снега.

И оттого, что пропотел сильнее обычного, да от чая слиповым цветом на ночь и от сильнее желания не поддаться бо-

лезни, - к утру следующего дня почувствовал себя совершенно здоровым.

«А был бы сторожем, - подумал он тогда, - ищи замену. Какой из тебя сторож, если с соплями. Случись что - сопли не оправдание».

Дворник ценил свою работу ещё и за редкую возможность свободно размышлять при её исполнении. Всё, что происходило вокруг, отражалось в его озабоченных мыслях. С ними время летело незаметно, они приобретали стройность, в пору было их изложить на бумаге: «Вот мету я дорожку в аллее. Она общая, а стала мне как своя. На моей аллее почему-то меньше сорят. Не потому же, что дворника знают лично? Может, кто-то и поэтому. Но исключения погоды не делают. Просто порядок и красота приучают к себе. И душа привыкает к доброму и хорошему, чистому и святому. И это становится дорого всем. А спрячь аллею за высоким забором, и что от неё толку?»

Он не только ценил, он любил свою работу.

«Комсомольцы-добровольцы, надо верить, любить беззаветно», - напевал иногда Дворник, удивляясь, как много в его стране было людей, которые ощущали похожее и, наверное, думали о том, о чём думал он. «Встретить солнце порой предрассветной, только так можно счастье найти», - он мысленно допевал песню и начинал её заново, как молитву.

Подметая свою аллею, Дворник думал и о том, что планета Земля не такая уж и большая. На один виток по орбите, пусть и с космической скоростью, не уходит и двух часов.

Из этого он делал вывод, что не так уж и трудно следить за чистотой на планете, если наводить чистоту сообща.

А ещё он размышлял о солнце - какое оно ясное, доброе, благодатное, щедрое. И, наверное, мудрое...

«Будем как солнце» - всплывала в со-

знании Дворника знакомая строчка, а ещё - «Светить всегда, светить везде».

А в метельном феврале, отряхивая лопату от снега, он непременно снова повторит за известным бардом: «Крепитесь, люди, скоро лето...»

Восадулин отложил карандаш, сдвинул на край стола исписанные листки бумаги и подошёл к окну. Утро уже проснулось, и стало слышно, как знакомый дворник шаркал метлой по широкой асфальтовой дорожке вдоль фасада пятиэтажки.

Слушая звук удаляющейся метлы, Егор представил себя жёлтым кленовым листом, сметаемым другим дворником, имя которому Время.

Под взмахом его бессонной метлы он взвился на мгновение вверх, похожий на последнюю вспышку пламени перед тем, как обратиться в дотлевающий уголь. И медленно опустился на землю в кучу таких же погасших, безжизненных листьев, в прожилках которых, как на ладонях людей, отпечатались судьбы их ушедшей, но общей с деревом жизни...

Скоро из дома пойдут взрослые и дети - кто на работу, кто в школу. Родители поведут малышей в детский сад. А знакомый дворник пойдёт отдыхать. Он своё дело уже сделал.

«Мне тоже пора отдохнуть. Неплохо мы с ним поработали», - решил Восадулин и пошёл ставить на плиту заскучавший без дела чайник. Со свистком.

СЛУЧАЙНЫЙ ЗВОНОК

В анабиозном, то есть застывшем бытии Восадулина до него иногда доходили звонки бывших одноклассников, ещё не перешедших пределы земного бытия, звонки бывших сослуживцев, кои так же, как он, давно отошли от работы и от так называемых общественно полезных дел.

Звонки из внешнего мира поступали всё реже. И наступил момент, когда «зво-

ночки» из его внутреннего состояния стали преобладать над внешними.

Так пришло одиночество.

Не то, которого хочется, когда ты окружён красотой. Когда она разлита солнечным светом по чашечкам нежных цветов - луговых и садовых, благоухающих и безуханных. Смотришь на них - и не хочется ничего иного. Так смотрят в глаза любимой девушки. Самой первой, самой для сердца желанной.

В том одиночестве, которое начинает ощущаться как предвестник громадного одиночества небытия, звонки внешние были звонками одиночеств, цепляющихся за жизнь, сверяющих своё бытие с бытием знакомого или любимого когда-то человека.

В периоды страшных болезней, приходящих на Землю как испытание на прочность, они начинают поступать на телефон, казалось бы, забытого человека от, казалось бы, забытых людей, разлучённых пространством и временем - многими годами и многими километрами.

Как правило, звонки поступали Егору накануне неотменяемых праздников - Нового года и Рождества. Проходил ещё один год жизни брэнной, и нарождалась робкая надежда на жизнь вечную. Но и праздничных контактов становилось с обеих сторон до обидного мало. А страх услышать очередную печальную весть почти до неузнаваемости менял голос Егора, когда он произносил в мобильник: «Алё».

Совсем неожиданный звонок раздался в разгар пандемии, когда люди планеты дышали через маски, а двери в местах общего пользования открывали руками в перчатках, боясь заражения. Только по незабытому голосу и можно было узнать, кто говорит.

Звонил одноклассник из соседней области, или, как теперь принято говорить, из соседнего региона. Часть признаков непонятной болезни была налицо, и требо-

валось, видно, сочувствие, а скорее всего, не сочувствие, а утверждение, что всё не так, как считают врачи, что сданные тесты, скорее, ошибочны и надо собраться, держать хвост пистолетом.

Почему одноклассник выбрал его? Наверное, из-за лёгкого, юморного характера, который в любой ситуации мог вызвать перемену настроения в лучшую сторону. Егор и не обманул ожиданий своего друга-приятеля. Короткой, но энергичной речью настроил его и дышащую рядом супругу на оптимистический лад. Стало слышно, как они от страхов отмякли, настроив хвосты вертикально.

Не было у Егора волшебных лекарств, не осталось и всемогущих знакомств среди местных светил-эскулапов. Да и чем они смогли бы помочь в ситуации всеобщей растерянности и закрытости? Лучшее лекарство в таких случаях - доброе, бодрое, от души сказанное слово, прозвучавшее в нужный момент. Оно, собственно, и прозвучало...

И коль скоро душа настроилась на волну давних, но живших в памяти лиц, не стёртых переменами безостановочно шедшего времени, Егор позвонил однокласснице.

Что ожидал он услышать? Он не успел об этом подумать, просто набрал номер из записной книжки, в которой множество номеров уже замолчало навеки.

И сразу, или ему так показалось, без гудков он услышал:

- Егор, милый, ты звонишь, и мне уже легче. Теперь я знаю, что выживу. Твоего звонка мне и не хватало. Болезнь уйдёт, я теперь это знаю. Спасибо, что помнишь. Спасибо, дорогой мой...

- Где ты?

- Я у сына...

Восадулин слышал, как тяжело давалось каждое слово, как в звуке знакомого голоса, долгие годы жившего в нём, задрожали слёзы.

Какие слова утешения он мог сказать, когда вокруг неё были самые близкие люди? Ему не жаль было самых дорогих слов. Но раскрыть невольно свою давнюю тайну, тайну первой - не удавшейся, а потому оставшейся безответной любви он не мог. Рядом был сын и внуки - не его сын и не его внуки, и зачем им этот груз - как оказалось, взаимного, но неосуществлённого чувства.

Сквозь слёзы, за много километров бежавшие из дорогих глаз, он услышал тихое:

- Прости меня...

- За что? Мне не за что...

Восадулину показалось, что он не произнёс, а выкрикнул эти слова. И что прозвучали они слишком громко для дорогого, но очень больного человека.

- Не хлопай носом, выше нос. Давай, выздоравливай, - справляясь с волнением, произнёс Егор не выдавшим его голосом.

- Так и будет. Ты мне потом ещё звони...

Был ли этот звонок случайным? Если да, то всё в этом мире случайности. Но откуда тогда между ними является связь?

Есть в этом своя - жгучая тайна.

Восадулин сидел за столом, обхватив голову руками. Ему было грустно и легко. Печаль его была светла. Она была полна...

*Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит -*

оттого,

Что не любить оно не может.

Прав оказался классик: повторяются такие минуты в жизни.

И даже в другом времени и в изменившемся до неузнаваемости пространстве...

Всего лишь один звонок - живительная капля простого человеческого участия - пересилил страшную хворь, мрак и тьму, пронизавшие душу.

«Может, в этом и есть выход из всех катаклизмов и пандемий как нашего, так и грядущего времени?» - спрашивал себя Восадулин в поисках утвердительного ответа.

КУДА ВСЁ УХОДИТ?..

Нельзя сказать, чтоб Егору Восадулину в его нынешнем состоянии перестали нравиться женщины. Наоборот, продолжали нравиться, но уже с поправкой на возраст, - не задерживаясь в памяти. Увидел, улыбнулся, прошёл мимо и... забыл.

А когда был молод, чья-нибудь симпатичная головка надолго занимала воображение.

Из-под его пера, бойко сновавшего по бумаге, рядом с текстом вдруг появлялось личико, весьма напоминавшее увиденную девушку, или возникал из ничего лик женщины с томными глазами. Талантами, как говорится, Бог не обидел. И милый образ начинал сопровождать Восадулина в непростых, день за днём усложнявшихся жизненных ситуациях, иногда помогая выбираться из них не одному, а вдвоём. И под вальс, и без вальса.

У него было множество и других «спутниц жизни». В навсегда улетевшей юности модно было собирать открытки с портретами артистов, обмениваться двойными экземплярами. И Егор не избежал модного увлечения. Кого только не было в его коллекции! Красавицы экрана: Изольда Извицкая, Элина Быстрицкая, Наталья Фатеева, Наталья Варлей, Жанна Прохоренко, Жанна Болотова... «Далёкие, мигающие звёзды на вечернем небосклоне жизни», - записал Восадулин в своём дневнике. Чем заполнялся его небосклон, ещё не будучи вечерним? В основном - несбывшимися мечтами.

Была одна такая несбывшаяся мечта, что сопровождала Егора, то выглядывая из-за жизненных облаков, то снова прячась за ними, но неизменно возни-

кая вновь. Иногда она светила долго, завораживая его своим ясным светом. Егор всматривался в далёкую звездочку почти не дыша, боясь спугнуть своё тихое состояние. Но кто-нибудь с утра уже начинал хозяйничать на его кухне, готовя завтрак, моя посуду, звякая ложками в раковине...

И этот далеко не колокольный звон возвращал его из созерцательного, почти ангельского настроения вниз, на грешную землю. И Егор шёл на кухню, где уже пахло яичницей с колбасой и румяными гречками.

Нет, Егор не злился, он всё понимал. Начинаясь новый день, и надо было есть завтрак, благодарить за него милую женщину, одеваться и спешить на работу...

«Куда всё уходит, куда всё ушло?» - прозвучал в такое же обычное утро в мозгах Восадулина посланный кем-то не ждущий ответа вопрос.

«А строчка-то поэтическая, - просветлённо подумал Егор. На стоящей рядом тумбочке его с нетерпением по такому вот случаю ожидали карандаш и бумага. - Строчку надо бы записать, пока не стёрло её дневными заботами. Совсем, конечно, не сотрёт, коль родилась. Но чем день грядущий не пошутит?»

Егор знал из многолетнего опыта, что строка теперь будет тлеть в нём, как уголёк под слоём пепла. Но сколько ей предстояло тлеть, неизвестно. Он представил, как соберётся, сдует пепел, и строка разгорится, разжигая будущее стихотворение...

А она вдруг сама разгорелась:

*Куда всё уходит, куда всё ушло?
Смотрю за оконные жизни стекло,
за ним проплывают па-па-ба-па лица.
Неужто когда-нибудь всё повторится?..*

«Нет, не повторится. И надо бы написать, что не повторится. Но тогда, значит, никакой надежды? Да, и про лица: конкретно, какие они? За ним проплывают

- знакомые, несчастные, счастливые, дебилы (эк занесло, но зато близко к знакомой стезе юмора), ненужные, случайные, железные, закрытые (как у мусульманок, что ли?), неясные (а почему они неясные?), ненужные, недужные (в масках, что ли? Этак в медицину удариться можно). Нет, не то, совсем не то.

«За ним проплывают... ушедшие лица» или «За ним проплывают ушедшего лица», или «машины и лица», а может «машинные лица»? - вот так, пожалуй, и стоит оставить. Пока оставить.

Ну вот, день, считай, не зря будет прожит. И звон на кухне не помешал. Вдохновение, правильно говорят, даётся свыше.

Короткое получилось стихотворение, но стоит ли что-то добавлять? Пожалуй, и не стоит...

Звёздочка вышла и зашла. Вот когда она выйдет надолго... - Восадулин вздохнул и отложил карандаш. - Теперь можно и к яичнице приступать».

Идя по улице, Егор обратил внимание на двух шедших впереди школьниц. Они увлечённо щебетали между собой на каком-то малопонятном ему языке. Но несколько раз явственно послышалось (или всё же почудилось?), что изъясняются они приспособленным к речи матом. Из всего, что можно было воспроизвести в печатном виде, подходило только слово «блин», и то с несъедобным подтекстом.

«Куда всё уходит, куда всё ушло?» - снова возникла утренняя строчка. Никак не хотела его отпустить:

*Куда всё уходит, куда всё ушло?
Раскрылось оконное в память стекло.
И слышишь красивые девичьи речи,
и силой любви наливаются плечи.*

«Вот стихотворение и продолжилось. Но оно явно не окончено, Восадулин уже подошёл к месту работы. Здесь он становился частью всеобщей игры в зарабатывание

вание денег - и на яичницу с колбасой, и на многое другое. - Господи! Но не это же главное. Главное - то, что было сейчас».

Егора слегка потряхивало от пережитого творческого состояния. Он всякий раз испытывал тонкую нервную дрожь, когда через него слова складывались в стихотворение.

Перед слегка повлажневшими глазами Восадулина возникли глаза провожавшей его на работу женщины. Но не те, уже утомлённые утренними заботами и чуть заметно ждущие, когда за ним закроется дверь, а другие - лучистые, яркие, ждущие совершенно другого:

*Куда всё уходит, куда всё ушло?
Осталось оконное жизни стекло.
За этим стеклом мне ушедшее снится.
А наша любовь где-нибудь повторится?*

Егор отрешённо проследовал к своему рабочему столу и быстро записал почти готовое стихотворение. Можно было идти на планёрку.

Вечером он уверенной рукой никому не известного мастера подшлифовал плод утреннего вдохновения и вложил его в зелёную пластиковую папку с приклеенной на ней надписью: «Не путать с яичницей...».

До лучших времён, в наступление которых ему слабо, но всё же верилось.

*Куда всё уходит, куда всё ушло?
Гляжу за оконное жизни стекло.
За ним проплывают машинные лица.
Наверно, другим уже не повториться...*

*Куда всё уходит, куда всё ушло?
Раскрылось оконное в память стекло.
И слышу красивые девичьи речи,
и силой любви наливаются плечи...*

*Куда всё уходит, куда всё ушло?
Осталось оконное жизни стекло.
За этим стеклом мне ушедшее снится.
А наша любовь где-нибудь повторится?*

ПОГЛОЩЕНИЕ ТЕКСТОВ

На ежедневное чтение, или, как он себе говорил, «поглощение текстов», у Восадулина уходило всё больше времени. И не потому, что стал больше читать. Столько же, но усваиваться текст стал медленнее, приходилось постоянно возвращаться к только что прочитанному.

«Мозг, что ли, перестаёт удерживать внимание? Отчего это я постоянно рассредоточиваюсь?» - озабоченно размышлял Восадулин.

Перебрав все возможные причины, вплоть до ослабления зрения, он пришёл к неожиданно оптимистическому выводу: «Наверное, мозг мой перегружен, пора его разгрузить».

Из всех известных ему способов - сон, рыбалка, хождение за грибами, а за окном уже поздняя осень и выпал первый снежок - остался только один - первый. Глубокий, восстанавливающий все силы организма сон.

А как заснёшь, если сон нейдёт? Раньше бывало: коснулся головой подушки - и как в яму провалился. И надо-то такого сна всего-навсего часов пять-шесть. Теперь лежишь в кровати столько же, но первую половину этого времени ворочаешься, заснуть не можешь, а вторую - из полусонного состояния никак не выкарабкаться.

Восадулин прикрыл глаза, и кто-то ласково, а затем раздражённо зашептал ему на ухо:

*Как хорошо закрыть глаза и спать,
когда никто тебя не потревожит.
А если потревожат, можешь дать
по рожке, блин, по рожке, блин, по рожке...*

Егор усмехнулся этому неожиданному собеседнику: ишь ты, всё про меня знает. А дальше потекло само собой:

*Как хорошо рыбёшки поудить,
когда никто тебя не потревожит.
А потревожат, можешь смело бить
по рожге, блин, по рожге, блин, по рожге.*

*Как хорошо грибов пособирать,
когда никто тебя не потревожит.
А потревожат, можешь снова дать
по рожге, блин, по рожге, блин, по рожге...*

Егор не придал значения этим шутивым грубоватым строчкам, которым, тем не менее, можно было сказать спасибо, что они подняли упавшее настроение.

«А возьму-ка я, пожалуй, вина, - поразмыслив, решил он. - Вино поможет мозгам забыть лишнее. Хотя, что лишнее, а что нет, оно не разбирает. Но к нему бы ещё хорошего собеседника. Да где их теперь наберёшь? Иных уж нет, а другие иные, в полном смысле этого слова, как выпьют - двух слов связать не могут. От них мозгам ещё тяжелее становится. Да и пьют они совершенно иное, что не разгружает, а напрочь стирает или убивает память».

И Егор взял шампанского.

И, наливая вино в бокал, под звук пенящихся пузырьков, благословил свою душу плыть по волне разгружаемой памяти.

Весёлое пузырящееся вино, ожидаемо усваиваясь, расслабляюще потекло по уставшему восадулинскому организму.

Шампанское, несмотря на ёмкость пузатой бутылки, имеет свойство быстро заканчиваться, как всё хорошее. Восадулину всегда казалось, что виной тому эти самые пузырьки, ведь, выходя из вина, они тем самым уменьшали его массу. А насколько - если кто-то и подсчитывал, то об этом на этикетке ни разу не сообщалось. Наверное, всякий раз по-разному. А потому он брал не одну бутылку, а две, не без оснований полагая, что треть от объёма испаряется без ощутимой для пьющего

радостной пользы, даже от наблюдения за процессом убегаания растворённых в вине пузырьков газа.

Шампанское, тем не менее, подействовало быстро.

Опьянение пришло, но в сон ещё не склонило, к тому же было готово пропасть, повторяя путь исчезающих пузырьков.

И неожиданно, когда захотелось открыть вторую бутылку, возник знакомый, не раз и не два испытанный сильный прилив энергии. Восадулину стало жарко, и он скинул с себя и свитер и рубашку, стащил и брюки и носки, оставшись в трусах и майке.

Бодр и весел.

А его незримый собеседник, как будто Восадулин пил не один, сменил своё весёлое утреннее настроение на иное:

*Нехорошо, когда ты пьёшь один
и уж никто тебя не потревожит.
И не разглядит на душе морщин
и рожге, блин, и рожге, блин, и рожге...*

«Вот так кода. А ведь, несмотря ни на что, получилось настоящее стихотворение.

Так вот чего мне не хватало!

Кто бы что ни говорил, а следует периодически разбавлять себя шампанским», - с этой только что доказанной мыслью Егор посмотрел на пустую бутылку и с чувством исполненного долга откупорил вторую.

Теперь с каждым глотком он ощущал, как на него накатывает усталость, что она принесёт ему глубокий, заслуженный разгружающий сон...

ЗА ПЕТРОВА-ВОДКИНА!

- Кто ваш любимый художник? - спросила Восадулина не первой молодости, но с крепкими крупными зубами дама, в

надежде получить ожидаемый ею ответ. Всегда есть такие участники встреч с читателями, которым хочется показать, что они знают об авторе больше, чем остальные. И, получив ответ на свой отзвучавший вопрос, они стремятся продолжить разговор и привлечь внимание собравшихся к какой-нибудь подробности биографии, которую автор забыл. Или постарался забыть.

А вот они по-о-мнят.

Егор внутренне съёжился в ожидании каверзного продолжения.

Встреча проходила в выставочном зале краеведческого музея, и вопрос дамы, очевидно, возник не случайно. Здесь были выставлены картины местного художника. К очередному в его жизни десятилетию и «...к сорокалетию творческой деятельности», как сообщалось на сделанной от руки афише. Наивные, милые полотна душевного друга, коих в качестве подарков накопилась целая стена в однокомнатной келье Восадулина.

- Петров-Водкин, - почти мгновенноотреагировал его торопливый язык. Казалось, вопрос ещё висел в воздухе, а он уже выдал ответ.

«Вот теперь и юркни в дверь. Теперь, мой милый-болтливый, придётся тебе проговаривать, за что я его полюбил. Не с бухты же барахты ты это брякнул», - внутренне произнёс Восадулин.

Он не раз перечитывал автобиографические повести Петрова-Водкина с многочисленными рисунками автора. А в гостях у друга-художника частенько перелистывал альбом со знаменитым «Купанием красного коня». Этот конь, как по волшебству, и возник сейчас перед его растерявшимися глазами: «На сей раз язык-то меня, пожалуй, и не подвёл, а наоборот - выручил. Нет у этой дамы никаких каверзных фактов из моего общения с Петровым-Водкиным, он умер задолго до нашего с ней появления».

Скоропалительный ответ вызвал раскат хохотка в собравшейся аудитории, где половину составляли студенты сельскохозяйственного техникума. Они и восприняли этот ответ как юмор, ожидая продолжения разговора в том же ключе.

Дама тоже улыбалась, переводя взгляд то на Восадулина, то на развеселившихся студентов и продолжая демонстрировать всем свои великолепные зубы. Но улыбка её постепенно становилась ехидной, глаза приобретали охотничий блеск, как глаза удава, гипнотически смотрящего на кролика: дескать, вот ты и попался, теперь никуда не уйдёшь.

«Нет, пожалуй, сам того не желая, язык мой простодушный всё же подыграл этой даме. Городок маленький, и наши с юбилеем нечастые, но оригинальные возлияния проходили на глазах многочисленных очевидцев.

Чего только стоит поход за пивом с двумя вёдрами на расписанном под хохлому коромысле, которое позаимствовали не где-нибудь, а в отделе культуры. В музейных архивах наверняка осталась газетная информация, что пиво в нашем тишайшем городке пьют вёдрами. Сейчас-то его хоть залейся, но так было не всегда, и за ним выстраивались длиннющие очереди. Нацедили нам в тот памятный день - без всякого ожидания. За оригинальность идеи. Да и мы не пожадничали, сделав последних в очереди первыми. Последними друг друга делают люди, а первыми последних делает рука Бога. Не суждено было пиву в вёдрах выдохнуться.

Да мало ли ещё накуролесили!» - такая вот беспокойная мысль мимоходом посетила мозги Восадулина, пока шум в зале медленно затихал.

Кто-то из студентов по фамилии Петров тут же получил прозвище Водкин.

На этом бы и закончиться ответу. Не объяснять же, каким единственным в своём роде мастером был художник Петров-

Водкин и почему он ценен душе Восадулина. Тем более что под руками не было ни одной репродукции его поистине незабываемых, поражающих оригинальностью стиля полотен.

Но дама не собиралась сдаваться. Какой-то случай из жизни Егора и его закадычного друга явно не давал ей покоя.

«Наверно, сама пишет или малюет. О, сколько их сейчас вытаяло - доморощенных «писателей» и «художников»! Культурный уровень ниже плитуса, а возможностей самовыражаться хоть отбавляй. И приходят они на встречи не что-то узнать, а самоутвердиться в своём примитивном понимании искусства. Для них главное «лайки» и фраза: «народу нравится». А народ - это те, кто «в друзьях» из сети «ВКонтакте». Профессионалы, как говорится, за кадром.

А может, обидел её ненароком, и шанс появился прилюдно поквитаться. Наверняка заранее подготовилась.

Или «творческая зависть» покоя не даёт? И хочется личную жизнь, в которой все мы не ангелы, начать обсуждать. Этак каждого можно, по накатанной дорожке, представить монстром. В развенчании кумиров и пресса, и телевидение, да и книгоиздатели поднаторели, а дурной пример заразителен.

Мы с моим другом не кумиры, но долю мелкой зависти на свой счёт, как ни странно, имеем. Сколько раз нас старались лбами столкнуть.

А перекину-ка мяч на её поле», - решил использовать свой давно испытанный полемический приём Восадулин:

- А вам какой художник нравится? Наверное, вы и сами не чужды литературному творчеству?

О, на какую же плодороднейшую почву упал этот вопрос!

- Я специально пришла на встречу с вами, потому что проходит она на фоне выставки нашего известного, можно ска-

зать, народного художника, отмечающего свой жизненный и творческий юбилей, - как по писаному, спеша высказать свой заранее отрепетированный текст, затараторила повернувшись к аудитории дама. Слово «народный» звучало в её выступлении в различных сочетаниях, словно она старалась сама себя в чём-то убедить, во что самой же не очень-то верилось.

А у Восадулина появилось время поразмыслить над возникающим на глазах феноменом:

«Словом «народный» теперь пытаются прикрыть недостаток профессионализма. Сплошь и рядом - все народные. Вообще-то это звание, выше которого не бывает. И присваивают его за заслуги перед всем народом, за огромную популярность в народе, и не стоило бы его девальвировать, разменивать по мелочам, даже в качестве комплимента. Если его таким вот образом постоянно запускать в обращение, популярности ни у кого, в том числе и у моего друга, не прибавится, а в смущение его привести можно.

Слово «звезда» уже затаскали, но убеждать таких вот раздатчиков комплиментов в чём-то бесполезно. Они ведь следуют общему «тренду» и к тому же, кроме себя, никого не услышат, как поющие глухари. А в общем, лучше не обращать на неё внимания, пусть говорит».

За время его размышлений дама успела на одном дыхании прочесть целую лекцию о творчестве «народного», «понятного народу», «принадлежащего народу» - скромного труженика кисти районного масштаба, который прекрасно признавал меру своего таланта. И всегда пропускал эти не подкреплённые всенародной известностью комплименты мимо ушей, ворчливо, с юморком повторяя в беседах с Восадулиным: «Лучше бы денег дали».

- А теперь я с вашего позволения прочту несколько своих стихотворений, - повернувшись к Восадулину и снова про-

демонстрировав свои крепкие крупные зубы, произнесла вошедшая во вкус дама.

«Валяй», - подумал он про себя. А вслух произнёс:

- Конечно, конечно, - и ободряюще зааплодировал.

Собственно, встреча читателей с ним на том и закончилась. Началось общение с другим автором.

Дама вытащила из поданной из первого ряда папки несколько изданных домощенными издателями книжечек со своими стихами.

«А вот и группа поддержки», - не без удивления заметил Егор.

В стихах явно прослеживались подражания то Есенину, то Маяковскому, то Агнии Барто... Но публика, пришедшая на встречу, перечисленных классиков в современной суетной жизни уже подзабыла, и потому дама раз за разом срывала аплодисменты, тем более что декламировала она громко, командирским голосом, особенно детские стихи.

«Наверно, на муже и внуках тренируется», - внутренне улыбаясь, подумал Восадулин.

Он давно уже поглядывал на стенд, возвещавший о юбилейной выставке друга, скользнув за который, можно было незаметно исчезнуть из зала, как из ставшего неуютным мира, оставив себе на смену целое воинство беспардонных словоблудов, количество коих всё никак не перейдёт в качество, нарушая тем самым известный философский закон...

Вечером, заглянув на огонёк к юбиляру, он молча поставил на стол литровую бутылку. Натюрморт с селёдкой уже был оформлен, как на известной картине их любимого художника.

Подняв полные стаканы, поэт и художник по заведённой традиции посмотрели друг другу в глаза и, не сговариваясь, хором произнесли: «За Петрова-Водкина!»

ВОВКА МЯГКОВ

Безвременно ушедшего восадулинского собрата по перу при крещении назвали Владимиром. В школе звали Вовка. Годом к тридцати пяти жизнь перекрестила его в Водку. Ну а фамилия, совпавшая с названием нового сорта национального напитка, как нельзя кстати подошла к его новому имени.

Природа одарила его многими художественными талантами. В местном Доме пионеров им помогли развиваться до уровня значительно выше плитуса. Вовка неплохо рисовал в стиле художника Лаптева, автора иллюстраций к бессмертному произведению Николая Носова «Незнайка на Луне», играл в драмкружке. В школе был замечен учительницей литературы как автор оригинальных сочинений на свободную тему.

Он не подвёл своих первых учителей и наставников и сразу после школы поступил в легендарный ГИТИС.

Но ещё один талант - не вовремя напиваться - оказался сильнее стремления кропотливым трудом постигать профессию актёра. Со второго курса театральный институт пришлось покинуть и вернуться уже навсегда со столичной на родную землю.

Здесь он с распростёртыми объятьями был принят в Народный театр, на сцене которого в начале двадцатого века в роли Астрова блистал известнейший русский писатель. Он наезжал сюда в имение друга, где создал ряд полюбившихся читателям произведений. А заодно увековечил в одном из замечательных рассказов и нравы, царившие в провинциальном городке:

«Живёт здесь малая кучка интеллигентов, но все они вскоре по прибытии в город поразительно быстро опускаются, много пьют, играют в карты, не отходя от стола по двое суток, сплетничают, живут с чужими жёнами и с горничными, ничего

не читают и ничем не интересуются. Почта из Петербурга приходит иногда через семь дней, иногда через двадцать, а иногда и совсем не приходит, потому что везут её длинным кружным путём, сначала на юг, на Москву, потом на восток, на Рыбинск, на пароходе, а зимою на лошадях, и, наконец, тащат её опять на север, двести вёрст по лесам, болотам, косогорам и дырявым мостам, пьяные, сонные, голодные, оборванные, мёрзлые ямщики».

Почта и сейчас доходит сюда не быстрее, чем в этом прозорливом рассказе провидца-писателя.

А в качестве нечаянного свидетельства укоренившегося пьянства краеведами записан достоверный случай о том, как он сохранил на высоком холме красавицу-сосну, выставив мужикам, хотевшим спилить её на дрова, не то ведро, не то ящик водки.

Сосна стала достопримечательностью, а хотели мужики спилить её на самом деле или таким образом «раскололи» писателя на выпивку, знали только они. Краеведы о том могут только догадываться, но в силу неиссякаемых способностей к импровизации пудрят своими рассказами мозги неприятельным туристам по пути в ставшую литературным музеем дворянскую усадьбу.

В общем, водка в жизни местного населения играла весьма значительную, если не сказать градообразующую, роль. Здешний спиртзавод славился её неизменным качеством и просуществовал до своего полного уничтожения в антиалкогольную кампанию времён начавшейся в стране перестройки.

«Всё хорошее когда-то кончается, а остаётся неизвестно что. Как тут не налететь на контрафакт?» - всякий раз размышлял Восадулин, глядя на полки неподдающихся точному исчислению магазинов, торговавших алкогольной продукцией.

Будучи трезвым, Вовка Мягков становился не чужд литературному творчеству. Писал небезостановочные вирши, а его фантастическая повесть удостоилась публикации в одном из первых, а после расплодившихся как грибы по всей России, краеведческих альманахов.

Периодически сжигая свой личный архив, Восадулин наткнулся однажды на подаренную ему поэму безвременно ушедшего Вовки Мягкова. В ней автор, побуждаемый, очевидно, теми же мотивами, что и известный писатель, но в стихотворной форме, усвоенной от театральных капустников, зафиксировал своё восприятие провинциального житья-бытья местной творческой элиты, среди которой он чувствовал себя как рыба в воде.

Поэма была помечена концом прошлого века. Тогда ей увидеть свет в виде какой-либо публикации не удалось.

«А сейчас, пожалуй, среди того хлама, что беззастенчиво публикует «свободная пресса», поэме явился шанс. Да и пора показать должный уровень доморощенным стихоплётам», - решил Восадулин.

Дабы не зря страдало сердце Вовки Мягкова над весёлыми строчками, Егор перепечатал поэму и отнёс её в «уважаемую редакцию».

«С учётом местных реалий читательская аудитория ей обеспечена, а тираж местной «сплетницы» сравним с нынешними тиражами прославленных столичных «толстяков». Читайте, дорогие земляки, на здоровье», - напутствовал он оригинальное творение ожившего в строчках автора, промокнув рукавом набежавшую то ли от смеха, то ли от нахлынувших воспоминаний сентиментальную старческую слезу.

Так и увидела свет долежавшая до светлого часа поэма Владимира Мягкова.

Выставленная редакцией в интернет, она и там набрала множество восторженных откликов в виде «сердечных» лайков, чего и следовало ожидать.

Могила Вовки Мягкова находилась на возвышении, и каждый, кто заходил за оградку, был виден издали.

Восадулин сидел сгорбившись, как будто ветер уходящего времени задувал ему за воротник. Издали он напоминал памятник Гоголю работы скульптора Николая Андреева, расположенный на Никитском бульваре в суматошной столице нашей Родины. Как известно, автор изобразил Гоголя в период его душевного кризиса, глубоко погружённым в скорбные размышления.

Скульптор подчеркнул подавленное состояние «согбенной позой, опущенной линией плеч, наклоном головы, складками плаща, который почти полностью скрывает как бы озябшее тело».

«Сколько страдания в этом мученике за грехи России!» - воскликнул, увидав скульптуру, художник Илья Репин. «...Гоголь с упрёком, недоумением и негодованием смотрит на толпу у своего подножия, готовый бросить в печь свои творения...» - сказал по поводу памятника писателю и философу Василий Розанов.

Неподвижная фигура Восадулина, окружённая могильными крестами, могла показаться и надгробным памятником. Кому и чему? Может, той незабвенной эпохе, где было место не только деньгам, а и людям с их неповторимыми и не стёртыми временем судьбами?

Восадулин ощутил, что вместе с надгробной плитой покрылось росой и его одинокое сердце...

БАБОЧКА

Зимой, когда за окном было минус двадцать, в комнате Восадулина ожила бабочка. Она сначала медленно, потом всё быстрее порхала по комнате, как будто обживала её в качестве хозяйки. Она даже вокруг Егора облетела дважды, и ему показалось, что какие-то невидимые нити стали заплетать вокруг него кокон.

«Так, чего доброго, опутает меня за зиму своими магическими нитями, стану сначала куколкой, а потом мотыльком и улечу в один прекрасный день в неизвестность», - подумал Восадулин.

Бабочка, обследовав комнату и, очевидно, устав, выбрала наконец место на краешке стола, придвинутого к батарее. Она сложила крылья, потом расправила, потом опять сложила и снова расправила - и так несколько раз. Егор подошёл к столу, боясь спугнуть незваную гостью, ему хотелось рассмотреть рисунок на крыльях. Во время полёта показалось, что ожила крапивница. Но бабочка на краю стола была и крупнее, и бархатистее, и с каждого из её четырёх крыльев на Егора глянуло по нарисованному природой глазу.

«Есть такая бабочка в наших местах, и называется она павлиний глаз, - вспомнил он школьные уроки биологии и, чтобы уже не сомневаться, открыл атлас-определитель с интригующим названием «От земли до неба». В определителе бабочка, с уточнением, называлась дневной павлиний глаз. - Ну, держись, Восадулин, теперь ты под бдительным оком: шаг влево, шаг вправо - и... Наверное, кому-то надо, чтоб не одно, а целых четыре ока следили за тобой каждый день». Словно поймав эти мысли в свои невидимые сети и подтверждая их, бабочка вновь сомкнула и расправила крылья. И на Егора глянули четыре волшебных, магических глаза.

«Господи! Какая красота!» - раздался в комнате восхищённый возглас Восадулина.

Бабочка с тихим шелестом набравших силу крыльев сделала по комнате круг и вернулась на прежнее место.

«Неужели всё это на самом деле - не плод воображения, не галлюцинация от ночных бдений. А вдруг она - вестница чего-то иного в моей устоявшейся жизни? Да только что уж такого в ней может произойти, если всё в ней давно утряслось, устаканилось».

Разве что таракан приползёт, но с ним всё ясно. Значит, соседи развели тараканов, и приполз тараканий изгой, подвергнутый их тараканьему остракизму, или разведчик, отправленный общим решением на поиски сытных квартир.

Но бабочка зимой - не таракан. Ему что зима, что лето - на улицу не выходит. Тепло и сытно, пока не потравят. Это в деревнях их принято вымораживать.

Только бы бабочке было тепло и уютно, только бы батареи грели нормально. А что ж ей есть? Нет ни луга, ни поля, ни пыльцы, ни нектара...

Но раз ожила, значит...

Значит, это кому-нибудь нужно.

Может, явилась таким вот примером, что можно совершить невозможное, что есть недоступные разуму тайны, - весь день Егор ходил вокруг гостыи, любуясь ею и размышляя. - Лететь ей некуда, а сохранить её живой невозможно. Их век и без того короток, а без лета ещё ведь короче. Что же с ней делать? Прилетевшей как будто из рая, недоступного мне измерения.

Как вернуть её в рай? Разве есть такой путь, чтобы можно туда и обратно? Если так же исчезнет, как появилась, значит...»

Так прошёл целый день под взаимным присмотром - Восадулина и четырёхокого дневного павлиньего глаза.

Вечером гостыя сложила крылья, уравновесив себя на тетрадном листе. Утром она была там же. Включённый свет её не разбудил. Когда зимнее солнце проникло лучами сквозь окно и лучи упали на бабочку, крылья её раскрылись.

«Ну чем не солнечная батарея? - подумал Восадулин и тут же оборвал свою мысль как кощунство. - Набита голова всяким хламом, всё пользу ей подавай».

А солнце, между тем, зарядило бабочку светом, и Егор снова задумался о пути к неизвестному раю. Был ли он у людей? А если был, то зачем потеряли?..

Бабочка не искала еды. Она поднималась по шторе окна вверх, затем порхала по комнате. И вдруг опустилась Восадулину на руку, и он чуть не задохнулся от восторга. Она показалась ему во всей красе, и Егор закружился по комнате в плавном танце. Бабочка подрагивала крыльями и тонкими усиками, выставленными вперёд, как антенны. «Опять забитый хламом мозг диктует несовместимые с бабочкой сравнения, - спохватился Восадулин. - Ведь всё как раз наоборот. Это антенны - творение рук и разума человеческих - как усики у бабочки.

Одни технические термины остались в нашем мире. Разве так можно с красотой обращаться? Нужно искать новые, то есть вспоминать старые слова, из утраченного, затерянного в глубинах веков рая или райского времени, когда поэты считались равными правителям, но сами правители знали, что поэты их выше. Тогда и мозги очистятся».

Прошла неделя. Бабочка продолжала завораживать своими немигающими на крыльях глазами. Уходя из дома, Егор оставался к ней подключённым. Возвращаясь с мороза, не сразу искал свою гостыю, сначала согревался у батареи.

«Глаза на крыльях моей бабочки смотрят вверх, как будто ждут сигнала, когда её позовут обратно. Это глаза из того измерения, которое называется красотой. И не случайно такой глаз есть и на перьях самой красивой птицы на свете. Это не антенны, не солнечные батареи, это просто образы единого целого - разлитой во Вселенной красоты, её узор, доступный нашему зрению. Если верить фотографиям, сделанным с телескопов, то он напоминает и закрученные в спирали галактики, и туманности звёздного неба.

Ну почему человек без крыльев?!

Крылья ушли в мозг, но лучше б они вышли обратно. Не в самолёте, а в свободном полёте летел бы человек над зем-

лэй с павлиньим глазом на каждом крыле», - Восадулин представил свой первый полёт, глядя на трепетавшую на странице раскрытой книги бабочку.

Со вчерашнего вечера на столе лежала раскрытая Книга книг. А бабочка трепетала на строчке о Слове и Боге.

«Так вот ты кто! Сквозь время, сквозь неизвестно какое пространство ты явилась мне с вестью о Нём.

О Его красоте - красоте Вездесущего Бога!»

Вечером бабочка снова сложила крылья, а утром они не раскрылись. Что-то живое, совсем невесомое, с павлиньим глазом порхнуло в душу Егора. «Как бабочка поэтиного сердца», - подумал он тогда.

С того дня он жил с ощущением присутствия тайны и невозможности её постижения известными науке путями. Ведь любая попытка научного постижения - это всего лишь бесконечное моделирование. Процесс бесконечный, а значит, и безрезультатный. А тайна даётся целиком и сразу, как вера в Бога.

Авестники, вестницы приходят как подтверждение открывшейся истины. Именно как подтверждение, что она есть, никуда не исчезала и не исчезнет никогда...

СВОБОДА ЗЛОГО

В одной из телепередач Восадулину вместо «свобода слова» послышалось «свобода злого». Удивительно, как иной раз наступающая глухота или другие исчезающие физические возможности приоткрывают дверцу в суть происходящего. Это как проговорка по Фрейду, когда из подсознания проговаривается истинное желание говорящего.

«Ну, конечно, какая же сейчас свобода слова - сейчас настоящая свобода злого, - ухватился за необычное словосочетание Восадулин. - Свобода оболгать, свобода разрушать, свобода плюнуть в душу,

свобода выставить на посмешище в интернете... Сколько ещё степеней у подобной свободы?

Свобода злого - и в том, чтобы перекрыть газ или воду своим соотечественникам за их стремление к справедливости - дескать, поглядим, долго ли без газа или воды протянете? Надолго ли вас хватит со своей справедливостью?

Искусственно создавая дефицит, можно манипулировать ценами. А заодно и двигать настроение масс в определённом направлении.

Наркомания, проституция, однополые браки, гей-парады - тоже вехи свободы злого.

С определением свободы как осознанной необходимости, если всё это принять как необходимость, тоже что-то не так. Таким определением можно всё оправдать.

Философы тут что-то перемудрили или недомудрили.

Когда оглохну совсем, то перестану слышать и злое, а значит, и нервно на него реагировать. До «глухой тетери» не докричаться. Правда, стану более уязвимым, к примеру, для транспорта. Так по этому поводу можно ходить с табличкой: «Осторожно! Я - глухой» или «Не сигнальте! У меня в ушах бананы». Пусть реагируют, как на красный сигнал светофора, и давят... не на газ, а на педаль тормоза».

«Сирота - и ла-та-та», - любил выражаться знакомый Егору детдомовец, имея в виду, что с сироты взятки гладки. Дескать, какой с бедного сиротки спрос? Ну а с бедного инвалида тогда тем более. Если хочется быть и оставаться инвалидом.

«Но, - продолжал размышлять Восадулин, - уже будучи глухим к внешнему миру, Бетховен написал Девятую симфонию, норвежский писатель Кнут Гамсун создал одно из лучших стихотворений о матери.

При физической глухоте обостряется слух души. Весь социальный шум, влетающий в уши, вылетает обратно, не причи-

няя вреда. В ней оживает шум леса, пение птиц, раскаты грома...

И тарактение механизмов из мира души исчезает. Оглушённое тело отключилось от звуков прогресса и отдыхает.

Когда старость отбирает слух, делает это осознанно. Вот она, настоящая, а не фальшивая осознанная необходимость. Организм её осознал и принял. И отрицал всё ставшее лишним.

Делая человека более уязвимым, она дарит ему возможность остаться наедине с собой, отключает от мира свободы злого. А много ли было таких возможностей в жизни? Ты не услышишь проклятий в свой адрес, как не слышал их старый Гамсун. Великий норвежец. А газеты читать и не обязательно. Ты станешь спокойнее и добрее.

Но как ослабевшее животное становится лёгкой добычей для хищников, так и ты, утратив один из органов чувств, можешь стать жертвой соблазненных свободой злого. Будь готов к этому...

И всё-таки жаль, что и свист ветра, и трель соловья, и звуки музыки остаются лишь в памяти. Но ведь и голос отца, и голос матери уже давно живут только в ней. И свобода злого перед ними бессильна.

Их стирает лишь собственная смерть. Но и твой голос будет жить в памяти близких. На него настроится слух их души.

Есть люди глухие от рождения. Их горячее желание избавиться от глухоты вполне объяснимо, ведь у них ещё целая жизнь впереди. Им ещё хочется общения...

Но тут другой случай...»

Егор замечал, что стал слышать не так и не то. Не переспрашивая и не вникая в сказанное, он стал улыбаться в ответ и молчать. И со стороны казался внимательным собеседником.

«Я свободен...» - поётся в песне. Он понимал, что обрывается одна из уз, связующих его с миром. Но в то же время обретается степень свободы от него - свободы от злого.

«Как всем хотелось свободы слова. А пришла вседозволенность. Как всем хочется слышать себя. И возможностей - хоть отбавляй... «Слово не воробей, вылетит - не поймаешь» - давно было сказано. Теперь говорят: «Фильтруй базар». Иначе отфильтруют тебя, - дополнил Восадулин известную поговорку нового времени. - Поместить бы эти слова в качестве девиза на всех печатных изданиях. И в качестве заповеди народным избранникам в их депутатских мандатах».

Напоследок Егор удручённо задумался, почему гложет на правое ухо. И вспомнил, что с правой стороны всё время пела во время застолий бывшая теща...

ПРОЕКТЫ

- Э-т-то м-м-мой п-про-ект, Е-е-гор, - сказал Восадулину знакомый журналист-фрилансер, которого в штат ни одно издание не брало по причине отсутствия необходимого присутствия. Нельзя сказать, что он не был востребован. Для простеньких текстов, подписей под фотографии способностей хватало, а потом и вся журналистика, как по его заказу, свелась к обилию фото и подписей к ним.

И тут он стал почти нарасхват, так как не сидел на месте и в любое время мог отправиться за интервью к какой-нибудь находящейся на расстоянии знаменитости. В газетах, с которыми он сотрудничал, его звали Подносчик патронов. Любой штатный журналист без особого труда мог разбавить его текст, содержащий необходимую фактуру, так называемой «водой» в необходимом и достаточном для удобоваримой подачи материала количестве. За это его и ценили.

Но главная его способность, а точнее, настоящий талант, состояла в другом - в умении убеждать в каком-нибудь своём проекте различных спонсоров. Начинать он с новоиспечённых предпринимателей,

которым запудрить мозги собственной значимостью, основанной на многочисленных публикациях, было несложно. А на пике своей славы и возможностей - добрался до крупной политической партии современной России. Однажды взбрело ему в голову объявить себя посланцем популярного фольклорного персонажа. Способом автостопа отправился самозванный посланец по городам и весям с нехитрыми подарками для детсадовцев и младшеклассников в заплечном мешке, не забывая при этом объявлять о своём главном спонсоре.

Восадулин всё пытался представить, как самопровозглашённый посланец зимнего волшебника, заикаясь, да ещё весьма высоким голосом убеждает детишек в своей волшебной миссии. Детишки, конечно, не такого ожидают волшебника. Они вообще ждут не посредника, а его самого.

Но для кого-то наглость - второе счастье. Проект этот длился несколько лет, и знакомый Восадулина однажды добрался до самой окраины нашей страны - Дальнего Востока. С годами фольклорное одеяние посланца, вначале непритязательное, становилось всё изощреннее и дороже. Последний костюм стоил уже за пятьдесят тысяч, что по любым меркам деньги немалые.

Но тут нужда в подобных посланцах у его партии, очевидно, отпала.

И теперь бывший «примазанник» к фольклорному персонажу, так неожиданно и резко закончивший свой вояж по стране, осел в одном из известных монастырей в образе «глубоко верующего человека». Не прошло и полгода, как он обрёл своим новым «п-про-ектом» достаточную известность у падких на такого рода сенсации бывших коллег по печатным изданиям. Про него теперь знакомые борзописцы писали не иначе как о ревнителе веры.

Канули в Лету и прозвище Подносчик патронов, и многолетняя эксплуатация

имиджа сказочного персонажа. «Если так дальше пойдёт, то недалеко и до старчества», - с иронией размышлял Восадулин.

Талант держать нос по ветру, не сильно напрягаясь в трудах праведных, - талант особый, и на людей, им обладающих, в отсутствие государственной направляющей инициативы, образуется спрос, так как они сами приходят со своей инициативой.

По-настоящему талантливыми назвать их язык не поворачивается. На помощь пришло новое забугорное словечко, мгновенно вошедшее в употребление. Таких людей зачастили называть креативными, не особо вникая в глубинную суть подсухнутаго из-за бугра понятия.

Восадулин всегда притормаживал себя, произнося это новое определение, чтобы случайно не сказать «кретинами». Причём всегда вспоминалась строчка из старого анекдота, где слова филателист, Тифлис и сифилис один грамотей назвал однокоренными. Однокоренными они, конечно, не были, но в качестве рифмы друг другу подходили. А креативные кретины, будучи в одной строке, вообще обладают внутренней рифмой.

«Как ни крути, а туризм не зря рифмуется с дуризмом, - заметил однажды Восадулин, находясь в отделе культуры. - Даже в Греции».

Но глас его был гласом вопиющего в пустыне.

Городок, где он жил - не Греция с её всемирно известными памятниками, где, по определению, всё есть. Но туристическая зараза, занесённая креативными изобретателями «п-про-е-ктов», на местное руководство действовала магически. Как будто могла спасти городок от начавшегося захолустного существования вследствие закрытия всех градообразующих промышленных предприятий.

Один из краеведов несколько десятилетий назад документально подтвердил, что случай, описанный Гоголем в коме-

дии «Ревизор», произошёл именно здесь. Это сподвигло нынешних бойких креативщиков разместить на центральной площади города фигуры героев литературного произведения, несмотря на сомнительность славы «Города Ревизора». Как будто вся прошлая трудовая слава его жителей куда-то исчезла. Егор долго пытался понять, что двигало краеведом в его филологическом открытии. И приходил к неоднозначному выводу.

На креативный туристический проект истратили немалые средства. Никто жителей города на сей раз не обирал.

Деньги до них просто не дошли.

Им был преподнесён даже подарок в виде забившего в городе фонтана, хотя до реки рукой подать.

«Мы не обобранные, но нельзя сказать, что не одураченные. Хлестаков жив, но он стал хитрее, - размышлял Восадулин. - Не вымарщивает деньги у конкретного тугого кошелька, а уселся на денежные потоки из государственного кармана. Для исполнения очередного своего креативного проекта. А нужен этот п-проект местным жителям или нет? Убедят, что нужен. На то они и креативщики».

На одной из скамеек для удобства исполнения селфи сидит теперь сам автор «Ревизора». Фигура Николая Васильевича сделана так, что в голове национального гения гуляет ветер, и сам он кажется жалким, когда в обнимку с ним снимается то разухабистая современная девица, то румяный, с пивным животом парень. И не понять - то ли они здешние, то ли туристы, то ли уже и то, и другое...

По воле креативных хлестаковых слава «города Ревизора» затмила славу «города кузнецов», коим он был и оставался в памяти сменяющих друг друга поколений своих жителей. В краеведческом музее экскурсантам, занесённым сюда туристическим ветром, расскажут, что городок сей был ещё и первой оружейной мастер-

ской русского государства и что в Смутное время оказал упоминаемое в исторических документах самоотверженное сопротивление польским захватчикам.

Стоя на площади в окружении героев «Ревизора», Восадулин невесело рассуждал: «А нужна ли нам такая слава? У чиновников в мозгах большими буквами сияет слово «туризм». В их речах следом идут: пополнение бюджета, рабочие места, и т. д., и т. п. Но правильные слова остаются словами, а молодёжь продолжает уезжать.

Вот и в местной прессе мелькала рубрика: «Стань туристом в родном краю». С благими вроде бы целями, но не от большого ума. Всё равно что стань гостем в своём доме. А всё к тому и идёт».

И как вишенку на торте, в своих рассуждениях о проектах Восадулин увидел в интернете сообщение со ссылкой на данные Роспатента: «Почта России» планирует запустить проект по продаже товаров под собственным брендом «Почтовая марка». Под новым брендом компания хочет продавать мясо, молоко, творог, сыры, безалкогольные напитки и пиво. Кроме того, в перечне есть и совсем неочевидные товары: «молоко скисшее», «личинки муравьёв съедобные» и «куколки бабочек шелкопряда, употребляемые в пищу».

СВАЛКА ТЩЕСЛАВИЯ

«Что есть человеческое тщеславие? - размышлял Восадулин. - По словарю: желание быть предметом славы, почитания, поклонения.

Но настоящая, непреходящая слава есть только у гениев, и она сопряжена с гигантским трудом, проделанным ими для воплощения своих замыслов.

Не говоря о том, что изначально гениям дан движущий ими талант. Принято считать - талант от Бога.

Зачем тогда желать тщетно?»

Прилагаемых тщеславным человеком усилий для настоящей славы недостаточно. Но в мире, где правят деньги, славу стало можно купить, точнее, тщеславу. На любой человеческой слабости можно нажать. Формула: товар - деньги - товар заимела разновидность: угаданное желание - предложение - деньги. Это начальная, скрытая от любопытных глаз схема мошенников на тщеславии. Ну а потом уже по классической схеме, когда производство, скажем, фальшивых наград становится бизнесом.

Современный чиновник, имеющий власть и деньги, а бедных чиновников уже нет, непременно захочет славы. И однажды, как будто угадав это желание, ему сделают предложение, от которого не станет сил отказаться. По почте придёт сообщение, что его заслуги оценены по достоинству и его желают наградить медалью или даже орденом великого реформатора России Столыпина. Правда, за это нужно перевести достойную предложенной награды сумму.

Награды в красочном изображении и неприкрытая лесть, как семена, упавшие на благодатную почву, проникают в воображение чиновника и в конце концов всходят ожидаемыми ростками.

В один прекрасный день он, решив, что уже аксиом, что в переводе с греческого означает: достоин, решится перечислить указанную сумму, найдя в бюджете своей властной структуры соответствующую возможность.

И вот на его праздничном пиджаке появляется первая купленная награда. Сначала он довольно робко выходит с ней в свет, как-никак нужно придумывать щадящие собственное самолюбие ответы на возникающие у любопытных коллег вопросы. Но увидев, что коллег с такими наградами постоянно прибавляется и никто никого о них не спрашивает, свежее испечённый кавалер такого-то

ордена смахивает свою робость с лица, как липкую паутину, и фиксирует на нём счастливое выражение.

И поползёт слух о каких-то неведомых заслугах данного чиновника перед государством. И долго никто не возьмёт в толк, что награда эта государственной не является, что это всего-навсего красивая побрякушка, выпущенная с использованием имени действительно послужившего государству человека, что за неё просто-напросто заплачены деньги, что в стране процветает бизнес, основанный на людском тщеславии.

Он проникает не только в сферу государственной власти, но и в творческую среду, где «предприниматели» от тщеславия организуют параллельно официальным структурам к юбилеям отечественных классиков свои конкурсы - со своими бронзовыми, серебряными и золотыми наградами. По соответствующей цене.

Эти креативщики любую человеческую слабость с успехом обращают в деньги. Доказать новоиспечённому лауреату, что он липовый лауреат, - невозможно, ведь ему сообщили, что он прошёл трудный отбор среди множества претендентов. И цифру назовут в качестве неопровержимого доказательства, при этом как бы забыв про цифру перечисленных денег. С лёгкой руки наградного бизнеса литературные награды стали украшать грудь не только «писателей», но и спонсоров, для которых предмет «родная речь» давно уже стал «арифметикой».

Многие печатные издания средней руки долгое время украшал знак «Золотой фонд прессы». Новоиспечённым редакторам, всплывшим наверх по воле случая из мутной воды идущих в стране перемен, хотелось поскорее избыть свой комплекс неполноценности и утвердиться вровень с профессионалами. Желание по вышеуказанной схеме нашло предложение.

И платили они из скудного бюджета за ежегодно подтверждаемый знак ушлым изобретателям конкурса «Золотой фонд прессы». А о том, что знак «качества» - купленный, читателям, естественно, не сообщалось. Из скромной информации, не упоминавшей стыдную часть правды, они ежегодно узнавали, что «их любимая газета вновь признана победителем» в трудной борьбе среди тысяч участников.

Печатному слову в глубинке ещё продолжают верить.

Узнав размер суммы, ежегодно перечисляемой организаторам журналистского псевдоконкурса, Восадулин прикинул, что за десять лет она составила годовую зарплату рядового журналиста. Тщеславие редакторов, да и руководителей любых других трудовых коллективов, обходится их коллективам недёшево.

В советские времена таких «наград» не было. Государство, в качестве важнейшего стимула трудовой деятельности, не выпускало из своих рук награждение за самоотверженный созидательный труд.

Впрочем, государственные награды есть и сейчас, и они, в отличие от фальшивых, дают определённые льготы, в том числе по оплате коммунальных услуг. Но много ли вы знаете простых честных тружеников, отмеченных государственными наградами в новой России? Награды достаются в основном артистам, спортсменам, ближайшему окружению властных структур. Ряд известных артистов при жизни был удостоен всех четырёх степеней ордена «За заслуги перед Отечеством».

О военных речи нет, орден Мужества за просто так не дадут. Об учёных тоже...

В провинции образовалась тенденция учреждать медали «За заслуги перед районом» от одной до трёх степеней. За первый срок пребывания у власти главы районов успевали наградить ими множество земляков. И быть бы этим главам несменяемыми, если бы в их деятельность пе-

риодически не вмешивалась какая-нибудь уголовная статья.

В повести Мельникова-Печерского «Княжна Тараканова и принцесса Владимирская» об известной польской авантюристке, объявившей себя наследницей русского престола, Восадулин наткнулся на любопытный факт. Одним из претендентов на руку мнимой наследницы был Филипп-Фердинанд, владетельный князь Лимбургский, претендент на герцогство Шлезвиг-Голштейнское: «Жил князь Лимбург, как и все мелкие имперские князья того времени: имел свой двор с гофмаршалом, гофмейстером, камергерами, егермейстерами и прочими придворными чинами, имел своё миниатюрное войско, держал своих поверенных при венском и версальском дворах с громким названием «посланников», имел свои ордена, которые раздавал щедро, ибо пошлины за пожалование ими составляли не последнюю статью в бюджете его доходов, бил свою монету, словом, пользовался всеми правами и преимуществами коронованных особ. Он раздавал ордена даже своим кредиторам за отсрочку ими оплаты его долгов».

«Так вот они где - первооткрыватели всякой человеческой гадости, - размышлял Егор после прочтения повести. - В богатой и сытой Европе, откуда то и дело ветром перемен заносит к нам идеи, отводящие человека от честного созидательного труда».

«Ну почему всем теперь хочется «здесь и сейчас», жизнь-то не «Поле чудес»? - задавал он себе то и дело возникавший вопрос. - Да потому что появилось множество возможностей обналичить человеческие слабости не запрещёнными мошенническими способами. Не запрещено, значит, разрешено.

Да ещё и Интернет...»

Восадулин вспомнил знакомого фотографа, которому «снесло крышу» много-

численными победами на различных конкурсах, коих сейчас, образно говоря, больше, чем участников.

Фотография как искусство его перестала интересовать.

Интернет предоставил возможность «вываливать» в глобальные сети всё, что успел «нащёлкать» без всякого критического к тому отношения.

«Впору какому-нибудь доценту задуматься над докторской диссертацией об отмене интернетом одного из главных философских законов - перехода количества в качество. Таким количеством качества не наработаешь.

Глобальные сети - это глобальная свалка человеческого тщеславия, где каждый сам себе и фотограф, и поэт, и певец, и музыкант. «Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку», а уровень у обоих остаётся ниже плинтуса», - с помощью строки известного баснописца завершил свои «несвоевременные мысли» Восадулин.

ВО САДУ ЛИ В ОГОРОДЕ, В ДЕРЕВНЕ ЛИ В ГОРОДЕ

Егор не помнил, от кого услышал фразу: «Поэт не должен работать». Сказавший её имел в виду, что поэт всецело должен отдаваться своему творческому состоянию. Так бывает, наверное, когда ему не надо думать о хлебе насущном, когда уже достиг известности и твоё имя начинает работать на тебя.

Душа поэта, если он действительно поэт, трудится «и день и ночь», но такой труд, пока он не материализован в ставшие популярными строки, денег не приносит. А голод не тётка, хотя поэту много и не надо.

Восадулин помнил фотографию Пастернака, сделанную на его даче в Переделкине, где известный поэт - в резиновых сапогах, простой рубашке и с лопатой

в руке. Фото было опубликовано в томе из большой серии «Библиотеки поэта». Оказывается, не гнушался Борис Леонидович в земле покопаться и вырастить тот или иной овощ, наверное, и пастернак, для семейного стола. А ведь если разобраться, людей такой высокой культуры среди его современников было раз-два и обчёлся.

Кого только не спасали картошка и капуста со своего огорода в тяжёлые для страны и тяжкие в собственной жизни времена...

Марина Цветаева, как могла, тянула на себе семейный быт со стиркой, приготовлением пищи - и в трудное время эмиграции, и по возвращении на Родину. Тоже не только душа, но и руки были при деле.

Покопавшись в памяти, Восадулин вспомнил всё же одного известного поэта, точнее, поэтессу, руки которой, образно говоря, тяжелее пера ничего не держали. Кстати, близко знакомую и с Пастернаком, и с Цветаевой. Рядом с ней всегда был кто-то, считавший за счастье или своим долгом ей услужить. Анна Ахматова - тоже гордость русской литературы. Со свойственной ей царственной осанкой она благосклонно принимала плоды поклонения своих почитателей.

Для справки: все трое родились чуть ли не в один год: Ахматова - в 1889 -м, Пастернак - в 1890-м, Цветаева - в 1892-м...

Однажды, находясь в областном центре, Егор попал на привезённую в юбилейный для Ахматовой год посвящённую ей выставку. Больше всего из представленных экспонатов его поразил тогда слепок руки Анны Андреевны. Каждый палец этой классической в эллинском смысле кисти был дошлифован Серебряным веком русской поэзии.

Тонкие, изящные пальцы, не знавшие физического труда, задерживали внимание. В них осталась неизувеченной красота «её века», несмотря на все бури века двадцатого, ломавшие, как хотели, не

только пальцы, но и судьбы людей. В «буднях великих строек», посреди перековки людей серебряных в людей железных.

В другой раз, также в областном центре, Егор побывал на творческом вечере широко известной в советские и не забытой в нынешние интернетные времена поэтессы.

Зал был полон. Иногда любители поэзии аплодировали виновнице торжества стоя. Потом выстроилась очередь за автографами. Получая желанный автограф, Егор обратил внимание на руки автора. Это были руки человека из народа, доставшиеся ему по наследству. Такими руками и создавалось за короткий срок первое в мире государство рабочих и крестьян. Они напомнили ему руки матери, ставшей учительницей, но тоже крестьянско-го роду-племени...

Однажды на вопрос знакомого литератора, прозвучавший по телефону, чем занимается, Егор ответил: «Копаясь в земле и словах».

«Надо бы сначала в словах, а потом в земле», - сочувственно, от души посоветовал звонивший литератор. Сам он, неуклонно следуя своему же совету, успел украсить библиотеку Восадулина десятком присланных с дарственными надписями книг, написанных в жанрах прозы, поэзии и публицистики. Назревало уже и литературоведческое издание, первые несколько очерков из которого были тепло встречены читателями.

«Может, и правда, много времени трачу в саду-огороде? - засомневался тогда Восадулин. - Но ведь просит крестьянская моя душа вырастить картошку с капустой, да и красавец-георгин, тем более, мы с ним тезки. И главное, что результат каждые лето и осень - перед глазами.

Зимой не придётся думать о хлебе насущном, даже при невеликой пенсии. Вот и будет время для накопленных слов. И ничего, что треть года копаюсь в земле.

Она мне живые слова дарит - от цветущей яблони, от жасмина, от собирающих нектар пчёл, от порхающего над цветком мотылька...

Недаром же у меня фамилия Восадулин! Сад и огород - моя территория, мой источник труда и вдохновения. В любом месте буду растить свои овощи и фрукты, сажать цветы и деревья. И копаться в словах...»

ГРАЖДАНИН

Знакомые Восадулина на склоне лет переставали читать книги. Зато часами «листали» смартфон. Модно стало гоняться за «лайками». Страна за короткий срок перестала быть самой читающей в мире.

Переселение людей в интернет, а книги всё же часть реального, а не виртуального мира, происходило у книг на глазах. Восадулин кожей ощущал, как нарастает их на Земле одиночество.

Интернет вовлекал, отучал, разобщал, заменяя слова символами, значками, возгласами, выражающими эмоции на уровне «вау» и «невау». Вместе со словами улетучивались из головы и мысли. Раньше можно было услышать: «Думай, что говоришь». А зачем теперь думать, если множество слов заменили пять-шесть значков-смайликов?

Да разве только знакомые Егора обособились со смартфоном?

Роскошь человеческого общения, где ты? Исчезаешь в глобальных сетях, где неряшливость мыслей и речи возведена в абсолют, где «за базаром» не надо следить.

Перепапку мнений в интернете Егор обозвал перелайкой. «Если дозволить перестрелку, то половина пользователей интернета уже прекратила бы своё существование, - размышлял он, читая отклики на явно фейковый текст, вброшенный с целью набрать лайки. - Главное - прокукарекать, а там хоть не рассветай.

Да учились ли они в школе? Ведь только двоечник горазд на такие ошибки. Никакого стеснения. Свобода, блин! Поневоле выругаешься. Хотя это словечко, считай, уже и не ругательство, а междометие.

Ромео и Джульетта, Дон Кихот, Фауст, герои русской классики - Татьяна Ларина, князь Мышкин, булгаковский Мастер - вечны. Они созданы сердцем. В художественном слове запечатлён Человек, в котором вне времени живут ответы на все вопросы бытия».

«Всё меньше и меньше поэтов, всё больше и больше стихов» - такая запись осталась в записной книжке Роберта Рождественского. Сейчас его мысль можно продолжить: «Всё больше и больше писателей. Всё меньше и меньше читателей».

«Всем хочется славы, и я прихожу», - говорил друг Егора с именем Слава. И, поправляя очки, понимающе улыбался при этом. Жаль, что рано ушёл.

«В интернете слава приходит и уходит, совсем как мой друг. Но зато ежедневно. В ней всеохватный магнит интернета, - раз от разу приходил к логичному выводу Восадулин. - Свой отход от чтения кто-то объясняет ослаблением зрения. Зрение зрением, а подпорченной оказалась душа. И как ни странно, сами шли к этой порче.

Жить хочется легче, жить хочется веселее. Похихатывая, пожёвывая, не тратя нервов на сопереживание герою литературного произведения. Читая, ещё ведь и думать надо.

А зачем, если можно не думать?

Пусть Дума думает.

И даже хорошо, что она где-то там.

Растёт число лайков, растёт и самооценка. А что такое лайк? Это не слово, а готовый нарисованный символ. Над словом мозгам поработать надо. На уровне перелайки общаться гораздо легче: ты - мне, я - тебе.

«Ты меня уважаешь? Я тебя уважаю.

Оба мы уважаемые люди» - совсем как алкоголики.

А вот может ли кто-то из лайкнутых - облайканных и перелайканных - сказать про себя, как старый механик из рассказа Андрея Платонова: «А без меня народ неполный!»?

Или: «Без меня мир не полный!», коль скоро лайкаются во всемирной сети».

Восадулин вспомнил пир духа при чтении платоновского трёхтомника. Открылся мир человека-гражданина, без колебаний готового на жертвенность ради счастья других людей, ради счастья своей Родины. И главной наградой такому человеку была любовь в его сердце.

Наверное, поэтому Егор и отметил для себя рассказ «Житейское дело», имеющий уточняющее название «Следом за сердцем». О том, как отец, придя с войны, ищет своего малолетнего сына. Любовью и добротой двух взрослых героев рассказа сотворяется чудо - счастье обретения самого дорогого, что ещё есть на Земле. Житейское, в общем-то, дело.

«Прохожий больше и не постучал. Он прильнул к оконному стеклу и всматривался внутрь сумеречной избы; он увидел, что делает Евдокия Гавриловна, он увидел, как под её руками проясняется бледное, прекрасное лицо его сына.

Гвоздарёв давно хотел счастья, и вот теперь он был счастливым, и счастье его оказалось посильным житейским делом. Всего десять шагов да открытая дверь служили ему помехой к счастью, и он побоялся их пройти. Он сел на завалинку и закурил; пусть и для радости будет отсрочка, так оно для человека надёжней».

И две другие цитаты из этого же рассказа: «Плохо жить без радости, нельзя жить».

«Про любовь, по первости все люди добры и хороши, неизвестно только, как из них потом злодеи рождаются».

О хорошем человеке говорят: человек большого сердца. Большое сердце настроено на то, чтобы отдавать. Большой писатель - человек большого сердца. Его герои переживут автора. И будут жить, пока есть книги и есть человек. И правильно сказано: «Книга - друг человека». Именно им, книгам, будучи на смертном одре, Пушкин сказал: «Прощайте, друзья...»

«Доверились игрушкам - и заигрались, и никак из игры не выйдут. Или всё-таки из неё можно выйти? Иначе всё, что написано, - зря. И отец никогда не найдёт сына, потому что страница останется непрочитанной. И читатель не увидит этого вместе с писателем, - горько размышлял Восадулин, наблюдая, как люди избавляются от своих библиотек. - Так ведь и сыновьям будет не найти отцов там, на небе. По каким таким приметам и сигналам они духовно увидят друг друга? Что не по лайкам - это точно.

Только Слово соединяет времена.

«Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами... Уверуй, что всё было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наши страдания - не отдавай всего этого за понюх табаку...» - этот завет Василия Шукшина давно пора поместить на школьных тетрадках по литературе. Но там сейчас другие слова и другие портреты.

ПОВАПЛЕННЫЙ НОВОДЕЛ

Старинная ограда вокруг кладбища с течением времени почти искрошилась, осев на землю ломаным кирпичом. Но местами ещё напоминала свой прежний облик. За той же оградой в окружении разновременных могил стояла и каменная церковь с шатровой колокольней. И церковь, и колокольню попечением местного протоиерея в последний раз масштабно, с

привлечением реставраторов, отремонтировали ещё в советские времена.

Среди памятников архитектуры церковь числилась как памятник «строгановского» барокко. Был такой русский купец Григорий Дмитриевич Строганов, не жалевший своих средств на строительство храмов. А в результате классический архитектурный стиль обогатился узнаваемыми чертами, связанными с именем благодетеля.

Голубые купола церкви, украшенные серебряными звёздами, притягивали Восадулина своей трогательной синевой и скромностью в сравнении с золотыми куполами величественных громогласных храмов. Начавшее разрушаться на вершине колокольни реставраторы укрыли от дождя и снега также голубой кровлей, но дело до конца не довели. И разрушение продолжалось, но уже в новом месте - где влага с кровли не падала на землю, а стекала на не укрытую часть ската.

«Вода и камень точит. И даже храмы, воздвигнутые в эпоху расцвета веры, когда надёжность камня сливалась с крепостью духа, - такая нестандартная мысль приходила в голову Восадулина при посещении церкви и кладбища. - Наверное, не зря говорят: намоленная икона, намоленный храм. Вот наш простоял три с половиной века. А сколько сможет ещё простоять? Как противостоять их исчезновению?

И полноценна ли замена таких храмов нынешними новоделами, растущими как грибы?

Спору нет: людям храмы нужны. И наш был когда-то новоделом и стал потом образцом стиля. Но ведь не ради архитектурных изысков его строили.

Нынешние новоделы могут сиять золотом, поражать размерами и великолепием форм. Но когда ещё в духовном плане они сравняются со своим скромным собратом?

К тому же самые известные монастыри не сразу засияли величием, а начина-

лись с келейки ушедшего от суетного мира монаха...»

Восадулин знал историю храма. Примечательно, что храм всё время оставался действующим.

Глядя на исчезающую ограду, Егор продолжал размышления о других «новоделах»: «У современных молодых людей скорее модой, чем потребностью стали крестины, венчания. Вряд ли кто наизусть прочтёт «Символ веры». А это означает их ненастроенность на молитву, на глубину совершаемого Таинства.

На Пасху, на Троицу храм полон. На кладбище много народу. Ставят свечи за здоровье, за упокой, ухаживают за могилами умерших - потребность в общении с Богом православной души очевидна. Но почему тогда место этого общения, намоленное предками, вызывает о помощи?»

С каждым новым священником надежды Восадулина на хозяйский, системный, как теперь принято говорить, подход к жизни старого храма возрождались. Несмотря ни на что...

«Лишь бы мастера не перевелись. А с этим тоже проблема. На какую стройку ни заглянешь, - везде узбеки да таджики. Не хватало ещё, чтобы и храмы православные созидались руками мигрантов. Ничего хорошего заведомо не получится. Мысль верная», - решил Егор, повернув к выходу с кладбища.

Рядом со свежей могилой он стал невольным свидетелем диалога уставших от копки могильщиков:

- Что такое гроб повапленный, знаешь?

- Гроб поваленный.

- Да не-ет. Не поваленный. Вапа - по старинному краска. Значит, гроб повапленный - это гроб покрашенный.

- Покойнику-то не всё ли равно?

- Ну, это последняя, так сказать, дань уважения умершему. Чем богаче покойник, чем знаменитей, тем и вапа и гроб дороже, а бедному и неповапленный сойдёт.

- Нынче в самых дорогих гробах бандюганов хоронят.

- Ну, этим не только гроб важен, а ещё и место. Раньше кого рядом с церковью хоронили? Священников. Могилы их от других не сильно отличаются, но всякому и сейчас понятно, что рядом с церковью не положат кого ни попадя. Традиция такая.

- Там места уже заняты.

- И слава Богу. Не всегда, если гроб дорогой и памятник покойнику навороченный, то и человек был хороший. Хорошего человека по его делам помнят. И не так важно, в каком его гробу - простом или разповапленном - в последний путь проводили.

Видишь, вон там, в центре, монумент. Его братки своему пахану отгрохали. А на похоронах, кроме них и моря водки, никого и не было.

А вот недавно учителя хоронили - полгорода пришло. Из других городов его ученики приехали. И слёзы были неподдельные, и слова прощальные от души, а не клятвы отомстить. И памятник ему - в сердцах учеников. Такой и дороже, и выше. И никакие гробы повапленные и памятники дорогущие с ним не сравнятся.

«Да, быть самым богатым парнем на кладбище уважения не прибавит...» - подумал Егор.

Под впечатлением от услышанного диалога он не заметил, как вернулся домой. Из почтового ящика рука привычно уже вытащила яркий рекламный листок. В нём предлагалась «Полная коллекция царских рублей! 130 штук без повторов за 14900 руб. Качественные новоделы! Доставка по РФ».

«Нет, недаром появилось и живёт это заманчивое словечко. Ну, зачем истинному нумизмату в его коллекции новодел? Он ему не нужен, как не нужна коллекционеру живописи поддельная картина. И чего только не придумают, чтоб заработать на врождённой страсти человека

к красивым вещам. За индейцев нас держат», - возмущённо решил Восадулин и отправил красочную рекламу в ящик, заботливо поставленный для подобной полиграфической продукции расторопной уборщицей.

«Сколько на рекламу бумаги изводят. Качественной бумаги и качественной краски, вапы то есть, - посетовал про себя Егор. - Кругом повапленный обман. Готовы бабла нарубить на любой человеческой слабости. Хорошее-то в рекламе не нуждается, но остаётся в человеческой памяти. И что дороже?

Когда ещё народятся, и народятся ли, в новой России купцы, по имени которых назовут целый стиль в церковной или иной архитектуре? Увы, как говорится, и ах... Далеко ещё одним до других.

Но добро вечно, а зло преходяще».

ПУТЁМ ДОБРА

«Сначала радость исчезает, а потом и сила», - подумал Восадулин, вставляя ноги в сапоги.

А почему так подумалось? Он вспомнил, как мать, старая, сначала говорила: «Никакой радости не стало», а потом и: «Никакой силушки не стало».

«Вот и у меня наступают такие годы, когда придётся расставаться то с одним ощущением, то с другим, то с одной возможностью организма, то с другой. Не приведи Господь лежать потом пластом и ходить под себя, ощущая вокруг недовольные взгляды чужих людей или постепенно становящихся чужими людьми родственников», - продолжал размышлять Восадулин.

Отец Егора умер во сне. Ещё вечером он суетился, нервничая из-за посадки картофеля, так как заказанный для вспашки участка трактор задерживали.

А утром другого дня тихо отошёл в мир иной после остановки уставшего серд-

ца, не позвав и не напугав своим смертным часом жену, с которой прожил в любви и согласии более полувека в отпущенной жизни.

Когда Восадулин приехал на похороны, отец лежал на столе, сработанном его отцом, дедом Егора. И Егор, метнувшийся к неживому уже отцу, вдруг разом ощутил невозвратность всего отцовского, его заботливой нежности, его знания жизни и уверенной в себе силы. Он лежал трогательно беспомощный и спокойный от завершённого на земле долга. Егор увидел сложенные на груди руки, трудолюбивей которых не знал, и припал к ним губами. Это были руки крестьянского сына, сына кузнеца и плотника, руки солдата, покалеченные войной, но такие же востребованные в мирной жизни, как и руки своего отца. Отвоевали они и в бою, и в труде. Они не потеряли загара, но были холодны и навеки теперь неподвижны. И не было их родней и дороже. Егор глянул в лицо отца, и слёзы стали застилать отрешённый открывшийся образ. Было тихо, и сзади стояла мать.

Егор повернулся и обнял её.

- Вот и одни мы с тобой остались, - сквозь всхлипы сказала она.

- Ну, есть ещё люди кругом...

- Люди-то есть, а его нету...

Тракторист вспахал участок на следующий день после похорон. Картошку, окропляя землю слезами нежданно пришедшего горя, сажали не муж с женой, а сын с матерью. Работа всегда притупляет случившееся, усталость от неё - тоже. Егор накалывал колом лунки, мать опускала в них саженцы и присыпала землёй. К вечеру весь участок и засадили.

Надо было возвращаться к месту работы.

- Езжай, Егорушка, - сказала ему мать.

- За меня не беспокойся. Будет надо, сообщу.

Ну как тут не беспокоиться...

Он и беспокоился. И не только беспокоился.

В памяти Восадулина жило стихотворение знакомого поэта:

*Съестные припасы подходят к концу -
всё, что заготовил за осень.
Пора собираться с котомкой к отцу
и к маме - в заречную просинь.*

*Там мясо, и рыба, и даже икра
от щуки, попавшейся в сети.
Там - полная чаша съестного добра,
а здесь - погрустневшие дети...*

*Так думал не раз я в былые года
под взглядом супружницы строгой.
Теперь собираю продукты в рюкзак,
возжу их обратной дорогой.*

*И радостно мама встречает меня
и, глядя в глаза, обнимает.
Как много меж нами родного огня,
что души людей согревает.*

*Качаются ветки за нашим окном,
и ласточка к деткам стремится.
И мы затихаем за полным столом,
чтоб Богу за всё помолиться.*

*И радостно знать, что исполнил
свой долг,
что мать моя мною довольна.
Вот только отца не усадишь за стол,
и сердцу от этого - больно...*

Как, оказывается, много в мире похожего, сходного в ощущениях.

Память о родителях уводила Егора за собой через годы до самого детства. Их образ становился всё яснее, отпадало всё лишнее. Приходило понимание, насколько они были совестливы, а потому чисты перед собой, перед людьми, перед Богом. Любившие природу и мирную, гармоничную жизнь люди.

Прожитые годы неумолимо приближали Егора к возрасту отца. Отец всё ещё оставался и, наверное, до конца останется для него главным советчиком и старшим товарищем. И звучащий в сознании спокойным отцовским голосом ответ на волнующий Егора вопрос становился незримым ориентиром в его современном житье-бытье. И никогда не подводил.

«Наверное, потому, - размышлял Егор, - что был он самым что ни на есть русским человеком. Таких, как он, не смогли сломать в самой страшной войне орды жадных до нашей крови врагов. Обломали и зубы, и когти и уползли зализывать свои поганые раны.

Зализали.

И снова в их подлых глазах появился жадный до русской крови блеск.

И нашлись в родной стране, на самом верху, кто захотел общее сделать частным. У «плохишей» всего мира один интерес - деньги.

Что чувствовал отец, когда не стало у страны её флага, под которым страна победила в войне, её гимна? Символов созидания.

Разрушители знали, с чего начать, как страну обесчестить.

К моменту её распада поколение отцов было выжато как лимон, а поколение их уже взрослых детей со своими детьми изморожено талонами на товары первой необходимости.

Но это теперь можем во всём разобраться, а тогда... Тогда отцы и матери, как могли, спасали своих чад, ломанувшихся от земли в город. Тем, что мог дать их лоскут этой самой земли».

Многое поменялось с тех пор. Слава Богу, не всё.

«Человеческое в человеке и деньги - вещи несовместные, как гений и злодейство, - к такому выводу приходил Егор в своих размышлениях. И эта мысль звучала в нём голосом отца. - Не за деньги отец

воевал с врагом, а за честь своих предков, за свободу своих потомков, пролагая дорогу добру.

Любой мир достигается неисчислимыми жертвами. Неисчислимыми потому, что погибшие не родили детей, а те не родили своих детей... Для них прервалась связь времён. И потому этот ряд бесконечен.

Бережь народ - значит любить его; бережь Родину - значит любить её. Бережение отца с матерью - это любовь к ним на деле, а не на словах. Оберегая их, ты участвуешь в общем бережении Родины и народа от злых сил.

Как же нам сохраниться сейчас, когда враждебность сокрыта голливудской улыбкой, когда нельзя, даже случайно, к врагу повернуться спиной, - он тут же вонзит в неё нож?

Солдатам Победы казалось, что мир завоеван навсегда.

У каждого поколения своя война.

На гены отцов, на общую с ними кровь, а в ней и живёт душа человеческая, пока мы живы, вся наша надежда.

Надо идти путём добра.

И Победа снова будет за нами».

Мать Восадулина прожила после смерти отца ещё семнадцать лет, а разница в их возрасте была два с половиной года...

Но в памяти сына они всегда оставались неразлучны. Когда вспоминался отец, вспоминалась и мать.

ПРИЕЗД ОТЦА, или СЕРП НАСЕЧЕН В ОБРАТНУЮ СТОРОНУ

Из деревни приехал отец посмотреть, как сын обживается на новом месте. По дорогам добираться сто сорок километров. Хотя по прямой - от силы семьдесят. «Прямо только вороны летают», - всегда говаривал отец в таких случаях. Не далёкий путь, но и не близкий, когда добира-

ешься на перекладных - с одного автобуса на другой. По времени, с ожиданием на пересадке, получалось часов пять.

Приехал, увидел, что всё хорошо, и утром следующего дня засобирился обратно. Дома, на время отлучки, все заботы по хозяйству, в том числе и мужские, легли на плечи дражайшей супруги, а потому гостить-разгачивать было некогда. К тому же в гостях хорошо, а дома лучше. И с этим не поспоришь.

Егор, зная характер отца, и не спорил, и не уговаривал, хотя поначалу и грустновато стало. Но грусть как приходит, так и уходит.

Перед отъездом отец решил что-то купить на память о гостевании у сына.

И Восадулины пошли в магазины. Говоря современным языком, занялись шопингом.

Конец восьмидесятых...

В разгар перестройки не только в продуктовых магазинах полки как-то разом опустели. В промтоварных даже гвозди исчезли, их проще стало найти в кладовой какого-нибудь запасливого хозяина.

Но не за гвоздями пошли отец с сыном.

Надо было купить что-то такое, что напоминало бы о встрече, будучи постоянно используемым в быту, в повседневной жизни. Таким предметом, например, являются настенные часы. Посмотришь на них, и душу согреет приятное воспоминание, где и с кем были куплены. Не всякий раз, конечно, вспоминаешь, но тем не менее...

На полках в промтоварном лежала аккуратно разложенная новенькая конская упряжь: сбруя, хомуты, вожжи... Откуда только и «выталяли»? Егор невольно задумался, когда он в последний раз коней видел.

Других товаров не было.

Сыромятная прочная кожа конской упряжи могла, конечно, в деревенском хозяйстве согдиться, но отец, подержав

сбрую в руках, понял, что не по прямому назначению она, в том числе и ему, не нужна. Лошадей в деревне лет пятнадцать как отправили «на колбасу», а колхозную конюшню распилили на дрова.

Ещё на полках лежали серпы. Отец взял один из них в руки и вдруг раздумчиво произнёс: «Серп насечен в обратную сторону...»

- Откуда ты знаешь? - удивлённо спросил Егор.

- А я их насекал своими руками вместе с твоим дедом в кузнице, ещё до войны. Мне ли не знать, в какую сторону их насекают.

На серпах стоял штамп заводского изготовления. Вспоминая сейчас приезд отца, Егор пожалел, что не запомнил название завода-изготовителя.

- Наверно, бракованная партия, брак, - произнёс отец.

- Зачем их тогда продают?

- Думают, что купят, раз продают, - в словах отца просквозила грусть о чём-то, что было известно только ему.

А Егор вспомнил деревенскую кузницу, где работал дед: как мечами раздували горн, как ковали подковы и подковывали ими лошадей в специальном станке во дворе кузницы. Дед ловко прибавлял подкову к копыту специальными гвоздиками без шляпки - четырёхгранными, блестящими, постепенно утолщавшимися к головке. Тонкие концы гвоздиков, пронзавшие копыто, умело загибал и таким образом наплотно «пришивал» подкову к ухоженному перед этим копыту.

Слова «маникюр» тогда ещё не было в деревенском лексиконе, но сейчас Егор сказал бы, что лошадям, перед тем как подковать, наводили маникюр.

Когда кузница закрылась, в ней оставалась пара ящиков этих ненужных для других целей гвоздей, которые постепенно растащили соблазнённые их оригинальным внешним видом мальчишки.

- И кто из них неправ, - продолжая раз-

говор с отцом, раскипятился Егор, - те, кто продают такие серпы, или те, кто их производит?

- А ни те, и ни другие, - ответил отец. - Продавщицы ваши - молодые, серпов отродясь не видали. А на заводе брак надо было вовремя переплавить. И упряжь эта сгодилась бы в своё время, а сейчас...

Было заметно, что на отца снова накатил волна грусти от увиденного в промтоварном магазине.

- Идём, Егор, одежду посмотрим...

До магазина с одеждой, универмага, идти было километра полтора. Привыкший ходить пешком отец, несмотря на возраст, легко вышагивал рядом с Егором. Его не оставляла надежда приобрести вещь полезную и нужную, которая к тому же будет напоминать ему о сыне. А городок, где не было привычных для деревенского житья непрерывных забот, уже на второй день показался отцу скучным.

В универмаге выбор одежды удивил своим ассортиментом, но, как говорится, всё - ширпотреб, ничего оригинального. Но по сходной цене. «Специально, что ли, зачем-то склады разбирают?» - подумал тогда Егор.

Как потом оказалось, в этой простой мысли был свой резон. В девяностых освобождённые склады, а значит, и полки магазинов, заполнились дешёвым заграничным товаром. Невидимая рука рынка нокаутировала отечественных товаропроизводителей. Сработала антидержавная воля доморощенных либералов.

Теперь их известные имена ненавидимы народом, но всё ещё почитаемы властью, которая обязана им своим благополучием.

Но в приезд отца никакого рынка ещё и в помине не было.

- Отец, глянь на жилет. И мех натуральный, и по размеру тебе подходит. Пожалуй, ничего лучшего мы и не найдём, - обрадованно сказал Егор.

- Мать шерстяной платок заказывала. А может, и на неё жилетка найдётся?

- Будем искать, - сказал Егор, повторив фразу Юрия Никулина из «Бриллиантовой руки».

Но женских жилеток не оказалось, и они купили меховой жилет отцу и синего цвета тёплый шерстяной платок - матери.

А ещё на втором этаже универсама купили настенные пружинные часы, за шесть рублей. Они и сейчас висят в деревенском доме.

Приезжая в родную деревню и первым делом заводя пружину часов, Егор слушает, как они идут. Их тиканье слышали и отец с матерью. Столько лет прошло, а часы не сломались.

Они помнят, и Егор помнит, и оттого возникает тёплое чувство в отношении к простой, надёжной и дорогой своей долгой памятью вещи.

Жилет отец носил не только зимой. Старики мёрзнут в любое время года. Безрукавка, так деревенские жители называют жилеты, согревала его крестьянскую спину до конца жизни и осталась висеть в деревенском доме рядом с кроватью своего хозяина.

Раньше на майские праздники Егор всегда выбирался к своим старикам.

И вот в конце апреля он затосковал по давно опустевшему дому. Как будто кто-то завел невидимую пружину и запустил маятник грусти-тоски в его одиноком сердце.

Тоска тоской, только автобусы в бездорожье не ходят...

Но тут подвернулась оказия - земляк со своим внедорожником. И Егор, не раздумывая, мгновенно собрался, хоть и знал, что в нетопленном доме сутки придётся зубами стучать. Доехали далеко за полдень, по раскисшим колеям не разгонишься. В доме было шесть градусов.

Топку печей, русской и голландки, которая прогревается быстрее, Восадулин закончил полдевятого вечером.

Холод, как говорится, пробирал до костей. Поискав глазами, чем бы понадежнее утеплиться, Егор увидел жилет отца. Он висел на своём месте, как будто специально для него припасённый. Егор быстро поддел под тёплую куртку, в которой приехал, да так и не снимал, отцовский жилет. Мех стал удерживать тепло, и спина перестала мёрзнуть, как будто отец ласково обнял сына за плечи.

И то ли оттого, что дом стал прогреться, то ли от чего-то иного, но ощущение открытого и дышащего на тебя ледника начало исчезать. Егор посмотрел на градусник. Не очень-то тот оживился, ещё и десяти градусов не набежало.

Спустя два часа начала отдавать тепло лежанка голландки. Егор положил на неё пропитанные холодом одеяло и подушку и вышел на улицу, где показалось теплее.

В светлом весеннем небе стали проглядывать звёзды, но в окнах соседних домов не светило ни огонька. Егор вернулся в дом, удлинил лежанку сундуком, на который на ночь клал подушку, и застелил своё ложе другим одеялом вместо тюфяка.

Через полчаса, не раздеваясь, он залез под нагретое одеяло.

«Не впервой. Нам бы только ночь простоять да день продержаться, как Мальчишу-Кибальчишу», - успокаивал себя Егор, ощущая спиной сквозь сыроватый ещё «тюфяк» тепло, исходящее от печи.

Часа через два лежанка прогрелась нестерпимо, и он перенес своё гнездо на диван, сняв куртку и не снимая жилета.

Утром градусник показывал десять, ещё через сутки - восемнадцать.

На третий день Егор, найдя в сундуке толстый шерстяной свитер, вернул жилет отца на прежнее место.

Ходя по сараю среди рассыхающихся чанов и кадок и прочей рухляди, он увидел воткнутый надо всем этим в трещину на бревне серп.

Запылённый от долгого неупотребления, с отполированной материнскими руками ручкой - простой и надёжный инструмент, символ трудового крестьянства на знамени утраченного государства.

Егор вынул серп из трещины, отёр от пыли. Серп, конечно же, был насечен как надо, в ту сторону.

«Отработал своё и стал никому не нужен. Вообще не нужен в нынешней жизни. И как символ труда он в двадцать первом веке, пожалуй, смешон. Много ли им работаешь? Но сколько веков на всех континентах серпы служили людям!

У технического прогресса другие символы - персональный компьютер, смартфон... А в ту ли сторону идёт жизнь? - задумался Егор. - Новое время отторгает серпы, но серп прост, как всё гениальное, и с ним понимаешь: кто не работает, тот не ест. С ним не разбогатеешь, но и не погрёшь. На богатство работают машины.

А нужно оно человеку?

Не-ет. Случись катастрофа - придётся и о серпе, и о молоте вспомнить.

На каком-то глобальном предприятии по производству всемирного брака страну повернули туда, откуда она однажды вырвалась с мечтой о царстве справедливости. И была мечта - одна на всех. Была вера в мечту - одна на всех, и дела были - всему миру на удивление. Не стало этой веры ни в мыслях, ни в делах. Неправильно насеченные опять правят бал.

Ради чего всё?

Какое там светлое будущее! И речи о нём нет. Всюду слышится: «здесь и сейчас».

Да, брак надо вовремя переплавлять, в том числе и духовный. Чтоб не вводил никого в смущение. Жаль, поздновато мудреем».

Егор обтёр с серпа пыль и вернул его на прежнее место.

Вернувшись в дом и глядя на отцовский жилет, согретый его в холодную ночь,

Егор вспомнил картину «Шинель отца» художника Виктора Попкова. На ней в полный рост изображён сам художник, примеривший на себя шинель отца - солдата Великой Отечественной. Взрослый сын трогает на ощупь грубое солдатское сукно, как будто хочет, разминая его в пальцах, ощутить и понять всё пережитое отцом в этой походной шинели.

Старшие поколения всегда что-то завовывают для потомков и оставляют в наследство. Такова их судьба.

Послевоенные дети.

Они гордились своими отцами и гордятся, кто ещё жив...

Только нет той страны, за которую проливали кровь их отцы - и русские, и белорусы, и украинцы, и прибалты, и... люди всех пятнадцати республик, живших тогда вместе в стране с гордым именем СССР.

ПРОСТИ НАС, МАЛЬЧИШ-КИБАЛЬЧИШ

И теперь, как много лет подряд, ложась спать за полночь, Егор оставял радио включённым, вместо будильника. По утрам он просыпался с первыми звуками гимна, звучащими на волне «Радио России», вольно или невольно сверяя свой пульс с ритмом огромной страны.

«Союз нерушимый республик свободных...», «Россия - великая наша держава...».

В его жизни это был второй гимн, при исполнении которого полагается вставать. Та же мелодия, только слова другие, правда, того же автора. Поначалу это было как кирпичом по стеклу или серпом по одному месту. Как офицеру вторая присяга...

Какое-то время страна жила и без гимна. Вместо него звучала мелодия без слов из оперы Глинки «Жизнь за царя», известной поколению Восадулина под названием «Иван Сусанин».

Зная с флаштока спустить недолго, а вот запустить в одночасье с утра по радио в качестве гимна «Боже, царя храни...» и «Славься, славься, Царь-государь...» в стране укоренённого социализма было бы для новой власти смерти подобно. Наверху дураков нет. Там прекрасно понимают, что не в Англии живём, где несколько веков играют: «Боже, храни королеву...»

Восадулину запомнились кадры телевизионной передачи, где престарелый автор слов обоих гимнов благодарил Президента, что тот своим выбором из множества представленных по конкурсу текстов «увековечил его в истории России».

Как будто напрочь исчез повод престарелому человеку гордиться своим первым гимном, пусть и в соавторстве написанным. Гимном великого государства, вознёсшего его на вершину своего представительства во всём мире. Великой страны, в которой прожил большую часть жизни.

Как всё легко забывается там, наверху.

Восадулину стало сильно не по себе, когда услышал однажды с экрана телевизора, что «в СССР только калоши умели делать».

А ядерный щит, а первый полёт в космос, а советский человек, которому всё было по плечу?

А тот факт, что спустя тридцать лет всё ещё живём заделами советского времени?..

Вот и снова с утра появился грустный повод удивиться, как быстро могут меняться жизненные приоритеты. Ведущая детской передачи спросила у десятилетнего мальчика: «Какую художественную книгу ты сейчас читаешь?»

И мальчик с чувством собственного достоинства ответил: «Я читаю сейчас книги «Бизнес» и «Деньги»».

Ведущая не стала уточнять, что это не художественные произведения.

Просматривался в ответе семейный настрой. Юный собеседник сказал о

деньгах и бизнесе таким же серьёзным тоном, каким, очевидно, говорит о них его папа.

Мальчик и дальше продолжал отвечать на вопросы рассудительно, совсем как взрослый, но Восадулин с грустью заметил, что ответы его ему неинтересны.

«Вот и у детей появились другие приоритеты: купить, продать. А от продать до предать - дистанция короткого размера, и слова различаются всего на одну букву.

Нет, мы другое читали в свои десять лет», - сказал себе Восадулин.

В школьном возрасте он очень любил народные сказки: русские, татарские, узбекские, японские... Из сказок, написанных писателями, любимыми были «Аленький цветочек» и «Сказка о Мальчише-Кибальчише».

«Вот парадокс, - по поводу утреннего «подарка судьбы» размышлял Восадулин, - Аркадий Петрович Гайдар создал великие образы Тимура и Мальчиша-Кибальчиша, заклеив буржуинов. А его внук - Егор Тимурович Гайдар вернул буржуинов, разрушив государство Мальчишей-Кибальчишей.

Народу внушили, что рынок всё регулирует. Он всё и регулировал. В одном направлении. «Невидимая рука рынка» продолжает перекладывать народные богатства в карманы мальчишей-плохишей. А народ всё ждёт чего-то, глядя, как «богатые тоже плачут» в бесчисленных сериалах. Как им, оказывается, трудно живёт на вилах и яхтах.

Так и будем их жалеть, пока на нос не усядутся?»

Вопрос этот пока оставался без ответа.

В одно ноябрьское утро, после очередного объявления итогов присуждения Нобелевской премии по литературе, диктор областного радио напомнила своим слушателям имена «российских писателей, получивших» эту престижную награду, и перечислила их по порядку: Иван Бунин,

Михаил Шолохов, Александр Солженицын, Иосиф Бродский.

«Странно, - подумал Егор. - А куда ж подевался Пастернак Борис Леонидович?.. Впрочем, странно-то странно, но ничего странного в этом нет, если встать на точку зрения диктора. Она назвала тех, кто премию получил. А Пастернак, как известно, от неё отказался, то есть вынужден был отказаться, то есть в результате при жизни он её не получил в денежном выражении. Не получил, значит, по сей современной причине он как бы и не лауреат? В серию книг «Лауреаты Нобелевской премии» входит, а в сознании дикторши почему-то стёрся», - Егор для убедительности и в знак протеста против такого подхода снял с книжной полки и положил перед собой томик Пастернака из «Нобелевской» серии.

Мало кто знает, что Пастернака выдвигали на «нобелевку» не раз и не два, а именно: ежегодно с 1946-го по 1950 год, в 1953-м и в 1957 году. Премия была присуждена в 1958-м. Это было восьмое по счёту выдвижение. Её присудили с формулировкой: «За выдающиеся достижения в современной лирической поэзии и на традиционном поприще великой русской прозы».

Получив извещение о присуждении, Пастернак поблагодарил Нобелевский комитет, надеясь, что награда, полученная советским писателем, станет гордостью для родной страны и её литературы.

Для тех, кто был в теме, предыдущие многочисленные выдвижения наводили на мысль, что премия не связана с публикацией романа «Доктор Живаго».

Однако в выступлении государственного секретаря США Дж. Ф. Даллеса говорилось, что Нобелевская премия присуждена советскому гражданину Борису Пастернаку за роман «Доктор Живаго», осуждённый и не напечатанный в Советском Союзе.

Тогдашнему руководству СССР доложили об этом в той же форме.

Сыграла ли, на сей раз, в принятии давно заслуженного Пастернаком решения свою роль политическая составляющая, догадаться нетрудно.

Политика стала всё больше вмешиваться в присуждение главной литературной награды. Вслед за антисоветской появилась в этом хорошо налаженном процессе и русофобская составляющая.

Восадулин с удивлением узнал, что нобелевский лауреат по литературе за 2015 год - пишущая на русском Светлана Алексиевич - в 2021 году получила орден «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия», Большой крест 1-й степени. И какими только наградами с русофобским душком она теперь не осыпана. А ведь замечены были её незаурядные способности как литератора - в Советском Союзе, и первые награды, с которых началось восхождение в журналистике и литературе, появились тоже в родной стране. Но огромные тиражи её книг незря публиковались на Западе. Там всегда чувствуют: кто есть ху. Книги Алексиевич, рисуя лишь неприглядную сторону жизни в позднем СССР, сыграли свою роль в его разрушении. Добавили свою лепту к писаниям Солженицына.

Ещё раз подтвердилась истина, что дурной пример заразителен.

«Не жалеют для нас чёрной краски. Как-то робко мы на это реагируем, невольно следуя в общем направлении.

В своей информации о нобелевских лауреатах дикторша областного радио вместо «русских писателей», сказала: «российских». Хотя произведения, отмеченные Нобелевской премией, написаны на русском, а не на российском языке. Такого и языка-то нет.

А если бы кому-то в голову пришло его создавать как единый многонациональный, исходя из многонациональности на-

шей страны, то получился бы в конце концов такой же мёртвый язык, как эсперанто, - продолжал размышлять Восадулин. - Скоро только за то, что ты русский, будешь всё время под какими-нибудь санкциями.

Как же мы стали такими терпеливыми? До старости дотерпели.

Прости нас, Мальчиш-Кибальчиш!»

А ведь это из нашей, русской песни слова: «Ради Родины чести и славы не жалеи ни себя, ни врагов!»

ИЗ ДНЕВНИКА ВОСАДУЛИНА

«И стали книги в жизни тяжёлым грузом. И в библиотеках они стали тяжёлым грузом, и в государстве тоже...» - записал Восадулин в своём дневнике и надолго задумался...

В библиотеках начали активно списывать советскую литературу, а государство вообще перестало издавать книги, отдав издательское дело на откуп частным издательствам. И те принялись тиражировать легко сбываемое чтиво...

Его героями стали воры в законе, киллеры, валютные проститутки, различные преступные группировки. По чтиву снимали бесчисленное количество сериалов. Жить стало интереснее, но жить стало страшнее.

В самой известной литературной газете появился снимок с целой библиотекой, вынесенной к мусорным контейнерам. В малых городах кипы книг появились рядом с кочегарками. Начитанные кочегары значительно пополнили ими свои личные библиотеки.

Ещё жив был последний писатель-фронтовик, при жизни ставший классиком, а его шедевры военной прозы рядом с поленьями и кучами каменного угля уже перелистывал, как сумасшедший, не читываясь в тексты, шоковый ветер идущих в стране перемен. «Труднее были време-

на, но не было подлей», как сказал бы другой классик.

Читая воспоминания художника-иллюстратора Николая Кузьмина, Восадулин наткнулся на один из его рисунков, созданных в годы нэпа (новой экономической политики), с названием «Ex libris», что в переводе с латыни означает «Из книг». На рисунке был изображён учёного вида старец, который, сидя у печки-буржуйки, топил её книгами.

«Из книг» означает принадлежность данной книги её обладателю, но в случае, изображённом на рисунке, это означает получение из книг тепла для элементарного обогрева путём их сжигания.

Тема по тем и нынешним временам, спустя век, злободневная.

Но сейчас ситуация другая.

Егор вспомнил свой давний рассказ, написанный в середине 80-х прошлого века в качестве эпитафии своему незабвенному другу. Рассказ назывался: «Писатель продаёт библиотеку». Библиотека была замечательная, с великим трудом собранная в течение короткой жизни, когда книги ценились наравне с самым дефицитным товаром. Некоторые тома из «Библиотеки поэта», двухтомники Булгакова и Шукшина, поднесённые в качестве подарка, решали любую проблему, какие в наше время решают многотысячные взятки. Сейчас подаренная чиновнику книга воспринимается как насмешка.

Культурнее была страна с названием Советский Союз, начитанней, с аналитическими мозгами, приученными размышлять над прочитанным. Ещё не было и в помине клипового мышления.

С его возникновением мышление застопорилось, а возникший вакуум быстро заполнился тем, что легко заплывает в любую пустоту.

У слова «засор» появился синоним «засёр», и множество подобных словечек обогатило начавший оскудевать лексикон

российского человека начала третьего тысячелетия от Рождества Христова.

Сначала на улицах из уст молодого поколения послышался мат. Потом стали безвозвратно исчезать знакомые с детства слова. Вместо родителей стали «предки», потом «родаки».

Да и сама речь постепенно исчезала, когда в ушах и перед глазами подрастающего поколения появились гаджеты. В них скачивали в основном фильмы, а тексты книг, хотя их тоже скачивали, дальше нескольких страниц никто не читал. Как правило, их без сожаления удаляли, не засоряя мозги и заменившие их гаджеты. Кто-то пытался слушать аудиокниги. Но постоянная включённость в новостной и игровой мир индивидуальных смартфонов не позволяла сосредоточиться и продолжительное время оставаться наедине с героями великих произведений. Работал слух, но не работало то неуловимое, что становилось лишним в новом «дивном мире».

Раз от разу возвращаясь к дневнику, Восадулин замечал, что разговаривать теперь по-нормальному можно только с листом бумаги. И, кажется, стал понимать, почему иногда в текстах произведений отечественных классиков - Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Блока, а также зарубежных - Гёте, Гофмана, Блейка, Льюиса Кэрролла, Киплинга - появлялись прелестные головки, силуэты и даже целые сценки с героями их произведений. А «Посмертные записки Пиквикского клуба» появились первоначально в качестве подписей под готовыми рисунками.

И не потому ли у людей его возраста возобновилась потребность писать дневники или письма? И он стал думать о том времени, когда вместо возгласа «Вау!» снова зазвучат слова восхищения, слова комплиментов и одобрения. Ну нельзя же всё время изъясняться звуками или матом, который тоже в общем-то звуки, без всякого смысла.

«Жизнь, конечно, штука сложная, и люди - не амёбы и не туфельки, но по скорости схлопывания интеллекта всё идёт к тому», - размышлял Восадулин, рассматривая иллюстрации в старинном учебнике по естествознанию.

Редкая книга хранилась на почётном месте в его заповолившей жизненное пространство, но, тем не менее, создающей ощущение жизненной полноты библиотеке. А как же без книг? И что такое художественная литература, как не попытка разрешить на душевном уровне вопросы, задаваемые этой самой жизнью.

«Без меня народ неполный!» - говорил герой рассказа «Старый механик» Андрея Платонова.

«Без книг народ неполный», - слегка изменил цитату, продолжая дневник, Восадулин.

И, как пояснение, всплыла в памяти хрипая строчка Высоцкого: «Значит, нужные книги ты в детстве читал».

ВИЗИТ В БИБЛИОТЕКУ

- Вы что-то хотели?

Восадулин долгим взглядом посмотрел в вопрошающие глаза библиотекариши и, улыбнувшись чему-то своему, произнёс всего одно слово:

- Хотел.

И, спохватившись, добавил:

- Хотел увидеть красивую женщину.

Библиотекарша, вспыхнув, прикусила губу и некоторое время, склонившись над столом, смотрела в формуляр.

Потом, подняла голову и, почти справившись с накатившим волнением, с серьёзным видом спросила:

- А книгу какую вы хотели бы взять?

Но Егор уже видел, или ему это всё-таки показалось, что глаза её светятся далёким и волнующим светом.

*Ты - женщина, ты - книга между книг,
Ты - свёрнутый, запечатлённый свиток;*

*В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг... -*
запели в Восадулине знакомые строки
полузабытого суматошным веком поэта.

- Мне показалось... - Егор замолчал,
утонув в синем тумане смотревших на
него глаз.

- Что вам показалось? - услышал он, как
будто издалека.

И он снова ясно увидел то, чего не ви-
дели и не видят другие.

А строки поэта продолжали звучать:

*Ты - женщина, ты -
ведьмовский напиток!*

*Он жжёт огнём, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено средь пыток.*

- Так что вам показалось и какую кни-
гу вам принести?

- А вот ту самую, которая сейчас во мне
звучит. Хотите послушать? - Егор стал рас-
стёгивать не к месту заевшую молнию
своей не потерявшей элегантного вида
куртки.

Библиотекарша из-за барьера, на ко-
торый она выкладывала сданные чита-
телями книги, с удивлением глядела, что
он делает.

Ни книги, ни аудиокниги под курткой
не оказалось.

Скрытое вязанным из грубой пряжи
свитером в груди Егора пело его грустное
сердце. Он это явственно слышал. И ему
было странно, что этого не слышит никто,
ведь ритм гонимой по жилам крови чётко
отбивал такт во всём его теле. Особенно
чётко вместе со словами ритм отдавался
в седой голове.

- Нет там у вас ничего, - привстав и
оглядев Егора с ног до головы, сказала би-
блиотекарша.

Ты - женщина, и этим ты права.

От века убрана короной звездной,

Ты - в наших безднах образ божества! -

стихотворение всё ещё длилось в Егоре.
А почему «всё ещё»? Оно просто продолжа-

лось, как, очевидно, продолжалось и в авто-
ре при его написании. Потому и осталось,
наверное, в отечественной словесности, а
потом в памяти Егора со школьного урока
литературы, когда вдохновенно, накануне
8-го Марта, читала это стихотворение его
любимая учительница,

Она смотрела в класс, держа в левой
руке томик впервые открываемого для
них, сельских ребятишек, поэта, и каза-
лась той самой женщиной, для которой
были написаны эти строки. И Егору хоте-
лось сделать для неё невозможное:

*Мы для тебя влечём ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся - от века - на тебя!*

- Так какую всё же вам книгу выдать?
- повторила свой вопрос библиотекарша.

- Стихи Брюсова Валерия Яковлеви-
ча, - с расстановкой произнёс Восадулин.

- А кто это? Что это за поэт? - наивно
и с проявившейся внезапно лукавинкой,
хлопая округлившимися глазами, спроси-
ла юная библиотекарша.

Хрустальный, ещё звеневший от вдох-
новения известнейшего поэта Серебряно-
го века мир, в котором ещё секунду назад
обитало сердце Восадулина, перестал су-
ществовать.

Ему вдруг стало трудно дышать, он по-
вернулся и, как показалось навсегда, вы-
шел из библиотеки.

«Ну кто такой Брюсов?! Не футболист,
не тележурналист известный, не певец
раскрученный и не артист из популярно-
го сериала. Не Дзюба, не Малахов, не рэ-
пер Баста, не Дмитрий Нагиев, которые в
головах у нынешней молодёжи. Короче,
не кошелёк с деньгами.

Могла бы и не задавать глупых вопро-
сов, просто поискала бы по каталогу и
сказала - есть Брюсов или нет. Наверное,
уже списали на макулатуру, её теперь сно-
ва принимают и цену дают не копеечную.
Того и гляди библиотечные полки опусте-
ют. А переиздадут Брюсова вряд ли.

Ладно, хоть глаза ясные и, судя по ним, человек она неиспорченный и добрый», - так рассуждал Восадулин, постепенно успокаиваясь, чему способствовал и хруст снега, сопровождавший его ритмическую походку.

«И она ли виновата в том, что не было в её школе нашей учительницы литературы? Что не съездил никто с их классом ни в Михайловское, ни в Константиново, ни в Абрамцево, ни в Карабаху...

Хорошо ещё, не наговорил ничего обидного. Похоже, ей и без того стало стыдно», - с такими переходящими на самокритику мыслями Егор дошагал до разделявшей город на две неравные части реки.

Начав спускаться с крутого берега, который был утопан и укатан детворой, да ещё и полит водой для лучшего скольжения, он, как того стоило ожидать, поскользнулся. И стремительно покатился вниз, бесполезно цепляясь за обледенелый спуск.

«Вот так и катимся который год, - ощутил за время скольжения бездну прошедшего времени, а вместе с ним и глубину падения нравов и интеллекта Восадулин. - И всё ещё продолжаем катиться. Пора бы и тормознуть».

Внизу, встав на ноги, он поднял голову вверх. На краю крутого, столь стремительно покинутого им берега покатывалась от хохота стайка румяных ребятишек из ближайшего детского сада. Воспитательница что-то пыталась им объяснить, показывая на застывшего, как заснеженный пень, взрослого человека.

Он робко помахал им рукой и двинулся по реке на другой берег, полого спускавшийся навстречу...

ПЕПЕЛ

В устье почти протопившейся печки тонко позванивали прогорающие угли.

В принесённых дровах были и еловые, и берёзовые, и осиновые, и ольховые поленья.

Угли смешались и догорали синим пламенем в общей куче.

«Им теперь всё равно, осина они или ёлка, - рассуждал Восадулин. - У них теперь последний, прощальный звон перед тем, как стать пеплом. «Вы шумите, шумите надо мною, бярозы, калышите, люляйте свой напев векавы...» - поют наши сябры белорусы. Не их ли напев догорает в берёзовых углях?

Ой, люшеньки-люди, сколько всего отзвенело! И свадеб, и похорон...

Сколько радости было и сколько горя. Всё это горело, потом тлело, потом осело в памяти пеплом сердечного звона.

Горели и будем сгорать в горниле жизни. Поколение за поколением. Кто-то и напоследок успеет прозвенеть. Но кто его нынче услышит? Разве что тот, кто развёл этот огонь и шевелил в нём угли раскалившейся кочергой. И всё для того, чтобы согреть живущих. Огнём и песнями, радостным и поминальным звоном...

Есть поэты-песенники, занятые сочинением песенных текстов. А есть поэты, чьи строки сами становятся песнями, и даже народными песнями, когда имя автора никто и не помнит. Кто написал текст «Лучины»? Кого ни спросишь, никто не ответит. А есть у текста автор, как берёзовые угли прозвеневший в общем костре и подаривший костру русской жизни вечную русскую песню?

Из современных песен ни одна в народ не ушла, хотя их авторы - «крутые» да «резники» - у всех на слуху.

У эстрадной тусовки свои законы. По ним из народа лепят пассивного слушателя. Чтобы «хавал» всё, что дают.

Ни один конкурс по телящику без английских песен не обходится. Даже на «Радио России» какая-то англomanия. Как будто не в России живём.

Оседают этот телеактивный и радиоактивный от слова «радио» пепел в душах, и зарождаются от него психические мутанты».

Угарный газ выгорел, и угли подёрнулись невесомым, прозрачным ещё сломем пепла.

В словаре у слова «культура» несколько значений. Их совокупность Восадулину ясности не добавила. Суть слова не высветила, наоборот, рассредоточила внимание, доказав лишь одно: что без культуры не обойтись. Она создаёт и качество деятельности, и качество жизни человека.

Восадулин вспомнил, что говорил о ней Рерих: «Культ всегда остаётся почитанием Благого Начала, а слово Ур нам напоминает старый восточный корень, обозначающий Свет, Огонь». Значит, культура - это культ света, огня, душевного огня. А ещё Рерих говорил: «Культура есть Сердце».

В новую Россию пришла «культура» бизнеса.

А какая у него культура? Если атеизм считать верой со знаком минус, то «культуру» бизнеса можно считать антикультурой. У неё цель - деньги, для чего все средства хороши. Все знают, что талант за деньги не купишь. Человека с талантом - можно, сам талант - нельзя. Он сам по себе - золото, дороже которого не бывает. «Золото, золото - сердце народное!» - сказал поэт. А таланты и есть сердце народа».

Глядя на бесчисленные пособия, повествующие, как заработать деньги, Егор задумался: «Почему никто не написал хотя бы тоненькую книжицу, как в море бизнеса не утопить душу? Ведь самое ценное на Земле - она, душа человеческая, с нравственным законом, данным от Бога.

И талант от Бога, поэтому торговать им не стоит».

Пошевелив угли, Восадулин вспомнил, как летом на вокзале сидевший рядом человек буквально впился глазами во что-то, напечатанное в суперпопулярной газете.

Её украшали «сенсационный» текст с названием «Ожерелье голых поп. Наташа Королёва обнажилась с головы до пят» и соответствующие заголовку фото.

«А ведь когда-то начинала с песни «Маленькая страна», которая и принесла ей известность. И не пришлось для этого голую попу показывать», - логически рассудил Егор и нечаянно рассмеялся. Любитель «светской жизни» удивлённо поднял брови.

- Да не псих я, не пугайтесь. Жизнь светская - не жизнь советская, - поведя глазами на фото пояснил свой смех Восадулин.

- Не интересно, так и не смотрите и не читайте.

- И рад бы, да тогда жить придётся с закрытыми глазами.

- Вот и не возникайте.

- Главный закон шоу-бизнеса знаете? Всё - на продажу. Вам жопу покажут, а вы и рады.

Их диалог тогда не сразу закончился...

Из печки через не закрытую ещё трубу беспрепятственно улетучивалось тепло.

«Пепел. Я думал о пепле, - спохватился Егор. - Нет. О свете и тепле горевших сердец. О культе их огня, о культ-уре. А теперь подумаю о распахнутых дверях и незакрытых дверцах, о незакрытых трубах, через которые улетучивается тепло... Рассеивается по закону всеобщей энтропии, в том числе нравственной. Подпитывать это тепло надо...»

«Да, кому-то нравится арбуз, а кому-то свиной хрящик. Но это в общем-то о другом, - размышлял потом Восадулин. - Но если и дальше так пойдёт, то оставят нас и без того, и без другого. С одними голыми попами».

Эх, «догорай, гори, моя лучина. Догорю с тобой и я...»

ПОД ЁЛКОЙ

Была поздняя осень, и шёл холодный косой дождь.

Восадулин стоял, прислонившись к красавице-ели, с подветренной стороны,

и размышлял о разной лесной живности: «Наверное, сейчас звери так же вот прячутся от дождя - кто под ёлкой, кто в собственном доме - норе».

Он вспомнил виденные в лесу норы енотов и лис. О, сколько в них было входов и выходов! В детстве хотелось залезть в один из них и посмотреть, что там и как. Но и боязно было. Однажды он видел, как охотник вёл на поводке выкуренного из норы и пойманного енота. Енот уже перестал упираться и, опустив голову, покорно плёлся за перехитрившим его охотником, постепенно смиряясь со своей невесёлой участью. Надеяться ему было не на что. Из енотов получались великолепные шапки...

«Медведи скоро залягут в берлоги. Спать да лапу сосать. Всё у лесных обитателей по уму. И норы на зиму утеплены, и мех гуще, и жирок нагуляли», - от последней мысли продрогшему Восадулину стало теплее, хотя жирком он на зиму обзавестись не удосужился. Да и то сказать, не в лесу спать приходится и не на снегу.

Мысли его текли дальше: «И всё же, человек вполне может остаться без крышки над головой. По разным причинам. Кошки да собаки, которых хозяева перестали пускать в дом, - тоже. И скитаться им по чужим углам и подвалам. А если в лес завезут?..»

Егору нравилась детская книжка «Рассказы о всякой живности». В ней было собрано множество коротких историй, связанных с домашними животными. Животные на картинках, которых в книге насчитывалось такое же множество, выглядели как живые, со своим характером. Наверное, художник хорошо знал, также как писатель - не понаслышке, весь уклад прежней деревенской жизни, в которой находилось место и людям, и коровам, и лошадям, и овцам, и поросётам, и собакам, и кошкам, и гусям, и курам, и уткам...

И ни одному человеку в голову не при-

ходило оставлять их голодными, не перевести в хлев на зиму, не запустить продрогшего пса из будки в дом в морозную зимнюю ночь.

Не секрет, что животных в деревне называют скотиной, скотом, но без всякого оскорбительного смысла. Крупный рогатый скот - это коровы, быки; рабочий скот - это о лошадях. В хозяйстве Егоркиных бабушки и дедушки корову звали Майка, телёнка - Моряк, поросёнка - Васька - а всех вместе тоже называли скотиной. Даже собаку Найда и кот Мурзик, получается, к ней относились...

«Скотину напоил?», «Пойду скотину покормлю», - слышал он ежедневно в разговоре старших. Это обобщающее слово и тогда чем-то смущало маленького мальчишка, он интуитивно чувствовал его грубоватость; слово, как говорится, резало ухо. И Егор его никогда не произносил, всегда рассказывал и мыслил отдельно и про Майку, и про Моряка, и про Ваську, называя их по именам. А уж о Найде и Мурзике и говорить нечего. Это были первые друзья. Бесхитростные, и надёжные, и ласковые...

«Опять нажрался, скотина!» - услышал он однажды грубые слова у дверей сельмага, мимо которого в компании друзей и Найды следовал с речки домой. И слова эти предназначались явно не животному, а человеку.

Так для него смысл слова «Скотина» расширился и окончательно утвердился в своём отрицательном смысле. Сам он ни разу не произнёс его за всю свою некороткую жизнь, хотя слышал довольно часто. И всякий раз было обидно не за человека, которого так обзывали, а за животных, навсегда оставшихся в памяти.

Перед мысленным взором Егора возникали тогда ни в чём не повинные глаза коровы Майки, бычка Моряка, одним словом, всей их деревенской домашней живности.

«Как же всё-таки правильно автор назвал свою книгу - «Рассказы о всякой живности», - подумал он, глядя на затихающий дождь, но всё ещё не решаясь выйти из-под густой кроны приютившей его ели. - Назвал бы свой труд «Рассказы о всякой скотине», и писать пришлось бы не о животных.

Впрочем, таких книг, для отмазки помеченных значком 18+, где главными героями стали насильники, убийцы, проститутки, воры, коллекторы, олигархи - люди без чести и совести, теперь стало много. Целые полки в библиотеках. И даже с ненормативной лексикой. Слово скотина в них воспринимается как детский лепет».

«Рассказы о всякой живности» читать современному ребёнку лучше с бабушкой или дедушкой, которые ещё помнят своё деревенское детство, иначе дети и не поймут, о ком там речь, даже глядя на чудесные картинки-иллюстрации. Им теперь ближе динозавры, которые давно вымерли... А что для них толку в этих динозаврах?.. - Между тем небо прояснилось. Умытые еловые лапы влажно заблестели. - Хоть бы кто вышел из леса, или вылетел, а там и я домой стопы направлю. До своей норы», - решил Восадулин.

И тут, неизвестно кем посланное, явилось-таки лесное чудо. Крупное, с пушистым хвостом. Оно стояло совсем рядом и глядело на Егора золотистыми глазами. Глазами марсианки, которые приснились ему много лет назад после летних танцев в деревенском клубе. Молодая кровь украсила тогда разыгравшуюся фантазию манящей, но недоступной тайной. Они, эти глаза, не однажды возникали перед мысленным взором, но ни разу Егор не встретил их в жизни. Ни-когда, ни разу...

Насмотревшись на Восадулина, стоявшего почти не дыша, чудо так же бесшумно, как появилось, исчезло.

Какое-то время он простоял в оцепенении в поисках слова, имени, которым

хотел позвать, вернуть, возвратить его. Не получилось. Чудо приходит и уходит само по себе. Как любовь. Зови не зови, а не вернётся.

Вот и дождь перестал, и этого дождя в жизни тоже никогда не повторится.

Восадулин вышел из-под ёлки навстречу холодному ветру и зашагал к своему деревенскому дому, к дорогому ему обиталищу на милой сердцу земле, к дому, где жили до самой смерти его отец и мать, к тёплой, с утра истопленной печке. И вдруг, словно отливающая серебром рыбка на крючке, из памяти выдернулось горестное бунинское стихотворение:

*У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому!*

*У зверя есть нора, у птицы есть гнездо.
Как бьётся сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой
наёмный дом
С своей уж ветхою котомкой!*

«Господи! Какие страшные по своей сути строки, - не в первый раз подумал Егор. - Эх, Иван Алексеевич, Иван Алексеевич! Эмиграция, всемирная слава... Дни окаянные...

А вот так под ёлкой постоять под косым осенним дождём, старой спиной к родному стволу прижимаясь, напоследок...

Не довелось».

НАВОЗ ИСТОРИИ

К слову «навоз» Восадулин относился без предубеждения. Наверное, ещё и потому, что имя его Егор означало «земледелец», «крестьянин», да и фамилия Восадулин тоже не чужда земляным работам - пусть и не в поле, а в саду. В саду тоже без навоза земле бывает скучно.

Если кому-то нравится говорить не «навоз», а «перегной», пусть будет перегной. И то, и другое служит удобрением почве, а также повышает настроение и трудовой энтузиазм у червей.

«Навоз, перегной удобряют землю, и она рождает красоту мира. А что же людям удобряет мозги, чтобы в них рождались идеи светлые, делающие души радостнее, а мир краше?» - этим далеко не праздным вопросом Егор задавался всё чаще. Поводов становилось всё больше.

Вопрос возникал в нём независимо от ситуации. Мог возникнуть даже ночью, прерывая какой-нибудь необязательный, мимолётный сон. Так постепенно стала складываться система отношений к тому, что видел вокруг, ощущение необходимости, пока не поздно, ответить на этот вопрос не только себе, но и объявить свой ответ людям. Этакое философское осмысление достижений цивилизации на её современном апокалипсическом, по мнению Восадулина, этапе.

Ощущение надвигающейся катастрофы, вполне вероятно, возникало и в силу возраста. Но это был возраст мудрости, когда за плечами есть опыт, а не самонадеянная попытка души выдать единый рецепт на все опасные случаи ещё не прожитой жизни - жизненную панацею.

«Всё созданное человечеством в материальном плане обогатило ли его коллективную душу и душу отдельного человека? И есть ли душа у всего человечества? Или есть души только отдельных людей, которым развитие цивилизации диктует конкретные жизненные интересы, их ежедневные потуги?»

Потуги эти всё равно останутся бесильны, как сказал известный поэт, по сравнению с чем-то высшим, о чем цивилизация, твёрдо ставшая на материальные рельсы, всё время хочет забыть. Вынуть это что-то, как соринку из глаз, устремлённых к сияющим искусственным све-

том вершинам нарисованного ею благополучия.

Внушаемость и самовнушаемость, массовый гипноз и самогипноз - очарованность одними перспективами и слепоглухонемота в отношении других... А они-то как раз и нарастают неотвратимо, с бешеной скоростью. И даже ощущение ускоряемой гибели не останавливает человечество от жажды потребления благ цивилизации. Смерть отключает организм человека от жизни в одно мгновение. Надвигающаяся катастрофа будет так же безжалостна. В один момент всё превратится в навоз истории.

Вывод однозначный: не туда летели и не туда покуда летим на сияющих крыльях прогресса», - так размышлял Восадулин, работая в огороде.

Он вонзил лопату в землю оттаявшей грядки и выворотил ком ещё холодной земли. Разбил лопатой тяжёлый, пропитанный влагой ком. В распавшейся для прогрева земле оказалось несколько червей, переживших зиму в анабиозном состоянии и теперь с ударом лопаты получивших первую дозу солнечного света. Ещё недостаточную для их нацеленного движения, так как черви лежали не шевелясь.

«Живые, как мёртвые, - подумал Егор. - Но совсем скоро их оживит свет весны, дающий земле тепло. Холоднокровные получают энергию в кровь и задвигаются, заживут».

При копании грядок - знакомом монотонном труде - голова Восадулина оставалась свободной для мыслей. За это он и любил свой земледельческий труд, совершая его вручную, когда не надо заботиться о бензине и об исправности всяческих механизмов.

«Что такое червь не с биологической, а социальной точки зрения? - размышлял Егор дальше. - Порождение он среды существования, или, будучи несравненно бо-

лее активным, хотя и мизерным по сравнению с комом земли, в котором живёт, не говоря уже об огромном коме, называемом планетой Земля, сам приспособливает его под свои червячьи цели? Устраивает в нём червячьи дома, червячьи семьи, прокладывает дороги, тоннели. Но что самое удивительное, повышает при этом плодородие почвы не хуже навоза. Приспосабливая землю к своей жизни, не разрушает её, а структурирует, даже обогащает своим присутствием в ней. Червь, будучи навозом своей истории, тем не менее, остаётся вечным и необходимым.

А тогда, какая разница, кто он для земли, если у них всё в гармонии?

А человек?

Вот зачем человеку пластик? Планете он точно не нужен. Всё, что из пластика понаделано, для земли яд.

Человек, по сравнению с червём, только потребитель-губитель. Поучился бы у червя, как умно потреблять, всё же мозгов-то значительно больше.

Больше, да не на то направлены».

К такому грустному выводу, совсем как безнадежный пессимист, каковым никогда не был, пришёл Восадулин.

Обычно, собираясь на рыбалку, он искал червей или в компостной куче, или под вывороченным пластом дёрна, или под лежащими на земле досками и камнями. Найдя особо крупный экземпляр, перламутрово блестящий на солнце, всегда цитировал известную строчку, слегка её изменив: «Навозну кучу разгребая, Егор нашёл жемчужного червя».

Клевало лучше на так называемых навозных червей бурого с красным отливом цвета. Без всякого политического оттенка цвет их можно было назвать красно-коричневым. Насаженные на крючок, они извивались энергичнее, тем самым сильнее приманивая рыбу. Находясь на крючке, такой червь, к сожалению, переставал быть червём, творящим свою исто-

рию, частью природы, а становился посредником между человеком и рыбой по воле первого. Два тоненьких волоска под названием жизнь - червя и рыбы - обрывались, лишённые естественной среды обитания, чтобы продлилась жизнь пойманного их человека.

«Человечество сейчас в разогретом, энергичном состоянии. Кто ж тот рыбак, который наденет его на крючок своего удилица, и какую он выловит рыбу? - мысли Восадулина не переставали крутиться вокруг душевного пессимизма. - Не всё же время нам, людям, рыбку ловить. Придёт срок, и сами послужим наживкой.

Сколько ещё поколений будет очумело зациклено на потреблении? А не много, пожалуй. Гораздо меньше живших как часть природы, кто, ощущая себя её частью, брал, не нарушая баланса, понимал всемогущество её сил и поклонялся природе как божеству.

Она была и всё ещё остаётся кладовой человечества, откуда не всё растащено. А чем стало для неё человечество? Оно стало вором в своей кладовой: кто больше украдёт.

Кладовые природы заменили на кладовые денег - банки. Природных, божественных ресурсов Земли от них не прибавилось ни килограмма».

Егор сбросил с лопаты последний ком земли. Готовая грядка дышала. Черви, вывороченные на поверхность, вытянувшись во всю длину, поглощали своей перламутрово блестящей в солнечном свете кожей живительное тепло.

«Вот и дожили до тепла, придётся теперь и вам потрудиться. Сто червей на квадратный метр - и никакого навоза не надо, удобряют землю как положено, - об этом Егор прочитал давным-давно в журнале «Наука и жизнь». - На моей грядке их столько на квадратный метр не наберётся, но стремиться к этому надо.

Чем их там кормят?»

ЧЕМ ЧЕЛОВЕК ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ЖИВОТНЫХ

Восадулин со школы помнил, как на уроке зоологии учительница сказала, что у животных нет души.

Ну, как же её нет, если животные живые?

Может, учительница имела в виду, что душа у животных психически не организована, что богатый внутренний мир присущ только человеку. Ну и это навряд ли. Стоит только посмотреть, как животные умно и любовно ухаживают за своими детьми. А как становятся на защиту своих питомцев! Медведица, не раздумывая, убьёт любого, от кого исходит опасность для её медвежат. И в то же время может щадяще шлёпнуть не в меру расшалившегося медвежонка.

А какие правильные отношения можно наблюдать у домашней курицы с её выводком цыплят. Или, сидя на берегу пруда и глядя на плавающую утку с утятами, когда они по её команде об опасности разом исчезают под водой. И чувство любви, и чувство страха, и обучаемость по принципу «делай как я» есть не только у людей, но и у животных.

Восадулин из своего деревенского детства помнил счастливые глаза коровы, когда она облизывала своего новорожденного телёнка.

Видел он и лесного кабана, вылетающего на защиту своего убегающего от человека стада. Тут со страху, глядя на мчащийся на тебя снаряд центнера в полтора весом, можно и в штаны наложить. И он, этот живой снаряд, в последний момент сворачивает в сторону, потому что стадо успело скрыться в спасительных зарослях леса.

Есть у животных душа, пусть и примитивная, но не лишённая благородства.

Кто-то скажет, что у животных нет совести, этим они и отличаются от человека.

«Вы это скажите коту, в отсутствие хозяев слизавшему с молока сметану, когда он опрометью вылетает в открываемую дверь. И не зря ведь в народе сказано: знает кошка, чьё мясо съела. Знает, и потому долго не появляется в доме, пока хозяева не заскучают по ней и не начнут звать призывным тоном. Вот тут и явится с виноватым видом, понимая, что повинную голову меч не сечёт. А и пожурят, так за дело, как будто грехи отпустят, - мысленно произнёс Восадулин, как бы отвечая незримому оппоненту. - Нет, совести у них хватает. Во всяком случае, побольше, чем у некоторых человеческих особей.

Если животным страшно, удирают сломя голову, мгновенно оценив обстановку. Причём гораздо быстрее человека определяют оптимальный для отступления вариант. Их мозг, когти и лапы всегда готовы к применению как в бою, так и в отступлении.

И душа есть, и совесть, и ум, и хитрость. Чем глубже этим вопросом задаёшься, тем сравнение всё чаще становится не в пользу человека.

И всё же есть главное, чем человек отличается от животных: деньгами.

У животных нет денег. А потому им нельзя ничего и никого ни купить, ни продать, можно только добыть. Так и живут. Так, наверное, и честнее.

Деньги дают подлому, бессовестному, бесчестному человеку власть, а власть, как известно, и хорошего-то человека со временем портит, во всяком случае, лучше не делает. И если у кого-то ну очень много денег, то очень многим людям их будет постоянно не хватать. Деньги - неживой предмет, но подчинили себе живые, ставшие по их подобию мёртвыми души».

Вспомнив современную поговорку: «Любой каприз за ваши деньги», Егор решил заглянуть в двухтомник пословиц и поговорок, собранных Владимиром Далем более двух столетий назад.

Народной мудрости касательно денег, ставшей пословицами и поговорками, набралось несколько страниц, но Егор решил выписать для себя актуальные и поныне, а потому годные к употреблению: «Сила и слава богатству послушны», «И правда тонет, коли золото всплывает», «Когда деньги говорят, тогда правда молчит», «Умом туп, да кошель туг», «Грехов много, да и денег вволю», «Будешь богат, будешь и скуп», «И барину деньга господин».

Но по душе пришлись другие пословицы и поговорки: «Деньги что камень: тяжело на душу ложатся», «Деньгами души не выкупишь», «Денег нет, так подушка под головой не вертится», «Хлеб да живот - и без денег живёт», «Без денег проживу, без хлеба не проживу», «Уговор дороже денег», «Богатство гниет, а нищета живёт».

На этой оптимистической для себя ноте Егор Восадулин решил прервать свои размышления о деньгах.

«Пятьдесят лет - денег нет и не будет», а мне давно за пятьдесят перевалило, нечего о них и думать. Что есть, то есть. А есть будем то, что сами вырастим. Главное, свой огород в деньги не обратить».

Как там в фильме «Табор уходит в небо»: «Не люби деньги, Зобар. Обманут. Вставай рано и помни: закат приходит, когда его совсем не ждёшь...»

ВЖИК-ВЖИК

«Недаром всё же садоводов-любителей называют садистами», - подумал Восадулин, глядя, как сосед секатором и пилкой, напоминающими пыточные инструменты, обрезал фруктовые деревья и ягодные кусты. Чик-чик, вжик-вжик.

«И пришёл мужик Вжик-Вжик», - родилась в мозгу Восадулина ритмизованная строчка, наводящая на параллельные ассоциации.

«Если не видеть перед собой мужика с

садовыми инструментами, то можно подумать, что строчка из другой оперы, - мысленно произнёс Восадулин. - Во всяком случае, наводит на размышления, а потому не мешало бы над ней поразмыслить».

Он медленно отошёл от забора, стараясь не спугнуть ритм и тему, нацеленно сознавая, что в этом ничем пока не вспугнутом состоянии нужно успеть добраться до письменного стола, где полусонно лежат, дожидаясь его вдохновения, бумага и карандаш.

«И пришёл мужик Вжик-Вжик, - Восадулин взял карандаш и, привычно глянув на него, заметил, что карандаш нуждается в заточке. - Сейчас мы его обвжикаем. Всё в этом мире нуждается в заточке, даже мозги».

Егор привычно очинил карандаш острым, как бритва, перочинным ножом и, написав рабочее название будущего стихотворения «Вжик-вжик», быстро разместил под ним родившуюся в саду строчку.

И сам собой возник вопрос: куда он пришёл и зачем?

«Если в сад, опиливать фруктовые деревья, - это одно, а если вжик-вжик - вовсе не пила, то получается... сплошная эротика».

Нет, оставим эротику в покое. Вжик-Вжик - это заточенный мужик, заточенный на то, чтобы всё обкорнать, всё - под одну гребёнку. Шаг влево - вжик, и нет ноги; шаг вправо - вжик, и нет другой. А не фиг бегать. Богатая тема. Или лучше не обкорнать, а подравнять?

*И пришёл мужик Вжик-Вжик,
все попрятались под стол.
Он такую речь завёл:
я не враг, не вечный жид,
что от вас с баблом сбежит.
Я пришёл, чтоб излечить,
всё гнилое опилить,
потому зовусь Вжик-Вжик.*

*Это кто дрожит-брюзжит?
Я сказал, что опилю,
но совсем не загублю.
Будет дерево страны,
да и все вы, - не больны,
с кроной вечной ширины.
Ну-ка, все из-под стола,
принимайся за дела!*

Нехило получилось, - удовлетворённо заключил Егор. - Что-то напоминает в нашем историческом прошлом или в нашей истерической действительности».

Восадулин любил не только сад-огород, но и лес. В нём он чувствовал себя Волесулиным, азартно отдаваясь «грибной охоте», от которой на весь год повышался адреналин в крови, а ещё оставались грибы - сушёные, маринованные, солёные.

На продажу, как делали знакомые пенсионеры, он из лесу ничего не носил. Но для подарка гостю всегда имелись и клюква, и брусника, приготовленная по древнему рецепту, однажды усвоенному из редкостной кулинарной книги.

Глядя, как постепенно лысеет лес вокруг старинного городка и вспоминая героя своего стихотворения, Восадулин невольно задавался вопросом: «Что сделал бы Вжик-Вжик с теми, кто всё это творит, сводя под корень леса своей родины? Наверное, вжик-вжик - и нет у них способности к продолжению рода.

Раньше тоже деревья пилили, но не было этих лысин. На месте делянок леса восстанавливали. Планово. Да я и сам спиливал деревья, но и посадил их не меньше.

Уж не говорю о фруктовых. Их-то останется целый сад. Молодых, полных сил. Как нынче яблони цвели!

А строчка-то опять поэтическая, даже песенная:

«Как нынче яблони цвели! Пьянили радостью своею...»

АВТОМОБИЛИ, АВТОМОБИЛИ...

У него никогда не было автомобиля. Собственно, Егора никогда и не тянуло за руль. С течением времени автомобили появились у всех друзей и знакомых, а он всё оставался «безлошадным» - белым вороном.

Разговоры друзей-приятелей теперь крутились вокруг четырёхколёсного транспорта, который в обиходе все почему-то называли тачками. Жизнь не стояла на месте, одна марка автомобиля сменяла другую. Крутые тачки становились предметом гордости одних и предметом мечтаний других.

«Автомобили, автомобили - буквально всё заполонили» - песня из туманной юности Восадулина стала жёсткой реальностью.

По утрам, когда люди ехали на работу, развозили детей в школы, а также в обеденное время и после работы - в так называемые часы пик - даже в его городке стало сложно перейти улицу. Машины двигались сплошным потоком и лишь на переходах вынужденно притормаживали. И только тогда накопившиеся пешеходы, ускорившись или сохраняя остатки собственного достоинства, могли пересечь проезжую часть. Жажда скорости вытеснила на обочину жизни времена, когда, к взаимной вежливости, перейти улицы можно было в любом месте.

С появлением автомобилей, как затем с появлением гаджетов, жизнь проще не стала, наоборот, усложнилась. Но человечество приняло правила новой реальности, дающие комфорт, в обмен на деньги. А коль скоро время приравняли к деньгам, то, по сути, в обмен на время жизни, то есть на саму жизнь - на дар Божий.

«Во что обходится человечеству производство бензина - корма для железных коней? Из-за него на Земле то одна война, то другая. Выхлопные газы, того и гляди, не

оставят места свежему воздуху. Только в лесной глухомани и дышится полной грудью. Но это уже никого не волнует. Автомобиль переформатировал смысл человеческого существования, и с этим вряд ли что можно сделать», - приходил к грустному выводу Восадулин.

Его созерцательная натура, конечно, не годилась для такого подчинённого железке состояния. А потому он предпочитал общественный транспорт, когда, двигаясь по дорогам, можно смотреть в окно поезда или автобуса и приводить свои мысли в порядок. За рулём собственного автомобиля, как известно, отвлекаться от дороги нельзя, иначе...

Одно время по обочинам автомобильных трасс на месте смертельных аварий родственникам не запрещалось ставить памятные кресты. Их становилось всё больше и больше. В дальних поездках Восадулину казалось, что он едет по бесконечному кладбищу.

При ремонте, строительстве, расширении дорог, приведении их к современным стандартам кресты постепенно исчезали. «Оно и к лучшему, - размышлял Восадулин, - ведь под этими крестами никто никогда не лежал».

Но если размышлять дальше о возникающих новых реальностях, то возникает прообраз стирания памяти.

Хуже будет, когда трассы пойдут по реальным кладбищам, что не исключено. Оказались же на дне рукотворных морей - водохранилищ - и кладбища, и посёлки с деревнями, и целые города. Исчезли красивые обжитые места, как будто их не было. А людям с их рыдающей памятью довелось стать переселенцами со всеми «вытекающими» из этих рукотворных морей последствиями. Водная гладь перед глазами потомков заменила пейзажи, что когда-то ласкали взор и шлифовали души их предков.

А какой пейзаж видят люди за рулём своей тачки?

Мир, мчащийся своим путём асфальтным. И ты - часть этого мира и этого пути, когда не видишь ничего, кроме дороги и впереди себя другого автомобиля.

Если проходить в день по десять километров, то за год пройдёшь три тысячи шестьсот пятьдесят. Земной экватор насчитывает сорок тысяч километров, значит, Землю можно обойти примерно за одиннадцать лет. Кругосветное путешествие пешком. За свою жизнь человек несколько раз «обходит» вокруг земного шара. Не всякая «железка» такое выдержит.

Нет, не для кругосветных путешествий пешком живёт человек и не для них же автомобиль изобретали, хотя, конечно, изначально - ездить. На колёсах ведь ездят, а не ходят. Но теперь «тачка» диктует свои правила жизни, и это уже ненормальная реальность, хотя люди и пытаются убедить себя в обратном.

Разделяют гуманитарное и техническое образование. Гуманитарное связано с душой человека; техническое, по определению, - с техникой, а она, как известно, души не имеет. Совместить одно с другим не получается, и, хорошо бы, никогда не получилось. От такого контакта либо человек станет машиной, либо машина оживёт. Пусть лучше конфликт останется вечным, как между «детьми» и «отцами».

Но джинн, выпущенный из бутылки, только тогда безопасен, когда снова загнан в бутылку. Человечество ещё не решилось обуздать джинна научно-технического прогресса, наивно полагая, что в нужный момент с его же помощью это и произойдёт. Да, технические возможности человек совершенствует. А что происходит одновременно с ним самим? А если точка невозврата уже пройдена? Лучше-то человек не становится. Он всё дальше уходит от своей гуманитарной, которая от Бога, сущности.

Сосед сменил уже третий автомобиль. Теперь у него иномарка, и все разговоры о ней. Свой первый «жигулёнок» называет чайником. А чем иномарка лучше «жигулёнка»? Комфортнее, красивее, быстрее, «бензина ест меньше», а по сути, всё равно «железяка».

Каждый выбирает свой путь. И наши два пути - мой и соседа - никогда не сойдутся. Хороший он человек, но... скучный, - раздумчиво размышлял Восадулин, глядя в окно автобуса на сменявшие со скоростью девяноста километров в час друг друга деревья. Они почти сливались в единую зелёную массу, и лишь изредка появлялись перед глазами поля, которые в силу однообразия позволяли себя рассмотреть, но тоже ненадолго. - Вот так и жизнь человеческая ускорилась, смазывается из-за своей скорости, не вникая в подробности, не успевая настроиться на восприятие окружающего мира, на удержание его в памяти в образах прекрасного».

За окном автобуса мелькнул на обочине неведомо как уцелевший при прокладке новой трассы одинокий на протяжении многих десятков километров крест. И вспомнил Восадулину, в связи с пробежавшими в пути мыслями, его друг, убитый своим новым автомобилем. Молодой, талантливый, трудолюбивый - подававший надежды и в науке, и в поэзии. За плечами медицинский и Литературный институты. Осталась неоконченная кандидатская, связанная с применением искусственной крови, и книжечка стихов, для которой Егор сделал фотографию автора и короткую аннотацию.

Как же ему было без автомобиля? У всех коллег-медиков, даже ниже рангом, были. Один круче другого.

Что подвело его в последний момент, когда вылетал с трассы в кювет? То ли усталость от ночного дежурства, то ли та самая созерцательность, свойственная натурам творческим, но совершенно не-

нужная при управлении техникой, когда всё внимание должно быть отдано ей и ты должен стать её неотъемлемой частью.

«Автомобилей становится всё больше, а людей с их человеческой сущностью всё меньше. Ну, зачем каждому личный автомобиль? - не в первый раз спросил себя Восадулин, желая водителю счастливого пути, когда выходил из автобуса. - Если за рулём профессионал, как-то спокойней.

Но если и дальше так пойдёт, когда у каждого автовокзала частники за пять минут до отправки автобуса снимают практически всех его потенциальных пассажиров, то общественного транспорта не останется. А какой с нынешнего частника спрос? И не хочешь, а ругнёшься.

Эх, автомобили, автомобили! Буквально всё передавали...»

Для справки. Выбросов вредных веществ от выхлопных газов автомобилей во много раз больше, чем от деятельности всех промышленных предприятий на планете.

Количество ежегодно гибнущих в авариях россиян более чем в три раза превосходит число погибших за десять лет афганской войны советских воинов.

СУПЕРЧАЙНИК

Когда чайник со свистком закипал, Восадулин, идя на кухню, приговаривал: «Да слышу, слышу, угомонись!» Выходящий из свистка пар как будто одушевлял молчаливый доселе предмет домашнего обихода.

Путь до него занимал всего несколько секунд, но слово «спасибо» всегда возникало в душе. Восадулин помнил свой прошлый чайник, без свистка, который его тоже устраивал. Но несколько раз случилось так, что вода в нём полностью выкипала, и однажды Егора оторвал от письменного стола запах сгоревшей накипи и тонкий звук отскакивающей от перегретого металла эмали. Выключив газовую го-

релку и плохо соображая, что делает, Восадулин плеснул в чайник воды. Она мгновенно превратилась в пар. Паром обожгло руку и ударило в лоб, а эмаль со дна отскочила полностью.

Егор хранил теперь в этом чайнике засушенную за лето мяту. Выбрасывать ставшие ненужными, но ещё годные на что-то вещи рука не поднималась.

«Чайник не виноват, что я его загубил. Пусть живёт на кухне на заслуженном отдыхе, как пенсионер», - это решение успокаивало душу, когда Восадулин виновато смотрел на порыжевшие бока навеки остывшего чайника.

А вообще он говорил своё «извиняюсь» каждой вещи, если делал с ней что-то не так.

Заело молнию на куртке из-за попавшего в неё кусочка шарфа - он говорил своё извинение и только тогда начинал налаживать ход молнии. Если неловким ударом молотка сгибал гвоздь, то, извиняясь перед гвоздём, вытаскивал его, выпрямлял и аккуратно забивал по самую шляпку. Гвоздь, таким образом, не был выброшен, а исполнял свою функцию - соединял своим присутствием предназначенные к совместному, накрепко скреплённому бытию, вещи.

Люди - не вещи, а в качестве гвоздя или самореза, прикрепляющего одного человека к другому, служат человеческие чувства. Любовь, дружба, узы брака...

На узах брака мысли всегда спотыкались. Без любви эти узы, длительный срок удерживая мужчину и женщину на общей для них территории, иной раз настолько отдаляли их друг от друга, что хоть волком вой. «Не так свистишь, не так летаешь», - вспоминалась Восадулину строчка из давнего анекдота или: «Куда пошёл?», «Где ты была?» - пристрастно задаваемые надоевшими друг другу супругами вопросы. Какая разница, куда и где? Постоянно напрягаемые узы брака наконец не выдержива-

ли, рвались, ударяя своими похожими на плётку-семихвостку концами ту и другую сторону со всеми их родными и близкими.

И стоила ли такая игра свеч, и для чего она затевалась?

Для счастья.

А часто ли говорят «извини» своей отравившейся половинке?

На этот вопрос Восадулин мог ответить лишь за себя. Он бы сказал, да только слушать не захотели. И другом бы остался самым надёжным, а стал если не врагом, то недостойным внимания уязвлённой им женщины субъектом противоположного пола.

«Так, наверное, получается, когда вся любовь выкипает. Тогда накипь житейская сгорает на огне раздражения, и эмаль приличия отскакивает в отношениях близких людей», - размышлял он, доставая в очередной раз мяту из старого чайника. Душистый получался у него чай.

А вот новый чайник, как новая любовь, не даёт забываться за письменным столом. Как хорошая молодая хозяйка, вовремя напомнит свистком, что пора к другому столу. Хочешь не хочешь, а вставай, сам ведь хотел чаю. И именно ты завёл «молодую хозяйку».

Сам, конечно, сам. А и свисток теперь вынуть нельзя, коль скоро забывчив стал и недоверчив к самому себе в подобных делах. Делать два дела одновременно теперь не получалось. «Либо гусь, либо яблоки», - грустно шутил Восадулин.

Он ценил труд не только чужой, но и свой, а потому старался всё делать так, чтобы не переделывать, не тратить зря драгоценное время жизни.

Бережное отношение к вещам приучило его жить экономно, когда человек довольствуется малым, только самым необходимым. «Наверное, про меня говорят, что я Плюшкин, но я ведь не собираю всякий хлам, наоборот, от хлама-то как раз избавляюсь.

А то, что куртка на мне десять лет одна и та же, так она мне подходит, и я слежу за ней, как за второй кожей. И выгляжу в ней вполне прилично на фоне односезонного шмотья», - размышлял Восадулин.

Куртка его не была дешёвой, покупал он её к своему полувековому юбилею и не поспешил. В ней сохранялся классический - вневременной и вневидный - покрой, чем-то со временем ставший похожим на гордого человека со следами былой красоты.

«За модой не угонишься. Для других - «лексусы», «клик» и «лобстеры», всё это дорого стоит, но время дороже. Не надо ни за чем гнаться. Будь верен себе, иди своим путём, умеешь радоваться чужому успеху, а твой успех в другом. Кому гусь, а кому яблоки, - выдал Восадулин новую вариацию на тему известного кулинарного шедевра. - Ну вот, целых два афоризма получилось с утра из ни разу не отведанного блюда. Вот это моё. А яблоки явно лучше в натуральном виде, чем в гусях».

Прошлой весной проезжий «лексус», не сбавляя скорости, окатил Егора с ног до головы водой из набежавшей на просевший дорожный асфальт лужи. Егор как раз собирался перейти дорогу. В положенном, кстати, месте. Пришлось возвращаться домой, застирывать, а потом сушить свою пострадавшую куртку.

Выкручивая её полы и рукава от лишней влаги, Восадулин, как всегда, растёкся мыслью по древу. На сей раз о том, почему так сильно в последнее время угнездилось среди людей равнодушие к своим соотечественникам: «Понимали бы, что друг без друга становимся всего лишь отдельными деталями единого механизма, который будучи разобранным, расчленимым или, не дай Бог, разбитым, понятное дело, работать не станет.

И для его воссоздания ещё и объединяющая идея понадобится. «Лексус» при этом, может, и не получится, да он народу

и не нужен. Ну, зачем легковому автомобилю сотни лошадиных сил, больше, чем у трактора? Вот трактору на пашне они, действительно, пригодятся. Силы и нервы народные тоже не надо бы рвать попусту. Пригодятся в лихие времена».

День был подпорчен хамством владельца дорогой иномарки. Эти владельцы отечественные автомобили презрительно называют «чайниками». А пешеход для них, наверное, «суперчайник».

«Я - суперчайник», - решил тогда про себя Восадулин и радостно улыбнулся, как будто ощутил сразу высшую степень посвящения в открывшийся ему и не ведомый никому другому смысл человеческой жизни.

СТАРИК И СОБАКА

Каждый день в шесть утра по аллее парка, тяжело переставляя ноги, брёл старик. За ним, тяжело переставляя лапы, брела собака. Её собачий возраст в переводе на возраст хозяина тянул на больший. Казалось, что собака нехотя сопровождает старика, вот-вот остановится и повернёт обратно. Но этого не происходило. Они вместе доковыливали до конца длинной аллеи и поворачивали назад.

И тут первой шла собака, а старик плёлся за ней с теми же, очевидно, помыслами, что до этого были у неё: что пора бы остановиться. Но нет. Собака теперь шла домой, а домой животные всегда идут с энтузиазмом, и останавливаться ей уже не хотелось. Дома их ждал завтрак, аппетит они, считай, нагуляли.

В очередной раз глядя на эту картину, Восадулин заметил, как внешне старик и собака похожи - не только усталой походкой, но и наклоном головы, сутуловатостью, да и всей позой, наводящей на невесёлые размышления.

«Может, потому так рано и ходят по парку, пока он безлюден, чтобы не наво-

дить тоску. Днём здесь много прохожих. Из детского сада выводят детей на прогулку, а им только и дай с собачкой поиграть. А ей уже не до игры - поесть да подремать рядом с хозяином.

Прошло их лето, и даже осень прошла. Их возраст - зима, и холод всё ближе подбирается к сердцу. Сколько ещё раз им отведёт жизнь пройти по парку? Каждый раз как последний. Похоже, что жизненный ресурс будет исчерпан одновременно, и хорошо бы так. Им не жить друг без друга», - тут Егор оборвал свои грустные размышления.

И задумался о другом: отчего возникает такая похожесть? И кто в ком растворился в данном случае - старик в собаке или собака в старике? А может, они теперь одно целое, и не важно - кто в ком. Им, по крайней мере, не важно.

«Вместе состарившиеся муж и жена тоже становятся похожи друг на друга, - подумал Восадулин, приглядевшись к супружеской паре, медленно шедшей по парку вдоль стадиона, где слышались звонкие молодые голоса и удары по мячу на волейбольной площадке. - Так вот у них получилось, а хотели они того или нет, неизвестно».

Егор вспомнил показанную по телевизору пожилую английскую пару, дожившую до ста шести лет. Старички были похожи друг на друга как брат и сестра. На вопрос о секрете их долголетия они ответили, что во всём соглашались друг с другом. «Я всегда говорила: да, дорогой», - ответила жена. «А я всегда говорил: да, дорогая», - ответил муж.

Секрет-то простой, но как его исполнить? Полные мир и согласие бывают так редко. Особенно теперь, когда всё в жизни заточено на то, чтобы доминировать и в мире, и в доме.

«В этом основа конфликта, никто не хочет раствориться в другом человеке. А ведь такое возможно. Происходит само

собой, когда люди по-настоящему любят друг друга.

В семье без согласия коса находит на камень. Или камень налетает на косу. Эгоизм всё равно выпрет наружу и всё разрушит. Вот смог бы ты, Егор, раствориться в другом человеке? - задал себе вопрос Восадулин и честно ответил: - Опыт семейной жизни показал обратное. Да и во мне раствориться не просто.

Что там было написано на кольце царя Соломона? «И это пройдёт». Вот и проходит остаток жизни в одиноком самостоянии», - сам себя не утешил Егор.

Был у него кот, не свой, а чужой, которого он приютил поздней осенью. Хозяйка кота не искали, доверив его произволу кошачьей судьбы. И прожил кот у Восадулина зиму и весну, весной исчезая на время. А летом исчез навсегда.

Кормил он кота натуральной рыбой - корюшкой, которую тот поглощал с неизменным, нагулянным за голодные дни аппетитом. И всякий раз после поглощения выданной порции рыбы говорил: «Мяу», что на его кошачьей мяуке означало спасибо.

«Наверно, где-то предложили заграничную кошачью пищу - корм, на него кошки «подседают», как наркоманы. Ушёл и ушёл, на то его кошачья воля», - обиженный решил тогда Восадулин.

Не хотелось думать о чём-то худшем.

Глядя на старика и собаку и на состарившихся супругов, идущих рука об руку одинаковой походкой и с одинаковым выражением на лице, Егор испытывал чувство завистливой жалости, чувство странное и страшное. Страшное тем, что всё позади, всё хорошее прошло в его жизни, а у них вот как будто бы ничего и не произошло. Как там в песне: «И счастлив лишь тот, с кем рядом подруга идёт». Идут куда-то вместе, а он остановился, он всего лишь наблюдатель, всего лишь свидетель их нераздельной и делящейся жизни.

А странное оттого, что было их жаль, что «и это пройдёт».

«Господи, помилуй мя грешнаго», - шептал он тогда, закрывая глаза. И перед мысленным взором возникал до боли знакомый старик, одиноко бредущий в холодной аллее парка.

К нему вдруг выскакивал из кустов сбежавший от него кот и на знакомой мяуке просил рыбы, а не заграничного кошачьего корма.

Я НЕ СЛЫШАЛ ШУРШАНИЯ ФАНТИКОВ

Он шёл по дощатому тротуару. Перед ним, как раз где тротуар заканчивался, выходили из машины ещё не старые бабушка и дедушка со своим внуком. Малыш радостно вскрикивал и, обернувшись на Восадулина, закричал: «Дедушка!», увидев перед собой человека с седыми усами и бородой. Дед и бабушка, слегка обомлев, растерянно улыбнулись.

Восадулин улыбнулся чужому внуку и приветливо помахал рукой, проходя мимо.

И вспомнился ему приезд молодых родственников, следовавших через его городок на отдых в вернувшийся в родную гавань Крым. Старшие из любопытства решили посетить ярмарку выходного дня, оставив дочь, приходившуюся Восадулину внучатой племянницей, и кота Барсика на его временное попечение. Егор был не против. Наоборот, у него появилась возможность ощутить себя дедушкой. Да и кот оказался на удивление общительным.

Старшие долго не возвращались. Егор, беспокоясь по этому поводу, упустил из виду, как постепенно исчезали из вазы купленные им для гостей вкусные шоколадные конфеты.

И потому вопрос племянницы: «А кто съел конфеты?», прозвучавший громко,

но с чуть заметным наигранным удивлением, застал его почти врасплох.

В вазе лежали одни фантики.

- Я не слышал шуршания фантиков, - как бы снимая с себя вину, поспешно ответил Егор, глядя на пустые конфетные обёртки. Он не сказал: «Не знаю», решив поддержать начатую племянницей игру.

Сидевшая за столом юная родственница зажимала рот рукой, её начинал разбирать смех.

- Кто же так бесшумно умудрился конфеты стукать? Какой такой сладёна у нас завёлся? - продолжил игру Восадулин. - Наверное, это папа. Так много мог съесть только он, никому другому не съесть.

- А вот и не-е-т.

- Тогда это сделала мама.

- Не-е-т.

- Маленькие девочки столько съесть не могут. Барсик конфеты не ест, да ему и фантики бесшумно не развернуть, долго придётся конфетку по полу гонять. Остаётся только один человек, которого я знаю, кто мог бы столько конфет... смолотить.

- Да, - сказала племянница, - и я его тоже знаю. Это ты. Ты большой.

У Восадулина от такой наглости челюсть отвисла: «Вот те раз! А ведь следуя моей логике, так и получается. В безвины виноватые попал. Лучше бы я вслух не рассуждал. Но ведь конфеты наверняка съела она, больше-то некому. Или всё же это не так?»

Вот уже и засомневался. Ах ты, шалунья! Старого дядьку захотела объегорить. А ведь меня Егором зовут, а Егоров объегоривать трудно, сами кого хочешь объегорят. Надо бы каким-нибудь хитрым способом вывести её на чистую воду».

Племянница, унаследовав от родителей острый ум, в свои пять лет уже бегло читала, палец ей в рот не клади, и Егор решил задать хитрый, наводящий на «прокол» вопрос:

- А как называются эти конфеты?

Девочка, почувствовав подвох, задумалась. Она, конечно, знала их название, но ведь и дядя Егор знал. Зачем тогда спрашивает? Она взяла один фантик и медленно прочитала: «Ро-маш-ка».

Конфеты на самом деле назывались «Буревестник», и на фантиках была изображена летящая над синим морем птица, а не белые полевые ромашки на золотистом фоне.

«Вот те два! - подумал Егор. - Скажу, что «Буревестник», так и получится, что я их съел».

- Ну да, «Ромашка».

У маленькой девочки удивлённо расширились глаза. Такого она явно не ожидала.

- А где здесь ромашки?

- А их склевала вот эта птичка, - сказал Егор, развернув фантик с буревестником. - А птичку съел Барсик, видишь, как намывается.

Барсик, попив молока, усердно намывал свою мордочку лапой.

Племянница любила своего котика, и обвинить его в том, чего он не делал, ей было не под силу:

- Это не Барсик.

- Ну если и он, то весь шоколад с лап он уже слизал.

И тут девочка посмотрела на свои ладошки, а потом, спохватившись, в глаза Восадулину.

«Вот ты и проявилась. Теперь, как ни крути, а сознаваться придётся, а то я чуть не поверил, что все буревестники угнездились в моём животе», - улыбнувшись, подумал Егор.

- Я не слышал шушания фантиков, - продолжая игру, повторил он, растерянно глядя в глаза пятилетней плутовки.

И тут из неё наконец-то прорвался заливиственный смех.

Когда она вдоволь насмеялась, Егор, как мог, объяснил, что столько конфет за-

раз есть нельзя, появится опасная болезнь аллергия. Девочка внимательно слушала его объяснения. Сначала недоверчиво, но серьёзный тон, каким это всё говорилось, похоже, убедил её, и она по-детски задумалась над сказанным и наверняка запомнила слова старого умного дядьки.

А Егору понравилась фраза: «Я не слышал шушания фантиков», возникшая в их конфетном соревновании-диалоге.

Фраза претендовала на универсальность, применяемость в различных жизненных ситуациях. Например, если деньги-рубли называть «фантиками», а их так и называют, то про нехватку денег в собственной жизни, можно будет произнести: «Я не слышал шушания фантиков». Произнести это можно с грустью или, наоборот, с бесшабашной удовлетворённостью.

Да мало ли ещё возникнет других ситуаций, которые впишутся в смысл универсального выражения, на то оно и универсально.

От многого в жизни остались лишь груды фантиков. Никто и не заметил, как «конфеты» оказались кем-то съедены...

ЗАЩИТНАЯ РЕАКЦИЯ

Соседка Восадулина, работая прорабом на стройке, где рабочие чем дальше, тем больше называли любой строительный материал одним словом, похожим на слово «хэмингуэвина», сама, тем не менее, не материлась. Её муж своей светлой личностью, сформировавшейся под звуки лирических советских песен на фоне всеобщего созидательного энтузиазма, спокойный, уравновешенный человек, служил положительным примером, не позволяя даже помыслить о ком-то или о чём-то ругательно.

Но в конце своей жизни, когда мужа уже давно не было рядом, соседка Восадулина разговаривала исключительно матом.

Подходя не утратившей энергии походкой к своему почтовому ящику, она громко, на весь подъезд, возвещала: «Опять какую-то ...ню прислали!»

Действительно, в почтовых ящиках уже давно не появлялось привычной почтовой корреспонденции: поздравительных открыток, писем, написанных знакомым почерком. От близких родственников или любимого человека. Годы, как говорится, ушли. Или время стало совсем другое...

В почтовом ящике периодически появлялись раздражающие своими растущими цифрами квитанции об оплате услуг жилищно-коммунального хозяйства, а также за электроэнергию, техобслуживание дома и...

И прочая, как вещала соседка Восадулина, «...ня» в виде рекламных буклетов, предвыборной агитации, бесплатных газет, изданных, тем не менее, с целью выманить у доверчивых граждан денежку на приобретение всякой фигни, лекарством не являющейся, но якобы обладающей целебным эффектом.

Ну как тут не матюгнуться человеку, обладающему трезвым созидательным умом бывшего строителя социализма, когда тебе под видом выбора предлагают одну ...ню.

Да ещё, как издевательство, с доставкой на дом.

Мат раздражённого пенсионера - это его защитная реакция ото всего, что ему пытаются навязать, на наглую попытку использования пожилого человека в своих целях недобросовестными людьми.

Сложилась парадоксальная ситуация. После всех обязательных выплат за потреблённые услуги доверчивый пенсионер скопившиеся скудные рубли чаще всего тратит, следуя расхожей фразе небедного человека из зомбоящика: «Я могу себе это позволить».

И в результате тратит на всякую ту самую на букву «х».

Пенсионерам их невеликую пенсию не задерживают, что и служит постоянной приманкой различного рода мошенникам для, так сказать, заработка, основанного на присущем пожилым людям желании быть не хуже других и как-то выделиться на общем безрадостном фоне.

Книжные полки многих доверчивых пенсионеров украсили яркие переплёты кришнаитской литературы, доставленной современными «офенями» - молодыми людьми, обученными втюхивать любой бесполезный товар. От их назойливых предложений «невозможно отказаться».

В кухонных шкафчиках появились многочисленные биологически активные добавки, которые в лучшем случае уравнивают друг друга, как диарея и запор. А в худшем - способствуют скорейшему переселению в мир иной своим неконтролируемым вмешательством в хрупкий старческий организм.

Восадулину в его седую голову пришла парадоксальная мысль о прошедшем в стране увеличении пенсионного возраста: если люди перестанут доживать до пенсии, то у мошенников исчезнет одна из статей дохода. Оказывается, государство таким образом борется с мошенниками, а все думают, что с потенциальными пенсионерами. Хитрый способ.

Егору, на старости лет, и самому было впору материться. Он стал ощущать себя не человеком, а одушевлённым кошельком и предметом для манипуляций, которому с помощью «зомбоящика» создают ощущение полноценной жизни. Сплошные шоу кругом и «удивительные люди».

«Мы тоже удивительные люди, - размышлял Восадулин. - Ко всему привыкаем, со всем свыкаемся. Суперсовременные бабушки и дедушки проводят остаток жизни с компьютером. А вот соседка не сидит в виртуальном пространстве. Каждый день

дважды по три тысячи шагов по вымеренному заранее пространству - с трудом, но преодолевает.

Дышит природным воздухом разных времён года. А потому и матюги у неё крепкие, ядрёные, как сегодняшней крепкий морозец. Умеет приложить. Не то что подвыпившая молодёжь, бессистемно и грязно выражающая свои примитивные мысли и действия».

Восадулин однажды вмешался в такой разухабистый разговор. И больше никогда этого не делал, обученный несколькими новыми словам относительно себя и себе подобных. Недостойных эпохи накопления первоначального хамства и лишнего уже на планете Земля.

«Пройдёт много лет, десятилетий, веков, может быть, не одно тысячелетие, когда человек снова изобразит на стене своей пещеры сцену охоты, красоту и силу человека, обретающего любовь к прекрасному.

Но неужели всё снова вернётся к уничтожению культуры, всего лишь к удобствам эпохи научно-технического прогресса?

Ради чего человек теряет свободу? Никакие законы, возвещающие блага демократии, никакие изобретения её не заменят. Жизнь так коротка, особенно в конце. Пусть мир идёт вперёд, но не лезет мне в душу.

Ну вот, опять, похоже, брюзжу, хотя и не вслух, но весьма складно и без мата», - Егору стало жарко, несмотря на мороз.

На ходу он снял шапку, отёр лоб вязаной рукавицей из последней оставшейся пары, связанной ещё его мамой. Подходя к дому, увидел, как, опираясь на палочку, возвращалась с ежедневной прогулки соседка, разменявшая вторую половину девятого десятка. Скоро она непременно заглянет в свой почтовый ящик и, вполне вероятно, произнесёт свою ставшую популярной в подъезде фразу.

«Да, психическое состояние человека, привыкшего платить за коммунальные услуги, свет и газ в общей сумме полтора-два десятка рублей, а теперь вынужденно отдавать тысячи, составляющие в сумме половину пенсии, а не пятую часть, как раньше, никто не исследовал.

Кому они нужны, такие исследования?

Поколение стариков скоро вымрет. Уйдёт вместе с ним сама собой и живая память о завоеваниях выстроенного их поколением общественного строя.

Жизнь в планетарном масштабе теперь летит быстрее автомобиля, мы сами её ускоряли. А зачем?» - с этим безответным вопросом Егор Восадулин вошёл в подъезд и поздоровался с соседкой.

Она как раз открывала почтовый ящик...

ОТЩЕПЕНЦЫ

Третий год Восадулин состоял в переписке со своим однокашником. Письма они друг другу писали на бумаге и отправляли по почте, как в старые добрые времена.

За три года стоимость конверта с маркой подскочила до тридцати двух рублей, сравнявшись с ценой буханки хлеба. Егор, заходя на почту, брал два-три конверта, которых и хватало на два-три месяца переписки.

Написав очередное письмо, он обнаружил, что конверты кончились, и побрёл на почту, размышляя, сколько конвертов купить на сей раз.

На сей раз он обнаружил на дверях почты объявление, где сообщалось, что 30 и 31 марта 2020 года местное отделение «Почты России» в связи с эпидемией коронавируса «с клиентами не работает».

Егор раньше и не подозревал, что он клиент почты.

«А может, под клиентами подразумевают не частные, а юридические лица?» - по-

думал он и дёрнул ручку двери. Дверь, будучи по-современному металлической, гулко отозвалась на его попытку прорваться внутрь здания.

«Придётся подождать пару дней», - решил он с досадой, зная, как ждёт его иностранных писем отысканный спустя много лет дорогой однокашник, с которым не один год прожили в студенческом общежитии.

Первого апреля, в День дурака, он прочитал, что 1, 2, и 3 апреля почта работает дистанционно.

Егор снова проверил дверь на возможность открыть её с помощью силы. Но она надёжно ограждала работников почты от заражения коронавирусом.

Егор подумал о том, что не только его руки касались дверной ручки и надо не забыть вымыть свои с мылом. Другого дезинфицирующего средства у него не было. Подумав о том, где можно взять конверт взаимы, он пошёл по знакомым учреждениям. Дёрнулся в одну дверь, в другую. Все учреждения, включая административные, работали дистанционно, указав на дверях телефоны, по которым можно обращаться...

«По нужде, - съязвил Восадулин. - Ещё три дня письмо будет не отправить».

Конверта добыть не удалось.

Он, и не только он, - никто ещё не знал, что произойдёт 2 апреля.

В этот день к нации обратился Президент, сообщив жителям России о продлении карантина до конца месяца, то есть ещё на четыре недели.

В ходу, модным стало слово «самоизоляция». Граждан России, особенно пожилого возраста, призывали самоизолироваться, то есть сидеть дома и не шляться по улицам в поисках конверта или ещё чего-нибудь.

У Восадулина в его гипертрофированном воображении стали возникать небезосновательные выводы, что даже если

он найдёт конверт, то его письмо может пролежать в почтовом ящике до окончания карантина, а потом, вполне вероятно, его станут либо дезинфицировать, либо отправят в огонь - самое верное средство от любой заразной болезни.

Когда он сокрушённо рассказал продвинутому соседу о нелепой ситуации, в которую попал благодаря свалившейся как с Луны эпидемии смертоносного гриппа, тот, ничтоже сумняшеся, посоветовал послать другу эсмэску или письмо по «электронке».

- Да нет у него ни мобилы, ни компа! - разозлённо крикнул Егор. - Мы друг другу другие письма пишем, настоящие, а не эту... - Он чуть было не повторил ставшее популярным в подъезде слово из пяти букв.

Воспроизводить его на бумаге не стоит, хоть и говорят, что бумага стерпит. Стерпит-то она стерпит, но что написано пером - не вырубишь топором.

- Люди давно на цифру переходят, а вы как два отщепенца, - с нескрываемым превосходством сказал сосед, даже на улице не расставившийся с планшетом.

«Люди. Разве это люди?!» - с горечью в душе подумал, но не произнёс Восадулин.

«Цифруны» - само собой родилось новое слово, и вслед за ним на свет появился готовый афоризм: «Управляют страной цифруны; как чума, цифруны для страны».

«Или как коронавирус. Так и принудят: сначала - к «цифре», а потом - к самоликвидации, - мысль неудачливого клиента почты разгонялась всё сильнее, и он не заметил, что внутренне оговорился, перепутав самоизоляцию с самоликвидацией. - И письмо другу отправить не получится, и выехать к нему тоже, всё из-за карантина. Дружбу - и ту разрывают своими «цифрами».

А через месяц что будет? Конверты, наверное, станет не выкупить. И сколь-

ко же через год будет стоять буханка хлеба? А молоко? Куда бедному отщепенцу податься?»

«В Куршавель. За новым вирусом», - съехидничал внутренний голос Восадулина.

3 апреля 2020 года, проходя мимо почты, Егор обратил внимание на новое объявление: 2, 3, 4 апреля почта работает с 10 до 14 часов. 5 апреля - выходной.

«Слава Богу, не дистанционно. Когда ж они «объяву» успели поменять? Поди, сразу после выступления Президента. Испугались болезные. А вот брать за конверт с маркой цену буханки хлеба, а за «наклеивание марок на письмо» - десять рублей восемьдесят копеек, по прейскуранту, не боятся. Кто только этот прейскурант утверждал?

Завтра куплю сразу пять конвертов, - решил успокоенно Восадулин. - Придётся ещё и маску раздобыть, а то без неё за конвертами не пустят».

ШУТКА

Он пел эту песню страшно. Жутко он её исполнял. С нажимом на строку: «Давно я тебя поджидал», пьяно при том улыбаясь. Женщины, идущие мимо, поёживались. Потом он вдруг улыбался, глядя в глаза наиболее робкой из них, и тихо вещал: «Это шутка».

Новый сосед Восадулина человеком злым не был. Поозорничать, когда алкоголь гулял по жилам, любил, - это точно.

Проходящих мимо представителей сильного пола он спрашивал: «Кому в морду дать?» Всерьёз вопрос никто не воспринимал, сосед был довольно хилого телосложения. Да и спрашивал больше для того, чтобы разговор завязать, а не драку. В таком его состоянии никто с ним в разговор не вступал, и сосед, трезвее и успокаиваясь, направлялся восвояси в свои апартаменты. Так он называл доставшуюся в на-

следство однушку. Раньше он жил в деревне, а теперь вот - в городе.

И всё же он дождался ответа на свой вопрос: «Кому в морду дать?» Нарвался на такого же шутника.

- Мне, - сказал входящий в пору задиристой юности незнакомый крепкий пацан.

- Проходи, проходи. Дядя шутит, - сказал ему относительно нового соседа Восадулин. Он сидел на скамейке во дворе, где был сколочен также и стол для любителей спокойно провести время.

Но юноша заартачился:

- А чё он пристаёт?

- Ну, выпил лишнего.

- Значит, если пьяный, то можно? - и, резко подойдя к не успевшему оторвать пятую точку от скамейки балаболу, залепил ему оплеуху.

И тут произошло совсем неожиданное.

- Спасибо, - сказал тот, покрутив головой, как кот после дождя.

- Пожалста. Зовите ещё, - буркнул юноша и прошествовал дальше.

«Вопрос «кому дать по морде?» разрешился», - сделал вывод из возникшей ситуации Восадулин.

- Ну что, сосед, не до шуток теперь? Давно ты его поджидал.

- Да фигня.

- Чего расшутился-то так несуразно? Лучше вспомнил бы какой-нибудь анекдот.

- А у меня на них памяти нет. И все эти юморинки по телевизору обрыдли!

- Ну, всё же лучше, наверное, чем по уху получать.

- Не скажи. Всю жизнь в анекдот превратили. А дали бы им, как мне, по уху, посмотрел бы, как засмеются. Они нам в душу плюют, а мы всё смеёмся. Так всю жизнь и просмеём. Мне вот смеяться надоело. Да, получил, а на душе полегчало. Побольше бы таких пацанов.

«Есть в этом сермяжная правда, - подумал Восадулин. - Так иногда оплеуха бла-

говерной или благоверного разом отрезвляет загулявшую половину. Вот в песне всё гораздо серьёзней».

И Восадулин поведал трезвеющему соседу историю песни «Окрасился месяц багрянцем»...

Написана она композитором Яковом Пригожим на стихи Адельберта фон Шамиссо, немецкого учёного-естествоиспытателя, увлекавшегося литературой. Перевод сделан Дмитрием Минаевым. В тексте перевода сорок четыре строки, намного больше, чем в песне.

В балладе Шамиссо рассказывается об обманутой в любви девушке, отомстившей своему возлюбленному за измену. Сев к нему в лодку, ревнивица повела её прямо «в открытое море», где заколола кинжалом изменника, а потом и себя.

Имена авторов песни постепенно стирались. Народ пел её, исполняя по-своему, даже заменяя одни слова на другие. Так песня и стала русской народной.

«Мы правим в открытое море, где с бурей не справиться нам. В такую шальную погоду...»

Не до шуток, в общем.

КАК БРАЛИ «ЯЗЫКА»

«Дети войны» - это дети, познавшие тяготы труда военного тыла, работавшего под лозунгом: «Всё для фронта, всё для Победы!»

Восадулин родился после войны, его поколение условно можно было отнести к «внукам войны», если бы вводилась такая градация в память о самом страшном событии двадцатого века.

И уже на его глазах появились два поколения граждан страны, которые условно можно назвать правнуками и праправнуками войны.

Время неостановимо идёт вперёд, жизнь меняется, в ней появляются другие приоритеты. Из глубин человеческой

сущности в результате длительного отсутствия общей беды или общей созидательной цели всплывают наверх заботы личные, частные. Частное становится более значимым, оно стремится к вседозволенности, исповедуя принцип: что хочу, то и делаю. Беда в том, что при этом забывается, что такое хорошо и что такое плохо. Тонкий яд либерализма в отсутствие противоядия может отравить, развратить человеческую личность, и ей станет наплевать на всё, что её связывает со своим многострадальным Отечеством, с многотрудной судьбой своего народа. Такой «гражданин» без сожаления рвёт эти питающие душу связи, как будто они - стесняющие её путы.

Ушло поколение героев-победителей, уходит поколение «детей войны», гордых Победой отцов и на собственном детском горбу познавших её цену.

Поколение «внуков» перешло в возраст дожития.

Не стало страны, победившей самую сильную армию мира, не стало нравственного ориентира для многих стран, борющихся и борющихся за справедливость.

И никто не взял на себя ответственности за развал великой державы - созданного волей трудового народа великого государства рабочих, крестьян, народной интеллигенции. Всё разошлось по швам, как будто их и не было. А ведь шивали крепко, с кровью, помня со школы: «Иди и гибли. Умрёшь недаром, дело крепко, когда под ним струится кровь...»

Получается, всё было зря?

Как так случилось и что это было? Думающие люди продолжают задавать себе эти вопросы в поисках верного на них ответа. Испытать заново время перемен, названное перестройкой, как корова языком слизнувшее советское государство, не приведи Господи.

Жизнь даётся один раз. «И прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Чтобы не

жѐг позор за подленькое и мелочное прошлое. И чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире - борьбе за освобождение человечества», - эти слова строителя государства рабочих и крестьян Николая Островского, вложенные в уста Павки Корчагина из романа «Как закалялась сталь», Егор помнил со школы, где их заучивали наизусть.

Советская литература зря слов не травила, созидавая нового человека.

С распадом СССР в стране появилась другая литература. Борьба за освобождение сменилась борьбой за высвобождение - великие мечты и великие идеи рынок не востребовал. В приоритете оказалось всё, что даёт преимущество здесь и сейчас. Подленькое и мелочное перестало быть презираемым. Жертвенность во имя общей цели оказалась не при делах.

А когда космос стал доступен не только героям, но и денежным мешкам, Восадулин понял, что с освобождением человечества что-то не так. Деньги стали сильнее всего. И люди сами позволили им овладеть собой.

«Полюс Мечты размагнитился, что ли? - спрашивал себя Восадулин. - Но магнита с одним полюсом не бывает... Он просто перестаёт быть магнитом. Что же лишает его силы?»

Усталость народа, измороженного напоследок талонной системой, или вера во всемогущество власти, что она найдёт выход?»

Егор помнил, как все поначалу заслушивались речами Меченого. «Верила, верила, верю. Верила, верила я. И никогда не поверю, что ты разлюбишь меня», - долго крутилась в его мозгах потом строчка знакомой песни.

Да, страна верила, что её верхушка верна своей стране, её достижениям и победам. А как же иначе, ведь они достигались под её руководством.

Но всё пошло так, как будто и не было гордого СССР.

Его обесчестили в одночасье, лишив главного символа чести - Флага, который был цвета пролитой за Мечту крови.

Эпопея с созданием нового гимна напониала фарс.

Будучи человеком общительным, Восадулин слушал рассказы пожилых людей, становясь свидетелем их уходящего времени и растворённых в том времени их уплывающих жизней. Что-то проходило мимо ушей, но что-то и оседало в нём из-за своей необычности или схожести ситуации.

Ему запомнился короткий по причине уже ушедших на самое дно памяти подробностей рассказ солдата Великой Отечественной, как брали «языка».

- Было это на Сталинградском фронте. Командование срочно требовало сведения о противнике. Местность открытая, но он хорошо окопался, огневые точки замаскированы. При атаке «в лоб» народу положишь немерено. Нужен «язык». А как его взять? Группу захвата непременно бы уничтожили. Надо было как-то противника обмануть.

У нас был трофейный немецкий санитарный автомобиль с прицепленной к нему немецкой же лёгкой пушкой. Мы переоделись в немецкую форму и, как будто уходя от погони, «прорвались» сквозь свою линию фронта к траншеям противника. Там нас заметили и поддержали огнём.

- Сколько вас было?

- А трое. Шофёр, капитан Гольц и я. Гольц, кстати, был немец, наш санитарный врач. Но советский немец.

У них развернулись, и пока Гольц им что-то кричал, я два раза саданул из пушки по траншее. Капитан схватил «языка», и мы дали дѐру обратно. Пока «удирали», я успел ещё раз садануть. Никто из нас не пострадал.

- Добыли нужные сведения?

- Наверно. «Языка» сразу же от нас забрали в штабной блиндаж. Оказалось, что он румын. На Сталинградском фронте много румын воевало. Особой жестокостью отличались. Хуже немцев. Командованию нашему ведь даже то, что против нас находятся румынские части, давало определённую информацию. Думаю, что не зря «съездили».

- Не страшно было, считай, на верную смерть, да ещё к румынам?

- Не боится только полный дурак... А дерзость какая-то была или отвага. Недаром и медаль такая есть - «За отвагу». А что там румыны, откуда нам было знать. Да и какая нам разница.

Враги, они и есть враги.

- А что потом стало с этим «языком»?

- Ну не таскать же его с собой, да ещё по Сталинградскому фронту. Ни времени, ни желания таскать за собой врагов ни у кого тогда не наблюдалось, - ответил Егору седой собеседник, сурово посмотрев ему в глаза.

Судьба румына, пришедшего грабить и убивать на чужую землю, в них прочитывалась однозначно.

Рассказ ветерана был коротким, но говорящим о дерзости и отваге как черте характера русского человека, когда того требует время.

Удивительное дело, самой распространённой фамилией в городке, где жил Восадулин, была фамилия Смирновы. Это он уяснил, анализируя телефонный справочник.

«Смирновы-то Смирновы, но дразнить их тоже не надо.

Дерзких да отважных и в лихие девяностые много образовалось. Только их дерзость и отвага были направлены не на общее дело, - размышлял потом Восадулин. - Много смелости в нашем народе, она и решает судьбу на крутых поворотах».

Ох уж эти повороты! Сколько ими судьбы поломано.

В те самые девяностые возникли бесчисленные «качалки». В них бывшие «смирновы» ускоренными темпами наращивали мышцы для выбивания денег, а не для спортивных рекордов. Крепкие пацаны были нужны не стране, а тем, кто её грабил, и сами себе. Появилась высокооплачиваемая профессия - киллер, то есть наёмный убийца. Деньги сняли с убийства запрет.

«Почему участники войны не любили о ней рассказывать?» - не раз спрашивал себя Восадулин. Вот и его отец был немногословен. Постепенно до Егора стало доходить, почему. Лицо войны - смерть, в её самых неестественных, ужасающих проявлениях. На войне человек сражается с самой смертью. Как всё это донести в юные души, не напугав их? Тем более, когда всё это хочется поскорее забыть.

Но знал Восадулин и другого ветерана - с подвешенным, как говорится, языком. Он охотно давал интервью прикипевшим к нему журналистам.

Его рассказ благодаря их фантазии обростал всё новыми подробностями, которых на самом деле или не было, или происходили они под другим углом зрения. В конце концов на встречах с молодёжью словоохотливый ветеран стал рассказывать о своём участии в войне как по писаному, сам уверовав в те детали, которыми приукрасили его рассказ перья борзописцев. Но верилось хорошо отредактированным очередям слов всё меньше. В них живое заменили словесные клише. Слишком всё получалось логично, хотя какая у пули-дуры может быть логика.

«Разъяснение подвига - как глупая проверка гармонии алгеброй, от которой тайна гармонии исчезает. Как разъятие живого организма на части. В подвиге всегда остаётся тайна. Правдой и подвигом нельзя манипулировать. Они, как два полюса магнита, уравнивают друг друга. Отсутствие подвига ослабляет правду, отсут-

ствие правды ослабляет подвиг. Тайна его навсегда остаётся с героем.

А в истории пусть остаётся факт, - всё чаще приходил к верному, как ему казалось, выводу Восадулин. - Но каждый русский должен суметь взять «языка» на вражеской территории».

И фактом остаётся то, что Румыния воела на стороне гитлеровской Германии.

Только в Сталинградской битве румын участвовало 228000. Гитлер, в случае победы, обещал отметить их «подвиги» передачей Румынии Буковины, Молдавии и Одесской области.

НА ВОКЗАЛЕ

Восадулин сидел на вокзале в ожидании поезда. В годы его юности поезд приходил сюда каждый день. К его приходу на асфальтированном перроне собирались десятки местных жителей встречать знакомых и родственников. И просто поглазеть на людей, выходящих из двух пассажирских вагонов - плацкартного и общего, набитого битком, в основном прибывающих из двух российских столиц, поименованных в просторечии «большой деревней» и «колыбелью революции».

Теперь «большая деревня» стала ещё больше, превратившись в «большой базар», а «колыбель революции» украсил на общем базарном фоне рыночной экономики ярлык «культурной столицы». На самом же деле обе так называемые столицы за время вернувшегося капитализма лопались от денег, не выпуская их из своего жадного чрева и своих недеревенских и непролетарских рук. И постепенно получилось так, что поезд стал приходить сначала три раза в неделю, потом два, а теперь один, и то непонятно, зачем. Собираться к приходу поезда на вокзале стало неинтересно. Два-три прибывающих пассажира погоды не делали. В товарных вагонах что-то ещё поступало и что-то ещё

увозилось. Буфет на станции давно прекратил работу, вокзальное помещение открывалось лишь к приходу поезда единственной штатной единицей, оставшейся от бойкого станционного хозяйства.

Но всё же в этот час ожидания какая-никакая, а крыша над головой ещё существовала. Сквозь сиротливые окна с наросшим на них слоем пыли перрон едва просматривался, но приход поезда всегда можно было ощутить по наползающей на окно тени от локомотива.

И если не погрузишься от ожидания в свои мысли, то можешь различить паровозный гудок, издаваемый при подходе к станции. И можешь заранее выйти из здания вокзала, чтоб посмотреть, как медленно приближается к тебе последнее, что осталось от твоей юности.

Восадулину теперь всегда хотелось распахнуть руки и обнять, и вжаться, закрыв глаза, в это осязаемое, источающее знакомые запахи, дышащее знакомым пространством и временем чудо.

Обычно после прихода поезда, встретив его своим распахнутым сердцем, он вставал и шёл недолго вдоль железнодорожного полотна. До тропинки, ведущей в сосновый парк, где сохранилось несколько мощных деревьев, а под ними на усыпанной иголками земле стояла возобновляемая с течением времени нехитрая скамейка. Собственно, он сам её и возобновлял, кладя на две толстые сосновые чурки обрезок доски, захваченный с ближайшей пилорамы. Перекладины периодически исчезали, становясь топливом для разведённого в парке костра или добычей какого-нибудь местного «плюшкина».

Восадулин их никогда и не приколачивал, понимая бесполезность такого занятия.

Сегодня, идя на вокзал, он проверил наличие доски, которую принёс неделю назад. Как ни странно, доска была на месте. «Это, наверно, хороший знак, - поду-

мал Егор. - Она нам сегодня понадобится, лишь бы до прихода поезда «плюшкины» её не спёрли».

Ему предстояла встреча с однокашником. Не просто однокашником, а другом юности, с которым не виделись бездну лет, канувших в ней как один день.

Прошедшие годы оставляют свои неизгладимые отпечатки, порой до неузнаваемости искажающие знакомый облик, и было интересно, кто первый узнает другого и узнает ли вообще. Судя по письму, отыскавшему Восадулина в его заштатном городке, характер друга не изменился. После заключающих письмо слов: «Жму руку» - Егор даже почувствовал прежнее крепкое рукопожатие удивлявшего всех своей природной силой Мишани. Ему для развития или наращивания мышц не требовались ни гантели, ни эспандеры, ни прочая спортивная амуниция, коей полны современные молодёжные «качалки».

Сила передалась от предков - земледельцев, кузнецов и плотников, давших в результате естественного отбора семя русского богатства, взошедшее на русской испокон веку земле.

И хотя Егор был ненамного ниже ростом, но размах плеч, броня крепких мышц, насаженных на крепкие Мишанины кости, говорили о том, что таких, как Восадулин, надо два, а то и три, чтобы компенсировать заряд мышечной энергии, вложенной в клиновидное Мишанино тело. Впрочем, и Егора слабым никто не называл. Но это было давно. А как дела обстоят теперь? В письме Мишаня жаловался на полноту и в связи с нею одышку. И что литр уже одолеть не в силах.

«Ну, литрами никто потреблять и не собирается, - решил про себя Восадулин. - Так, для разговора, для смазки слов, можно бы взять чекушку, а там, главное, вовремя остановиться. Лучше меньше, но дольше». В магазине, тем не менее, он подумал и добавил ещё одну.

С таким правильным выводом он и встречал подходящий поезд. Из единственного пассажирского вагона вышел всего один человек, так что не узнать его было нельзя. Но не узнать его, при иных обстоятельствах, всё же было возможно.

- Здорово, Егорка. Как сам? - просипел Мишаня, левой рукой промакивая носовым платком пот на польсевшей, да ещё и остриженной наголо, по современному образцу, голове, а правой с прежним энтузиазмом трясая правую Восадулина.

- С переменным успехом.

- Вот и хорошо. Где тут у вас в теньке посидеть можно?

Плечи Мишани оттягивал небольшой рюкзачок.

«Тоже по моде», - отметил про себя Восадулин.

- А вон сосны видишь? Там и скамейка имеется.

- Поковыляли.

Только сейчас Егор с грустью заметил, что друг прихрамывает, но спрашивать об этом не стал, решив, что наговориться успеют.

- А ты ничего смотришься, - снова просипел Мишаня. - Поди, все вдовушки твои?

Восадулин ничего не ответил, да, собственно, можно было и не отвечать. Вопрос, как говорится, риторический, своего рода фигура речи.

«А ты, Мишаня, совсем не изменился. Как соберёмся, бывало, так всегда про женщин да выпивку. Скоро и до выпивки доберёмся», - мелькнула в голове Восадулина последняя, пожалуй, в этот день трезвая мысль.

Они подошли к заветной скамейке и гость, грузно на неё усевшись, попросил снять рюкзачок.

- Ну вот, Егорка, и свиделись. Давай по чуть-чуть. Для скользкости в глазу, для ловкости в движениях.

Желание гостя - закон. Егор достал чекушку. Мишаня расплылся в улыбке и до-

стал емкость такого же мизерного размера. И всё стало ясно без лишних слов. Укатали сивок крутые горки.

- Больше на раз нельзя, - снова просипел Мишаня. Его голос то прорезывался, то переходил на сип. - Курить вот бросил, но голос-то вышивку чуёт, вот и выкаблучивается. Давай наливай.

- Дома суп сварен, грибной.

- Это потом.

Из рюкзачка появилась закуска и пара пластмассовых стопок, завёрнутых в сухие салфетки.

«Надо же, дотерпел. Значит, очень хотелось встретиться и трезвыми глазами друга увидеть, и спешить Мишаня не намерен. Вот за такую встречу и выпьем, а потом и до дома дойдём не спеша. Не спеши, а то успеешь», - вспомнилась Егору подходящая поговорка.

Восадулину не нравилось пить из пластмассы и потому, предвидя всегдашнюю неразборчивость друга в посуде, он захватил с собой серебряную, ёмкостью граммов на тридцать, из прошлой неординарной жизни рюмку, и хрустальную, граммов на пятьдесят. Если рюмки доливать доверху, то доза опьянения у людей разной массы получалась одинаковая.

- Ух ты! - удивлённо произнёс Мишаня.

Четвертинки - одна и другая - закончились довольно быстро, хотя друзья, действительно, никуда не спешили.

Густая стариковская кровь потекла по жилам быстрее. Да и речь получила энергетiku расщепляемого спирта. Они начали говорить громче. Голос Мишани окреп по причине промоченного горла.

И тут от дверей вокзала в сторону уютившей двух старых друзей скамейки двинулась тройка молодых да борзых в поисках денег. Здесь и сейчас.

Может, деньги им были меньше нужны, чем двум молодым пенсионерам, пьющим бальзам встречи, но хотелось покуражиться, продолжить с утра нача-

тое питье и нахальное с окружающими общение.

- Эй, сморчки, слушай сюда! - произнёс, подходя первым, самый быстрый. - Бабки есть?

- Давно без бабок живём, а деньги, ребята, надо ловить в банке. Какие у нас деньги, слёзы одни, - произнёс Восадулин, надеясь отшутиться своим всегдашним юмором.

- Кончай базар, сдавай лопатники.

После лихих девяностых, почитай, вся молодёжь изъяснялась вкрапляемыми в разговор блатными словечками. На киче срок не тянули, а туда же...

На правах хозяина, не желавшего портить гостю настроение, Егор поднялся со скамейки, решив всё же как-то без потери достоинства договориться. Но не тут-то было. Приняв его дружелюбный тон за слабость, тройка борзых заушмылялась.

- Гони бабло - и свободен. И ты тоже, - вякнул самый крепкий, обращаясь к Мишане, который всё ещё расслабленно сидел на скамейке.

Надо повторить, что Восадулин богатырём не был, но и сморчком себя покуда не ощущал. Да и трусом тоже.

Друга Восадулина в студенческие годы после просмотра фильма «Полёт над гнездом кукушки» друзья-однокашники звали Вождём. Кстати, в фильме главным героем по замыслу режиссёра Милоша Формана является персонаж, сыгранный Джеком Николсоном, а в книге Кена Кизи, по которой сделан фильм, главный герой - индеец, обладавший громадной физической силой. По этому поводу автор повести даже судился с режиссёром, но суд признал режиссёра вправе на интерпретацию ради воплощения своего творческого замысла.

- Слушай, Вождь, а давай их проучим, - сказал Восадулин, после выпитого ощутив себя на мгновение Джеком Николсоном в роли его бесшабашного героя.

Мишаня ещё не успел ничего ответить, отрывая зад от скамейки, как Егор, увораживаясь, уже был задет по скуле.

Вождь развернулся хлопнуть нападавшего по уху, но получил от крепкого ниже пояса. Такой удар, даже нанесённый женщиной, секунд на пятнадцать вырубает даже слона.

Восадулин охнул вместе с Мишаней и понял, что эти пятнадцать секунд ему надо продержаться, несмотря ни на что. И он держался, уклоняясь от цепких лап и бойких ног, не пытаясь в ответ что-то предпринять, пока не выхватил из земли горсть песка вместе с сосновыми иголками. И эта горсть, брошенная в глаза ближайшему от него убийцу, заставила того заорать.

И тут очнулся от боли Мишаня, проревев своё самое страшное ругательство: «Сучий потрох!»

Первый, кто попался ему под руку, от удара правой по скуле как щи пролил. Это и был первый, кто подлетел к ним, самый наглый, таких подсылают, чтоб затеять драку, но, стало быть, не самый крепкий. Теперь и борзых осталось двое. Два на два. Два молодых и два старых

У молодых кости более гибкие, но и более слабые. Хрустнувшая в плече рука следующего, кто, не совсем проморгавшись, замахнулся ею на Вождя, сделала на период боли превосходство двух стариков очевидным. Но третий, самый крепкий, не побегал. Он сверлящим взглядом, слегка отпрянув, оценивал ситуацию.

Начало драки, когда Восадулин практически оказался в одиночестве, было за молодыми. Теперь ситуация изменилась, но маятник снова мог качнуться в другую сторону. Надо было доводить начатое до конца. И они расступились, дав возможность летевшему на них с вытянутой ногой молодому крепкому «шаолиню» ощутить перед собой пустоту и скользящий удар по уху со стороны Вождя.

- Запомнил, свинтус?! - произнёс Восадулин, смахнув кровь с разбитых губ, и вынул зубной протез. Протез был цел.

- Запомнил. Я - вас запомнил! - сдерживая боль, цедил сквозь свои молодые и наглые зубы, прижимая горящее ухо к бритому черепу, не успокоившийся «шаолинь».

- Тогда я тебе память слегка отобью, не обессудь, - сказал Вождь и, неожиданно бойко ковыльнув, ещё одним скользящим ударом приложил свою ладонь к бритому затылку молодого. Было видно, как у того глаза собрались в кучу. Он попытался распрямиться и что-то сказать, но его пошатнуло и вместо слов раздалось бессмысленное мычание потерявшего не только память, но и устойчивость гомо сапиенса. И он встал на четвереньки.

На всё про всё ушло чуть более минуты.

- Вот это да! - удивился скорому результату Егор.

И тут же увидел, что который как щи пролил стал яростно подниматься.

А за ним и второй оклемался. И третий...

- Все три головы Змея Горыныча на месте, - произнёс, обращаясь к Вождю, Восадулин.

Молодым оклематься - значительно легче, что псу от воды отряхнуться.

А старых, как известно, выброс адреналина может лишить остатков физических сил. Оба - и Восадулин и Вождь - тяжело дышали, как два старых коня после пахоты, и стало ясно, что ничего не кончилось и дело швах. Снова три-два в чужую пользу.

И надо же! Именно сейчас Егор пожалел, что в его целофановом пакете остались ещё одна - непочатая - четвертинка, чудесного посла огурец и кусок чёрного хлеба - их с Вождём нетронутое лакомство встречи.

«Сначала нас измордуют, а потом нашей же водкой нас и помянут. И огурцом захрупают. Ну уж нет!» - мелькнуло в мозгу Восадулина.

Молодые тем временем сообразили, как просто, без лишних потерь, без шума и пыли, уделать запыхавшихся стариков, решив зажать их в плотное кольцо, нанос свои шаолиньские удары как на тренировке, но только по живой плоти.

- Всё! - сказал Восадулин. - Спина к спине, и бьёмся насмерть.

И тут взгляд его упал на доску, служившую им скамейкой, которая очень кстати оказалась не приколоченной.

- Вождь, держи доску! - крикнул Егор, успев выхватить её из-под носа группированных молодых «шаолиней». - Теперь три на три. Кружимся, как юла. Круши их, пока не устанешь.

Краем глаза он успел заметить на другом конце тропинки, пересекающей парк, фигуру идущего человека.

«Слава Богу, вот и подмога в случае чего», - обрадованно, но не расслабляясь, решил Восадулин.

Но фигура остановилась и пошла под углом в сторону дренажной канавы, отделяющей парк от бывшего Дома пионеров.

«Вот какие там теперь пионеры», - наспех подумал Егор, уклоняясь от летящей в голову ноги «шаолиня».

Всё, что происходило, было видно, как на ладони, из окон пятиэтажки, стоявшей на краю парка. И кто-то из жильцов всё же набрал «02». И успел этим ещё не последним звонком продлить жизнь постепенно затухающей юлы из старых слабых тел.

Доска всё же сыграла свою важную роль, дав им возможность продержаться до подкатившего «воронка».

В увозившем их в отделение полицейском автомобиле Мишаня заметил на руке сочащуюся кровь. Кровь оказалась не чужая, а своя.

- Откуда она взялась? - удивлённо спросил он Егора.

- Ты видел, какие у одного были перстни на руке?

- Вона что. Это не перстни, а кастет лёгонький, чтобы руку себе не повредить. Ну, попадись мне, сучий потрох, - снова произнёс более опытный в делах драки Мишаня своё самое страшное ругательство.

Тройка борзых как появилась, так и исчезла не солоно хлебавши, но и не попав в лапы блюстителей порядка. Разбежалась в три разные стороны.

А Егор с Мишаней по причине проявившегося у них «выхлопа» были доставлены в отделение на предмет определения степени их хулиганского опьянения. Надо же как-то оправдывать вызов.

Спустя непродолжительное время, после установления личностей, в отделении полиции состоялся удивительный, необычный для этого заведения разговор:

- Слышь, Восадулин, а «Про фигню» не ты написал?

- Был такой грех.

- А про Чапая?

- Сначала Фурманов, потом я.

Кто такой Фурманов, никто не спросил.

- Слышь, Восадулин, а почитай-ка нам эти стихи?

Егор интуитивно почувствовал вероятную возможность освобождения без последствий для биографии:

- Ну, слушайте, стражи порядка.

- Давай без этого... Без гонора.

- И без гонореи, - пробурчал, усмехнувшись, Вождь. Он-то знал недюжинные декламаторские способности своего друга, приобретённые в театральной студии факультета общественных профессий во время их общей студенческой юности. Они давали себя знать в любой подходящей обстановке. Сейчас был именно тот случай.

- На табуретку не надо вставать? - серьёзно спросил Восадулин.

- Не надо. Валяй так, - разрешил доставивший их в отделение старший сержант.

- Итак, начинаю.

- Смотри не опозорься, - закрыв широкую ухмылку широченной ладонью, опять буркнул Мишаня.

Эротический юмор из Вождя, похоже, попёр струёй.

Менты дружно хохотнули. Пошловатая шутка Мишани пришлась по душе.

«Похоже, настрой соответствующий», - решил Восадулин.

И пришлось ему полчаса читать свои хулиганские вирши в качестве благотворительного концерта слетевшемуся коллективу «ментовки».

Последнее стихотворение было навеяно знакомством с ушедшим лет двадцать назад литератором, не потеряв своей актуальности и по сей день. Более чем двадцатилетняя разница в возрасте не помешала им в своё время общаться на почве поэзии.

*Я познакомился с поэтом,
тесна российская земля.
В кустах сирени, как в букетах,
он нюхал воздух, начал я.*

*Потом весь вечер в карусели:
вино, стихи, опять вино.
В двенадцать оба разом сели,
разбив в «гадюшнике» окно.*

*Побег, машина, вытрезвитель,
верёвки, кресла, мелкий шмон...
И инженер-озеленитель
был третьим рядом, как шпион.*

*Он завопил под мерзким душем,
я молча на него смотрел
и произнёс: «А было б лучше,
когда б я тут один сидел».*

*«Вот дружба, вот они, поэты -
чужих страданий голоса», -
сказал мой друг и сигареты
нашёл в нейлоновых трусах.*

*Мы закурили. Было славно.
Теперь я знал, где буду жить.
Прекрасно думалось о главном,
светало. И хотелось пить...*

Хохотали все, отметив знание автором деталей пребывания в не самом лучшем на земле месте.

- Ну, что с вами делать? - сказал подошедший начальник полиции.

- Это мой гость, - поспешно сказал Восадулин, окончательно утвердившись в возможности скорого освобождения, - и я без него никуда...

- А-а-а! Идите вы...

И они удалились. Пошли, то есть, солнцем палимы, повторяя: «Храни их Господь!»

- Как встретимся, так вечно что-нибудь прилетает, - сидя за праздничным столом и с аппетитом уплетая фирменный восадулинский суп, сказал Вождь. И продолжил, поднимая очередную рюмку:

- Век бы тебя не видеть, Восадулин!

- Вот за это и выпьем, чтоб ещё раз, лет этак через сто...

Друзья посмотрели друг другу в глаза и рассмеялись.

О чём они потом говорили?

Из всего долгого разговора, ушедшего далеко за полночь, в памяти Егора задержалась произнесённая Мишаней фраза, очевидно, давшаяся ему собственным, не сказать чтобы совсем горьким, семейным опытом: «Из коня сделать мерина можно, а вот из мерина конь - вряд ли получится...»

Утром Егор заметил, что из его драгоценной куртки вырван клочок её крепчайшего материала.

Куртка - не джинсы, заплатка её не украсит.

«Вот и тебе пришёл срок, как нам с Мишаней. Наши раны тоже не залатать современной жизнью, как ни латай. Пора в контейнер...»

Это была их последняя встреча на вокзале, именуемом жизнь.

Болезнь, скошившая миллионы, унесла и бессмертную душу Вождя в далёкие края, где нет покоя, а есть вечное движение по орбитам, где души обитают в вечном поиске друг друга, разлучённые бесстрастным временем и бесконечным странством космоса.

Где есть звёзды и чёрная пустота между ними. И вечное преодоление расстояний между этими звёздами - межзвёздной пустоты.

НЕВПОПАД, или МИР НЕ БЕЗ ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ

Когда началась пандемия коронавируса, учёные долго соображали: откуда он взялся, искусственного он или естественного происхождения?

Остановились на том, что виноваты китайцы, потому что едят летучих мышей.

«Убийственная логика, - подумал Восадулин. - Летучих мышей едят одни китайцы, а коронавирусом заболел весь мир. Про свиней и птичий грипп как-то понятнее: во всём мире едят свинину и мясо птиц, значит, вероятность заболеть потреблённой заразой стопроцентная. А вот с летучими мышами не всё так однозначно, тем более что китайцы их ели испокон веков. Ели всегда, а коронавирус возник как по заказу сегодня, когда америкосам возникла нужда нагнуть желтолицых».

Восадулин ждал, что по накатанной колее во всём обвинят Россию, но что-то не срослось. У нас самое аппетитное, а для кого-то тоже экзотическое блюдо - водка, заедаемая селёдкой «под шубой». Рыбий грипп, если бы такой образовался, количеством выпитой под хорошую закуску водки был бы умерщвлён и, будучи обезвреженным, пошёл на пользу здоровому организму.

Но статистика заболеваемости, распространяемая средствами массовой ин-

формации, ростом цифр способная убедить любого скептически настроенного гражданина, что опасность уже при дверях, вошла в кровь и отравила или запугала мозг большинства населения планеты.

Ну как тут не поддаться на призывы о вакцинации, тем более что вакцин, только отечественных, целых три и несколько на подходе. Лучше бы, конечно, одна, чтобы среднестатистический россиянин не ощущал себя буридановым ослом, не зная, которой из них отдать предпочтение. Осёл, как известно, сдох, находясь на одинаковом расстоянии между двумя равными охапками сена, так и не решившись, с которой начать.

Восадулин вспомнил прививку от оспы, которую делали всем советским школьникам поголовно. Тогда речи не шло о каком-то разнообразии прививок, чья лучше - российская, американская или немецкая. И сомнения в необходимости прививки не возникало. А сейчас от обилия конкурирующей информации, как следствие, возникает сомнение. Сомнение, как известно, рождает стойкое недоверие, которое, в свою очередь, рождает поступок, несовместимый - нет, не с жизнью, а пока что с навязываемым властями и их «пропагандонами» мнением.

Пандемия свирепствовала, и жители планеты на своей шкуре испытывали не только «прелести» ковида, но и конкурентной борьбы между странами, способными производить вакцину и, следовательно, на ней заработать. В таких условиях вакцина, предлагаемая бесплатно, естественно, доверия не внушала. Таковы законы рыночной психологии.

«Хотя, наверно, лучше бесплатно, чем с тем же сомнением в мозгах, но за деньги, - размышлял Восадулин. - Хотя бесплатный сыр... Вот европейцы в своём распаднике либерализма, прямо скажем, не спешат прививаться».

На этом фоне дисциплинированный Израиль полностью вакцинировался одной из вакцин и победил, как раструблил СМИ, на отдельно взятой территории уносящую жизни инфекцию.

То же, в смысле победы над пандемией, можно было сказать и о Китае. Но китайский опыт специфический, в других местах не приживается.

«Рассуждая логично, чтоб победить коронавирус, китайцам надо было уничтожить своих летучих мышей. О каких-то суперкитайских прививках из средств массовой информации ничего не известно. Вот о китайской дисциплине сообщается постоянно.

Получается, всё же мышей уничтожили, - сделал железный вывод Восадулин. - И как же им теперь быть? Это всё равно что французам перестать есть лягушек. Этак отыщут лягушачий грипп - и прощай французская кухня, а вместе с ней и французский менталитет, ведь недаром их зовут лягушатниками».

Накатила вторая волна пандемии. Потом третья с индийским штаммом, за два месяца до российских выборов в Думу. В столице резко подскочил уровень заболеваемости, и как по команде - в регионах. Рано расслабились, по кафешкам рассевишись.

«Похоже, массовых шествий оппозиции накануне выборов не будет. Запретят собираться больше двух, да и те будут в масках и на расстоянии полтора метра друг от друга. Всё пройдёт штатно. Не было бы счастья нашим властям, да опять несчастье помогло», - крамольные про политику мысли приходили не только в голову Восадулина.

Любой гомо сапиенс невольно увязывал злые «волны» пандемии с издержками недалновидной, без ясной перспективы политики родных государственных кораблей, всё ещё не обозначивших для своих матросов чёткие ориентиры устойчивого противостояния бурям внешним и внутренним в виде бунтов.

«По морям, по волнам - нынче здесь, завтра там» - вспомнилась Восадулину строчка известной песни.

«А где - там? Неизвестно. С абсолютной точностью можно указать только одно место, но это в крайнем случае, при летальном, как говорится, исходе, - с грустью от существующей реальности подумал Восадулин. - Спешить туда незачем».

Собираясь в видный из окна магазин, он нацепил маску. Без неё в магазине - от ворот поворот, да ещё и продавцов оштрафуют, чтоб не смели жалость проявлять. Выйдя на улицу, «замаскированный» Восадулин не на шутку расчихался, как будто вдохнул понюшку нюхательного табаку, был такой в моде в восемнадцатом веке.

- Кто хоть тебя так заразил? - спросил его куривший на лавочке сосед.

- Мир не без добрых людей, - невпопад ответил Восадулин.

Он ещё не знал, что впереди человечество ждал штамм дельта, потом омикрон, потом человечество припугнут дельтакроном... И так - до бесконечности с близкой к ней вечностью.

ГРАФИК ЖИЗНИ

Восадулин, в силу своей фамилии или образа жизни, который также ей соответствовал, отсутствовал в социальных сетях.

Все его знакомые, начав с «Одноклассников», теперь вываливали в интернет в погоне за лайками всякую дребедень. Восадулин про себя называл их лайкнутыми.

Выкладываемые ими тексты выдавали и то, что они никогда ни под каким видом о себе бы не сообщили. Например, становился виден уровень их грамотности. Но это никого из лайкнутых не волновало, так как их в одночасье стало большинство. «Когда все кругом горбатые, то стройность становится уродством» - вспомнился, в связи с этим, известный афоризм Бальзака. Множество знакомых Восадулину го-

рожан ощущали теперь превосходство над ним, добровольно лишившим себя интернетной аудиторией.

Егор прекрасно понимал, что стоит только ступить на зыбкий путь неудовлетворённого тщеславия, и засосёт тогда бестолковое виртуальное общение, украв золотое время закатных дней его осознаншей своё назначение жизни.

Друзей у него на этом свете почти не осталось, в том числе и по причине «переселения» их в пространство виртуальное

Один из этих виртуальщиков рискнул выставить в интернете плод своего рифмоплётства к знаменательной дате. И - о чудо! Ему наставили кучу лайков. Что, в общем-то, и неудивительно. Энтузиастов «датского» творчества всегда было хоть отбавляй. Но...

- У меня четыре тысячи прочтений!
- кричал он обрадованно в трубку телефона. - А тебя уже никто не знает. Даже здесь у нас ни один школьник не знает, кто такой Восадулин.

«Что верно, то верно, - подумал Егор. - Школьники меня точно не знают. Да и кто я такой, чтобы меня знали и помнили? Классиков - и тех позабыли. А четыре тысячи просмотров - это почти полтора тиража нашей городской «сплетницы». Чем не успех?»

И чтоб доказать не свою известность, а профессионализм, хотя нужен ли он в интернете - большой вопрос, Восадулин попросил знакомого сисадмина выложить в «тик-ток» запись стихотворения, написанного Егором, как говорится, на злобу дня. О весьма осторожном отношении россиян к вакцинации.

Стихотворение, а Егор исполнил его как песню, в качестве припева повторяя последнюю строчку каждой строфы, через неделю набрало количество просмотров и лайков, да и всего прочего в комментариях, столько, что звонков от приятеля-стихоплёта ему больше не поступало.

А Восадулин, однократно обозначившись на просторах интернета, исчез из него, как будто его там и не было. Вот это стихотворение в печатном варианте:

ГРАФИК ЖИЗНИ

*Жизнь сама войдёт в свой график.
График жизни - ого-го!
Посылай начальство на фиг,
жить приятней без него.*

*Э-эх!
Жить приятней без него.*

*Лучший друг - татарин Рафик
уколотся, жаль его.
Не послал начальство на фиг
и страдает оттого.*

*Э-эх!
И страдает оттого.*

*На экране виден график:
сколько, где и от чего.
Посылай и «телек» на фиг,
жить полезней без него.*

*Э-эх!
Жить полезней без него.*

*На работе, в бане - трафик
вакцинации всего.
Посылай начальство на фиг -
или сдохнешь от него.*

*Э-эх!
Или сдохнешь от него...*

*Не пошлешь начальство на фиг -
И подохнешь от него...*

Всё вышеизложенное стало основой для написанного позже и отложенного в зелёную папку другого стихотворения:

* * *

*В глухое время Интернета,
опутан коим белый свет,
есть одинокие поэты,
а может быть, один поэт,*

*Который не стремится в сети
своё тщеславию ублажить.
Среди других он стал как йети,
порвав связующую нить.*

*Смахнув остатки паутины
с жужжаньем электронных мух,
он мёртвое навек отринул,
почуяв в сердце вольный дух.*

*И пошагал дорогой длинной,
идёт и днём, и по ночам.
И шлёт Господь свои картины
его восторженным очам.*

Ну и как тут не согласиться с известными строчками:

*«Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...»*

САИД

- Как настроение, Саид?

- Нормальный. Когда погода нормальный, настроение тоже нормальный.

За окном как раз сияло солнечное майское утро. В квартире Восадулина шёл ремонт.

Облицевать плиткой ванную комнату может только специалист, а таковых в нынешней российской глубинке, своих, раз-два и обчёлся. Подрядные строительные организации, в советские времена выполнявшие весь комплекс строительных работ, в девяностые распались на отдельные составляющие, да так обратно и не собрались. Индивидуальные предприниматели, как зарегистрированные, так и нет, заказы брали, но рус-

ских умельцев среди них становилось всё меньше по причине преклонного возраста и ускоренного перехода в мир иной. А новых строителей страна выпускать перестала.

Нишу заполнили умельцы-мигранты.

Добрались они и до самой что ни на есть глубочайшей глубинки, где доживал свой век Восадулин. Местная молодёжь, стремясь получить модные специальности менеджера, юриста, психолога, баристы, чайного мастера, даже программиста, если мозги позволяли, родной городок с доживающими в нём родаками оставляла и уезжала туда, где денег платили больше. Даже то, что половину заработанного придётся отдавать за съёмную квартиру и транспорт, никого не отпугивало. Престижней звучало, когда на вопрос, где работает, молодой человек отвечал: в Москве, в Питере, или, на худой конец, в Челябинске или Череповце...

Своя молодёжь уезжала. А на её место с теми же целями прибывали мигранты - узбеки, таджики и киргизы. И, выполняя любую тяжёлую работу, которую новому поколению «дорогих россиян» стало выполнять запаadlo, имели стого неплохие деньги.

Люди с предпринимательской хваткой сумели сколотить из мигрантов бригады строителей, возводивших дома, и отделочников, эти дома доводивших до жилого состояния.

Вот и Восадулину захотелось на старости лет, чтоб его квартира из обшарпанного приобрела более жилой вид.

Знакомый из земляков, выполнявший индивидуальные заказы «под ключ», закупил материалы, но, будучи далеко не молодым человеком, разменявшим восьмой десяток, вдруг загремел в больницу с весьма неутешительным диагнозом. Восадулин пожелал ему скорейшего выздоровления, понимая, что скорейшее выздоровление, как и затеянный ремонт, затягивается.

Нужно было спасать ситуацию, и он обратился за помощью к предпринимателю с бригадой мигрантов.

В отличие от знакомого, мастера на все руки, каждый из мигрантов освоил пока на русской территории по одной профессии. Среди них были чернорабочие, электрики, плиточники, специалисты по навесным потолкам и т. д. Коль скоро ремонт в жилье Восадулина для них оказался внеплановым, они появлялись в порядке очерёдности выполняемых работ, но с длительными перерывами. И ремонт, на который обычно уходит неделя, неделей не ограничился...

За ставшее резиновым время Егор последовательно знакомился с Аликом, старшим в бригаде, затем с Хусейном, с Азаматом, Абидом, Тохой, ещё с кем-то, кто не смог задержаться в запылённой долгим ремонтом памяти.

Наконец, после обдирки стен от старой плитки, краски и побелки, вырубаения плитки из пола, выламывания дверной коробки, выравнивания стен специальной цементной смесью, которой ушло немало, а напыление от неё при замешивании покрыло толстым слоем всё, куда ей довелось проникнуть, дошёл черёд укладывать плитку.

Плиточником был Саид.

«Наш человек», - почему-то сразу подумал Егор. Наверное, в подсознании сработала памятка о фильме «Белое солнце пустыни».

Но в отличие от своего киношного тезки, сыгранного Спартаком Мишулиным, над внешним обликом которого, как говорится, природа не долго мудрила, перед Восадулиным предстал невысокий молодой человек гибкого телосложения, черно-волосый, зеленоглазый, с открытой улыбкой на смуглом лице.

Понадобилось совсем немного времени, чтобы заметить, что он работает с удовольствием, увлекаясь начатым делом.

В первый день Егор удивился, как субтильный Саид без видимых усилий поднял на пятый этаж мешок с плиточным клеем весом двадцать пять килограммов. Удивил и своим чувством юмора, когда, аккуратно сгрузив мешок на пол и выпрямившись, с улыбкой на красивом лице объявил: «Уже устал».

С этой фразы, как с условленного пароля, стал начинаться его рабочий день.

- Уже устал? - спрашивал Восадулин, когда Саид появлялся в дверях с мешком на спине.

- Уже устал, - как отзвываясь, улыбаясь, отвечал Саид. Затем, переодевшись в рабочую одежду, готовил клей и начинал колдовать над плиткой.

На вид ему было лет тридцать.

«Дитя распада великой державы, вся его жизнь прошла в чаду перестройки, коснувшейся и бывших союзных республик. Он не помнит нашей общей страны. Не помнит и сколько его республика собирала хлопка, - размышлял Егор, глядя на увлечённо работающего Саида. - Но этот молодой человек из тех, кто без работы сидеть не будет, найдёт её в любом месте, даже в тюрьме. По статистике, таких не больше пятнадцати процентов, но эти пятнадцать за все тридцать, а то и сорок, нарабатывают».

- Хозяин, - позвал Саид. Он сносно говорил по-русски.

- Ну, какой я тебе хозяин. Зови меня дядя Егор. Давай-ка я тебя чаем угощу. Нашим русским чаем.

- Русским? Как называется? Зелёный, чёрный?

- Чёрный.

- Мой отец любит чёрный. Где есть хороший чёрный? За денга, - уточнил Саид.

- Всё хорошее, Саид, делают не за деньги. Идём за стол.

- Не-е-е. Нада раствор, чтобы весь...

Пока Саид, улыбаясь, мыл руки, Восадулин поставил к чаю мёд, положил на тарелку хлеб - белый и чёрный.

Сев за стол, Саид посмотрел на чёрный хлеб и поморщился.

- Я ем только белый. Чёрный - желудок плох, - он снова сморщил лицо. - Отец и чёрный кушает, но болеше тоже белый.

Сначала понюхав, а после попробовав чай Восадулина, Саид восхищённо произнёс: «О-о-о! Как называется?»

- Есть такое растение иван-чай.

- Иван-чай?

- Из него чай делают, и я делаю по своему рецепту. В старину такой чай назывался копорским, по названию местности под Петербургом, где его много делали. Составлял конкуренцию лучшему китайскому чаю.

- О-о-о... - Саид повторил названия «иван-чай» и «копорский», как будто пробовал их на вкус.

На следующий день он угостил Восадулина узбекским изюмом и кристаллическим сахаром.

На четвёртый день работы укладка плитки двигалась к завершению, оставалось ещё сделать навесной потолок и установить мойку и новую ванну.

Саид принёс на обед плов и лепёшку, приготовленные своими руками. Восадулин выставил свою снедь и, конечно, копорский чай. За совместным обедом их знакомство продолжилось.

- Сколько тебе лет, Саид? - спросил Восадулин.

- Тридцать один.

- Ты женат?

- Да, двое детей.

- Ещё детей хочешь?

- Тогда ещё жена нада. Можно четыре, - Саид на пальцах показал, сколько можно иметь жён. Он показал в смартфоне своих детей, свой дом с множеством комнат. У старших братьев были свои дома. Он жил с родителями. Дом - в пригороде Намангана.

- Что тебе больше нравится, Саид, город или деревня?

- Город - не-е-е. Земля. У меня двадцать соток, всего восемьдесят. Корова есть, куры, всё есть, нада денга. Я денга домой отправлял. Всё время. Доллар.

- А почему не рубли?

- Рубль - не-ет. В Узбекистан рубль нельзя. Рубль банк переводит в доллар, отсылаю доллар. В Таджикистан можна рубль переводить, у нас нет, толеко доллар. Доллар прошлый месяц дороже был, денга терял. У нас сто доллар - болеше миллион сумов. Сум дешёвый.

«Мы это уже проходили», - подумал Восадулин.

За разговором Саид сообщил, что пять лет работал в узбекском ресторане в Омске, но сказал, что плитку класть нравиться больше. По понятной причине. Тем не менее он с гордостью показывал в смартфоне блюда узбекской кухни, которые готовил в далёком сибирском городе.

- А много людей кушало в вашем ресторане?

- Всегда многа.

- А вино, водку там подавали?

Саид задумался, вспоминая забытое слово.

- Алкоголь был в бар. Без алкоголь нельзя. Выручка мало. Я алкоголь не-е-е.

Работая, Саид в определённое время включал смартфон. По серьёзности и темпу произносимой речи Егор без труда догадался, что из далёкого Узбекистана к Саиду доносится религиозная проповедь или молитва. В ней не раз прозвучало слово, значение которого Восадулину захотелось узнать.

- Саид, что такое бисмиллях?

- Бисмилляхи - это... - Саид задумался. - Это нада всегда говорить, когда дело делать. Сказал «бисмилляхи рахмани рахим» - и всё будет хорошо. Когда еду готовить, когда барашек резать, - Саид провёл ребром ладони по горлу, - тоже нада «бисмилляхи» говорить.

«Наверное, и не только барашка», - обратив внимание на характерный жест и

мелькнувшую суровость во взгляде, подумал Егор.

Пытаясь понять, что значит загадочное слово, Восадулин спросил:

- Саид, наверное, по-нашему это будет «с Богом» или «Бог в помощь»?

Саиду больше понравился вариант «Бог в помощь».

- Гуглил? - неожиданно спросил он Восадулина.

Егор удивлённо посмотрел Саиду в глаза. Впрочем, удивляться было нечему. У его собеседника смартфон был «крутой», не то что кнопочный мобильник Егора. Во время работы Саид слушал не только проповеди, но и мелодичные узбекские песни, связывался с родственниками.

- Мой «гугл» и мой «яндекс» вот здесь, - Восадулин приставил указательный палец ко лбу.

Саид посмотрел на книжные полки, занимавшие целую стену в жилье Восадулина, и спросил:

- Учёный?

- Учёный, с Божьей помощью.

«С бисмилляхом», - подумал, но не сказал Егор, чтоб не запутать верующего человека.

Вечером, когда Саид ушёл, Егор проверил значение этого слова «по гуглу», то есть в интернете. Оказалось, интуиция его не подвела. Слово «бисмилляхи» означало «с именем Бога». «Скажи «Бисмилляхи рахмани рахим», когда что-то начинаешь совершать, и сатана станет меньше, чем муха», - говорил мусульманский учёный, один из выдающихся знатоков хадисов имам ан-Насаи.

На следующее утро, начав работу, Саид явно был чем-то озабочен. Егор, решив, что ему нужна помощь, спросил:

- Саид, о чём думаешь?

- Доллар слабый, нада деньга домой отправить.

С обеда Саид пришёл радостный, сияя как новый рубль:

- Деньга домой отправил.

- Сколько, если не секрет?

- Никакой секрет. Тысяча доллар.

«Это на рубли семьдесят три с половиной тысячи», - прикинул Восадулин.

- За сколько времени заработал?

- За месяц.

«Не хило, - подумал Егор. - У нас на такую зарплату дальнбойщики устраиваются. На пилорамах рабочие раза в полтора, а то и два меньше получают, а труд тоже не из лёгких».

- Новый машина нада купить, - уточнил Саид, прилаживая к стене очередную плитку.

- Какой марки машину?

- Наш, узбекский. «Равон» называется. Нада пять тысяча доллар.

Так Восадулин с удивлением узнал, что в Узбекистане делают не только мигрантов, но и свои автомобили.

Сам он из всех транспортных средств предпочитал велосипед. Однажды, примерно в том же возрасте, что и Саид, делая по сто километров в день, за две недели по заранее намеченному маршруту легко накрутил свою «кругосветку» в тысячу четырёхсот километров.

«Новая машина, большой дом, приличный участок земли, молодой ещё возраст. Что ещё нужно, чтобы начать райскую жизнь, а потом встретить старость! - мысленно произнёс Восадулин, перефразировав слова известного киногероя, которому было «за державу обидно». - Не такие уж они и бедные, эти мигранты, как мы привыкли о них думать - что узбеки, что таджики, что киргизы... Россия для них на данном этапе - источник денег, возможность повысить своё благосостояние, проще говоря - донор. Адонорам и крови не жалко, не то что денег».

- Саид, ты служил в армии?

- Служил. Один месяц. Стрелять учили. У нас всех учат стрелять. Но я не такой крепкий, потому месяц. Крепкие ребята год служат. И болеше.

- С кем же вы собираетесь воевать?

- Не знаю. Но если с той стороны будет мусульманин и еврей, то я попаду в еврея. Они... - не стал уточнять Саид.

«Кто бы сомневался», - подумал Восадулин и не стал спрашивать, будет ли он стрелять в русских, ещё раз вспомнив «Белое солнце пустыни». Разные там были узбеки. Да и русские не все одинаковы.

Работа плиточника приближалась к концу. Ванная комната стала как из другого мира. Осталось навесить потолок, но им должны были заняться другие. Тоже узбеки из бригады Алика, настоящее имя которого, как и предполагал Восадулин, оказалось Абдула.

Саид сфотографировал смартфоном свою работу.

- Хозяин, хорошо?

Он так и продолжал называть Восадулина хозяином, что всякий раз царапало Егора коготком по сердцу.

- Не просто хорошо, а отлично, Саид.

- Аллах видит, кто сделал плохо.

«Да, с таким убеждением и осуждать никого не будешь, потому как аллах и так всё видит», - подумал Восадулин.

За несколько дней общения он душевно привязался к своему интересному собеседнику. Ему импонировало, как Саид говорил об отце. Мать почему-то он вспоминал реже. Наверное, в силу мусульманского воспитания. Егор не забыл, что отцу Саида нравится чёрный чай и заранее насыпал в целлофановый пакет своего русского чая.

- Саид, передай папе и маме спасибо. Они воспитали хорошего сына и человека. И передай отцу в подарок этот русский чай из иван-чая.

У Саида влажно блеснули глаза. Только сейчас Егор нашёл для них правильное сравнение. Они были цвета ценимого на Востоке поделочного камня - нефрита. Почти такие же зелёные, как у него самого.

ЖАРА

Егор не любил жару. А жара не любила Егора. Свой первый солнечный удар, не тот, который описан у Бунина, а реальный, он получил в Самарканде, куда прилетел в гости к другу году этак в восемьдесят третьем, ещё до начала перестройки «для нас и для всего мира».

Самолёт приземлился ранним утром, но воздух уже обдавал зноем. И небо пепельно-голубого цвета не предвещало для Восадулина благих перемен в смысле погоды.

Было непривычным и то, что его никто не встречал...

Но мир не без добрых людей. Через час, отыскав с их помощью дом своего друга, расположенный за высоким дувалом, и разглядев на калитке табличку «Осторожно! Злая собака!», Егор, тем не менее, постучал в калитку. Из глубины двора послышался голос той самой собаки, и снова наступила утренняя тишина в одном из самых древних сохранившихся городов Средней Азии.

На часах было пять, но солнце всю поливало пробор на непокрытой голове Восадулина готовым закипеть маслом.

Егор перешёл от высокого дувала на другую сторону дороги и увидел за ним в глубине восточного сада верхушку густого высокого дерева. Как потом оказалось, оно сверху донизу было усыпано неспелыми ещё грецкими орехами. Оранжевым соком их неспелой кожуры восточные красавицы подкрашивают свои и без того притягательные губы.

А сейчас ему хотелось в тень этого дерева, чтоб не ощущать себя лягушонком, вынутым из пруда и заброшенным на горячий песок за тысячи километров от тины и ряски, от росистого луга и падающего с неба дождя.

И Егор решил ещё раз позвонить.

Собака снова залаяла, её лай стал приближаться, но послышались и шаги чело-

века. Калитку открыла узбечка, возраст которой начинал стирать с лица следы бывшего обаяния и проявлять черты древнего мусульманского характера. Егор ощутил это сразу, глянув в чёрные пронизывающие глаза: русский был для неё гяур. Хозяйка сдерживала за ошейник немецкую овчарку размером с небольшого телёнка. С губ овчарки падала на землю вспененная слюна.

«Вот те раз», - подумал Восадулин и робко спросил:

- А Григорий и Румия здесь живут?

- Здесь. А вы кто?

- Друг Григория. Я посылал телеграмму, что прилечу. А до этого в письме общал...

Узбечка, бывшая тещей его друга, продолжала долгим взглядом, полным отчуждения, изучать Восадулина.

- Заходите, - сказала она наконец, отодвигая капающую пенной слюной овчарку...

И Егор попал в рай. Два огромных ореховых дерева давали густую тень. Беседка, увитая виноградом, также не пропускала солнечный свет. По краю дорожки, на цементном возвышении, выставили свои спелые плоды помидоры. Тутовник наливал ягоды кроваво-красным соком. Ароматным соком полнились инжир и персики.

А дом был ещё удивительней. В нём затаилась прохлада, как в погребке в жаркий июльский день на родине Восадулина. Достигалось это необычайной толщиной стен, которые не прогревало даже азиатское солнце. Одноэтажный, большой дом. Их в Самарканде уважительно называют - дом на земле.

Да, это была не кирпичная современная пятиэтажка, которые также успел заметить Егор на улицах древнего города и в которых, наверное, легко уморить русского человека без всякой религиозной вражды.

И тут, протирая круглые стёкла каких-то уж очень несовременных очков, появился Григорий. Под левым глазом у него красовался такого же чёрного, как глаза узбекской тещи, бланш суточной или двухсуточной, как предположил Восадулин, давности.

Тёща удалилась, оставив его на попечение друга.

А тот без лишних слов принёс из гостиной дома графин с коньячного цвета жидкостью - узбекским бальзамом, крепость которого не оставляла желать большего. Она равнялась крепости егоров-григорьевской дружбы.

Анализируя в конце дня своё поведение на территории дружественной республики, Егор понял, что именно бальзам и послужил своеобразным предисловием или вступлением к постигнутому его солнечному удару.

В беседе с названием «Сень струй», после приветственных тостов, история с возникновением фонаря под глазом так и не всплыла. Неудобные вопросы и ответы были явно не к месту

Когда графин опустел, Егору было предложено отдохнуть в одной из райских комнат великолепного дома.

Часа через три явился Григорий с намеченной райской программой:

- Я поведу тебя... - начал он.

- В музей, - дополнил Восадулин.

- Можно и так сказать. Сегодня пойдём смотреть секстант Улугбека...

Через час передвижения наземным транспортом Егор испытал настоящее потрясение.

Поражала грандиозность инструмента, сооружённого для наблюдения за звёздным небом. Обсерваторию построили в 1428 - 1429 годах. Гигантский угломер (вертикальный круг, радиус окружности которого равнялся 40,212 метра, а длина самой дуги составляла 63 метра) помещался в её главном зале. Секстант был со-

риентирован с поразительной точностью по линии меридиана с юга на север. Современник великого астронома историк Абдараззак оставил не лишённое поэтичности описание:

«... К северу от Самарканда, с отклонением к Востоку, было назначено подходящее место. По выбору прославленных астрологов была определена счастливая звезда, соответствующая этому делу. Здание было заложено так же прочно, как основы могущества и базис величия. Укрепление фундамента и воздвигание опор было уподоблено основанию гор, которые до обусловленного страшного суда обеспечены от падения и предохранены от смещения. Образ десяти небес и изображение семи небесных кругов с градусами, минутами, секундами и десятymi долями секунд, небесный свод с кругами семи неподвижных светил, изображения подвижных звёзд, климаты, горы, моря, пустыни и всё, что к этому относится, было изображено в рисунках восхитительных и начертаниях несравненных внутри помещений возвышенного здания, высоко воздвигнутого».

Улугбек создал и астрономический каталог - «Зиджи-Гураган», известный как «Звёздные таблицы Улугбека». Они явились выдающимся вкладом в сокровищницу мировой астрономической науки.

«Всё, что наблюдение и опыт узнали относительно движения планет, сдано на хранение в этой книге», - записал великий астроном.

Наблюдательный глаз Восадулина с необходимыми, казалось, подробностями фиксировал увиденное, и оно сохранилось в памяти спустя десятилетия, возвращая и голоса, и запахи, и ощущения непривычного быта.

Осталось в ней, как первый в его жизни солнечный удар в непокрытую по забывчивости бесшабашную голову.

Запоминающееся получилось начало...

Шахи Зинда, могила Тимура, Регистан, развалины соборной мечети Биби Ханым (построена в 1399 - 1404 гг.), даже баня с сауной по-восточному, что достойно отдельного разговора, - места, что посетил Восадулин в сопровождении своего друга. Но всё это было после. Когда Егор оклемаля от солнечного «гостеприимства».

Голова не кружилась, не тошнило, и всё, что увидел, запечатлелось в нём с благодарностью к другу и его жене. С уважением к тестю друга и особенно теще, которой пришлось по своим тайным каналам, в сезон отлёта, доставать Восадулину обратный билет.

В аэропорту Григорий без навоящих вопросов вкратце поведал улетающему другу редкостную историю чёрного фонаря под его узбекским глазом. На местном, так сказать, материале:

- Да теща туфлём поставила. Взял тайком из шкафа красный бархат. А бархат она припасла на обивку гробов - ей и тестю, дай им Аллах здоровья. Мода здесь такая пошла - обивать гробы красным бархатом. Нигде стало не достать.

- А тебе-то на фиг, рановато ещё?

- На знамя для трудового коллектива. Руководство моё знамя решило обновить. В коллективе я недавно, пообещал, что достану, решил таким образом авторитет подкрепить. Выпрашивать у тещи бесполезно, вот и взял без спросу. Думал, возьму при удобном случае. Не успел...

- Считай, что успел, фонарь того стоит. А где ж твоя благоверная была?

- На стороне своей мамы.

- Ну, это правильно, где ж ей ещё быть. Нас много, а мама одна.

Надо сказать, что синяки на востоке проходят быстро, совсем как солнечный удар, за три дня.

- Пей вино и не пей эту горечь Вселенной, - сказал на прощание Григорий.

И помолчав, добавил: «Омар Хайям. В чьём переводе, не помню. Может, в моём».

СИДЕНИЕ НА РЕКЕ

Родная река в жизни Восадулина играла незаменимую роль. Даже в роддом его, ещё не рождённого, везли через эту реку. Из родной деревни в соседний городок.

Везли на вёсельной лодке по широкой водной глади более часа. Мать, не умеющая плавать, ничего так не боялась в жизни, как широкой воды. Наверное, поэтому робкое, если не сказать, - боязливое, отношение к широким водным просторам вошло тогда в кровь и плоть ещё не рождённого младенца. И, постепенно уменьшаясь с возрастом Восадулина, всё же продолжало сопровождать его на жизненном пути.

Городок, где он появился на свет, к тому времени был наполовину затоплен водами одного из рукотворных морей, называемых водохранилищами. Вторая половина городка продолжала жить и развиваться по мере оставшихся сил, сохранив и название, и ряд необходимых местным жителям производств, учреждений и организаций, одной из которых и была городская больница. В городке сохранились также две школы-десятилетки, где в школе №2 в девятом и десятом классах после деревенской восьмилетки доучивался Егор Восадулин.

Путь к получению аттестата о среднем образовании пролегал на противоположный берег реки - осенью, зимой и весной. На пароходе, на лодке, пешком по установившемуся льду, снова на лодке и снова на пароходе и снова по льду... Одним словом, река прочно втекла и даже вмёрзла в его жизнь.

И другой городок, где теперь обитал Восадулин, находился на той же реке, но значительно выше. Сюда не доплеснули воды, сокрывшие под собой полностью старинный торговый город, многие сотни сёл, деревень, монастырей, а также навеки, а не на время половодья, знаменитые заливные луга, служившие сенной житницей России.

Реки, как известно, приманивают к себе и служат не только хозяйственным

целям, но также источником вдохновения для множества стихотворцев. Достаточно вспомнить: «О Волга!.. колыбель моя!..»

Не избежал этой участи и Егор. В его ироническом или игривом воображении, когда смотрел на водную гладь, возникали картины, причудливо сочетавшие в себе пережитое и нафантазированное.

Так появилось на свет написанное в один присест стихотворение с нравоучительным подтекстом, которое он всё же положил в известную папку с названием «Не путать с яичницей». Перед вами плод его буйного воображения:

ПРО ФИГНЮ

*В жизни так много различной фигни.
Этой фигни не касайся, ни-ни.*

*Будешь касаться - прилипнет фигня,
в общем, приятель, послушай меня.*

*Шёл я однажды не в тёмном лесу,
но повстречал по дороге лису.*

*Рыжая, волосы словно огонь,
стоит погладить - и вспыхнет ладонь.*

*Слово за слово, погладил слегка,
но не рука разгорелась - щека.*

*«Больно мне, больно!» - пропел я лисе.
Зубы увидел в улыбке-красе.*

*Ровные зубы, сродни жемчугам,
редко такие увидишь у дам.*

*Как арестант, за лисой я шагал,
«Больно мне, больно!» - в душе напевал.*

*Справа река с ивняком потекла.
«Ну и плутовка! Куда завела!» -*

*так я подумал. А после - темно,
будто споткнулся лицом о бревно.*

*То, что накаркал я песенкой сам,
после удара стекло по усам.*

*«Лисонька, где ты? Что стало с тобой?
Где кошелёк мой единственный? Стой!» -*

*эхо несло по молчавшей реке
и заплутало в густом ивняке.*

*Я посмотрел там, где были часы,
но ощутил на себе лишь труссы.*

*Темень в кустах - можно выколоть глаз.
«Что ж, нагишом искупаюсь хоть раз,*

*смою с себя наважденье лисы,
после надену сухие труссы», -*

*так успокоил я нервы и кровь
и занырил, оцарапавши бровь.*

*То, что труссы я потом не сыскал,
видел ивняк и весь город слышал.*

*В общем, о них ни к чему словеса,
видно, в зубах утащила лиса.*

*В жизни я много чего повидал,
много смеялся, не меньше страдал.*

*Многое мог бы про лис рассказать,
что в мои годы пора забывать.*

*Стоит коснуться, очнётся фигня.
В общем, приятель, не слушай меня.*

*Разговорился, забыв про ни-ни.
Господи! Сколько же в людях фигни...*

Да, это то самое стихотворение, которое спасло Егора с Мишаней в смутный час пребывания в ментовке.

Стихотворение про Чапая, которое, кстати, тоже плод его творческого сидения на реке, воспроизвести не представляет возможным по причине присутствия в нём ненормативной лексики...

НИ ТЕКСТА, НИ СЕКСА

- Вы, што ли, поэт? Как бы... - при входе в подъезд Восадулину преградила путь пожилая женщина.

Ох, это вездесущее словечко!

- И как бы, и што ли. Вам на выбор или на развес? - ответил вопросом на вопрос Восадулин.

- Да, я вот, это, хотела бы дать вам, - женщина, глядя ему в глаза, сделала паузу и продолжила: - Почитать свои стихи.

Восадулин внимательно посмотрел на разменявшую явно восьмой десяток приземистую старушку, язык которой при разговоре шепелявил, выдавая прорехи в жевательном аппарате, и с грустью подумал: «Дать, конечно, кроме стихов, уже нечего. Да и те, скорее всего, известно какие: ни складу, ни ладу. И что мне ей сказать, как вежливо от неё отбояриться?»

А что тут скажешь? Назвался груздем - полезай в кузов. Публикации в «сплетнице» делали своё дело, и к Восадулину стали обращаться за советом не растерявшие запас словесной энергии старички и старушки. Старушки, кстати, значительно чаще.

Им всем казалось, что зарифмованные строки - несомненный признак таланта. Родственники и знакомые не скупались на похвалу. И наступал момент, когда кто-нибудь из благожелателей советовал обратиться с целью публикации доморощенных виршей к «знающему человеку».

Желание заявить о себе как о достойном внимания авторе могло возникнуть и без благожелателей, само по себе.

Сейчас был именно тот случай. И было видно, что ничего хорошего ожидать не приходится. А потому Восадулин пожелал ознакомиться с творчеством созревшего до его совета автора в одиночестве, без «дыхания» в затылок. Наедине с текстом, так сказать.

В руках женщины подрагивала тетрадка в девяносто шесть листов, грозя высыпать насованные в неё отдельные листки и открытки

«В общем, как всегда, придётся уйти в эту писанину часа на три, если честно исполнить долг «мастера» по отношению к «профану».

Эх, женщина-женщина, лет сорок назад можно б тебя и на чай пригласить. А там слово за слово... Может, уроки литературного редактирования и упали бы на благодатную почву. Но тут явно не об уроках придётся думать, а как повежливей дать совет помучиться, чтобы хоть что-то стоящее получилось. Не зря ведь сказано: муки творчества. Заглянуть бы ей в черновики Пушкина...

Вот приду сейчас и отупею от галиматши, в которую превращены слова родной речи волею новой стихоплётки.

Ну, для чего они их рифмуют?!

А ведь там, наверняка, и про Родину, и про любовь, и про мать с отцом, и про детей, и про внуков...

И всё по-топорному: фигак, фигак...» - с грустью успел подумать Восадулин, поднимаясь на верхний этаж.

Интуиция и нажитый опыт, как и следовало ожидать, не подвели. В тетрадке, а также на отдельных листках и открытках было нарифмовано и про Родину, и про любовь, и про мать, и про войну, которой, конечно же, женщина в глаза не видела, и про всех родственников, коим, конечно же, стихи не могли не понравиться.

«Ни текста, ни секса, - с юмором подумал Восадулин о зря потраченном времени. - И не дай Бог, в мозгах что-то осядет из этого словесного хлама. Как ни крути-верти, а придётся их потом спиртом прочистить».

Он прочёл всё от корки до корки, дабы не пришлось в разговоре с автором врать, и понял, что страшно устал. Физически. Как от колки дров. Не в молодые-то годы.

Это стало каким-то, с надеждой что последнее, сверхусилием в его жизни, или сверхнасилием...

- Ещё не прочли? - услышал он на следующий день вопрос поджидавшей его у подъезда женщины. Она была не одна, а с подругой, такого же возраста.

«Сейчас они меня переубедят, - с грустью подумал Восадулин, - их двое, а я один».

- Прочёл. Как бы... - все заготовленные утешительные слова разом вылетели из головы. Осталась только строчка известной песни: «Если долго мучиться, что-нибудь получится». Её-то он и пропел неподкупно сфальшивившим голосом.

- Ну, я так и думала, - принимая из рук Восадулина свои вирши и не вступая с ним в спор, произнесла новоявленная поэтесса. И с нескрываемым любопытством посмотрела ему в глаза. И что-то было в этом любопытстве не от интереса женщины к мужчине.

Обе дамы повернулись к Восадулину кормой и отчалили к соседнему подъезду.

«А ведь она подумала, что я ей завидую, - эта мысль, как стрела, прилетевшая в голову, поразила Егора. - Сколько раз зарекался? Сказал бы: да кто я такой, чтобы вас... Да не отвязалась бы всё равно. И не пошлешь ведь подальше, женщина всё-таки. Летят, словно мухи на мёд. По неволе и сам зажужжишь...»

Спирта в магазине не продавали. Там были пиво, вино и водка, в широчайшем ассортименте.

«Одним пивом тут не обойтись», - решил Восадулин и взял к пиву водки.

Уже будучи дома, в расслабленном состоянии, он вспомнил последнюю, или пока ещё крайнюю, встречу с читателями.

- А можно у вас взять автограф? - на него с интересом смотрели молодые лукавые глаза. В руках юное создание держало выстраданную многоопытной душой автора книжицу.

«Господи! Знала б ты, какие мы автографы раздавали таким вот восторженным и любопытным в нашей незабываемой юности!» - подумал тогда Восадулин и дрожащей от нахлынувших воспоминаний рукой нацарапал как курица лапой свою редкостную фамилию, похожую на литературный псевдоним. И поставил дату.

Дата, как ни крути, напоминала, сколько лет ушло безвозвратно. А тонкая книжечка стихов говорила об их результате.

А с клёнов за окном слетали последние листья. «Наверное, дворник уже вытащил из подсобки свою новомодную металлическую метлу. Успеть бы мне пошуршать этими листьями. И впрямь могу не успеть. Может, в последний раз...» - и Восадулин, не дожидаясь окончания хвалебных отзывов, взметнулся от юной и любопытной на улице.

Окружающие списали произошедшее на его странный характер.

Никто не обиделся, тем более, что встреча с поэтом стала для них и встречей с друзьями, просто знакомыми, а по сути - с самими собой.

ВЕЧНЫЕ ДРУЗЬЯ

Именно так - не верные друзья, а вечные.

Вечный друг, если вдуматься, звучит как-то навязчиво. Такое ощущение, что ты только проснулся, а он уже под дверью стоит, со своей на тебя программой. И хочешь не хочешь, а включайся, выполняй. Друг всё-таки.

Восадулину не нравилась сама ситуация с подобными друзьями, примерно так же, как самостоятельному мужику не нравятся нотации не в меру активной жены. Сам Восадулин, чтоб никого не обидеть, выработал навык отключаться на время жужжания «вечных» друзей. Отключился на время разговора, а во время его окончания сно-

ва включился. Это как с сериалами: посмотрел первую серию, потом последнюю - и всё понятно. И время сэкономил.

Но не станешь же всё время держать отключённым мобильник! Нет, отключить его можно, но зачем он тогда куплен?

Всё бы и ладно, да службы сотовых операторов без спроса вторгаются в жизнь со своими услугами. Пожилому человеку в них разобраться почти невозможно. А цель-то у операторов одна - слупить побольше денег. Это и удаётся. Когда ещё научишься от их услуг отключаться...

У Егора был не смартфон, а обыкновенный кнопочный телефон, который у многих в людном месте уже вызывал насмешливое удивление. Но для связи мобильной, то есть быстрой, его вполне хватало.

Да и звонков-то от знакомых и близких становилось всё меньше по грустной, всем известной причине.

Уже несколько лет Восадулин не отмечал день рождения. Зачем, когда от дня рождения становится невесело?.. Уходил из дома, оставляя на двери записку: «Не ищите!» Да, в общем-то, никто уже и не искал. Но звонки и эсмэски до него доходили. И, надо сказать, всё же было приятно.

Приятель Егора снимал гостиничный номер и отключал мобильник, становясь на свой день рождения мизантропом.

«Наверное, сочиняет послание граду и миру, лёжа на койке. А может, пьёт, уйдя от семьи», - предполагал Восадулин.

- Ты бы хоть женщину пригласил для разнообразия в качестве подарка, - посоветовал он накануне одного из таких дней рождения. Но там, видно, было уже не до женщин, да и не до посланий человечеству. Кроме одного: «А идите вы ...»

Первыми в очередной день рождения Восадулина поздравили «Сбербанк» и «Мегафон». И тут же предложили кучу хитрых услуг в расчёте на расслабленное состояние клиента в связи с очередной годовщиной приближения к финишу.

Вот они - вечные друзья!

«Отныне и присно и до скончания дней»,
- пропел Егор бархатным баритоном.

Но, слава Богу, были и другие звонки...

«А кого-то с днём рождения поздравляют лишь «Мегафон» и «Сбербанк». Не хотелось бы так, ведь это полное одиночество, несмотря на то, что у тебя есть эти вечные друзья», - размышлял Восадулин. Он сидел на берегу реки за праздничным, так сказать, столом - с бутербродами и налитым в термос вином.

Некоторые человеческие особи берут обещание с родственников - положить в гроб надёжный мобильник. Мало ли что.

Да, каждый по-своему от вечных друзей с ума сходит.

Некоторые от них оторваться не могут.

ПЬЯНЫЕ СЛОНЫ

Приснился сон, что на местный винзавод заявилось стадо слонов. Винзавод был пуст, как будто администрацию и работников предприятия заранее предупредили о необычном визите.

Люди ушли, но кругом было расставлено вино - в бутылках, бутылках, канистрах. До краёв заполненная тара стояла открытой, маня отведать своё содержимое.

Слоны, подняв хоботы вверх, шумно нюхали воздух, нагнетая его огромными ушами. Затем, взревев, они принялись опрокидывать в себя, орудуя хоботом, как огромной мускулистой рукой, бутылку за бутылкой, бутылки и канистры...

«Насколько ж их хватит?» - успел подумать во сне Восадулин и проснулся. Что могло произойти дальше, предстояло дофантазировать в меру свободного воображения, а также приобретённой испорченности...

Винзавод до антиалкогольной кампании начала перестройки «для нас и для всего мира» производил плодово-ягодное вино. В ход шли экологически чистые дары

сада и леса, в изобилии сдаваемые местными жителями. В народе местное вино по причине дешевизны называлось «Плодово-выгодным» и ещё ласково «Рассыпушкой». Одной бутылки восемнадцатиградусного напитка взрослому человеку было мало. Две доводили его до устойчивого опьянения. После двух он с порога заплетающимся языком выкрикивал своей жене один и тот же вопрос: «Где ты была?», с ходу заставляя оправдываться её, а не себя, и подтверждая таким образом известную истину, что лучший способ обороны - нападение.

Третья бутылка сшибала с ног и слона. Кстати, о слонах.

Однажды по телевизору показали документальный фильм об удивительной африканской местности, где растёт множество деревьев, усыпанных не менее удивительными плодами. Плоды эти настолько сильно насыщены сахаром, что процесс брожения в них, в результате которого, как известно, образуется спирт, начинается ещё на дереве. А полежав на земле, они практически превращаются в готовый стакан пива, и в этом бесплатном пивбаре заправляются все местные животные.

Ну, а когда приходят слоны, остальным тут делать становится нечего.

Восадулину навечно врезались в память потрясающие воображение кадры из фильма, где, словно после третьей бутылки «Рассыпушки», рассыпаются по земле и засыпают мертвецким сном пьяные слоны. Считается, что приходят они в пьяную местность во время гона, но, скорее всего, сразу же после него, исполнив свой долг перед природой.

Проснувшись, они разбредаются «по домам» до следующей пьянки, которая случается раз в году в период созревания дивных плодов марулы - дерева, называемого деревом слонов.

Существует такое сравнение: как слон в посудной лавке.

«А если он ещё и пьяный, то прощай не только посуда, но и мебель, и все предметы комфорта - от посудомоечной машины до мультиварки. После посещения жилища пьяным слоном хорошо если стены останутся, да самому бы живым куда-нибудь спрятаться, в русские джунгли.

Есть такая сказка про теремок, который облюбовали себе для жизни мелкие звери, а когда к ним присоседился ещё и медведь, то теремок взял и развалился», - мысли Восадулина текли по извилинам мозга как по накатанной стезе, выискивая в жизни аналогии, схожие сюжеты и сшивая их обнаруженным сходством, как прочной нитью. Иногда, докопавшись до сути, он приходил к выводу, что сходство было только внешнее, а суть-то была разная.

Казалось бы: пьянство и есть пьянство, и нечего его оправдывать и ему предаваться. Но ты слонам это объясни, если напиваются они до безобразия. Делают это коллективно. Пьяны все одинаково, никто другому лишнего не подливал. Свальный грех - на то и свальный, чтоб никого в грехах не обвинять.

Это как у бандитов: никто на «мокруху» не подписывался, но ножичком ткнуть в приговорённого к казни будь обязан, как все, по закону стаи. Иначе стая распадётся подобно вокально-инструментальному ансамблю, где каждый решил бабло грести под себя. Потому что запросы выросли.

Так что сходство разрушенного медведя, по общей глупости и с молчаливого согласия, теремка и разгромленной слоним посудной лавки весьма относительно. Из разных опер. Одно дело без дома остаться и другое - всего лишь без посуды и мебели. Масштабы несопоставимы, хотя сейчас какой-нибудь заграничный унитаз стоит всей приобретённой за долгую небогатую жизнь обстановки.

Пьяный слон Восадулину был более симпатичен, чем трезвый, но наглый медведь.

«Вот влез в теремок медведь, и теремок развалился, а строить-то опять мелкие звери будут, только теперь им придётся сначала дворец для медведя отгрохать. Когда ещё до своего жилья да своих нужд время дойдёт. А не ублажишь медведя, так и будет всё время пакостить: сначала по дурости, а потом и в азарт войдёт. Ему даже на пчёл наплевать, когда хочется мёда», - эту известную истину Восадулин усвоил за недолгую практику пчеловода. Однажды, придя к своему улью, он нашёл его разорённым. Судя по следам, «мишка» был совсем молодым. Знакомый охотник пояснил тогда, что матёрые медведи, когда в лесу мало корма, выкидывают свою молодёжь из леса: дескать, захочешь выжить - выживешь.

Да, всему есть причина...

Вот и очнувшись от своего «слоновье-го» сна и проходя мимо кладовки, Восадулин увидел разбитый флакон ацетона и рядом дохлую мышь.

«Так вот откуда явились слоны, - пришло озарение. Он слышал от юного поколения «нюхачей», что если нюхать ацетон или клей, то прилетают слоны. Галлюцинация у всех появлялась одна и та же. - Мозг, оглушённый ацетоном, рождает слонов.

Мозг, оглушённый алкоголем, рождает всего лишь похмелье... Думайте сами, решайте сами - поётся в песне».

Следуя за мыслью, растекшейся по дереву, Егор заметил, что его размышления всё время уходят в мутные глубины современной российской глубинки: «И что ж за медведь разрушил наш теремок? Вроде бы свой, а силу не на общее благо расходует.

Вошёл во вкус, и всё ему мало.

Ой, пришла ему пора о зверюшках подумать! А то решат всем скопом, что пора «мишеньке» с народом делиться. Наведут звон в посудной лавке.

А жаль, что сон оборвался. В соседнем районе тоже винзавод есть...»

РЕКА ВРЕМЁН...

Лёд под ногой Восадулина треснул. Собственно, похожее, если смотреть на жизнь философски, случалось не раз. Мало ли где и когда он проваливался. Но на сей раз это произошло на реке, а значит, в прямом, а не переносном смысле.

Итак, лёд треснул. Трещина с характерным звуком разрываемой ткани побежала по тонкому панцирю льда, подёрнувшего реку до первого снега. Побежала к противоположному берегу, вместо рискованного хода. Хотя и говорят, что осенний лёд «трещун», но «не пущун», но Восадулин мгновенно провалился в ледяную воду. Полы пуховика задрало до подмышек, как спасательный круг. Они, да ещё острые края «трещуна», воткнувшись в пуховик, не дали сразу в воду уйти с головой.

И быстрое течение, по этой причине, не затащило Егора под лёд, в отличие от многих менее удачливых на быстрой реке жизни.

Первый осенний лёд хоть и тонкий, но не рыхлый, как весной. Недаром его «непущуном» и зовут. Весной к тонущему без плавсредства не подобраться, а самому ему выбраться на поверхность рыхлого, ломкого льда, пока сердце не остановилось от переохлаждения, практически невозможно. У него на всё про всё три, от силы пять минут.

Каждый год река собирала дань в виде утопленников, отбирая человеческие особи по только ей ведомым знакам. Люди, шедшие с одного берега на другой в межсезонье, всегда рисковали.

«На то мы и русские люди, чтоб рисковать», - думал, наверное, каждый переходя реку. И путь в обе стороны в подавляющем большинстве случаев проходил без эксцессов.

Но неминуемо наступал момент, когда река забирала новую жертву. Может, таким вот образом предупреждала весной:

«Всё! Хватит путешествовать!» или осенью - «Рано ещё! Куда прётесь!» Или просто предоставляла выбор: «Сами решайте: стоит ли рисковать дальше».

На правом берегу ещё теплилась жизнь, которая город делает городом. Там была станция, магазины, ходили автобусы. Сначала они много лет тряслись по каменке, потом мягко шуршали шинами по уложенному поверх каменки асфальту. Потом...

Там была работа, завод, деревообрабатывающий комбинат, хлебозавод, учреждения, организации, сопутствующие налаженной во времени и пространстве человеческой жизни. Там можно было получить квартиру в каменном доме, а после, как завершение жизненного пути, - место на городском кладбище.

Глядя на плотные ряды крестов и памятников, Восадулин не раз приходил к мысли, что недалеко то время, когда их количество превысит оставшихся здешних жителей. Во всяком случае, пока всё шло к тому. «И кладбище поглотит город. И город мёртвых станет... Нет: город живых станет городом мёртвых», - пугано, но навязчиво его мысль ныряла из сознания в подсознание, как будто что-то предвидя или накликивая...

Егор попытался выползти на лёд, закинув правую ногу на кромку льда, но лёд обломился. Пуховик из спасательного круга стал превращаться в якорь, надёжно закрепивший Восадулина пока ещё на поверхности полыньи, но неминуемо ослаблявший коченеющие пальцы.

И он закричал: «По-мо-ги-те-е-е!» Голос легко разносился вдоль реки, но на крутой правый берег, к которому Восадулин был ближе и на который была вся надежда, крики его доходили глуше.

О, если б кто-то из жителей пары тройки домов, расположенных у перехода, стоял у окна и курил, пуская дым в форточку... Как позже выяснилось, так и произошло. Объявленная борьба с курением

переместила курильщика от семейного стола к форточке.

А Восадулин стал ощущать себя камнем. Только в этом камне ещё жила душа и трепыхалось беспокойное сердце. Силы таяли, точнее, наоборот - заочевали. Боль и страх делали своё дело. И он продолжал истошно вопить о помощи.

Если одновременно втянуть воду ртом и через нос, то происходит мгновенная потеря сознания, Егор это знал. На крайняк можно было набраться смелости и нырнуть в холодные воды другой реки - Леты...

Вот когда ощущается вся глубина одиночества.

Но пальцы цеплялись за лёд, а сердце цеплялось за жизнь.

И тут Восадулин увидел, как с покинутого им берега кто-то пьяно спускался с выломанной из забора высокой штакетиной. За ним с руганью семенил в трусах-шортах и майке и в чём-то надетом на босу ногу хозяин этой самой штакетины. В другой ситуации, Егор насмеялся бы досыта. Но его онемевшие от густой осенней водицы пальцы уже не чувствовали льда. Пуховик ещё держал на поверхности, но течение реки всё настойчивей приглашало под лёд, который опять обломился, чуть только Егор оперся о кромку локтями.

Холод и боль онемения вытолкнули на поверхность сознания долгий не крик, а вопль, которым тело Восадулина стало прощаться с жизнью. От него чуть не лопнуло сердце.

Однажды он слышал вопль задираемого медведем зверя. Ему даже показалось тогда, что это были два вопля - душераздирающий вопль жертвы и торжествующий вопль вонзившего в неё стальные когти «охотника».

Река не могла вопить.

- Егорий, держись!.. - донеслось до оглушённого болью сознания. Дальше шли одни матерные слова. Кто-то орал их без перерыва, как ввязавшийся в драку и до

конца не уверенный в её удачном исходе одинокий, но смелый боец.

Матерясь уж не так громко, мужик со штакетиной ловко, по-армейски, полз по льду.

А поначалу казавшийся неповоротливым хозяин штакетины, быстро вернувшись в дом, лихо спустился к реке с мотком верёвки, которую метнул к полынье, как индеец лассо. Или опытный оленевод. Где только и натренировался? Моток скоро разматывался, скользя по зеркальному льду. Конец верёвки с широкой петлёй быстро догнал знатока русского мата. Тот, мигом сообразив, что к чему, схватился за неё левой рукой.

«Теперь бы, как в сказке про репку. Кого там ещё на помощь судьба вышлет?» - мелькнуло в мозгу Восадулина.

Разрываемыми болью глазами он разглядывал, как к нему подползает кто-то знакомый, двигая впереди себя штакетину с торчащим из неё загнутым блестящим новым гвоздём. Тяжёлым движением руки Егор наткнул на крючковатый гвоздь левый рукав пуховика.

Трещун, но не пушун - эта старинная поговорка относилась теперь не только к осеннему льду. Крепкая ткань надёжно удерживала в себе крючковатый спасительный гвоздь. Правая рука, уцепившись за штакетину, почти ничего не ощущала и вряд ли смогла бы её удержать.

Егор последним сверхусилием выкинул правую ногу на лёд и почувствовал, что его тянут к надёжному берегу...

«Река времён в своём стремленье уносит все дела людей и топит в пропасти забвенья народы, царства и царей», - это сегодня не про меня. Река времён, кажется, подарила ещё один отрезок жизни», - на грани сознания думал Восадулин, когда его на верёвке вместе со случайным спасителем тащил хозяин выломанной из забора штакетины. С выбежавшей ему на помощь, как мышка-норушка, женой. И

он тоже, не стыдясь супруги, матерился на чём свет стоит.

«А если что и остаётся под звуки лиры и трубы, то вечности жерлом пожрётся и общей не уйдёт судьбы» - насчёт вечности старик-Державин прав», - несмотря ни на что, мысленно продолжал цитировать классика Восадулин.

Его, как пьяного, заволокли в дышащую теплом избу и, продолжая ругань, с трудом стащили с холодного тела, у которого зуб на зуб не попадал, намокшие ботинки, пуховик, штаны, свитер, рубаху, майку...

Из своих дальнейших ощущений он навсегда запомнил тёплый хозяйский халат, сверху полушубок, валенки и свежезаваренный чай из электрочайника.

«А чай-то с малиной», - успел подумать тогда. И силы, так умело сопротивлявшиеся и холоду, и боли, иссякли.

Восадулин очнулся на диване от запаха нашатыря, окружённый своими спасителями, как близкими родственниками при чьём-то последнем издыхании. И удивлённо возвратившимся сознанием понял, что боль отошла, озноб кончился и чай с малиной, наверное, ещё не остыл. Он улыбнулся и попросил ещё чаю.

Спустя два дня в местной газете со всеми, даже излишними, подробностями была напечатана информация о чудесном спасении «утопающего на водах» за подписью виновника «торжества», с его искренней благодарностью своим богоданым спасителям.

ОНА И ВОСАДУЛИН

Весной и осенью Восадулин выбирался из своего городка в родную деревню, используя для этого вояжа общественный транспорт, то есть автобус. В деревне ждал его стареющий родительский дом

Расписание автобуса в связи с идущей в стране оптимизацией перестало быть стабильным и менялось в сторону, удобную

для автотранспортного предприятия, а не пассажиров. Их-то в автобусах меньше не становилось, несмотря на отрицательную демографическую ситуацию, просто рейсов стало меньше. Цены на билеты росли обратно пропорционально рождаемости. Кое-где рейсы прекратились совсем, и людям, не имевшим собственного автомобиля, приходилось завидовать птицам.

В ожидании автобуса Егор смотрел, как в синем небе гордо реяла ворона, презрительно каркая с высоты на подобных ему бескрылых и «безлошадных». Мощность автомобилей, как известно, до сих пор измеряется в лошадиных силах.

«Не будь автомобилей, у человека в результате эволюции могли бы вырасти крылья, или он научился перемещать себя в пространстве каким-либо иным способом. Как в фантастических романах - способом депортации», - рассуждал Восадулин по этому поводу.

Рядом упал с неба вороний «подарок».

«Если такое приснится, то, говорят, к деньгам, - продолжил он свои рассуждения, увязывая первую мысль с нечаянно прилетевшей второй. - Хорошо бы, а то остатки пенсии перед поездкой пришлось оптимизировать на приобретение продуктов. А цены на них, как и цены на автобусные билеты, меняются без всякого о том оповещения. Стабильности нет, как говорил один из героев фильма «Москва слезам не верит». Когда же она появится, эта стабильность? А никогда, наверное. А если и появится, то снова обзовут её застоём и бросятся очертя голову из стабильного настоящего в распрекрасное будущее, клянуv на красивую рекламу. Теперь вот цифровизацию придумали. В начале было слово, а в конце будет цифра. Интересная мысль, надо бы её записать. Готовый афоризм».

Автобус подкатил вовремя, пассажиры расселись по местам. Почти все они были в масках.

«Ёк-макарёк, - произнёс про себя Восадулин, - а у меня маска дома осталась».

Но никто замечаний не сделал, и автобус тронулся.

«Хорошее слово «тронулся», - продолжил он размышлять. Егор всегда в дороге удачно мыслит, и блокнот щедро пополняется новыми записями. Например, палиндром «Лепс спел» в блокноте появился задолго до того, как его стали цитировать направо и налево. А про телевизионные шоу с их непрерывным ором Восадулин ёмко выразился двумя словами: сплошная джигурда.

Кладезь восадулинских изречений насчитывал уже сотни три, но они появлялись только в его образной речи, если был повод разговориться. Правда, поводов таких становилось всё меньше и меньше. Главным собеседником для окружающих его людей стал смартфон. И Восадулин совестился прерывать углубление человека в гаджет.

На соседнем через проход сиденье, по правую руку, разместились с такой же клетчатой сумкой женщина, сохранившая не только фигуру, но и привлекательное изящество в движениях. Лицо её до глаз скрывала вездесущая маска.

Они встретились глазами.

Что-то знакомое было во всём её облике, и не просто знакомое, а знакомо привлекательное. Боясь ошибиться, он всё же сказал ей довольно отстранённо: «Здравствуйте». Она приветливо кивнула, и чуть заметно сквозь маску вздохнула.

«Если и были знакомы, то явно давно. Станем разглядывать друг друга, и кому-то из нас станет неловко», - подумал Егор. Он устроился поудобнее, отодвинув сумку к окну, и, снова глянув на женщину, тоже вздохнул. И было нетрудно догадаться, о чём он подумал.

Но лицо её скрывала маска.

«Маска, может, я тебя знаю?» - можно было спросить для начала дорожного раз-

говора. Но Егор уже ждал, что попутчица отстранённо уткнётся в любимый смартфон и навеки исчезнет из его жизни.

Но женщина не уткнулась в смартфон. Она смотрела в окно...

Автобус отсчитывал километр за километром, сокращая не только расстояние, но приближая также и время, когда Егору нужно будет сойти, чтоб ждать другой транспорт, который и довезёт его до родимого дома.

«Она, конечно, проедет дальше. В моём медвежьем углу, в прямом и переносном смысле, таким, как она, делать нечего. Там теперь из женщин одни старухи остались, да и тех на зиму стали забирать в городские квартиры их дети и внуки.

То одна вернётся в гробу, то другая...» - невесело размышлял Восадулин.

Женщина, глядя в окно, также о чём-то задумалась.

«Если мы всё же знакомы, то могла бы и повернуться, да и маску снять, всё равно в автобусе толку от них никакого. А может, мы стали чужими когда-то, или знакомство наше было мимолётным и женщине не хочется его вспоминать, ощущая остатки былой красоты на постаревшем лице?»

Да и я ведь давно уж не тот», - продолжал размышлять Восадулин.

«Гюльчатый, покажи личико» - вспомнилась фраза из «Белого солнца пустыни», и Егор мимолётно ощутил себя Петрухой из любимого фильма. Чем это кончилось, известно, но Чёрного Абдуллы рядом не было. Был автобус, и неумолимо приближалась остановка.

«Поздно, поздно уже о чём-то спрашивать. Вот в этом и есть подлость и моего возраста, и нашего разобщающего времени, штрихом которого стали и эти маски-обманки. Когда тонешь, соломинка не спасёт, не в сказке живём. Даже вакцинация не спасает. А вот и остановка, пора уже выходить», - Восадулин встал и направился к выходу.

И тут женщина обернулась. Глаза её влажно блестели.

«Она что - плакала?» - успел подумать Егор, выходя из автобуса. Двери закрылись. И когда автобус снова тронулся, Егор помахал ему, а значит, и своей случайной попутчице, которая так и не сняла маски. Она лишь смотрела на него сквозь окно.

И в это последнее мгновение, чуть прежде, чем Восадулину исчезнуть из её повлажневших глаз, наверное, навсегда, глядя на его по-мальчишески стройную фигуру, застывшую на остановке, она ощутила, как по щекам, исчезая в маске, катятся слёзы...

Вдоль дороги яркими красками полыхал октябрь, радуя взор пассажиров золотыми листьями свечек-берёз и наводя на размышления ржавыми листьями невесть откуда занесённых и вошедших в силу дубов.

«Никогда нам больше не встретиться. Что ж я промолчал?! Но ведь она-то меня узнала. Не маска же нам помешала. Нет. Тут что-то не так. Знакомая незнакомка, ты, как нектар из цветка, вытянула сладкий миг нечаянной встречи-невстречи и выпила горький яд расставания. В одиночку. Зачем?»

«А затем, Восадулин, чтоб до последнего часа ты помнил её... Нашу встречу. И знал, что на земле твоё кому-нибудь любезно бытие...»

ЗАБРОШЕННЫЙ СТАРЫЙ КОЛОДЕЦ

Колодец был старше Восадулина. Долгие годы из него брали воду жители семи ближайших домов. Дальше шёл другой колодец, которым пользовалось примерно столько же домовладельцев. И так по всей - на три улицы и несколько переулков - деревне.

Для колодца все семеро хозяев были как один, потому что, когда приходила пора его чистить, все они собирались в одну бригаду - каждый на своём месте: кто-то черпал песок со дна, кто-то под-

нимал песок наверх, кто-то относил его в колею на дороге, кто-то готовил доски на крышу колодца, кто-то эту крышу чинил, кто-то готовил новый шест для журавля, кто-то со знанием дела его укреплял... Когда приходила пора менять сам журавль или сруб колодца, тоже каждому находилось дело.

Так колодец обновляли, и он продолжал служить следившим за ним людям. Вода в нём была мягкая, чистая, и воды хватало всем, потому что никто не стремился вынести весь колодец на свой сад или огород.

Даже в засушливое лето в нём хватало воды на всех, потому что поставлен он был на водяной жиле, на раз и навсегда найденном чистом водоносном слое. В стороне от него до воды докопаться было можно, но вода текла то мутная, то с неприятным привкусом и быстро давала накипь.

Общественные колодцы располагались по линиям, выверенным жителями деревни. Эти линии могли быть и перпендикулярны друг другу, но всё равно шли по живонным водяным жилам.

Восадулину приходило на ум сравнение их с артериями, разносящими кровь в теле человека. Как вода, кровь тоже может быть и чистой, здоровой, и замутнённой разными шлаками. У одного человека этих шлаков образуется больше, у другого меньше. Одни можно вывести из организма, другие отравляют человеку жизнь и в конце концов до срока сводят в могилу.

Старел и требовал ремонта не только колодец. Старели и уходили на тот свет и люди, которые брали из него воду и содержали его в порядке. Настало такое время, когда колодец остался без прежних хозяев. От слова совсем.

Когда упал журавль, то дачник, купивший дом рядом с колодцем, вставил в него мотор со шлангом и качал воды столько, сколько ему вздумается, сделав его как бы своим, никого об этом не спрашивая. Спрашивать-то стало и некого. Ка-

чал воду, пока не наступила пора колодец чистить. Но чистить да ремонтировать общий колодец - зачем? Попользовался вволю, и...

Подобная картина нарисовалась по всей деревне. Приходил срок, и крыша общественного колодца проваливалась внутрь, и сам он становился опасной ловушкой для внуков и правнуков ушедшего на тот свет поколения коллективных людей.

У местных жителей содержать общественные колодцы не хватало сил; у дачников, скупавших в деревне дома, были другие интересы.

Возник спрос на свои, частные колодцы, которые стали появляться и во дворах ещё оставшихся жителей. От безысходности в их состарившейся жизни.

Но время перемен опять не стояло на месте. Однажды в деревню заявили мастера, предложившие бурить скважины для подачи воды прямо в подвалах домов. Не надо, дескать, с колодцем заморачиваться.

Не бесплатно, конечно, бурили.

Но деревенские старики были рады, открыв на кухне кран, нацедить в ведёрко воды для чайника и других невеликих нужд. Много ли её старикам надо? Домашних животных, которым нужно было готовить пойло, в хозяйствах давно уже извели. А коты да кошки смотрят, чтобы молочком напоили, пусть и купленным.

Вода-то течёт, но она у всех разная. У кого-то мягкая, у кого-то жёсткая, у кого-то цвета спитого чая...

Жаловаться, что вода не такая, никому не будешь. Что есть, то есть; то и будешь пить.

Когда стало не надо ходить за водой до общественного колодца, исчезли и коромысла. Они долго пылились по углам изб и на поветях, пока не исчезали в печах и мангалах, отправленные туда в качестве топлива рациональными потомками.

Но и за своим колодцем, и за скважиной тоже следить следует, а будут ли это делать постаревшие в городе дети или юные внуки? Наверяд ли. Есть вода - хорошо, нет воды - на нет и суда нет.

Деревня постепенно превратилась в дачное поселение, а дачник - это не постоянный житель, он привык к комфорту, ему надо всё побыстрее.

Мало кто, будучи ещё в силах, жил в деревне месяцев восемь в году, растя для себя весь набор овощей.

В основном все приезжали отдыхать, живя в деревянном деревенском доме, пока он ещё стоял, запрограммированный своими прежними хозяевами на долгое житьё. Продукты везли с собой, загорали на речке, в грибную и ягодную пору не сильно себя утруждали. А то и просто целыми днями сидели, уставив взоры в смартфон или телевизор, где одно шоу как по заказу сменяет другое. Где звёзды современной эстрады делятся с экрана всей гадостью, накопившейся в их звёздной жизни.

«Никому нет дела до общего дела, - тавтологично размышлял Восадулин, стоя у старого заброшенного колодца. - Зато есть дело до жизни частной - в любую щель готовы залезть со своим смартфоном. На смену строю общественному пришёл строй индивидуумов. Всё стало, как в басне «Лебедь, рак и щука», когда в товарищах согласья нет.

И вместе никак не собратся колодец с чистой водой в порядок привести. Не говоря уж о мерзости душевного запустения? А и нет никого рядом.

Всё - только за деньги. Похоже, один ты здесь альтруист, Восадулин, остался. Скажут: дело бесполезное, никому твой общественный колодец не нужен.

Может, и так. Есть разница в словах «возрождение» и «восстановление». Восстановить можно, возродить сложно. Вот и займёмся пока восстановлением. Материал - за деньги, а там видно будет...»

Время добрых дел

Окончание. Начало на цветной вклейке в начале номера.

II. И засиял крест над озером

В начале июня нынешнего года над часовней во имя преподобного Марка Белавинского вознесся крест.

Около двух лет трудятся над строительством часовни на Белавинском озере добровольцы объединения «Добротолубие», действующего при Лазаревском храме Вологды. В истории этой небольшой часовни переплелись, как часто бывает, судьбы разных вологодских святых и храмов.

Белавинское озеро находится близ села Заднего в Усть-Кубинском районе, а часовню «добротолубцы» ставят на месте Белавинской пустыни, где в XVII веке подвизался преподобный Марк Белавинский.

Об этом святом известно мало: монашеский постриг он принял в Илиинском монастыре в Вологде, а в 1730 году обра-

Протоиерей Алексей Сорочин освятил крест, вознесенный над часовней преподобного Марка Белавинского

Все материалы для строительства часовни приходилось доставлять по воде

• И НЫНЕ, И ПРИСНО

тился к архиепископу Вологодскому и Великопермскому Варлааму с прошением. «Есть, государь, - писал подвижник, - в Заднеме селе Белавинское озеро и на том острове... Благослови, государь, на том острову келейку поставити...» Владыка Варлаам благословил.

Святой Марк провел остаток жизни в безмолвии, а на месте его кельи построили небольшую церковь Богоявления; со временем здесь составилась монастырь. Был в жизни обители период, когда она свое имя передала монастырю на Каменном острове в озере Кубенском - с одного озера, так сказать, на другое переехала. Причина - пожар, уничтоживший каменноостровский монастырь.

При чем тут Белавинская пустынь? В начале XIX века Белавинскую обитель приписали к Спасо-Каменному монастырю на Кубенском озере, который был дотла уничтожен пожаром. Монастырь получил название «Спасо-Преображенская Белавинская пустынь». В конце того же века историческое название обители на Каменном острове вернули, а Белавинская пустынь осталась приписной к нему.

В советские годы пустынь снесли с лица земли; место, где жили и молились монахи, заросло кустами и деревьями - но жива была память о святом подвижнике и его последователях. В 2009 году прихожанин Лазаревского храма в Вологде Анатолий Свистунов предложил установить здесь Поклонный крест в память о белавинском святом подвижнике. Идею поддержал настоятель Лазаревского храма протоиерей Алексей Сорокин, нашлись помощники в этом благом деле и среди прихожан, и среди жителей села. Дружно обустроили место для креста - пришлось очистить место от буйной растительности, оборудовать мостки. Несмотря на то, что остров давно уже превратился в полуостров, добраться до него можно лишь по воде, на лодке. Водным путем и перевозили все, что необходимо для строительства.

Не оставляют «добротолюбцы» своей заботой и родной Лазаревский храм

В 2009 году архиепископ Максимилиан, управлявший в то время Вологодской епархией, освятил Поклонный крест. С того времени каждый год у креста совершается молебен. Протоиерей Алексей Сорокин составил молитву преподобному Марку Белавинскому, учащиеся иконописной школы Московской духовной академии написали образ святого.

Дружная работа и совместная молитва сплотили людей. Можно сказать, что именно здесь, на Белавинском полуострове, родилось «Добротолюбие» - объединение волонтеров, помогающее возрождению святынь на Вологодчине.

«Добротолюбцы» потрудились во многих уголках нашей области, и не только нашей: среди объектов их попечения - храмы Владимирской и Костромской областей. Однако место, где, как говорится, пуп резан, заботой своей они не оставля-

После трудов праведных в Спасо-Каменном монастыре вологодские добровольцы сфотографировались на память

Усть-Печеньга. Здесь труженики заготовили дрова на зиму для Покровского храма

ют. В 2021 году решили: Поклонный крест - это хорошо, но хочется на святом месте поставить хотя бы часовенку...

- Участок выровняли, утрамбовали, - рассказал Анатолий Свистунов. - Люди помогали, чем могли: кто дал инструменты, кто лодку, кто-то готовил еду. Часовня будет однокупольной, 14 метров высотой - это вместе с крестом, конечно. Проект заказывали в Москве. Игумен Дионисий предложил взять за образец прежний деревянный храм, и мы согласились.

Игумен Дионисий служит в Спасо-Каменном монастыре. Вот уж действительно: всё со всем связано...

В первый день нынешнего лета больше сорока человек потрудились на возведении часовни. «Уже третье лето, - рассказывает участник поездки Сергей Шашков на своей страничке «ВКонтакте», - как уверенно и величаво поднимается остов будущей часовни. 1 июня переправили на остров брёвна, доски, брус, бензогенераторы и другой инвентарь и инструмент». За день соорудили леса «высотой в три яруса, до самого верха восьмерика, - пишет в своем репортаже с Белавинского озера Сергей Шашков. - Беседка на сваях выглядит приподнятой над водой, потому что

• И НЫНЕ, И ПРИСНО

За 2023 год волонтеры совершили 20 поездок, среднее число участников - 23 человека. Помогали добровольцы и восстановлению храмов Вологды.

она смещена от тверди острова в сторону озера, и когда ребята воротками вручную вкручивали в дно сваи, приходилось работать по пояс в воде...

6 июня на строящуюся часовню преподобного Марка Белавинского была установлена главка с крестом. Без всяких сложностей и искушений, четко и последовательно всё встало на свое место, как внешне, так и внутренне. Теперь освященный Крест Христов венчает часовню, привлекает внимание и устремляет наши мысли к Богу! Так и должно быть».

Освятить часовню «добротолубцы» планируют 15 августа, в день памяти преподобного Марка.

Конечно, часовня во имя преподобного Марка Белавинского - не единственный предмет заботы православных волонтеров. Два года назад был создан благотворительный фонд «Добротолубие», его директор - Анатолий Свистунов, инициатор многих волонтерских начинаний. В нынешнем году этот фонд получил поддержку Фонда Президентских грантов.

Некоторые храмы и монастыри «Добротолубие» окормляет из года в год, а вот в тотемской деревне Усть-Печеньге добровольцы нынешней весной были впервые. Здешний Покровский храм, стоящий на крутом берегу Сухоны, известен мраморными иконостасами и настенными росписями, он не закрывался в самые трудные для Церкви времена. Но волонтеры из Вологды посетили Усть-Печеньгу

не любоваться древностями и красотами живописных окрестностей, они приехали помочь запасти дров на зиму - и накололи «в два раза больше, чем было запланировано!» - вспоминает один из участников поездки. Наравне с приезжими добровольцами трудился и настоятель храма священник Серафим Розин.

...На мартовский выезд в Усть-Кубинский район, когда заготавливали дрова для Спасо-Каменного монастыря, собрались 59 человек! Пока это рекорд массовости. В нынешнем году запланировано совершить 26 благотворительных выездов с числом участников не менее 20.

В мае конференц-зал областной детской библиотеки принимал волонтеров, участвующих в составе группы «Добротолубие» в возрождении святынь Русского Севера: состоялся вечер-презентация «Давайте знакомиться!».

Тепло приветствовал участников встречи митрополит Вологодский и Кирилловский Савва. Владыка высоко оценил деятельность добровольцев, под девизом «Время добрых дел» самоотверженно трудящихся на благо восстановления церковной жизни в храмах и монастырях Русского Севера. Глава Вологодской митрополии предложил «добротолубцам» новый объект приложения сил: разрушенный храм на Дедовом острове:

- Да, этот остров в Тотемском районе относится к Великоустюжской епархии, - отметил владыка Савва, - но, полагаю, вопрос можно решить...

Какое-то особое расположение (или притяжение?) у «Добротолубия» к озерным обителям, не находите?..

О проектах добровольцев из Лазаревского храма, а также как принять в них участие, можно узнать на страничке в социальной сети «ВКонтакте» «ДОБРОТОЛУБИЕ - возрождение святынь Вологодчины».

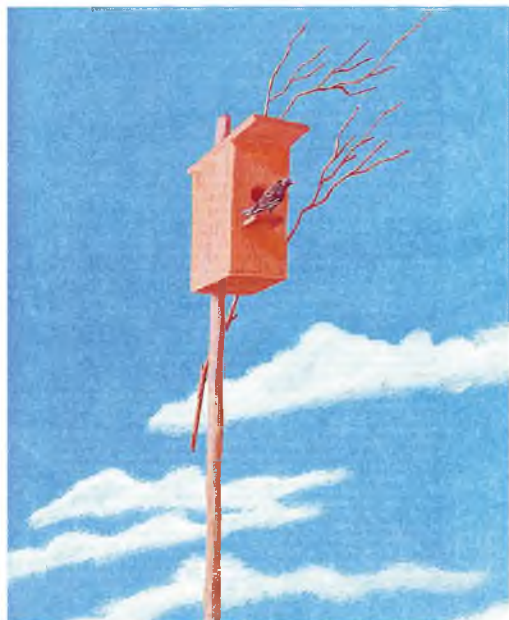
Андрей САЛЬНИКОВ

Мир детских книг Василия Белова

*«Прочитай эту книжку сам и передай товарищу!»
Евгений НОСОВ о «Рассказах о всякой живности»*

В нынешнем году в филиале Кирилло-Белозерского музея-заповедника «Музей-квартира В. И. Белова» состоялась выставка, посвященная произведениям Василия Ивановича для детей.

На выставке были представлены фотографии и документы из фонда музея-квартиры: рукописные и машинописные черновые варианты произведений для детей; письма от издательств; отрывки из писем читателей, а также различные издания детских произведений писателя, в том числе на иностранных языках. Фондовый материал был дополнен репродукциями иллюстраций к детским произведениям В. И. Белова художников Бронислава Шабаяева, Юрия Воронова, Александра Савина, Антона Куманькова, Петра

Репродукция иллюстрации Юрия Воронова к рассказу В. И. Белова «Скворцы»

Василий Иванович Белов с дочкой Аней. Вологда, 1975 год. Из фондов музея-квартиры В. И. Белова

• ИСКУССТВО

В 2024 году исполнилось 60 лет со дня первой публикации рассказов Василия Белова для детей из цикла «Катюшин дождик». Вместе с рассказом «Как воробья ворона обидела» произведение, давшее впоследствии название циклу, появилось в 1964 году на страницах областной молодежной газеты «Вологодский комсомолец». Полвека назад, в 1974 году, отдельным изданием было выпущено одно из самых известных детских произведений Белова - «Рассказы о всякой живности».

В. И. Белов. «Катюшин дождик». - Вологда: Северо-Западное книжное издательство, 1972 год. Иллюстрации Бронислава Шабаяева. Из фондов музея-квартиры В. И. Белова

Багина, Владимира Леонидовича, Николая Устинова, Дарьи Ятвицкой из личных архивов авторов, книг с иллюстрациями из библиотеки писателя.

Для юных читателей Василий Белов начал писать, еще будучи студентом Литературного института им. М. Горького. В 1963 году Вологодское книжное издательство выпустило сборник рассказов писателя «Знойное лето», в который вошли ранние произведения «Скворцы», «Тиша да Гриша».

В. И. Белов считал: «...хороший детский писатель уже не только детский, а и «взрослый». Потому что настоящую детскую книжку с не меньшим удовольствием раскрывает и немолодой человек. С другой стороны, почему дети должны читать то, что взрослым не интересно?» Такое отношение к прозе для детей В. И. Белов сохранил на всю жизнь.

Из воспоминаний Ольги Сергеевны Беловой: «Для меня было большой неожиданностью, когда Василий Иванович начал писать произведения для детей. До сих пор меня удивляет, как он сумел по-

В. И. Белов. Книга «Рассказы о всякой живности». - Вологда: Полиграфист, 2000 год. Иллюстрации Александра Савина. Из фондов музея-квартиры В. И. Белова

Репродукция иллюстрации Антона Куманькова к книге В. И. Белова «Рассказы о всякой живности». - М.: Прогресс-Плеяда, 2005 г. Из фондов музея-квартиры В. И. Белова

нять психологию ребёнка, ведь в тот момент детей своих у нас ещё не было. Это настоящий талант».

Книги Василия Ивановича учат маленьких читателей быть добрее и лучше, сохранять народные традиции, не быть равнодушными ко всему живому, беречь и любить братьев наших меньших и окружающую природу. Василий Иванович был убежден, что «во младенчестве и в детстве человек обязательно должен быть счастливым. Обязательно! И он счастлив, если у него есть рядом отец и мать, если он пробуждается не по будильнику, если не голоден и может играть столько, сколько ему хочется. Не так уж и много надо для детского счастья». Помогают детям стать счастливее и книги Белова.

Безусловно, самым известным произведением Василия Белова для детей являются «Рассказы о всякой живности». По словам Ольги Сергеевны Беловой, эти небольшие сюжеты основаны на наблюде-

нии Василия Ивановича за животными, которые жили у соседа Беловых Фауста Степановича. Писатель хотел, чтобы его маленькая дочка Аня получила представление о деревне.

Митрополит Симферопольский и Крымский Тихон (Шевкунов) отмечает: «В небольшой... книге «Рассказы о всякой живности» ясно видно, как умел Василий Иванович любить животных и замечать то, на что большинство не обращает внимания, проходит мимо... Передать всю, казалось бы, обыденную жизнь домашних животных увлекательно и живо мог только выдающийся мастер слова, которым был В. И. Белов. Любя не только себя, но и окружающий мир, людей, животных, птиц и даже растения, он жил по завету апостола Павла, который призывал христиан любить всех и сопереживать всем!»

Первым опубликовал рассказы о животных журнал «Уральский следопыт» в 1974 году с подзаголовком «Из книги природы» (тоже юбилей - пятьдесят лет прошло с того времени). Впоследствии миниатюры неоднократно переиздавались и были переведены на немецкий, японский, венгерский языки.

Выразительно показана «всякая живность» многими талантливыми русскими художниками, обращались к ним и вологодские мастера - например, Александр Савин сделал более 30 рисунков, предваряющих каждый рассказ цикла о животных. Иллюстрировал беловскую книгу о животных наш земляк, член-корреспондент Российской Академии художеств Юрий Воронцов. Он неоднократно обращался к творчеству Белова - вспомним его графические работы к «Ладу», а также рисунки к книге рассказов «Старый да малый», которые красочно отражают радостные и теплые моменты деревенских каникул.

Наверное, самыми первыми иллюстрациями к беловской прозе были рисунки народного художника России Джанны Тутунджан: она создала рисунки к первой

*Из воспоминаний О. С. Беловой:
«Детские произведения Василия
Ивановича родились из его
жизненных наблюдений. Каждое
лето в Тимонихе собирались
дети и внуки Анфисы Ивановны,
бабушка их очень любила. Василий
Иванович, конечно, видел эти
отношения и потом отразил
их в рассказах цикла «Катюшин
дождик».*

публикации рассказа В. И. Белова «Скворцы» в журнале «Север» в 1963 году. В 1981 году график Генриетта Бурмагина выполнила образные рисунки к сборнику рассказов писателя «Каникулы», книга вышла в Северо-Западном книжном издательстве.

Многие известные советские художники обращались к творчеству писателя: Бронислав Шабаев и Петр Багин создали рисунки к циклу рассказов писателя «Катюшин дождик», Николай Устинов, Евгений Куманьков - к «Рассказам о всякой живности». Проза Василия Ивановича для детей привлекает и современных мастеров: на выставке были представлены иллюстрации Дарьи Ятвицкой к сборнику «Птички-рукавички», изданному Вологодской областной научной библиотекой специально к юбилею Василия Ивановича Белова в 2022 году.

Детские рассказы писателя - это самобытный, яркий, увлекательный мир, погружившись в который, по словам Евгения Носова, «вы испытаете светлое и радостное чувство. И удивление. Удивление от соприкосновения с простой и невыдуманной жизнью, которая многих из вас

Репродукция иллюстрации Николая Устинова к книге В. И. Белова «Рассказы о всякой живности», 1976 год (из личного архива художника)

окружает ежедневно, а некоторым порой кажется обыденной и малоинтересной. Но, оказывается, даже в простом и привычном можно найти уйму любопытного и поучительного. Надо только научиться видеть, как это умеет Василий Иванович». Содружество писателя и художника, безусловно, создают у юного читателя то неповторимое и уникальное впечатление, которое останется с ним на долгие годы.

**Ольга АНФИМОВА,
директор филиала Кирилло-
Белозерского музея-заповедника
«Музей-квартира В. И. Белова»**

*Иллюстрации к произведениям Василия
Белова для детей смотрите также на
цветной вклейке в конце номера*

ПЫЛИНКИ НА ОБОЧИНЕ ЖИЗНИ, или ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ

Восадулину не спалось.

Не спалось и автору, рассказавшему о днях его жизни. Он смотрел вослед уходящему от него человеку. Человек уходил не оглядываясь. И всё явственнее проступала его отрешённость от мчавшихся по скоростной трассе машин. Человек постепенно превращался в точку, сравнимую с лежащим у трассы камушком. А потом превратится в пылинку.

Автор глянул в небо. Днём он долго смотрел, как высоко в ярко-синем просторе двигалась блестящая точка, оставляя за собой клубящийся след. След постепенно рассыпался, разбавляя собой синеву.

Самолёт в вышине двигался медленно, но всё равно неуклонно приближался к своей цели, к пункту своего назначения. Когда он пойдёт на снижение, то будет становиться всё больше и больше, и станет видна его сумасшедшая скорость, которая может разбить его на куски. Когда он погасит её, приземлившись, то станет безжизненной птицей. Собственно, он всегда ею и был. У него керосиновая душа. Нет керосина, нет и его души.

Душа человека живая. Это и есть вечный двигатель всего сущего, потому что она не умирает. Она бессмертна и вечна. И, вновь воплощаясь в теле, спускаясь с небесных высот, даёт телу жизнь. Это частичка Создателя и того загадочного пространства, где нет ни начала, ни конца.

А сейчас небо было усеяно звёздами. «Небо звёзды усеяли чистые» - зазвучала в душе строка известного романса. Она живёт уже много лет.

«А живёт ли герой литературного произведения? Как ни странно, да. И живёт дольше своего создателя. Живёт на страницах книг. Он в той или иной степени вобрал в себя черты современников авто-

ра, даже если тот создавал исторический роман. И сам автор всегда явно или неявно присутствует в своём произведении», - так размышлял Восадулин, так размышлял и тот, кто наделил его чертами близких себе людей.

Герой литературного произведения иной раз входит в плоть и кровь целого поколения, как это было с Печоринным Лермонтова или с Павкой Корчагиным Николая Островского.

Читая классические произведения, читатель верит, что Шерлок Холмс способен раскрыть любое преступление. Реальность, как правило, далека от жертвенной любви Ромео и Джульетты, но их любовь остаётся в сердце читателя. Дон Кихот тем и велик, что не боится быть смешным, свершая добрые дела.

Если память потомков останется благодарной, то всегда рядом с литературным героем, живущим в книге своей полнокровной жизнью, будет жить имя автора. Не только на переплёте.

Вот и в песне живёт душа авторов. Ещё как живёт и будет жить, если её вдруг запоёт народ...

Прощай, Егор. Прощай, дорогой друг. Знать бы, как сложится твоя дальнейшая судьба. Пригодятся ли мысли твои и чувства в стремительном темпе резвящейся новой жизни?

Ты - жив. В тебе осталась страна с гордым именем СССР. Со своим знаменем и гимном...

Имя Егор - от того же корня, что и Георгий. А Георгий на русских иконах побеждает Змия, символ зла на земле.

Куда ты идёшь?

«Туда, где сейчас лётся кровь, откуда снова пришла беда, которой не ждали. Там бьются сейчас молодые воины - внуки и правнуки самых стойких солдат самой доброй страны на всём свете...».

Олег
Ларионов

Олег Иванович Ларионов родился 26 апреля 1959 г. в Вологде, где и живет по настоящее время. В Союзе писателей России - с 1994 г. Лауреат международных и всероссийских премий в области литературы и публицистики. Книги выходили в Москве, Ленинграде, Архангельске, Вологде, в США и Японии. За достойный вклад в русскую литературу отмечен рядом общероссийских и региональных общественных наград, в том числе Союза писателей России.

Поминовение

1

Мне снился старинный трехэтажный дом с аккуратными арочными окошками, стоявший на древней улице города. Там прошло детство мамы, а потом и мое, и все мы считали его семейным. Дому было более двухсот лет, его построил какой-то купец. После революции новые хозяева его бросили, и бабушка с дедушкой самовольно заселились в одну из крохотных квартирок. Что там могло быть из «удобств» в те давние времена: вода с колонки, печурка, выгребная яма, а много позже - керогаз на общественной кухне... И еще моих близких всегда окружали соседи, хорошие добрые люди, и дружные, потому что по себе знали цену подставленного плеча во времена лишений и войн.

Так вот, этот крепкий каменный дом, сложенный еще при помощи раствора на сыром курином яйце, рушился. Складывалась крыша, трещали и обваливались стены, пока не обратились в большую кучу строительного мусора. А на противоположной стороне улицы стоял мой покойный дед и, закрыв лицо ладонью, горько плакал, вытирая слезы.

Я еще не знал, что такое вещие сны. Это был первый из них. И с той поры они являлись ко мне в течение всей жизни, как предвестия, от которых не знаешь, что ждать.

Я рассказал маме об этом сне. Она выслушала меня молча. Потом спросила, не говорил ли что дед.

- Нет. Он только плакал.

Мама, как всегда, сидела в инвалидном кресле на больших колесах, прико-

ванная к нему много лет. Она считала, что к этой беде постепенно привел ее давний стресс, когда она впервые увидела моего отца с его тайной любовницей. Любовницы той давно уж нет, только жизнь вспять не повернешь.

- Говорил дед: разводишься, Маргаритка, поможем, - вспоминала как-то она, и голос у нее был мягкий, а речь неторопливая. - А я все семью хотела сохранить для тебя - ты совсем ведь маленьким был... А потом как-то утряслось, брат твой Паша на свет появился. Мне хотелось больше детей, а я все отца слушала. Хватит, мол, куда. И зря. На мой бы теперешний ум - рожала бы, сколько хотела. Чем больше, тем лучше...

Сейчас, продолжая разговор о своем странном ночном видении, я спросил ее:

- А тебе снилось что-нибудь сегодня, мам?

- При моей болезни мне не снится ничего много-много лет...

Как же вдвойне, втройне она была несчастна, если не видела снов, сокрушенно подумал я. Ведь если в своей реальной жизни человеку горестно и страшно, у него еще остается одно пространство, где он свободен, несмотря ни на что, где жизнь течет так, как могут позволить его грезы. Это сны, независимые, заполненные чувством яви... Но мама была лишена даже этой последней надежды человеческой...

2

В то время, когда мне было двадцать восемь, а младшему брату Павлу двадцать два, в родительской трехкомнатной квартире теснились сразу три семьи: отец с мамой, брат с женой Ариной (они уже успели «соорудить» годовалого ребенка), и я с женой Ириной.

Жены, миловидные брюнетки, были порядочно схожи меж собою и внешне, и по темпераменту, только Ирина была выше ростом. Обе общительные и напо-

ристые, вспыльчивые, как порох, не терпящие соперничества и конкуренции.

Правда, сойдутся вместе - речи у них льются, как у лучших подруг. И даже не заподозришь, что на самом-то деле девушки в глубине души, мягко говоря, не очень-то расположены друг к другу, если не более того. Впрочем, если поставишь задачу на досуге покопаться в этом омуте бабской глубинной нелюбви, то окажется она курам на смех сотканной из каких-то ничего не стоящих мелочей и дурацкого сумбура. Например, Ирина недолюбливала Арину за то, что последнюю всегда ставили ей в пример как образец молодой жены, а Арина Ирину - за то, что та, по ее мнению, не очень-то держала меня в узде и не следила за моим внешним видом. И т.д., и т.п., до бесконечности.

Я в свое время отговаривал брата жениться. Арина была хохотушка и производила впечатление довольно легкомысленной и непостоянной особы. Но тот слушать ничего не хотел. То был клинический случай. Он регулярно продолжал лазать к ней в студенческую общагу на второй этаж по связанным простыням подобно одержимому. Его наказывала администрация университета, на него жаловались вахтеры, его лишали стипендии. Но все было бесполезно. И так до самой свадьбы.

Что касается меня, то я женился поздно, в отличие от младшего брата и, к изумлению своему, впоследствии в одной открыл сразу двух жен. Одну - досвадебную, уже знакомую - милую кошечку, и другую, уже после свадьбы, - властную террористку, не желающую идти ни на какие компромиссы. Такая очевидная подмена явилась для меня открытием крайне неожиданным и малоприятным. Она, например, когда мы отдыхали у родни в Одессе, сама устанавливала ознакомительные маршруты, и стоило мне свернуть «не в тот» переулок, где хотелось что-то посмотреть, буквально утаскивала меня прочь чуть ли

не за шкурку. И так во всем. Нет, в ее натуре было, конечно, и что-то душевное, но определяющие качества оставались прежними.

Еще у нее было одно странное хобби. Ирина любила знакомиться с продавщицами на рынке и в магазинах и вести с ними пространные беседы по душам, на что уходила уйма времени. На мой вопрос, зачем она это делает, созналась:

- Зато так они меня надолго запомнят и не подsunут залежалый товар. А так как я высокая, они запоминают меня вдвойне. Эта публика сразу узнает меня издалека и даже не пытается обманывать.

Еще она была председателем городского общества трезвости и объясняла свое пристрастие к такого рода деятельности тем, что по трепету сердца готова бороться с пьяницами всю сознательную жизнь. А так как работала в мужских коллективах, то порой не гнушалась вставить и крепкое словцо. Без всяких фиоритур и лингвистических изысков, по-простому, «по-рабоче-крестьянски». В общем, в ее натуре было управлять людьми и всё держать под своим контролем. И у нее это неплохо получалось.

3

До Нового года оставалось несколько дней. Мы купили на базарчике живую, прямо из леса, елку, и теперь Ирина с Ариной увлеченно ее наряжали. Еще волшебное настроение наваял старый-старый фильм из детства.

Вспомнились новогодние вечера тех лет, шумные, веселые, когда мама не болела. Она была начальником лаборатории на крупном заводе. Там работали одни девушки, которые ее любили и часто заходили к нам в гости, порой даже со своими парнями. Она всегда им что-то советовала, выслушивала, успокаивала, как старшая сестра.

Иногда под Новый год мама приходила со мной в почти «фамильный» особняк, с которого начал я свой рассказ, где коротали век бабушка и дедушка. Меня, пятилетнего, ставили на импровизированную сцену в виде табуретки, и я читал заученные стихи под общие аплодисменты родных.

Хорошо помню ту обстановку. Простенный коверчик на стене с изображениями пасущихся оленей, раскрашенная глиняная собака на комод, красный матерчатый абажур под потолком. А еще коклюшки, валики, булавки в гостиной и ажурные узоры скатертей, салфеток, жилеток для модниц, вышедших из-под рук бабушки, которая была искусной кружевницей.

Улица, где стоял патриархальный дом, была полна исторических тайн. Ее по царскому указу стали застраивать еще с шестнадцатого века. Она была известна именами богатых горожан и домом губернатора, где гостили российские императоры и великие князья. Здесь же стояла гимназия с колоннами. В советское время ее преобразовали в школу, которую закончила мама.

До замужества бабушка из деревни носила в город молоко в ведрах на продажу. Пешком!.. Там в послереволюционные годы на рынке и познакомилась с дедом. Сейчас революция воспринимается каким-то очень отдаленным замшелым событием из учебника, и странным кажется, что родители моей мамы были живыми ее свидетелями.

Примечательна одна небольшая деталь. Бабушка с дедушкой всегда говорили «пошли в город», когда речь шла о старом рынке или других близлежащих исторических объектах, всего-то в пяти-десяти минутах ходьбы от их дома. Будучи ребенком, я удивлялся: как же, живя в городе, можно так говорить? И лишь потом понял, что они, как коренные обитатели, «городом» по незапамятной традиции называли древнейшую укрепленную его часть в виде детинца-кремля и мест, прилегаю-

щих к нему. Сейчас так почти никто не говорит. То, что они называли «городом», называют «центром».

* * *

Мы в канун Нового года перебрались с женой в квартиру ее родителей. Мы и раньше это практиковали по праздникам, когда они, как сейчас, надолго уезжали погостить к родственникам в другой город. Уж слишком тесно у нас было. Только на сей раз уединение не радовало: я не на шутку разболелся, меня знобило. Поэтому, когда первого января в прихожей, где стоял городской телефон (каких-то иных тогда не существовало), раздался звонок, я еле до него добрался. Услышал голос Арины:

- В общем, маме плохо стало. Мы думаем, погода и всё такое...

- Вызовите скорую!..

- Уже... Сказали, что у нее инфаркт. Отец пошел в аптеку...

Все поплыло у меня перед глазами, все надорвалось...

- Как она сейчас?

- Спит в своем кресле. Ей дали снотворное.

- Я приеду, - сказал я, но меня бросило в пот, и я в бессилье осел на корточках, поняв, что это невозможно: температура уже с утра была под сорок. Позднее мне поставили диагноз - воспаление легких.

Еще три дня под звуки хлопучек и радостные крики во дворе я бездарно пролежал в испарине, а когда стало чуть полегче, взял такси и вернулся домой. Я очень не хотел, чтоб мама подумала, что я ее оставил одну.

Мама открыла глаза и, увидев меня, сказала тихо:

- Привет. С Новым годом! Поешь. Там, на кухне, в холодильнике, всё есть - борщ, курица, салаты.

Но мне было не до трапезы. Наверное, эти дилетанты-врачи ничего не понимают, ставят не те диагнозы, подумалось с горечью. И я позвонил своему давнему приятелю, кардиологу Саше Вершинину. Он подошел вечером после работы.

- Узнаете меня? - обратился он к маме. Та кивнула. Александр снял кардиограмму.

- Меня еще на сборы офицеров запаса в конце января должны дернуть, будь они неладны, когда маме так нужна помощь...

- Пойдем, - тихо сказал Вершинин и увел меня на кухню, где нас никто не мог слышать. - Насчет сборов можешь не переживать. Когда тебя призовут, помощь твоей маме уже не потребуется.

- Что это значит?! - насторожился я, ничего не понимая.

- Прогноз - *pessimus*¹. У нее поражена вся передняя стенка сердечной мышцы, пятьдесят процентов. Таких больных, конечно, нужно лечить в стационаре. Там хоть капельницу можно поставить. Подумай.

- Надо посоветоваться с отцом.

- Ну, вот тебе на всякий случай направление, - и он написал его, где отметил диагноз, который был страшен: рассеянный склероз, гипертония, острый инфаркт миокарда и еще что-то немислимое, так что ясно было, что обладатель такого букета висит на волоске.

- Слушай, Саша, - мои мысли лихорадочно работали, - я по телевизору недавно видел - аппарат какой-то изобретен для перекачки крови, вместо сердца... А еще искусственное сердце...

- Это только на киностудии, в Москве, - грустно покачал головой Вершинин. - Простые смертные могут рассчитывать только на Господа Бога. Да и то не всегда...

Он ушел. Внезапно в душе моей взорвался какой-то протест. Визит моего старого и всегда так желанного друга на сей раз стал для меня неприятным, словно яв-

¹ Наихудший (лат.)

ление черного ангела, предвестника смерти. И где-то в глубине души я обиделся на него. Почему он столь категоричен, почему не верит в лучший исход?.. Не может этого быть, - всего, о чем он наговорил!.. У меня даже дикая мысль возникла: уж не нарочно ли, не из какой-то своей научно-докторской показухи написал он все эти ужасные диагнозы, чтобы блистать своей эрудицией?!

Еще в тот день я разругался с Ариной. В большой комнате, где дремала в кресле-коляске мама, она включила громко телевизор, да еще завалилась туда с орущим ребенком и разбудила ее.

- Уйди в свою комнату, не мешай маме, ей тяжело!.. - процедил я сквозь зубы.

- Какой ты умник, сам-то пялишься в экран! - истерично заорала она. Спорить с ней было бесполезно, как и убеждать в чем-либо.

4

Говорят, пока я болел, мама ничего не ела. А сейчас я стал ее подкармливать с ложки, и мне казалось, что она пошла на поправку. Щеки порозовели, и парализованная рука стала немного двигаться.

- Знаешь, - с воодушевлением говорила она, - сегодня чудо случилось: мне впервые сон приснился, что я хожу - легко, свободно, как в молодости! А может, я и в самом деле буду ходить!.. - воодушевленно произнесла она.

И у меня в душе вроде как что-то расправилось: я подумал, что она наперекор мрачному предсказателю Вершинину еще поднимется...

Мама и правда пришла в себя. В больницу она ложиться отказалась. Она вспоминала военное детство, постоянные бомбежки немцев. Как летом они с подружками собирали за городом ягоды, фасовали их в газетные пакетики и продавали. Однажды к ней подошла соседка и попроси-

ла продать кулечек. А маме вдруг стыдно стало чего-то, она схватила свою корзинку и убежала. Она вспоминала своего младшего брата, умершего школьником, старшую сестру, которую в двадцатилетнем возрасте убило деревом на лесозаготовках для нужд фронта, среднего брата, который в семнадцатилетнем возрасте добровольцем ушел на войну и получил тяжелое ранение.

- Недолговекие все были, - грустно произнесла она, думая о чем-то своем.

А утром недолгая радость в ее глазах прошла, они провалились и потемнели, и наполнились той, обращенной уже к самой себе, последней, не ждущей ни сочувствия, ни поддержки горечью, горечью человека, вполне сознавшего близкий финал, и она произнесла тихо:

- Нет, никогда, до самой смерти не встану я на ноги...

И все-таки в словах мамы, несмотря на горькую категоричность, была какая-то отдаленная надежда, что это будет не так. Видимо, так устроен человек. Нельзя произносить себе приговор, в нем даже неосознанно таится мысль об обратном.

* * *

А отец продолжал отпускать свои традиционные ядовитые шуточки, которые он, в сущности, отпускал и раньше, и сейчас, словно вокруг не происходило ровным счетом ничего. Он не мог без них обходиться, без своих неуместных острот.

Так, мама попросила его убрать вторую подушку, лежащую для подстраховки, но вместо того, чтобы отвечать нормальным языком, он комментировал:

- Подушка сдерживает твои шаткие позиции.

И всё в том же роде.

Все ее просьбы он исполнял с неохотой и крайним раздражением. А однаж-

ды, пересаживая маму с кровати в кресло-коляску, как мне показалось, нарочно с силой тряхнул ее, так что она застонала.

- Какая нелегкая у тебя рука, - прошептала она.

- Мама, никогда не проси его ни о чем, когда я рядом! - не выдержал я.

Потом отец принялся что-то искать, обшаривая все углы. Я молча наблюдал за ним. Заметив это, он сказал:

- У нее должны быть деньги. Много денег. Она ничего не говорила?.. И еще облигации. А то ведь мы и знать ничего не будем.

Отвратительно было слышать эти его расспросы.

- Мама не умерла! И не умрет! - почти по слогам ожесточенно произнес я.

- Русская православная церковь проявляла мудрость, посылая к человеку священника, чтоб тот знал о смерти и дал необходимые указания. А наша медицина только за нос водит, - ворчал себе под нос отец.

Я ничего ему не ответил, лишь мысленно возразил: «Человек до конца должен верить, отнять у человека надежду - хуже, чем отнять жизнь». И мама верила и жила, хоть больно было видеть ее страдания.

Заплакал ребенок. Человек, рожденный и росший в муках. Он плакал, наверное, потому, что чувствовал боль. И в этой же квартире в соседней комнате умирал другой человек, взрослый. И ему тоже было больно. Взоры же всех были обращены на того, маленького человека.

Отец был очень ласков с малюткой. Для его натуры это было настолько несвойственно, что казалось мне фальшивой игрой. А на ту, умирающую, домашние, думалось, и не смотрели вовсе, не обращали внимания. Даже проходили мимо, когда мама звала их. Как она была одинока в те дни!..

Я подрабатывал дворником в детском саду, и мне в ту снежную зиму нужно было обязательно ходить на участок, несмотря на больничный, иначе бы меня уволили. Уборка занимала не более двух часов, но они были мукой, потому что я думал о маме, о том, чтобы с ней ничего не случилось. Когда переоделся в раздевалке, не выдержал, позвонил на работу жене.

- Знаешь, что сказал Вершинин?.. Не могу поверить... Неужели ничего нельзя сделать?! - голос мой дрогнул, я больше не смог говорить.

Она стала меня успокаивать:

- Не расстраивайся, ведь ничем уже не поможешь.

А потом, вечером, дома, сказала мне:

- Мне тебя так жалко стало, от того, что ты... жалеешь маму.

И я подумал: какой абсурдный парадокс - она жалеет меня, но не маму. Меня-то чего жалеть?! Впрочем, она для нее всего лишь чужой человек.

Жена, нежно обняв, расстегнула верхнюю пуговку моей рубашки и стала гладить меня по груди. Она что-то щебетала, говорила, как жутко по мне соскучилась. А я почти не слушал - было не до нее. Тягостные думы обуревали меня. Они душили, словно не хватало воздуха, а тот, что присутствовал, был опален тоской.

Я осторожно, но твердо отстранил ее:

- Мне нужно идти маме за лекарством.

И я ушел. Да, для Ирины мир вокруг оставался прежним, и в нем не происходило ничего особенного. Вот так же кто-то из любопытствующих «сердобольных» соседок сочувствовал отцу за свалившиеся на него «напасти». А кто мог посочувствовать маме, той, кому на самом деле было плохо как никому!.. Как при мне смели они заикаться о смерти как о лучшем исходе! Пусть бы она жила хоть

как, хоть прикованной к постели, чувствуя, что нужна. Я бы не оставил ее...

* * *

Мама узнавала брата по шагам, по хлопку двери, когда он возвращался с работы из своего офиса в городе-спутнике. Она всегда ждала, что он зайдет к ней. Но брат почти никогда не навещал ее. Вот и на сей раз он пропал в своей комнате с Ариной, болтая о том о сем.

- Ты хоть бы к маме зашел, спросил, как она... - уловив момент, обратился я к нему. Но он ничего не ответил. Зато выскочила Арина и стала обвинять меня в том, что я оставил какие-то крошки на кухонном столе. И потом они снова погрузились в свои хихиканья.

Мне это не нравилось. Всё это было чуждо, дико. Да, конечно, у них маленький ребенок. И все же нужно почаще было заходить к матери, тем более что я предупредил его о прогнозах врачей.

А может быть, думалось мне, я не вправе судить его строго. Знаю, что он очень переживал. И может быть, ему тяжело было видеть умирающую мать. Но мама-то обижалась на то, что он к ней не заходил, ведь она всегда ждала его. Тем более все последние годы она гораздо больше времени уделяла ему, так как он был младше меня. И звала ведь его порой, а он не всегда откликался. И однажды сказала в сердцах:

- А Павлик - маленькая копия большого папы.

Конечно, я ему никогда не скажу об этом. Это была ее обида.

Как-то раз нас навестила мамина престарелая, почти девяностолетняя тетка Антонина, или Тося, как все мы ее попростому звали.

- Женя-то у меня молодец, всё время помогает, - тихо хвалила меня мама, ка-

залось, из последних сил. - Вы мне, главное, подлечите его, он еще не совсем здоров со своим воспалением.

- Да что Женя - молодой, сильный, ничего с ним не будет! - не удержалась Тося.

- Знаешь, я не хочу жить, - превозмогая боль, призналась мама Тосе.

- Всегда, когда здоровье плохое, так говоришь и думаешь, - сказала старушка. - Был у меня инфаркт, тоже так думала. А выздоровела - и мысли такие прошли...

Послышалось скрежетание ключа во входной двери. Это пришел отец. Тося спешно засобиралась домой - они были с ним в давнем конфликте, и отношения между ними были неприязненными. Отец сухо поздоровался, не проронив более ни слова. А я задержался в прихожей, разговаривая с двоюродной бабушкой. Я был очень благодарен ей за то, что она навестила нас. Мне не хотелось думать, что тень отцовского конфликта каким-то образом ложится и на меня.

Мама лежала на своей кровати в спальне, но дверь просила не закрывать, бездвиженная и беспомощная. На груди у нее, как всегда, дремала кошка Дашка. Мама, хоть ей и было тяжело дышать, не прогоняла ее, тихо поглаживая.

- Давно пора вышвырнуть ее на улицу, на мороз, к чертовой матери! - выругался отец. - Токсоплазмоз разносят эти заразы. В доме ребенок маленький!

- Не вздумай! - слабо простонала мама.

Все внутри у ней висело на волоске, ей тяжело было и дышать, и поворачиваться. Она не могла не чувствовать, что жизнь покидает ее. Она лежала в темной спальне, словно в могиле, не видя нас, и между нами незримо образовалась та самая невероятно огромная пропасть, что может возникнуть только между живущим и умирающим. Мы жили своей прежней жизнью, обсуждали свои проблемы, смеялись - а ей это все было теперь недоступно, и, наверное, она очень хорошо пони-

мала это, ведь мозг ее по-прежнему бодрствовал. И пропасть, невольное наше возвышение, отдаление от нее вызывало чувство вины, которую не искупить, ведь она оставалась один на один со своим одиночеством.

Мама часто звала меня, и я немедленно приходил к ней. И, видит Бог, ей становилось от этого легче. Однажды она позвала меня к себе, попросила сесть на краешек кровати, взять ее руку в мою и положить ко мне на плечо - так, когда благословляют:

- Дорогой мой человек, держитесь с братом друг за друга, - она смотрела на меня с тусклой, покинутой грустью в глазах. - Случится что - там, в каталке, есть карман...

Про содержимое наружного кармана инвалидного кресла я знал. Там мама бережно хранила мою смешную бумажную поделку в виде сердечка, которую я подарил ей к 8 Марта, когда учился еще в первом классе, вышивки крестиком по трафаретам, еще какие-то мои детские открытки...

- Карман не тот, что снаружи, - уточнила она, - там есть еще внутренний, потайной. В нем деньги и облигации. Возьмите их... И еще... Стой за себя, не давай себя в обиду! - она и раньше повторяла мне эти слова, словно чувствуя, что с ее уходом на этой земле больше не останется ни одного человека, который смог бы заступиться за меня так, как это всегда делала она - жертвуя всем, всем, что у нее было, и собой в том числе.

Я держал ее исхудавшую недвижную руку в своей, и так мы сидели молча. Потом я ушел, и она больше меня ни о чем не просила. Только сейчас, когда я стал ухаживать за мамой, я впервые за всю жизнь обратил внимание на то, как она красива...

В гостиной тихо работал приемник, по которому звучала песня о жизни и смерти

на слова Цветаевой. Пела ее зычным, хорошо «откормленным» и пропитым голосом самая известная в то время певичка, одуревшая от свалившейся на нее в одночасье всесоюзной славы. «Уж сколько их упало в эту бездну-у-у...» - напоказ блажила она.

Душу вдруг резанула лживость и театральная напыщенность тона певички, в котором не было ничего, кроме гадкого самолюбования, лицемерной фальши, омерзительной валяжности и презренной игры на публику, - того, что только может позволить себе всё перепробовавшая, пресыщенная и избалованная газетчиками лицедейка. Как далеко это было от истинной трагедии, правды и скорби, насколько искажало смысл ни капли не пережитых ею слов!.. Здесь, в преддверии ночи, умирала мама, и притворные изыски певички звучали неуместно, кощунственно и цинично. Не знаю, что мама думала, слыша ту песню... Дай Бог, чтоб она спала в ту минуту.

Я спешно выдернул вилку из радиорозетки.

Чуть позже домашние негромко включили телевизор. Они смеялись, живо реагируя на происходящее на экране телевизора. В какой-то миг почудилось, что и я увлечен сюжетом. Но, словно знобкая тень, мелькнула мысль о безнадежно больной маме, и стало зябко, пусто.

Я снова зашел в ее комнату, дверь в которую была полуотворена. Мама открыла глаза. Конечно же, она слышала наш смех и ощутила, как далека она сейчас от нас, котрым не ведомы муки и страдания, ожидание смерти, боль и неизвестность. Она не могла не знать об этой жестокой, неотвратимой границе, что заставила меня чувствовать горькую вину здравствующего перед умирающим. Ведь мы были бесильны помочь ей.

И от того, что прочел в ее глазах, стало страшно: там было бесконечное отчая-

ние человека, в одночасье заглянувшего в бездну, где не светится ни единого огонька. О чем думала она в ту минуту? Наверное, поняла, что умрет и что сделать больше ничего нельзя. Никогда, в самый горький час, на последнем пороге не забуду тот ее взгляд: что-то неуловимо хрупкое в нем еще отделяет маму от той черты, за которой лежит холодная, непостижимая, чуждая живущим страна забвения.

- Что говорят врачи? - тихо спросила она.

- Все будет хорошо, мама, - произнес я, едва сдерживаясь, чтоб не дрогнул голос.

Она внимательно посмотрела на меня и вздохнула: она знала, что это была неправда.

- Как я боюсь ночи, - всё так же тихо произнесла она. - Ты подойдешь ко мне, если я попрошу? Я не буду по пустякам тревожить тебя.

- Конечно, мама.

- Спасибо тебе, спасибо за всё, - тепло и ласково сказала она, так, как уже никто никогда не скажет. - Красное мое солнышко...

Ночью мне показалось, что мама зовет меня. Я подошел к ней, зажег свет. Она хотела что-то сказать, но не могла. Я слышал только ее просьбу не гасить свет. Но я всё равно выключил его, решив, что так будет лучше.

6

Проснулся я около шести утра от слов отца:

- Женя, мать умерла.

Смысл произнесенного не дошел до меня. Только нечто абстрактное, лишённое сущности. Лишь постепенно я начал чувствовать, что словно бы проваливаюсь в какую-то черную, бездонную яму, в которую и падать-то даже не страшно, потому что представить себе не можешь, что там.

Я резко вскочил и, тяжело вздохнув, зачем-то стал натягивать на себя парадные брюки. Заглянул в мамину комнату. Она лежала спокойно, а лицо уже не было страдальческим, как всегда. Она как будто даже улыбалась. Казалось, ей стало лучше. Я прикоснулся к ней. Мама была горячая. Она выглядела живой, совсем живой!.. Видимо, умерла только что.

- Я просидел с ней последние полтора часа, - сказал отец. - Приподнимал за плечи, чтоб хрипы у нее прошли. Она попросила пить. Сделала несколько глотков, сказала «всё», сделала последний вздох и умерла. Я стал звать ее. Она больше не отвечала.

Вскоре отец сообщил о смерти остальным. Через минуту раздалось надрывающее душу рыдание Арины. Позднее она мне рассказывала, что не поверила в смерть, что она вообще не могла представить, что мама может умереть.

Все молчали, слышался только плач Арины. Нам уже было не до сна. Мы быстро позавтракали тем, что нашлось в холодильнике (отец скупко сообщил, что где лежит на полочках, и распределил план действий).

Сам он ушел в похоронное бюро, а мы некоторое время оставались одни, в ожидании. Я обзвонил некоторых знакомых. Голос мой дрожал и срывался, потому что я вновь и вновь не верил в то, что сам только что произнес: «Мама умерла».

Пришли тетка Тося с родней. Они стали говорить что-то о церковной «проходной», но явившийся отец в корне оборвал разговоры, сказав, что «она партийная». Хотя в то время, перед развалом Советского Союза, это не могло быть каким-то серьезным аргументом. Точно так же отмахнулся он от просьбы повесить в доме зеркала. Дождавшись, когда отец удалится, Тося вполголоса произнесла, обращаясь ко мне:

- Сходишь в церковь, потом скажу, что нужно будет сделать. И молитесь за маму. Душа ее еще в странствии, и молитвы помогут ей достичь Царствия Божия.

Я по-прежнему часто заходил в комнату к маме. Все мне казалось, что она просто заснула и ничего у нее больше не болит. Она всё еще была теплая. Тронул ее за плечо, словно стараясь убедить себя в том, что она жива, и смерть мне приснилась. И в подсознании мелькнула мысль: знать бы только, что мама жива, пусть бы она вечно спала здесь.

Взял тряпочку, камфорный спирт, протер ей лицо, тело. Перевернул на бок - на спине увидел приклеенный пластырь, который она вчера вечером просила сменить, где ей очень больно было. Отодрал его. Фурункул так и не зажил. Стал стирать следы пластыря, и невольно рука смягчилась - словно я боялся причинить ей боль. Увы, теперь ей было все равно... И когда до меня, наконец, дошло, что ей не может быть больно, это осознание в прах смяло остатки моих эфемерных надежд на что-то...

Потом я вновь и вновь заходил в комнату, пряча от других причину прихода, закрывая дверь, смотрел на маму... И прикоснувшись к ней рукой, вдруг заметил, что она уже не теплая, что она стала какой-то чужой, совсем не такой, какой была до сих пор. Но мысль о том, что скоро ее увезут отсюда навсегда, всё равно казалась нелепой.

Вечером отец стал звонить в морг.

- А у вас есть направление на хранение тела? - послышался приятный девичий голос.

- У нас есть свидетельство о смерти.

- Но этого недостаточно. Нужно направление из поликлиники. Иначе тело не примут.

- Девушка, я уже полсутки нахожусь с покойником!.. Какое еще направление -

рабочий день у врачей закончен! - закричал он в трубку, и в его голосе впервые услышал я ноту растерянности, замешанной на возмущении. - Или тебе червонец нужен? Так я дам!..

- Не нужно мне вашего червонца. Машину дадим в течение вечера. Но с моргом придется договариваться самим непосредственно на месте. Повторяю, может случиться, что тело не примут...

- Подождите! - осенило меня. - У нас есть Саша Вершинин, он же на «скорой» работает!

Я дозвонился до друга. Саша только что собрался уходить с дежурства. Выслушав меня, он сказал:

- Направление сейчас выпишу, возьми у диспетчера.

Я бросился на троллейбусную остановку, чтоб доехать до неотложки. Бежать было очень тяжело, воспаление легких здорово сказывалась. За заветной дверью я взял бумажку, где и всего-то значилось: «Тело такой-то направляется на хранение...» да стоял штампик. Весь в поту, я вернулся домой.

Я продолжал нервно ходить по квартире.

- Женя! - крикнула Ирина. - Кажется, машина пришла. Присядь же ты вместе со всеми. Человека провожаем в последнюю дорогу!

Я присел. Молчали. А вот и звонок. Быстро надели с братом куртки, спустились вниз, за носилками. Мы пребывали в странном нервном напряжении. Носилки были очень длинные, с черными резиновыми ручками, брезент был закапан застарелой въевшейся кровью, и от них, кажется, исходил трупный запах. Мы постелили на носилках простыню, положили маму и закрыли покрывалом. Перевернули вперед ногами и понесли. Из-за того, что лестничные площадки в типовой «хрущобе» очень узки, разворачиваться было крайне затруднительно.

Вышли на улицу к «буханке», задняя дверь которой уже была предусмотрительно открыта.

Шофер сидел в кабине к нам затылком. Так и не поворачивая головы, очевидно, чтобы не смотреть на покойную, произнес:

- Кладите туда носилки с телом и сами полезайте.

Впрочем, нам понятно было такое его поведение.

- А вы не поедете? - спросил водитель отца.

- Нет, - ответил тот.

И вот мы с братом в «буханке». На полу у наших ног носилки с нашей мамой, сами мы сидим напротив друг друга на откидных скамейках. Машина тронулась.

В те минуты, в молчаливом движении среди черного города, во мраке салона, где можно разглядеть лишь очертания закрытого простыней тела, я понял, что только нас с братом сближает скорбный наш груз, и нет в мире больше людей, для кого бы так горек и непосилен был этот путь и кто бы понимал нас так, как мы друг друга, - без единого слова.

Та, что вчера еще напутствовала нас и думала о нашей будущей жизни, - она за белой простыней лежала у наших ног, и голова ее безжизненно, со странной мерной покорностью колыхалась на ухабах и поворотах. И тех двоих, согбенных и ушедших в себя, склоненных над белой простыней в немом вопросе, на который никогда уже не последует ответа, словно бы соединяла загадка, которую никогда не разгадать. И в ту минуту каждый знал, что вот тот, другой, что напротив, тот, что никогда тебя не понимал, - он единственный близкий человек, который у тебя есть, который у тебя остался. Потому что больше не осталось ничего.

Мы вышли у морга. Было очень темно. Долго стучали. Наконец, стальная дверь отворилась, изнутри с опаской выгляну-

ла полупьяная старуха, которая первым делом потребовала «бумагу». Мы дали ей направление и тронулись с носилками следом за бабкой. В синем люминесцентном освещении, пройдя среди лежащих мертвецов и не замечая их, мы положили нашу маму на холодный каменный пол и вышли на воздух, не веруя в то, что она осталась там.

Дома я почувствовал себя плохо, у меня закололо правое легкое - болезнь давала о себе знать.

Утром мы вернулись в тот временный приют - потому что сами решили подготовить маму к последнему пути. Мысль о том, чтоб доверить ее переодевание какой-то бабке вроде вчерашней, как это делало большинство, коробила.

Мы тщательно протерли тело спиртом. А мама была уже другой. Полоски на спине от сбившейся простыни, когда она была еще жива, стали фиолетово-красными. Лицо - мраморным. Неужели это ты, мама?..

Мы одели ее в платье, которое оказалось немного мало. Потом прошли в ритуальное бюро, чтобы забрать гроб и положить в него маму. Сотрудницы бюро смеялись, обсуждая что-то пикантное, пребывая на своем независимом островке безмятежья. Какие-то женщины в черных платках скользнули мимо нас, одна из них, довольно молодая, задержалась. Спросила с сочувствием:

- Мама?..

Мы кивнули.

- Обязательно крестик или иконку в гроб положите, - сказала женщина. - Руки, как будете хоронить, развяжите...

Я продолжал кивать, тронутый участием, хотя в ту минуту, казалось, ни о чем не мог думать.

В киоске взял городскую газету, открыл на последней странице и прочел: «...выражают глубокое соболезнова-

ние по поводу...». Слова, как неизбежность, опустошили сердце. Значит, это правда...

7

...Весь гроб был усыпан живыми цветами среди январской стужи. Людей было очень много. Кое-кого из них я знал, хоть и видел крайне редко. Мамина подруга Вера, видная женщина средних лет, стояла близко, все смотрела и смотрела маме в лицо. А та словно бы помолодела, и все тревоги ушли от нее прочь. «Как уснула», - услышал я чей-то голос.

- Я к Маргарите Ильиничне всегда приходил как на исповедь, - признался Вершинин. - Перед ней невозможно было лукавить. Она удивительно ясно и чутко умела понять человека. И нам так нужны были ее тепло и совет. Уходя от нее, ты всегда чувствовал, что сбросил тяжелый камень с души...

Потом говорил представительный мужчина в длиннополом пальто, которого я не знал, руководитель с ее прежней работы. Он говорил о том, что у Маргариты Ильиничны они все учились мужеству, ее умению работать. Что она была человеком необыкновенной порядочности и служила примером всем им; «Как бы ей ни было трудно - а ей было очень трудно, и мы знали об этом, - она умела и пошутить, и приободрить в нужную минуту».

Слово «порядочность» он с особенным пристрастием выделил, даже с горечью, вкладывая в него какой-то особенный, сильный и высокий смысл.

- Держитесь, ребята, - в конце подбодрил он, взглянув на нас с братом, и мы посмотрели на него и окружавших его коллег уже как на своих друзей.

Потом я понял, что мне тоже нужно сказать что-то, потому что присутствующие молчали. Я говорил о том, что мама жила нашими огорчениями и радостями,

ничего не жалея, и в последние минуты думала не о себе, а о нас. Я еще многое чего хотел сказать, но голос мой сорвался.

- Прощай, самый дорогой наш человек, - произнес я. И услышал, как что-то дрогнуло в стоявшем рядом со мной молчаливом и застывшем брате, что-то дрогнуло и надорвалось... Я закрыл лицо рукой, потому что больше не мог говорить.

* * *

- Отмучилась, - на поминках отец словно бы подвел итог и поднял рюмку. Прощел легкий гул: да, да, отмучилась. Потом кто-то из маминых старых подруг подметил:

- Какая она веселая была, ах, какая веселая. Сколько счастливых вечеров мы провели в этой квартире. Болела тяжело и долго, но у ней ведь есть сыновья. Внука дождалась. И потому считаю, что жизнь у неё состоялась.

Поднялся Саша Вершинин, продолжая то, что не договорил на кладбище:

- Удивительным была человеком Маргарита Ильинична, - начал он прочувствованно. - Послал бы мне Бог такое испытание, как ей, - и я могу твердо сказать: не выдержал бы его. Женщина умная, красивая, много лет была обездвижена. Но как она держалась! Когда я приходил к ней, она просила лекарство - и не для себя, как это больные всегда делают. «Вот сижу на стуле в ванной, и рука у меня соскальзывает правая, так мне бы что-нибудь такое, чтоб стирать-то можно было». Она и тогда всё для вас делала. И вот сейчас совсем недавно приезжал я. Она уж и говорить-то не может, в состоянии шока находится, а только придет в себя, узнает, и - слова благодарности. А про тебя, - он обратился ко мне, - говорила: «Женя-то у меня добрый», - несколько раз повторила. А это много значит - услышать такие слова от матери перед её смертью, поверь мне.

Я слушал его, но все эти разговоры таили и исчезали во мгле. Чувство дикой вины начинало мучить меня. Зачем я выключил свет в те последние мгновенья ее жизни, когда она просила не делать этого?.. Она невнятно и слабо прошептала: «Нет!» Она не хотела в темноту! Это был последний лучик в ее жизни... Нет, видно, это будет жечь тебя до твоей собственной смерти. Есть вещи, вину за которых совесть не снимет никогда, хотя они вроде бы несущественны и так мало значат... Не зря Тося там, на могиле, шепнула мне, чтобы я подошел к гробу и сказал тихо: «Прости». Нет, никто не простит...

Я вспоминал тот полный отчаяния и одиночества взгляд мамы в последний вечер перед смертью, и всё обрывалось во мне, потому что понимал, что уже ничем не смогу помочь ей. Да, говорила она мне: как бы эту ночь пережить. Она пережила ночь, но утро для нее не наступило... До сих пор, да и никогда, наверное, не вместить в сознание и душу то, что случилось. Мама, которая носила меня, которая потратила на меня всю свою жизнь, которая всегда была рядом и с которой я делился всеми своими радостями и неудачами, - и ее НЕТ?! Как же ее не стало, если она всегда во мне?! Что это такое, я никогда не смогу понять.

Только сейчас, а еще острее - годы спустя до меня стала доходить запоздалая, и потому саднящая от безвозвратности мысль: как же мало я ее знал, как много упустил в незаметной цепочке тенью ускользящих событий. Я пропускал мимо ушей рассказы о том, как она работала девчонкой в войну, как они, голодные дети, ели картофельную шелуху и мох. Все это было мне не интересно, потому что мама казалась вечной. Я приходил домой и знал, что она будет радоваться любой мелочи, которая принесла мне что-то хорошее сегодня, или огорчаться за промахи.

У меня не было времени достаточно понять ее, в отличие от тех счастливых, кому Бог дал прожить с матерями до глубокой старости. Я вспоминал ее почти юной и жизнерадостной, когда она со мной, маленьким ребенком, залихватски каталась с ледяной горки. Как, заплаканная, разыскивала меня, когда, трехлетний, в коротких штанишках и маечке, я покинул свой привычный тихий дворик с песочницей и заблудился...

Да, я тебе уже ничем не могу помочь. А ты сделала для меня всё, что было в твоих слабых силах.

8

Цветы на могиле, несмотря на мороз, не пожухли ни на второй, ни, как сейчас, на девятый день поминаения. Только потемнели немного. Я увидел у временно установленного деревянного креста высокую видную блондинку, всю в черном, с большим букетом красных роз. Это была мамина подруга Вера, которая была намного ее моложе.

Мы поздоровались. Накрошили кути. Тут же слетелось множество птиц - шустрые воробьи, осторожные галки, красивые одинокие синички, которые осмеливались прыгать у самых ног.

- Она так любила птичек, - сказала Вера. - Пусть поклюют.

- Мама всё живое любила, - ответил я.

- Маргарита Ильинична была очень отзывчивым человеком, - продолжила Вера. - Придешь к ней, а она всегда спросит, как дела, как с тем, с этим, а о себе не рассказывает, хотя у нее самой всё было плохо. Она была на твоего отца в большой обиде, не знаю за что.

- Было за что, - ответил я.

- Но ему нужно отдать должное, - сказала Вера, - он мать не бросил. Хотя большинство мужчин больных жен бросают... Не могу смириться с мыслью, что ее боль-

ше нет. Я так привыкла заходить в ваш дом, привыкла к маме, как она в каталке сидит, говорить с ней... Можно, я буду приходить к вам иногда?..

- Конечно, Вера.

- Ну вот, здравствуйте, Маргарита Ильинична, это я, - сказала Вера, обращаясь к ней, кладя на могилу цветы, большую шоколадку и печенье. - Придем еще обязательно с девчонками с завода к вам.

Потом она что-то стала рассказывать о себе, и я не знал, то ли мне это она говорит, то ли умершей маме.

Мы вспомнили о том, что кто-то внушил маме, что при инфаркте нужно вылежаться месяц, потом дело пойдет на поправку. И она считала дни. Лежала в таком состоянии и считала дни до начала своего выздоровления. И не знала она, что дни те - последние...

- Когда ты был на работе, я заходила к Маргарите Ильиничне. Сидела подле нее. Так ею и любовалась - какая она красивая, миниатюрная, какое тело у нее красивое. Ты извини, Женя, мы говорили и о тебе. Очень она за тебя волновалась. «За Павлика я спокойна, - говорила, - а вот за Женю душа болит. Не всё у него хорошо складывается в жизни».

- Я знаю.

На дороге у ворот остановилось такси. Из машины вышел брат. Нашел все-таки время и приехал с работы. И подумалось почему-то в сердцах, что не мертвую нужно было навещать, а живую...

Я все-таки не удержался и упрекнул его:

- Всегда, когда ты вечером возвращался, мама спрашивала: «Что, Павлик приехал? Что же он не заходит? Где Павлик?..» А Павлика - нет...

Услышав эти слова, брат заплакал. Я ничего больше не сказал ему, потому что в душе простил его за всё.

Мы приехали домой и застали престарелую тетку Тосю, о чем-то тихо беседовавшую с Ариной и Ириной. Они сидели на диване в гостиной. Там на длинном столе со свисавшей скатертью были разложены пустые тарелки и вилки. В кухне ждали своей очереди заполненные съестным салатницы и пиалы. Я понял по обрывкам разговора, что Арина жаловалась на одолевавшие ее страхи.

-... слышу глубокий-глубокий вздох в спальне... И кошка выскочила оттуда, как ошпаренная... Ну ладно, мне, может, слышалось. Но кошка-то... Ей - тоже слышалось?.. А еще мне снилось, что она с внуком разговаривает, сидя в своей каталке. Я зашла в комнату - а мама начала таять... И не стало ее.

- Я вот что, - сказала Тося, - святой воды принесу вам на днях, и землицы в кулечке. Окропишь всё в доме. И съезди на кладбище. Землицу брось на могилку-то. Скажешь: «Прах к праху, земля к земле». И всё пройдет у тебя. Перестанешь бояться-то... Да, тяжело нам. Но сказано в Евангелии: блаженны те, кто скорбит, потому как утешены будут.

- Женя, - вдруг повернулась Арина ко мне. - А тебе ничего не кажется? Ты не боишься?..

- Да если б мама пришла ко мне хоть во сне, хоть наяву, я бы только рад был ей. Только не придет она больше...

- Да, - говорила тетка, обращаясь ко мне. - Материно благословение в воде не тонет и в огне не горит... Мама - самое дорогое, это счастье, у кого мама есть. А у нас мама рано умерла. Тятя стал воспитывать. Да много было нас - не выдержал и сам умер... Больше полувека прошло, как нет ни ее, ни тяти, а жалко, будто вчера не стало.

Глядя на Тосю, я думал, что в старости на лица людей словно бы спускается некая

благодать, они умилены старостью - лица седовласых старушек...

- А ты знаешь, Женя, - решила признаться Арина. - Мама всегда к Паше ближе была. А в последнее время стала ближе к тебе, всё для тебя старалась.

Я не стал развивать эту мысль и вдаваться в подробности. Сказал только:

- Паша моложе ведь... И потом, она старалась всегда для того, кому хуже было в данный момент. У Паши стало всё хорошо в жизни, она и переключилась на меня. А у меня разное случалось, сами знаете...

Тетка Тося неспешно принялась расспрашивать меня о наших родственниках, которых очень давно не видела, - сколько им теперь лет, чем занимаются. А потом, помолчав, произнесла просто, но с какой-то тенью растерянности и грусти, даже недоумения:

- Разъехались, выросли... Куда всё и делось?.. У Риты хоть вы есть, - сказала она о маме как о живой. - А у меня нет детей, не дал Бог. Вот и жизнь пролетела. Будто и не было ее... Мои девяносто - это совсем не так много, как может вам показаться...

Разносолы были принесены, домочадцы собрались за столом. У маминой фотографии горела тоненькая церковная свечка. Она быстро догорела. Отец подналег на водку, и, подопьянев, стал оказывать недвусмысленные знаки внимания Вере. Но она была холодна, убрала руку, к которой тянулся отец, и сидела с застывшим лицом. Мне отцовские потуги были неприятны.

Когда мы с ним оказались на кухне, я не преминул высказать:

- Нашел время!

Он, кажется, на меня чрезвычайно разозлился. Арина, наблюдавшая этот процесс, позднее заявила мне не без некоего скрытого экспериментаторства:

- А если бы ты был на его месте, разве не так бы себя вел?.. Святоша, тоже мне, нашелся! Все вы одинаковые.

- Не тебе решать, как бы я себя вел, - отрезал я в сердцах.

Женщины убрали посуду, вымыли ее, свернули скатерть. Ушла Вера. Ушла тетка Тося, постукивая батоном, облачившись в заношенную полуистертую шубу да обув старомодные боты. Стало совсем тихо. Мы с женой еще сидели некоторое время на кухне.

- Так жестоко и несправедливо, - размышляя, произнесла она. - Вот эта старушка, тетя Тося, до сих пор вспоминает своих мать и отца, а их давным-давно нет... Жизнь так несовершенна...

10

Бережно перебирая забытые бумаги, я обнаружил мамино письмо, адресованное нам с отцом, когда мы отдыхали в деревне. Она тогда только что родила моего брата и еще лежала с ним в роддоме. Письмо было такое жизнерадостное, светлое, легкое... Как будто мама была самым счастливым человеком на свете. Еще бы - у нее родился сын... И она ведь была в то время почти ровесницей мне теперешнему.

Это она выучила меня, пятилетнего, читать и писать, она читала книжки, пела песни, сама еще совсем юная, худенькая. Я хныкал, но постигал нелегкую магию слов... Это она все школьные годы проверяла мои домашние задания. Поняв мои наклонности, устроила меня в студию художественных промыслов. Студия прогремела на всю страну, и как-то раз лучших из лучших решили отправить на телепередачу в Москву. Я не попал в их число и очень огорчился. Мама видела, как я расстраивался. И вдруг в последний миг руководитель сообщил, что и меня включают в делегацию как достойного, хотя и очень молодого пока участника коллектива. Так сказать, авансом, который, он надеется, я непременно оправдаю... Я был на седьмом небе от счастья.

Однажды, спустя годы, мама созналась: - Помнишь, как ты тогда радовался? А помнишь, что сказал мне? «Мама, я понял, что Бог есть: я буду выступать!..» Так это я позвонила тогда директору и упростила взять тебя на передачу, а тебе о моей просьбе ничего не сообщать... Так что Бог-то, оказывается, - мама...

Вспомнилось наше с женой свадебное путешествие по Черноморскому побережью, завершившееся в Одессе у родственников, о котором я уже упоминал. Вернувшись домой, мы жили какое-то время у родителей жены (было лето, и те пропадали на даче). Маме было, конечно, скучно в одиночестве, она часто звонила после обеда нам домой, особенно по субботам и воскресеньям. А у нас по обыкновению был в это время «тихий час». Да и не до нее нам было. «Ну вот, трезвонит кто-то. Мама твоя, наверное», - с нескрываемым неудовольствием говорила Ирина.

Господи, что бы я отдал, чтоб дождаться сейчас того звонка!.. А его больше никогда не будет. И я тоже больше не возьму трубку, не наберу домашний номер и не спрошу: «Ну как дела, мама?..»

Еще она любила песню «Поговори со мною, мама». Мне эта песня не нравилась, я ее даже терпеть не мог, и когда мама просила не шуметь, когда слушала ее, я, молодой дурак, даже подсмеивался над ней в душе. Недавно я услышал эту песню, и такая боль легла на сердце! Теперь-то я начинал догадываться, что могла думать мама, слушая ее...

Бессвязные эпизоды прошлого роились, как падающие хлопья январского снега. Вспоминалось разное, хорошее и плохое. В том числе и то, как вольно или невольно мы причиняли маме неприятности. И становилось стыдно за себя и больно за нее, хотя теперь-то ей уж точно всё равно. Вот так, ушел человек, и оказалось, вся земля опустела.

В повести писателя Яшина я наткнулся на страшные по своей сути слова: «После смерти матери жить детям стало гораздо легче». Не хочу вдаваться в то, что называют авторским замыслом. Ледяным холодом и глухотой веет от самих этих слов. Мне после смерти матери жить стало пусто и жутко. Какие-то материальные улучшения - ничтожная пыль, о которой и думать-то оскорбительно для души, если она только есть. Потерян самый близкий человек, с кем можно было поделиться самым сокровенным, - чем его заменишь?! Кто порадует за меня, как она? Кто будет расстраиваться из-за моих неудач? У кого найдешь такое тепло и сострадание? Никому нет дела... Я по-прежнему мысленно разговариваю и делюсь с ней своим, и отчаянием обдаст от того, что она мой молчаливый монолог никогда не услышит. Невозможно уместить в сознании, что ее больше не существует.

Я старался понять свое состояние после смерти мамы и ни с чем не мог его сравнить: меня придавило тяжестью?.. Я лишился рук, ног?.. Части души?.. Силы к жизни и интереса к ней?.. На самом деле я потерял самого себя. Вот так в детстве будущее представляется бесконечным прекрасным праздником, а потом кто-то грубо и безжалостно вырывает с корнем твои представления и мечты...

Несколько лет назад произошел случай, когда жизнь моя висела на волоске, смерть была неизбежна, и я ничего уже не мог предпринять. Мне повезло, я избежал самого плохого. Но запомнил эти секунды навсегда. Так вот, теперь твердо скажу: собственная смерть - ничто. А смерть мамы не способен вместить ни один сосуд. Вот она, всегда живая в моей душе, живет других живых - умерла?! Это невыносимо, это в высшей мере странно. И никто не поймет мое состояние, если его самого не коснется черная рука судьбы.

В маме я всегда находил доброту и сопереживание. В отце - здоровый интеллектуальный анализ, сдобренный весомым жизненным опытом. И в общении они дополняли друг друга, для меня они были чем-то единым целым. Сейчас же стало совершенно очевидно, что «интеллектуальный анализ» без маминого самопожертвенного сочувствия ничего не значит. Без мамы, беззащитного, бесконечно доброго человека, всё, на чем держалась радость жизни, оказалось разрушенным. Как же счастливы те, кто прожил до глубокой старости со своими родителями! Но вряд ли они поймут это, ибо всё познается в сравнении, а им сравнивать не с чем.

Наверное, у каждого иногда всплывают в памяти теплые, смутные видения из раннего детства, в которых были добрые тетушки и дядьки, что тебя окружали. Этих людей уж нет, да и собственная жизнь, кажется, прошла наполовину. Уместились на ладони и проскользнула - маленькая, крохотная и до отчаяния короткая... Я живу в мире, где мертвые помогают жить живым. И чувствую неискупимый долг перед ними (какое громкое слово «долг»!). Долг - который им вовсе теперь не нужен. Потому что мы - лишь мимолетное передаточное звено в бесконечной, придуманной искусственным разумом логической цепочке. Временные пришельцы в непрерывном потоке людей, которые на миг попадают в луч света, чтоб осознать достоинства и несовершенства мира, и опять неумолимо погрузиться в темноту... Человек приходит в этот мир беспомощным и нередко покидает его таким же. Счастлив тот, кто избежит этой участи. Так думал я, глядя на своего годовалого племянника, и жизнь представлялась мне глубочайшей трагедией, потому что и этот крошка, пройдя дорогу поражений и исканий, растворится в забвении.

Уже много дней подряд со дня смерти мамы я засыпал с одним и тем же тяжелым

чувством опустошения, растерянности и неизбежного ощущения бессмысленности собственной жизни, и человеческой жизни вообще. А иногда это чувство превращалось в тревогу, похожую на ту, которая появлялась, когда я долгие дни не видел маму, пока она была жива. Хотелось поговорить с ней, узнать ее мнение. И почувствовать тепло и сострадание, которого теперь уж не дождешься ни от кого. В такие минуты я мысленно разговаривал с ней и в своих решениях словно бы слышал ее напутствие, ее голос. Это делало меня сильнее. И тогда начинало казаться, что она и впрямь где-то рядом, просто ушла на время, но скоро непременно вернется.

Но потом - внезапно - ощущение ее близкого присутствия прошло. Это случилось на сороковой день после того, как она оставила нас.

Я родился в атеистическом обществе и, к сожалению, был далек от следования христианскими традициям и верованиям. Согласно церковному преданию, после земных испытаний и мытарств на сороковой день душа обретает место упокоения в Вечности. И то, что именно на сороковой день я кожей почувствовал, как живое ее тепло покинуло меня, потрясло. Я понял, что мамина душа улетела в мир, где отсутствует время, и здесь, со мной, ее больше нет.

А дни шли. Отец тяжело вздыхал, наблюдая, как невестки роются в ящиках шкафов, безжалостно выбрасывая памятные для него вещи, как хозяйничают в его доме, как разрушается постепенно этот очаг, обретая иной, чуждый ему уклад. Теперь он переселился в проходную комнату, и такая участь ужасно удручала его. Несмотря на его отношение к маме, я однажды подумал: а ведь он сейчас, после её смерти, в принципе стал жалким, потерянным человеком. И постепенно со смертью мамы сгладилось и мое отношение к нему.

Вскоре он связал себя узами брака с женщиной моложе себя на двадцать один год, к которой и ушел, несомненно, улучшив наши жилищные условия. Забегая вперед, скажу, что жил он с ней вполне счастливо еще ровно пятнадцать лет. По старой армейской привычке ежедневно обливался в душе ледяной водой, делал зарядку и всегда с гордостью говорил: «Я умру стоя!» Справедливости ради следует сказать, что он и впрямь, выйдя на пенсию, ни одного дня на ней не находился, продолжая работать. Но однажды, собравшись на службу, упал в прихожей, сраженный инсультом, в одночасье превратившись в беспомощного лежачего инвалида. «Молодая» тут же оповестила нас с братом, что «такой» он ей больше не нужен. Отца мы забрали на старую квартиру, но пожил он совсем немного.

11

Сегодня я проснулся с удивительно добрым и радостным ощущением полноты жизни. Это было оттого, что спал я тем очень глубоким сном, когда всё, что видится, воспринимается как реальность, и снятся не только образы, но и чувства. А снилась мне мама, как я рассказываю ей что-то о своих подвижках на работе, и она, как всегда, радостно кивает мне. А мне хочется еще поделиться достижениями с отцом, и я намереваюсь пойти к нему.

Этот день и впрямь был знаковым для меня - ведь я собирался поехать в роддом,

чтобы забрать жену с новорожденной дочкой, которую еще не видел.

Я сел в троллейбус. Салон был полупустой. Неожиданно ко мне подошла незнакомая женщина и спросила:

- Ваша мама не Маргарита Ильинична?

- Да. Но она умерла, - растерянно ответил я.

- Я знаю, - ответила женщина и добавила: - Золотой человек была ваша мама.

- А вы кто? - спросил я.

- Это не важно, - произнесла она и вскоре вышла на остановке, скрывшись за распахнувшейся дверью.

Золотой человек... Да, она была им. Не про всякого такое скажут...

Я стоял в вестибюле роддома с букетом цветов. Наконец появилась улыбающаяся жена с белым сверточком, отгнула пеленочку. Я глянул на личико дочки, и тут меня что-то кольнуло, даже испугало сначала, но потом несказанно обрадовало: девочка смотрела на меня точь-в-точь материнскими карими глазами. Это была маленькая мама! Мама была жива!

Потом мы ехали на такси, а дома ждали приятные перемены и хлопоты.

Бежали недели. День за днем девочка подрастала и уже узнавала меня, каждый раз махая ручками и как-то по-особенному радуясь, когда я «агукал» с ней. И тогда я понял: всё светлое, что было оставлено в прошлом, ещё вернётся ко мне.

1988 г., 2023 - 2024 гг.
г. Вологда

Наталья Мелёхина

Наталья Мелёхина - прозаик и критик из Вологды. Родилась в маленькой деревне Полтинино Грязовецкого района, окончила факультет филологии, теории и истории изобразительного искусства Вологодского педагогического университета. Сотрудник вологодской газеты «Вологда-РФ». Лауреат нескольких литературных конкурсов.

Автор семи книг прозы, в том числе документальных исследований о героях Великой Отечественной Александре Панкратове и Сергее Орешкове. Некоторые рассказы Н. Мелёхиной переведены на китайский и арабский языки. Прозу Натальи Мелёхиной не раз публиковал «Вологодский ЛАД».

Вологодская писательница Татьяна Андреева (кстати, тоже многолетний автор нашего журнала; подборку её новых рассказов читатели найдут на стр. 46 текущего номера) считает: «Феномен писательницы Н. Мелёхиной состоит прежде всего в том, что у неё есть своя планета под названием «Планета детства». Есть она у каждого человека, но не каждый любовно и бережно хранит её в памяти, берет оттуда жизненные и творческие силы. Для Натальи это неисчерпаемый источник вдохновения. Там, в деревенском детстве, прошли самые счастливые годы, отмеченные вполне взрослым трудом и заботами, но в то же время наполненные самым главным для духовного становления человека и развития его творческого потенциала - родительской любовью, вниманием, помощью, дружбой братьев, других родственников и односельчан. В каком-то смысле каждая деревенская семья в те годы была отдельной планетой - автономией, включающей большой дом, хозяйство, огород и скотину... Большой русский космос включал тогда множество таких планет, населённых «народами» со своими традициями, обычаями, культурой и языком. Счастлива Н. Мелёхина: ей есть о чем думать, а не придумывать, писать, сохранять ставшую историей память для новых поколений жителей России, к сожалению, по большей части утративших свои планеты...»

Улитки

Посвящается Надежде Залесовой

Пока ты мал, для тебя открыты иные миры, а когда вырастаешь, забываешь, как в них попасть. Когда-то мне было достаточно опустить руку по локоть в тёплую проточную воду, чтобы дотянуться до иной вселенной.

Мы сидим с подругой Надей на лавине через речку Полтинку, а под прозрачной гладью живут своей жизнью зелёные джунгли. Они раскрываются перед нами, как неведомая планета перед первопроходцами. К зелёным стеблям бо-

лотного хвоща приклеились чьи-то прозрачные длинные личинки. До сих пор не знаю, как они называются. Извиваются в иле пиявки. Где-то под берегом затаились рыбы-вьюны, похожие на маленьких змей. На глубине спят ленивые в жару караси и дремлют в тени под ивой шурята-молнии.

Мы ловим улиток-прудовиков. Рассматриваем их. Мы исследователи. Выхватываем их из воды, гладим спирали раковины, трогаем мускулистую скользкую ногу, с помощью которой улитки передвигаются. Мы боги! Хозяйева этой маленькой подводной вселенной. Казним и милуем по своему капризу подводный народ. Приговорили пиявку к смерти за то, что на наших глазах она совершила убийство - съела червяка. Добро и зло так однозначно в детстве: съевший - убийца, съеденный - жертва. А то, что убийца-хищник умрёт, если не будет питаться, мы, судьи, не знавшие смертного, дикого голода, не принимаем во внимание.

Без всякой волшебной палочки воображение превращает Полтинку в подводную Амазонку. Мы выдумываем небылицы про огромных пиявок. Мол, они живут в мелиоративной трубе под дорогой и так огромны, что могут враз выпить всю кровь из человека. О, дети рода человеческого! Кто бы тогда знал, что нет ничего такого в наших головах, чего бы уже не выдумал Бог. Спустя годы, повзрослев, я узнаю, что в Амазонке и в самом деле обитают гигантские пиявки - клепсины, нападающие иногда на коров и способные убить человека.

Надя рассказывает мне про реку, которая больше, чем Полтинка, больше, чем Дамба, больше, чем Комёла, и называется эта река Северная Двина. Надя живёт в Архангельске и приезжает в деревню только на каникулы. Во время учебного года я пишу ей письма. Пишу, надо сказать, весьма лениво, потому что не люблю

я водить ручкой по бумаге, и русский - не самый мой любимый предмет в школе. Я люблю природоведение. Мечтаю стать путешественником, отважным моряком или охотником. Я читаю о них в журналах, которые выписывают мои братья: «Охота и охотничье собаководство», «Природа», «Охотничьи просторы», «Вокруг света», «Юный натуралист». Я мечтаю, что и обо мне однажды напечатают статью или рассказ на их страницах.

Летят мои послания в Архангельск на улицу капитана Хромцова, где в моем представлении живет и сам отважный полярник, а иначе почему бы она так называлась? Конечно же, у капитана есть там квартира, и прямо за улицей его имени начинается Арктика. В тулупе и шапке-ушанке выходит с утра капитан Хромцов на работу. Он уже старенький, давно на пенсии, и потому больше не бороздит на могучем корабле арктические воды, а мирно бредёт через глубокие архангельские сугробы на почту, где теперь и работает. Сменив капитанскую фуражку на картуз почтальона, он доставляет мои письма Наде.

Я скучаю по ней всю осень, зиму и весну, а ближе к лету одолеваю вопросами её бабушку и дедушку: «А скоро Надюшка приедет?» Детей в сельской округе так мало, что каждый друг и подружка наперечёт, каждый - особая ценность. Сейчас мне кажется, что приезда Нади ждала вся наша деревня. Он словно открывал дверь в лето, а наши совместные игры напоминали старикам лучшие годы Полтинина.

На посиденках бабушки и дедушки рассказывают про деревню небылицы и сказки. В их рассказах не то что иной мир, а иная эпоха! Мол, когда-то в речке Полтинке купались, а не только полоскали белье. Мол, когда-то в поле стоял магазин, а в доме, где живут Надины бабушка и дедушка, работал клуб. «Там и театр был! И отец твой Гамлета играл!»

На месте, где теперь кружевная, стояла изба, а в ней жил конокрад. Все в округе его подозревали, что уводит чужих лошадей, однако не пойман - не вор, коней-то на его дворе ни разу не выдввали, но слышали иногда их ржание. Придут проверять: ан нет лошадей! И только когда конокрад умер, раскрыли его тайну: в избе он обустроил двойные стены и между ними прятал сведённых лошадок. «Раскастили его дом по бревнышку, а на его месте и построили кружевную!» Под брякоток бабушкиных коклюшек рисует мое воображение кружевной узор: вот плетешок-дорожка, вот насновки-цветочки, вот идёт по плетешку лихой нитяной конокрад, гонит табун кружевных лошадок в кружевную избу, и смотрит на него с небес кружевной месяц.

Сказывали старики, что на месте Дамбы били боготы: Мужичий, где мужики купались, Бабий - для женщин, Ржавчик - с ржавой водой и Ключик - с ледяной. И вот однажды грянула такая гроза, что днем сделалось темно, будто ночью, ударила молния, и с неба упало облако между боготов. «Было оно как кисель на вкус, а холодное, что те мороженое. Вся деревня домой его таскала, кто в ведрах, кто в чугунках, кто в кринках! Все тогда наелись небесного киселя!»

«А во что играли дети?» - задашь вопрос и погружаешься в поток полтининских преданий. «А вот варили мы варенье. Пойдем на Васильевское болото, наберём черники. Или на Лупочинские малинники. Каждый ягожник берёт с собой по куску сахару. Мальчишки теплину разведут, выстругают из щепок лопаточки, а мы, девчонки, на теплине в котелке ягоды с сахаром сварим, потом садимся исти все вместе. Весело!»

Живут в Полтинке не только люди, а ещё коровы и курицы, овцы и козы, кошки и три собаки: Умка, Пальма, Каштанка. Говорят,

детство - это когда твоя собака или твой кот старше тебя. Да, в те годы все коты и собаки в нашей округе прожили и повидали на белом свете больше, чем мы с Надей.

Серая престарелая Умка обладает тихим нравом. Она принадлежит дяде Лёне Гоголину, который не умеет читать. Со всем не умеет - ни единой буквы не знает, и когда почтальонка приносит пенсию, то в ведомости он ставит крестик. Ласковая красавица Пальма - это собака Нади, а мою зовут Каштанка.

Эта кличка ей совсем не подходит. У Чехова Каштанка - небольшая собачка, а у нас - помесь московской сторожевой с каким-то неизвестным волкодавом. Черно-белого цвета. Однажды Каштанка гуляла в поле, а соседи решили, что это у нас из сарая сбежал телёнок: издали приняли её за бычка.

Каштанка трудилась с утра до вечера - пасла бабушкиных овец, охраняла хозяев и нянчилась с детьми, причем педагогом была суровым, но заботливым. Хочется искупаться в глубоком пруду - она оттаскивает за штаны, пойти в соседнюю деревню - она плетется следом, познакомиться с ребятами постарше - она встречает их рыком. В округе так ее и звали - Нянька.

Наде особенно повезло. У её дедушки живет игривый поросенок. Иногда дедушка выпускает его из стайки, и поросенок радостно носится за нами по зауку. Мы визжим, будто соревнуемся с поросёнком, кто громче, и запрыгиваем на доски, сложенные штабелем для просушки.

Летом целые дни от утра и до вечера мы проводим на улице, за исключением особых часов и минут: эти временные порталы обведены синими шариковыми ручками в телепрограммах. Нырнёшь в киномир, а там Алиса пытается вернуть миелодфон, Настенька попадает в терем Деда Мороза, Электроник хочет стать человеком, варзает Буратино, и постоянно идут фильмы про Великую Отечественную войну.

Мы смотрим их, а потом играем «в пленных разведчиков». Падаем в высокую траву, заложив руки за спину. Это значит, что нас поймали и будут пытать, но мы стойкие воины, мы не выдадим своих. Ни за что! Даже под страхом расстрела. И когда нас расстреливают наконец, игра заканчивается, и бабушки зовут нас обедать.

Героев кормят куриным супом с вермишелью, поят чаем с печеньем и, если очень повезёт, награждают за подвиги конфетой «Петушок - золотой гребешок». Это лучшая в мире конфета, потому что, если растопить её в тёплой руке, то можно вообразить, что подтаявшая начинка - это мороженое, и ей-богу, она начинает холодить нёбо, совсем как небесный кисель из рассказов стариков. Они помнят не только облака на вкус, но и рецепты военных лет: варёные макушки, колобушки из колоколины, гигелья, корни рогоза. В поле бабушка учит меня: «Будет голод, у гигельев бери верхний росток! Он самый вкусный! Можно и на зиму засушить!»

Вечером в Полтинке всё смолкает, как в песне-заставке перед «Спокойной ночи, малыши».

*Спи, моя радость, усни!
В доме погасли огни;*

*Пчелки затихли в саду,
Рыбки уснули в пруду.*

В пруду уснули не только рыбки, там почивает принцесса: мы с Надей как-то поймали её за косы - зелёную ряску, но вытащить не могли на берег и подарили ей туфельки из синих цветков под полтининским названием «тапочки». Оторвёшь им два лепестка - и в самом деле получаются башмачки с усиками-шнурками.

Укладывается в постель Мазега - царь колодезного царства. Затихают берёзы, ели и сосны, посаженные нашими предками задолго до нашего рождения. Дремлют собаки и кошки, овцы и козы, коровы и поросята. Забираются на насесты петухи и курицы. И только мальки-щурята гуляют в речке, только лисы и волки рыщут вокруг Васильевского болота. Тишина стоит над полтининскими мирами - земными и небесными.

Не подскажите, люди добрые, как в них вернуться из дальнего путешествия? На самолёте? Поезде? Автобусом? На машине? На ледоколе капитана Хромцова? Верхом на лихом кружевном коне, конечно же, краденом? Или на улитке из тёплой речки: может, она мигом подбросит до той самой нагретой солнцем лавины?

Ольга
Васюкова

Ольга Михайловна Васюкова живет в Алчевске - городе в Луганской Народной Республике, побратиме Вологды. «Писать начала, когда вышла на пенсию», - рассказывает Ольга Михайловна. Она пробует себя в разных жанрах. «Луганщина» - это попытка изложить своё понимание истории родного края со времени крепостного права до наших дней, причем история показана не через официальные факты и цифры, а через людские судьбы. Герои романа в рассказах - это и реальные люди (например, первый маршал нашей страны Климент Ворошилов), и выдуманные персонажи; обо всех написано живо, убедительно. «Луганщина» продолжает реалистические традиции классической русской литературы. К сожалению, у нашего журнала нет возможности опубликовать текст полностью, его объем - 10 авторских листов, это примерно две трети объёма номера «Вологодского ЛАДА». Представляя читателям несколько глав произведения нашего автора из города-побратима, редакция надеется, что Ольга Михайловна найдёт издателя своей прозы. Кстати, пишет пенсионерка из Алчевска много: у нее есть и проза для детей, и фантастические рассказы...

О нашей жизни вчера и сегодня

Главы из романа в рассказах «Луганщина»

ПРОШЛОГО НЕТ

*О тени прошлого,
как властны вы над нами!*
Валерий Брюсов

Прозвучал последний аккорд, испуганно тенькнула струна.

На стену, на гвоздь повешена гитара.

Худощавой, с дряблой кожей, но всё ещё аристократичной рукой она по привычке пододвинула к себе пепельницу.

Но в последний момент спохватилась: рядом сидели мы, девчонки-заочницы, которым она сдавала квартиру.

Курить женщине, даме, неприлично.

В годы своей юности я училась на заочном отделении техникума в одном из южных городов России.

Старинный замкнутый дворик, увитый виноградом. Вход через арку, которая на ночь перекрывалась пронзительно скрипящими воротами. Деревянные, стёртые сту-

пени, ведущие к небольшим квартиркам с балконами из того же дерева, балконами, заставленными цветочными горшками с давно увядшими цветами, стеклянными банками, кастрюлями, ненужной мебелью, балконами с вечно сохнущим бельём.

Дворик этот, словно улей, в дневное время был заполнен жильцами, знающими исключительно всё о соседях, их родственниках, соседях родственников - и, естественно, о нас, квартирантах.

В ночное время на смену людской суете приходили тараканы. Рыжие бестии, с комфортом живущие за обоями, в полах и щелях деревянных домов, сновали и шуршали исключительно везде.

Нонна Карповна, сдававшая нам квартиру, не была одинокой. Её муж, Андрей Никифорович, лежавший на кровати в отгороженном занавесками углом, был полностью парализован.

Мало того, он был немым от рождения.

Рано утром, когда перед занятиями мы готовили студенческий завтрак, в углу, за занавесками, тоже происходило движение.

С ворчанием и тягостными вздохами Нонна Карповна меняла постельное бельё «Андрюшке».

Памперсов тогда ещё не было, и руками, созданными природой для ношения колец и браслетов, наша квартирная хозяйка мыла немощного мужа, меняла ему бельё, а позже, после нашего ухода на занятия, стирала и вываривала.

Вприпрыжку - молодость! - мы неслись на занятия.

Нонна Карповна оставалась дома одна.

Варила манную кашу хворому мужу, немудрёную пищу себе, занималась стиркой, уборкой своей комнаты.

Комната Нонны Карповны (отгороженный угол мужа находился на кухне) была тесно заставлена старинной мебелью, с большим количеством антикварных статуэток, салфеточек, вышивок.

Тяжелые шторы из бархата прикрывали узкое окошко, смотрящее в такой же древне-балконно-деревянный двор.

Когда хлопоты по дому были закончены, Нонна Карповна выходила во двор, соизволив благосклонно и снисходительно посудачить с соседями, или же, надев костюм, состоящий из тщательно выглаженных блузки, юбки, жакета, отправлялась на рынок.

Поход любого пенсионера на рынок - это маленькое событие, а поход на рынок южного города - это торжественный выход!

Остроносые туфли на невысоком каблучке, волосы, уложенные по-особому, не как дома, несколько колец и колечек на некогда холёных руках... Нонна Карповна шла не только закупиться, но и себя показать!

И всякому, кто видел в этот момент Нонну Карповну, идущую с прямой спиной и надменно приподнятым подбородком, было понятно: идёт ДАМА!

Не всякий раз после занятий мы спешили «домой». Иногда, на минуту забежав на квартиру, чтобы оставить тетради, мы отправлялись в кино.

Как раз в то время появилась новинка: трёхмерное кино. В специальных очках мы в первый раз просмотрели фильм «Знахарь».

Примерно раз в три-четыре дня ходили на переговорный пункт. Звонок можно было заказать через телефонистку и ожидать вызова внутри помещения. Но это была о-о-очень долгая история, поэтому мы звонили с таксофонов на улице.

Туда тоже стояла длинная и скандальная очередь. Слышимость практически всегда была плохой. Выработанная нами система, чаще всего, состояла в следующем: услышали мы голос родственников - значит, у них всё в порядке. Услышали и они нас - значит, и мы живы-здоровы!

Переговорный пункт на юге - это нечто. Особенно в вечернее время.

Приходили на переговоры жители города, не имевшие телефона.

Приходили командировочные, студенты, молодёжь.

Приходили на переговорный пункт и те, кто совсем не собирался никуда звонить.

Регулярно и умело вычищались карманы и сумочки тех, кто потерял бдительность.

Командировочные частенько, поговорив по телефону, посматривали по сторонам: с кем бы провести вечер?

Дамы-профессионалки, с подстраховывающими их издали крепкими мальчиками, оценивающе посматривали на публику, на тех же командировочных: насколько они платёжеспособны?

Глупые девочки, ищущие приключения на разные части своего тела, тоже стреляли глазами по сторонам.

Приходили и те, кому в этот вечер было просто нечего делать, приходили поглазеть на пёструю и разношерстную публику.

Изредка проезжал милицейский патруль. Да, переговорный пункт на юге вечером - это было нечто!

Бывало, вернувшись на квартиру, мы сидели за конспекты. Бывало. Но не всегда.

Поскольку мы были заочниками, то многое из того, что нам преподавали, мы уже знали по работе, на практике. Остальное старались запомнить на занятиях.

Иногда, увидев, что Нонна Карповна пребывает в хорошем настроении, покупали пряники или печенье и шли к ней почаёвничать и поболтать.

Ко всякого рода этикету хозяйка подходила строго. Пили чай не просто из стаканов или простых чашек. Из буфета доставался чайный сервиз, в вазочку выкладывалось принесённое нами печенье, неторопливо наливался чай.

Позже на покрытый бархатной скатертью стол выкладывались карты.

Некогда изящными пальцами с длинными ногтями, неторопливо и вальяжно

Нонна Карповна раскладывала карты, раскрывая прошлое, утверждая настоящее и предвещая будущее каждой из нас.

Выходившая в домашнем халате только по утрам, Нонна Карповна была всегда одета в чистое строгое платье с белым кружевным воротничком.

И чувствовалось в ней что-то этакое, утончённое, - ПОРОДА.

Пальцы перебирали аккорды на гитаре, звучал романс.

И, возможно, сама того не подозревая, поглядывала она на нас, девчонок, с её точки зрения, пролетарского происхождения, несколько свысока, снисходительно-презрительным взглядом.

Такие вечера вызывали на откровенность. Именно в такой вечер Нонна Карповна рассказала, что была она потомственной дворянкой, которую во времена нэпа родители выдали замуж за простого, к тому же немного парня. Просто, но работавшего на сытном в то сложное время месте. Андрей Никифорович был мясником.

Простолюдин, немой, никогда не любимый, он обеспечил своей высокопородной супруге сытую, беспроблемную жизнь, тогда как её некогда чванливые подружки мыли полы в кабинетах чиновников.

И всё же - он был всегда нелюбим. И всегда был на втором месте. На первом, на протяжении всей жизни, был другой...

Подошла старость... Подошла старость.

И вот лежит не слышащий, парализованный Андрей Никифорович в углу на кухне за занавесками, а Нонна Карповна в своей комнате, на столе, покрытом бархатом, задумчиво раскладывает пасьянс...

Тот южный город был богат для меня на всякие «пророческие» сновидения.

И снится мне в наш следующий приезд, что хворый Андрей Никифорович поднялся со своей постели и в белой ис-

подней рубашке, упёршись руками в обеденный стол, молча и задумчиво рассматривает что-то видимое и понятное только ему, Андрею Никифоровичу.

- Умрёт Андрюшка, не иначе! Сегодня умрёт! - призадумалась Нонна Карповна после того, как рассказала ей сновидение.

Вернувшись вечером с занятий, обнаружили полную квартиру соседей и знакомых людей.

Андрей Никифорович умер.

Прошло ещё полгода. И снова сессия. Снова на квартиру к Нонне Карповне.

Дверь нам открыла старушка. С нерасчесанными волосами, в потёртом, неопрятном халате.

Нонна Карповна!..

Исчез из жизни Нонны Карповны строгий порядок жизни, с подъёмом в определённое время, с уходом за больным мужем, с необходимостью тщательной уборки квартиры - замужня дама! - с внимательным отношением к своей внешности (больной муж, а как выглядит!), ушло что-то важное из её жизни...

Ушёл нелюбимый муж, и оказалось, что жизнь потеряла смысл...

***

Утверждают, что времени нет. Прошлого нет...

А значит, стоит снова приехать в тот южный город, выйти из дребезжащего и тенькающего трамвая, через несколько шагов свернуть направо, и ты войдёшь в знакомый дворик.

Дворик с деревянными ступенями, с непрерывно галдящими, ссорящимися, смеющимися соседями... И, постояв некоторое время, ты увидишь, как, тщательно заперев за собой дверь, надменно приподняв голову, мимо тебя прошествует старая величавая дама...

Прошлого нет...

ВСЁ ПО СОВЕСТИ!

Каждый год, в этот Великий день, день 9 Мая, в любую погоду, теперь уже совсем поредевшей и всё уменьшавшейся группкой они, ветераны, собирались в сквере, возле Вечного огня. Вот и сегодня, ещё и восьми часов не было, как, тяжело передвигая отёкшими ногами, Анна Николаевна потихоньку двинулась в сторону городского сквера. Одной рукой она опиралась на палку, в другой несла завернутый в газету букет сирени.

В сквере, залитом весенним солнцем, заполненном сотнями горожан, которым, по сути, подарили жизнь они, ветераны, переждав, когда людской поток двинется дальше, в сторону площади смотреть парад, держа в старческих дрожащих руках скромные букеты, они медленно пойдут к Вечному огню, огню своей молодости, огню скорби, огню памяти...

На обратном пути, если ещё позволяли силы, Анна Николаевна заходила к соседям, всегда читавшим и по мере возможности отмечавшим этот Великий день.

Отдышавшись от ставшего для неё тяжёлым пути, немного подкрепившись, рассказывала:

- Победу я встретила в Германии, восемнадцать лет мне было... Перед этим курсы телефонисток закончила. Тогда многие девочки так поступали... Просились на фронт, хотели помочь Родине... Так вот, закончила я, значит, курсы эти, присягу приняла, а война уже к концу шла, бои были в Германии. Боялась, что на меня «войны не хватит»! - улыбалась Анна Николаевна. - Служу, значит, стараюсь, а сама ж молоденькая ещё, опыта никакого...

Как-то в блиндаже одна была, а перед этим наши взяли очередной немецкий город. Звонок, зуммер раздаётся. Отвечаю, как положено: такая-то и такая, значит.

- Сталин говорит! - тихий спокойный голос раздаётся из недр наушников. - Доложите обстановку!

- Товарищ Сталин! - насколько позволял потолок, вскочила с места, - товарищ Сталин, нашими войсками взят город ***!

- Хорошо! В котором часу взят город***?

- Точно не скажу, но город взят утром, товарищ Сталин!

Молчание.

- Доложите своему командиру, что вы не владеете оперативной обстановкой!

Так я и осталась стоять посреди блиндажа...

Доложилась.

Командир долго молчал. Штрафбатом пахло, а я ж только служить начала...

Связался с соседним батальоном.

- Тебе телефонист нужен? - спрашивает соседа.

Намёками обрисовал обстановку.

Так, до самого конца войны, перебрасывали меня с места на места, держа на самой передовой, где всё каждую минуту двигалось, менялось, где найти какого-то определённого бойца подчас было сложным делом.

Благодаря командирам, понявшим, в какой я переплёт попала, благодаря их помощи и дослужила до конца войны, до Победы... Ещё и награды имею!

Анна Николаевна приложила руку к левой стороне груди, к медалям.

- Анна Николаевна! - не сдержался кто-то из соседей, - а обида-то осталась? На Сталина обида осталась? Молоденькая девчонка - и так жёстко?

Вилка замерла в задрожавшей руке:

- Обида? На кого, на товарища Сталина?! Так я ж сама виновата! Конечно, наказания избежать хотелось, это понятно, но виновата я сама - службы не знала, а ведь ему, Сталину, всё знать надо было, в его руках страна была, наши судьбы!

Взволнованная Анна Николаевна отодвинула тарелку:

- Он же и сам отец, отец солдата! Сына ведь не обменял на немца, на Паулюса это-

го, а легко ли это, сын ведь! Потому имел право и с других спрашивать! Какая уж тут обида! Всё по совести!

Первый раз в соседской жизни обиженная глупым вопросом, Анна Николаевна, тяжело налегая на палочку, вскоре отправилась домой. Стучала по дороге палочка, и пока было слышно, раздавался взволнованный голос:

- Да какая ж обида? Сама кругом виновата! Он же за нас за всех в ответе был! Сам отец! Всё по совести!

НОСТАЛЬГИЯ

Ностальгия - радостные воспоминания о родине или прошлом.

Как-то, в конце лета, ехала я с рынка.

Рядом со мной сидела женщина с сумками. Она везла купленные помидоры. Один в один. Красивые, но на вкус как деревянные. Мало-помалу разговорились. И о помидорах тоже. Вспомнили, какие помидоры были раньше. Тонкокожие, сладкие прямо. Ешь - и наестся невозможно. Ведь тогда селекция была направлена на вкусовые качества, а сейчас - на транспортабельность, чтобы можно было донести овощ хоть за тысячу километров.

В семидесятые - восьмидесятые годы всё, что нужно было городу, росло рядом, в соседних колхозах и совхозах. Поэтому в «деревянных» сортах нужды не было. Сегодня собрали в поле те же помидоры, а завтра они уже и в продаже.

В весенне-летне-осенний сезон дело обстояло так. В помощь соседним колхозам привлекались работники города. Ранним утром на городской площади выстраивались автобусы, каждому предпринятию - свой.

Забираешься в него еще как бы полусонный, слегка продрогший, если это дело было осенью.

Автобус выбирается из города, сворачивает в аграрные районы, и сонливость как

рукой снимает. Вокруг поля, залитые восходящим солнцем, дорогу окружают деревья в осеннем наряде, одно другого красивее...

А рядом - друзья-товарищи по работе...

Потихоньку начинаются разговоры, а там, глядишь, и песни затянули. Без этого, без песен, в колхоз нельзя... Конечно, тут тебе и «нэс Галя воду...», и «ты ж мэнэ пидманула», ну и, конечно, «раз, два, три, калина»... Когда пели «Калину», дело обстояло так: даже дремлющие, даже не имеющие голоса считали своим долгом присоединиться к коллективу. На «раз!» автобусик испуганно приседал, на «два!» в ужасе подпрыгивал, на «три, калина!» ошалевший автобус потерянно петлял по проселочной дороге, пытаясь обрести точку опоры!

А вот и прибыли на место назначения.

Ну, конечно же, сначала завтрак. Разбиваемся группками по четыре-пять человек и достаем «тормозки». Они заранее рассчитаны на то, что кушать будем в компании. По-другому и быть не могло. Достаются хлеб, яйца, колбаска, котлетки, картошечка и, конечно, сало! Ну как же без сала!

После трапезы каждый идет к своему рядку, если это прополка. Сначала беремся за дело с большим энтузиазмом. Рыхлим, пропальываем, прорываем, сосредоточено и старательно, ну прямо как на домашнем огороде. Прошел час-полтора. Все чаще поднимаем задумчиво голову. Да кажется, рядку и конца не будет! С сомнением посматриваем на соседний: а может, коллеге достался менее заросший или короче? Тяжко вздыхаем. Тяжел крестьянский труд! Крепко сжав тяпку, продолжаем дальше. А вот и конец! Ура, ура! Вприпрыжку к спасительному теньку под дерево.

«Так, ну вы сильно-то не расслаивайтесь! - раздается голос бригадира. - Передохните, да за второй рядок!» Вот это да! Кто бы мог подумать! Да до его конца не только дополоть - дойти невозможно! А что делать! Глаза, как говорится, боются, а руки знай дело делают!

Вот и закончена работа. Подтягиваемся к автобусу. Усталости как не бывало. Кругом шутки, смех.

Коллектив - это очень большое дело. Не все современники понимают его значение. Если ты не работал в коллективе, считай, что ты не только других, но и себя не знаешь. Только в коллективе проявляется человек, не иначе.

Бывало, пропальываешь рядок, а он такой заросший, что, казалось бы, и за час с места не сдвинешься... Глядь - а на твоём ряду, впереди, дальше, на несколько метров всё прополото! Соседи не забывают, надо - без лишних слов помогут. Так же и ты поступаешь. Отстал кто-то - молча взял тяпку, да и помог. Как это у Высоцкого:

Пусть он в связке в одной с тобой -
Там поймёшь, кто такой!

ЭРА БОРЬБЫ ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ

*Дневник - записи
о каждодневных делах,
текущих событиях,
ведущиеся изо дня в день.*

Дневник надо писать обязательно от руки, а ещё лучше - чернилами, ручкой с ученическим пером.

Тогда, пока будешь выводить замысловатый кренделёк каждой буковки, мысли твои перестанут скакать как заяц на весеннем лугу, туда-сюда, а примут понятный тебе и каждому смысл и, возможно, зацепят чье-то воображение, а то и сердце.

События 14-го года на Украине, на Донбассе, заставили, вероятно, не только писательскую гвардию, но и простого обывателя, знающего хоть немного грамоту, что-то записать в заветный блокнотик, потому как наступала новая эра, - нет, не та, что обещал вайнеровский Михаил Михайлович - «эра милосердия», а другая - «эра борьбы за справедливость».

И очень жаль, что в наши времена мы перестали писать друг другу письма, потому как были бы они для грядущих поколений настоящим откровением, дающим понимание, почему родственники, граждане одной страны, вчера ездившие друг к другу в гости, вдруг стали непримиримыми врагами.

А ещё лучше, если бы мы вели дневник, хронику тех событий, где день за днем можно было бы проследить, как некие силы, приманивающие одних «печеньками» и угрожающие другим «гiлякой», грамотно, бессовестно и неотвратимо отделяли нас друг от друга, рвали дружеские, родственные связи, ложку за ложкой вливая дeгoть в мeд и радость наших отношений.

И если бы каждый имел на руках такие письма, никто и никогда не посмел бы исказить историю, оболгав нас друг перед другом, вселяя искру сомнения в юные души наших внуков и правнуков.

КАК ПОКАЗАТЬ ВОЙНУ?

По формулировке Клаузевица, прусского военачальника, служившего в русских войсках в 1812 - 1814 годах, «война есть продолжение политики иными, насильственными средствами».

Как показать войну?

Может, обезумевшим «майданом», когда на Банковой пятнадцатилетний подросток бил цепью бойцов внутренних войск?

Или когда «коктейлями Молотова» забрасывали милицию?

Или когда в правоохранителей летели камни из разобранной брусчатки на Грушевского? А может, когда обрушили первый памятник Ленину, а на его месте установили красно-черное знамя ОУН - УПА?

А может, война - это боль Одессы? Обгоревшие трупы, простреленные головы, задушенная проводом беременная женщина? Безумный, глумливый хохот подонков?

А может, война - это Вербоное воскре-

сенье 2014 года в Запорожье? Гражданское мужество сторонников «антимайдана», окружённых беснующимся «правым сектором»? Их закидывали петардами, яйцами, камнями, но они так и не встали на колени перед мерзавцами!

Может, война - это неугодные политики, мэры городов, «по-европейски» засунутые в мусорные баки?

Как показать войну?

Первым страшным штурмовым авиаударом по Луганской госадминистрации.

Умирающей женщиной с полуоторванными, развороченными ногами, которая спокойно просит подать её сумку и помочь сделать кому-то последний звонок.

Детской коляской, залитой кровью.

Циничным утверждением, что в здании «просто взорвался кондиционер»!

Война - это станица Луганская, 2 июля 2014 года, пятилетний Ванечка, засмотревшийся на летящий над ним самолёт, который выпустил по нему, по пятилетнему Ванечке, ракету.

Как показать войну?

Лето, пустая улица, совершенно ПУСТАЯ улица.

На ней почти нет пешеходов, нет транспорта... Улица, на которой слышно эхо даже собственных шагов. Потому что улица пустая, совершенно ПУСТАЯ, как в нереальном, жутком фильме ужасов.

И вдруг! И вдруг, по совершенно пустой дороге, на большой скорости несется легковой автомобиль!

На всех стеклах, на крыше наклеены листы с надписью: «Дети!»

Семья, спешно покидающая город. В машине - дети.

Предупреждающие знаки, наивно позволяющие родителям чувствовать себя спокойнее, в надежде, что машину не обстреляют, не закидают минами.

Как показать войну?

Война - это нереально пустая улица и несущийся по ней легковой автомобиль с надписью «Дети»...

ЧЁРНЫЙ ТАНК

Мужество - спокойная храбрость, присутствие духа в беде, опасность; душевная стойкость и смелость; вообще совокупность качеств, ожидаемых от мужчины.

Они все погибли. В своем первом и последнем бою.

Пройдет время. О них напишут книги. О них будут сложены песни. Это все будет потом...

Август... Жаркий донбасский август 2014-го. Немилосердно жжет солнце.

Идет бой. Бой за подступы к Луганску.

Народные ополченцы практически без оружия. В дело идут спортивные и охотничьи ружья. С постаментов начали снимать танки, принимавшие участие в Отечественной.

Но вот у противника захвачен танк Т-64. Его удалось доставить в Луганск.

Ополченцы - это бывшие шахтеры, металлурги. Это не профессиональные военные. Они еще не умеют управлять боевыми машинами, которые так нужны! С охотничьим ружьем против тяжелой техники много не навоюешь.

Ремонтировать заглухший Т-64 некому. Танк стоит в городе. Подходит пожилой мужчина. По-видимому, в прошлом «афганец». Он знает толк в такой технике.

Проблема устранена. Но теперь нет экипажа. И взять неоткуда. А кольцо вокруг Луганска смыкалось...

Дед звонит своим друзьям. Бывшим однополчанам? И вот они уже втроем в трофейном танке. Три танкиста. Три деда. Три «афганца».

Танк спешит к Хрящеватому, в который входят войска ВСУ. Впереди идет вражеская пехота, ее прикрывают четыре танка «незалежной». Бой предстоял неравный, но иного выбора не было.

ТАНК стал посреди дороги. И первым открыл огонь.

Первый выстрел и первое попадание. Один вражеский танк подбит.

Второй выстрел - нет второго танка ВСУ.

Но танк «афганцев» стоит среди пустой дороги, на виду, без укрытия. На это не было времени. От украинского снаряда заклинило башню. Вести прицельную стрельбу нет возможности. Поэтому следующим снарядом задета только гусеница третьей вражеской машины.

Неравный бой продолжается. И вот броня пробита. Танк погиб. Погиб экипаж.

В первом и последнем бою.

Не дрогнув. Не отступив. За родную землю. Так и оставшись безымянным.

Подоспело ополчение. Перешли в наступление. Танк выиграл на это время.

Он покрашен в черный цвет.

На нем всегда живые цветы.

«ЧЁРНЫЙ ТАНК».

Он навсегда перекрыл врагу подступы к Луганску. На все времена.

Проезжая мимо, остановись.

Поклонись.

Здесь стоит «ЧЁРНЫЙ ТАНК».

14-Й

Осада - длительная военная операция, часто в форме блокады города или крепости с намерением захватить данный объект последующим штурмом или заставить гарнизон капитулировать (сдаться) в результате истощения его сил или других обстоятельств.

Сердитый ветер рвёт плёнку на маленькой тепличке, сделанной из нескольких ненужных оконных рам.

• НОВЫЕ ИМЕНА

И угодить ему нет никакой возможности. Закроешь тепличку - норовит открыть, откроешь - тут же зло терзает целлофанку.

Неизвестно, почему вспомнился 14 -й год. Хотя связи между ним и нынешним ветром никакой и нет.

Обрывки, отрывки воспоминаний. Может, всё же ветер наваял?

Черный город...

Да, чёрный ночной город.

Если выйти на высокий порог и посмотреть на ГОРОД, то его и не увидишь... Полная тьма. Часто просто нет света. К этому привыкли. Многие, многие, особенно семьи с детьми, уехали, окна их квартир не светятся. Остальные предпочитают темноту, чтобы не привлечь внимание.

Если выйти на высокий порог и, закрыв глаза, прислушаться, то его, ГОРОД, и не услышишь... Абсолютная тишина. Многие, многие уехали, их квартиры пусты. Пусты дороги, нет машин. Все предпочитают осторожную тишину, чтобы не привлечь внимание.

Мягкими, неслышными шагами хищника, бесшумным, стелющимся смогом далёких пожарищ в ГОРОД входит, просачивается, вползает ВОЙНА...

Это её внимание стараются не привлечь светом, это её внимание стараются не привлечь звуком...

И она, ещё недоверчиво, хищно озираясь, заполняет, подчиняет себе всё вокруг. ГОРОД молчит.

Не платят пенсии.

Не платят пособия.

Нет зарплат.

Не работают почты.

Не работают банки.

Нет полиции.

Не издают газет.

Город без воды.

Больницы практически без лекарств. И, если честно, то практически без врачей. Гиппократ скорбно безмолвствует.

По притихшему ГОРОДУ ездит пара «скорых».

Водители и фельдшера этих «скорых» - люди с большой буквы. Их труд не оплачивается. Платить некому.

Оставшиеся врачи и медсестры - это честные, самоотверженные люди. Они оперируют в операционных с окнами, забаррикадованными мешками с песком. Лечат больных в тёмных, часто освещаемых только свечами палатах. Они тоже работают бесплатно.

Больше всего пострадали пенсионеры и бюджетники.

В начале учебного года возле классной доски упала в голодный обморок учительница.

ВОЙНА, насытившись грохотом артиллерийских снарядов, разрывами мин и «градов», вдоволь напившись людской крови, спалив деревушки и городки, сладострастно наслушавшись человеческих рыданий, ВОЙНА, сделав охотничью стойку перед молчащим ГОРОДОМ, на миг замерла.

В этот миг в город вошло ОПОЛЧЕНИЕ.

С разбегу нарвавшись на противостояние, ввязнув в двух «котлах», ВОЙНА приняла команду «Стоп».

Появилась комендатура, пошёл патруль. И шли тогда по городу не российские солдаты, как кричала ошалевшая зарубежная пресса, - по городу шли мужья и братья.

Делясь своими скудными пайками, они начали кормить голодных.

Открыли столовые церкви.

Появились волонтеры. Людям, которые не в состоянии были выходить из дому, стали каждый день разносить пищу. Сколько было, сколько могли.

Пропали алкоголики и наркоманы. Оказалось, эти недуги отлично лечатся при рытье окопов, особенно в скалистой, раскалённой солнцем донбасской земле. Без «побочек» и «ломки». Рецепт найден ополчением.

В изнемогавшем от жажды городе стали бурить скважины. Расчищались все забытые колодцы и родники.

В ГОРОД пришла первая «гуманитарка»!

Лекарства. И продукты. Продукты. Продукты.

В магазинах ещё по-прежнему стояли корзины - кто мог, делился хлебом, крупой с голодающими.

В больницах стало ЧЕМ лечить. Больных стали кормить.

ГОРОД вздохнул.

В бочках начали развозить воду.

С опозданием, в октябре, в школу пошли не уехавшие ребятишки.

Стали давать пенсию.

Появились маршрутки.

Вышли газеты.

Начала работать полиция.

Увидев первый патруль ГИБДД, - неожиданно - все обрадовались.

ГОРОД начинал жить.

Восемь лет, ещё и до нынешнего времени, разъярённой коброй шипит и сжимает тугие кольца вокруг ГОРОДА ВОЙНА. ГОРОД недосчитался и ещё недосчитается многих своих жителей.

И сейчас над ГОРОДОМ часто летят снаряды, и ГОРОД просыпается от грохота близких и далёких разрывов.

Но снаряды летят в неё, в ВОЙНУ, загоня её, гадину, с далёкую глухую нору.

И все свято верят, что вскоре это закончится. И все вернутся домой живыми. И вернувшиеся найдут всех родных тоже живыми!

Ближе к вечеру ветер внезапно прекратился.

Скоро станут жаркими дни, а ночи будут тёплыми.

Не будет комендантского часа.

Созреет черешня. И вишня.

В небе греметь будет только гром, а град, хотя и не очень приятный, но он будет просто изо льда.

Солдаты вернутся домой. К матерям. К жёнам. К детям.

Весна 2022 г.

«ЛАКЕТЫ ПОЛЕТЕЛИ!»

«Особенно больно, когда от украинских обстрелов гибнут дети. Донбасс регулярно хоронит их вот уже восемь лет с момента начала украинской военной карательной операции в регионе» - слова Дмитрия Полянского (российский дипломат, первый заместитель постоянного представителя России при ООН в Нью-Йорке).

Только в этом году маленькая Варя научилась разговаривать фразами. Однако ещё не все слова поддаются этой бойкой, подвижной девчужке.

Несмотря на свой чрезвычайно юный возраст, Варя является центром и заводилой компании детишек дошкольного возраста. Одна девочка среди ватаги мальчишек, она всегда верховодит ими.

Вот и сейчас детишки несутся по улице, крича и радуясь чему-то своему, по-

нятному только им, детскому. А впереди, на самокате, с развевающимися на ветру белокурыми волосиками, как обычно, маленькая Варя.

Вдруг - грохнуло! И ещё! И снова!

Весёлая, летящая на всех парусах команда стремительно затормозила.

- Лакеты полетели! Лакеты полетели! - подняв головку и тыча в небо пальчиком, закричала Варя.

В высоком летнем небе беззаботно парили небольшие легкие облачка, следы работы ПВО.

- Ракеты полетели! - подхватили детишки тоном, каким обычно дети кричат: «Мама идёт! Мама с работы идёт!»

На миг остановившиеся, ребята снова помчались по залитой солнцем улице.

Эти детишки, ровесники жизнерадостной Вари, рождены в военные годы.

В своей незатейливой маленькой жизни они ещё никогда не видели летящего в небе мирного, пассажирского самолёта.

Практически никто из них не ездил в поезде, не забирался на верхнюю полку, поглядывая сверху, как проводник разносит душистый чай в стаканах с подстаканниками.

Но они уже имеют опыт, горький военный опыт, они безошибочно знают по звуку, когда в небе «лакеты полетели»!

Милая Варечка! Жизнь - бумеранг. Кто что отправил в мир, то к нему и вернется.

А ты, малышка, и преданная тебе компания ещё будете счастливы под мирным небом, в котором не летают «лакеты».

Этот момент, изо всех сил, не жалея жизни, приближают ваши отцы.

• ИЗДАНО В ВОЛОГДЕ

Неожиданное рядом

Ирина Суворовская - автор книги «Двенадцать странных историй», выпущенной издательством «Древности Севера» в текущем году в серии «Поэзия и проза Русского Севера».

Был в шестидесятые годы популярный документальный фильм «Удивительное рядом», снявший у советских зрителей огромную популярность. В этой ленте великий кукольник Сергей Образцов рассказывал, какими чудесами нас окружает мир, сколько дивной красоты можно увидеть в том, что мы видим ежедневно, - дождик, радуга, облака...

Книгу Суворовской можно назвать «Неожиданное рядом». Или - «Загадочное рядом». В ней Ирина рассказывает о разных загадочных случаях, носящих порой мистический оттенок. Происходили они в Кирилловском районе; некоторые основаны на архивных сведениях, другие рассказаны автору знакомыми... Но все - интересно и весьма загадочно.

Елена
Воропаева

Елена Ивановна Воропаева родилась в 1953 году, адвокат. Живет в Московской области. С Вологдой связана многолетней дружбой и родством с писателем Владимиром Степановичем Железняком (Белецким, 1904 - 1984) и его женой художницей Ниной Витальевной Железняк (1915 - 1996). Супруги много лет прожили в нашем городе.

Размышления на чердаке

Если под вашей шкуркой бьется чувствительное сердце, если в вас живет тяга к добродетели, если вам дороги сладостные узы, которыми опутывает нас природа, то вы поймете и полюбите меня!

Эрнст Теодор Амадей Гофман.
«Житейские воззрения кота Мурра»

По узким улочкам катятся потоки воды. Третий день идет дождь, превративший наш городок в Город на воде, о котором мы недавно говорили в нашем научном сообществе. Город на воде - прекрасная Венеция - находится далеко от моего городка, исхоженного, измеренного и изученного до каждого уголка, подвала и чердака. Мой город - чистенький и сухой, и посему все жители, не привыкшие к такому водоизобилию, попрятались по домам. Только свет из окон помог мне найти дом пастора, и сразу за ним - приветливые окна моего дома. Я уже на пороге; скребусь, и моя дорогая хозяйка открыва-

ет дверь. Представляю - фрейлейн Марта; она впускает меня в обитель, где я проживаю. Правда, у меня есть другой путь - через чердак. Как написал мой дед: «Чердак - моё любимое место в доме».

Итак, вы уже поняли, что я внук того самого Мурра, которого прославил Эрнст Теодор Амадей Гофман. Мой дед был любим писателем и оплатил за эту любовь своими великолепными сочинениями - по моей оценке, они ничуть не уступают творениям Мастера, а может быть, даже превосходят их в чем-то.

Я появился на свет, когда моей дорогой хозяйке Марте уже исполнилось 40 лет и

она оставила надежду на обретение семьи. Весь пыл нерастроченных чувств она обратила на меня, что было очень приятно и полезно, поскольку вскоре я потерял и мою добрую матушку, и моего славного отца. Это произошло сразу после того, как я стал мяукать. Моя матушка, упокой Кошачий бог её душу, была милой и робкой особой, как и мой скромный отец. Они были мирной парой, никогда не ссорились с соседями, занимались детьми и делились селедочными головами с несчастными бесхозными котами.

У меня фамильное имя - Мурр. И у меня, как и у деда, - желтоватое родимое пятнышко на груди и великолепный хвост.

Как вы знаете, мой дед - Мурр Первый (я так его называю) неслучайно прославился своими сочинениями. Свою известность он заслужил неустанными занятиями. Он читал на немецком и латыни и даже научился писать, за что однажды чуть не поплатился лишением когтей. Именно ему, его методе, которую он применил у господина Абрагама, я обязан умением читать и писать. Я тоже сидел у плеча моей дорогой Марты, слушал слова, которые она произносила, видел книгу; в результате стал понимать связь слов и черных значков, начертанных в книгах. Мой отец умел читать, но был несколько ленив и писать не выучился. Я же постарался - и научился писать на родном немецком языке.

Мой отец никогда не сражался на дуэлях, не конфликтовал с пришлыми котами и почти не посещал мартовские иды. А что сказать обо мне? Я не трачу свои силы на дуэлях, как делал мой дед, - считаю это варварское занятие уделом людей. Я не аскет и посещаю мартовские иды с удовольствием. По примеру деда также однажды прочел «Искусство любви» Овидия. Но не поддаюсь внушению и сентиментальностям, коим предавался мой дед, когда сходил с ума от своей Мисмис и по-

святил в своих жизнеописаниях целые страницы этой заурядной, пошлой кошке, изменившей ему с пёстрым котом. Я не осуждаю деда, но считаю, что он мог с большей пользой проводить время за чтением книг великого Канта (которые стояли на полках шкафа господина Абрагама), а не тратить его на написание стихов для неблагодарной Мисмис. Как и мой дед, я знаменит среди кошачьего сообщества нашего города и смею надеяться, что со временем моя слава ни в чем не будет уступать его славе.

Как и мои предки, я всегда рядом с людьми; и надо сказать, что наблюдать за ними, оценивать их поступки, обмениваться информацией о них со своими сородичами - увлекательное, порой забавное занятие.

Вот и сейчас - я пришел домой, горит камин, на столе спиртовка с закипающим кофе, рядом со мной - моя дорогая хозяйка, она ласково смотрит на меня. Марта - старая дева, живет совершенно одна, если не считать меня. Я - часть её семьи.

Когда-то давно в мой город пришли французы. Марте было всего два года, она смотрела из окна на маршировавших солдат, кричавших «Vive l'Empereur!» Ей было страшно, но отец вручил ей огромный марципан и отослал спать.

Пруссия, моя бедная Пруссия всегда была желанной добычей для соседей, стремившихся захватить ее. Наш Фридрих был лучшим королем всех времен и народов, но он почил и, слава тебе, Господи, не видел этого позора. Не видел своих бедных, поверженных пруссаков и этого корсиканского злодея, который гениально прошел через всю Европу, как оловянных солдатиков переставлял королей, деля карту мира по своему усмотрению. Поражение под Йеной было катастрофой для наших славных солдат, прусская армия была деморализована и утратила волю к победе.

Униженная Пруссия вынуждена была просить помощи у России и Австрии и, наконец, после Ватерлоо смогла стать центром германского мира. Нужно сказать, что моя страна внесла большой вклад в дело победы над французским узурпатором. В то время, когда армия Веллингтона дрогнула и отступила, блестящая атака нашего маршала Блюхера на правом фланге решила исход битвы под Ватерлоо.

Лорд Веллингтон получил не вполне заслуженную славу, а Пруссия получила больше того, на что она могла рассчитывать, - земли моей страны стали обширными.

А моя хозяйка обрела учителя. Пленный одноногий француз навсегда остался в доме её отца, помогал по хозяйству и учил маленькую Марту французскому языку, который стал её профессией. Моя хозяйка - учительница французского языка, и все трепетные, воздушные создания на двух ногах, то есть барышни Фрида, Луиза и другие, учат неправильные глаголы и постигают французскую грамматику на примере «Песни о Роланде» в доме моей дорогой Марты.

Чтение французских книг, изящных софитов Ронсара сформировало мой характер, определило мои взгляды на жизнь и окружающий мир. Я - эстет, но мысли, почерпнутые из «Кандида» старика Вольтера, придали моему эстетскому восприятию мира нужную перчинку. Особенно когда я познакомился с Руссо - этим проповедником революции и торжества разрушения. Ведь вся моя родная литература была пронизана романтизмом, который никак не вписывался в реалии жизни, окружавшие мир людей - и, конечно же, мир котов. Наш мир, как писал мой дорогой дед, ничуть не отличается от мира этих двуногих; соседствуя с ним, он обретает черты людской жизни.

Романтизм, ранее присущий нашему восприятию жизни, - исчезает. Мы уже не

пишем мадригалов, которыми так увлекался Мурр Первый. Может быть, романтизм присутствует в головках Гретхен и Анхен, постигающих азы французского языка у моей Марты, но, как только они вырываются из-под опеки мамаш и наставниц пансиона, зоркие, прелестные глазки барышень выискивают в толпе солискаателей их рук деловых господ с солидными банковскими счетами. Романтизм хорош, но он не приносит имущества в дом и не звенит талерами в кармане.

Наше кошачье сообщество состоит - как, впрочем, и у двуногих - из разных слоев. Я по пятницам посещаю собрания университетского кошачьего братства, состоящего из котов, проживающих в домах профессоров и доцентов. Возглавляет этот Олимп кот по имени Арист, проживающий в доме ректора. Арист мудр и тучен. Подозреваю, что студенты четырех факультетов университета удивительно стройны потому, что значительная часть студенческого пайка перепадает Аристу. Но, может быть, именно отсутствие заботы о пропитании и позволяет ему с утра до ночи заниматься наукой. Он - политолог. Время от времени Арист позволяет мне посещать Серебряную библиотеку, где я долго просиживаю около полка с французской литературой.

Вообще на наших собраниях обсуждаются вопросы политики, экономики, юриспруденции, иногда медицины, сплетни о королевском дворе и новости из Англии. Все университетские коты умны, эрудированны и всегда готовы к дискуссиям. Ваш покорный слуга выделяется из общей массы знанием французского языка, коим не владеет ни один из котов университетского сообщества. Но я скромн, хотя в нужный момент, в нужном месте могу позволить себе блеснуть остротой Бомарше или прочесть сонет Дю Белле.

Наши встречи проходят под сенью университетского сада, что напоминает сады

Лицея, и мы, подобно греческим мудрецам прогуливаемся по аллеям; обсуждаем, спорим и шутим. Иногда мы прогуливаемся вдоль Замкового пруда, где веселые студенты устраивают гребные соревнования. После прогулок Арист приглашает особо отличившихся в споре к себе - на блюдец сметаны или молока. Возвращаясь с этих собраний, я бываю полон мыслей, впечатлений и, вдохновленный этим, всегда записываю наиболее значительные части наших бесед.

По дороге домой я часто встречаю котиков нашего района. Вот неспешно, поднимая высоко лапы и брезгливо оглядываясь, идет кот пастора. Его зовут Кэтхол. Иногда я сижу с ним на крыльце кирхи, где мы беседуем на темы теологии. Кэтхол, конечно же, считает себя знатоком, хотя знания его ничтожны, а рассуждения вызывают во мне протест. Но я лишь снисходительно улыбаюсь - к чему дураку говорить, что он дурак! Кэтхол лицемерен. Он говорит о том, что нужно быть скромным, отдавать последнее, а сам не прочь стащить кусок колбасы с прилавка лавки фрау Минхен или полакомиться мышью, пойманной на чужом дворе. Кроме того, он любвеобилен. Молоденькие кошечки на соседних улицах всегда в опасности, когда рядом Кэтхол. Его умильные улыбочки и сальные глазки обещают райские кущи, но глупые кошки получают совсем другое: нежелательных котят, которые становятся сиротами - ведь папаша о них никогда не вспоминает.

В доме синодального старосты Ансельма живет старая кошка по имени Лу. Она помнит моего отца и часто, закатывая глаза, рассказывает мне о неразделенной любви к моему отцу и о коварстве моей матушки, отнявшей у Лу последнюю надежду на счастье. Я иногда компенсирую Лу несбывшиеся мечты и приношу ей оставшуюся от моего обеда часть сосиски.

На соседней улице живет кот Серапион, который фактически изгнан из нашего общества за дружбу с собаками. Хотя вины Серапиона в том нет: в доме его хозяйки проживают два терьера, и он вынужден с ними дружить.

Отношения с собачьим сословием у меня особые. Я помню, как мой дед писал о дружбе с пуделем Понто, захлеб хваля характер «друга», его помощь, его ум. И что? Этот обретенный друг стащил рукопись деда, принес своему хозяину, возник конфликт - и мой дед чуть не лишился когтей по намерению группы коварных профессоров. После этого хозяин деда запер шкаф с книгами и запретил Мурру читать. Правда, отлучение от шкафа было временным, но все предшествующие события явились следствием безрассудной дружбы с псом. Как, впрочем, и последующие события. Отношения с лицемерным, продажным Понто довели деда до самого большого унижения: посещения собачьего бала в салоне вульгарной левретки Бадины, где мой дед - единственный кот на балу - был вынужден забиться в угол и дрожать от страха!

Я, в отличие от деда, не дружу с собаками. Они слишком подобострастны к людям, готовы лизать им руки, заглядывать в глаза и прыгать от восторга при виде хозяина. Эти существа готовы делать стойку за кусок колбасы, прыгать через обруч и выделывать ещё массу трюков по капризу своего господина. Интеллект собак неглубок, у них отсутствует тонкий вкус, нет любви к приключениям. Я никогда не признаю превосходства собак над котами. Достоинство и здоровый кошачий эгоизм должны быть основой поведения каждого здравомыслящего кота. Для нас кошачьи интересы должны быть превыше всего.

Рядом с домом пастора - лавка фрау Минхен. Она обожает нашего брата и частенько кричит «кис-кис», подзывая всех страждущих и подсовывая им кусочки ап-

петитной колбасы. В ее доме живет мой друг - кот по имени Таркос. Он не молод, одинок и редко выходит из дома, предпочитая сидеть на солнце, грея старые бока. К нему я захожу в минуты унынья. Он достает бутылку арака, лимоны, сахар и тщательно делает пунш, который мы смакуем на чердаке лавки. Как писал Мастер, именно этот напиток любили распивать студент Ансельм и архивариус Линдгорст. Подозреваю, что неумеренное употребление напитка и явилось причиной видений о зелено-золотистых змейках и сказалось на поведении студента, который вместо того, чтобы копировать манускрипты и зарабатывать по талеру в день, витал в облаках и влюблялся в несуществующих дев.

Я люблю слушать рассуждения Таркоса. Его дед когда-то приехал из Греции с товарами, попав в один из тюков с персидским шелком. Таркос, будучи котенком, часто спрашивал деда об этой удивительной поездке и о Греции. Часть этих воспоминаний и знаний теперь есть и у меня. Дед был разлучен с восхитительной греческой кошечкой по имени Ниобея и, обретя новую родину, постоянно вспоминал о земле эллинов и о покинутой зеленоглазке. Он завел семью, детей, но тоска по прекрасной оставленной родине и Ниобее свела его в могилу раньше времени. У Таркоса нет семьи, он редко посещает мартовские иды и предаётся размышлениям в одиночестве. Именно он познакомил меня с платоновскими идеями о гармонии мира. Я не раз приглашал его в профессорское сообщество, но он всегда вежливо отказывался. Причину я узнал совсем недавно, и она связана с хозяином Ариста - ректором. Оказывается, ректор в молодые годы сватался к фрау Минхен. Она была хороша собой, и её очаровательные щёчки напоминали бело-розовые кусочки колбаски, которые, когда ты голоден, так и хочется немедленно облизать, закатывая от восторга глаза. Но толстый Готлиб - отец Минхен - велел ей выкинуть из

головы романтические мечты о бедном студенте и отдал замуж за своего помощника. Поэтому, как объяснил мне Таркос, ему будет нетактично появиться в доме отвергнутого жениха фрау Минхен.

По средам я устраиваю «день для себя». Это день, когда я мою шкурку, чищу и натираю когти, расчесываю свой замечательный хвост. После этих процедур я иду в комнату Марты и смотрю в большое зеркало: из зазеркалья на меня смотрит молодой красивый кот с очаровательными усами, блестящей шерсткой, великолепным пушистым хвостом и умными, проницательными глазами. Без лести к самому себе скажу - я действительно хорош!

Я в доме совершенно один, потому что по средам моя дорогая хозяйка посещает городской рынок у ратуши, откуда всегда приносит кусок печенки для меня. Он лежит в большой корзине рядом с луком и капустой. Этот кусок печенки Марта обязательно показывает мне и сообщает, у какой торговки купила моё любимое лакомство. Я знаю, что у крикливой и веселой Амелии самая вкусная печенка, у Клары, которую бьет грубый муж, - самая жесткая. Очевидно, что состояние души продавца влияет на качество продукта. Сегодня куплена печенка от Амелии; значит, я буду жить с предвкушением счастья и вкушения деликатеса целую неделю!

Сытый, довольный и красивый, по средам я посещаю балы. Они проходят в доме банкира Натанаэля. Да, да такого самого героя «Песочного человека», который был увлечен механической куклой. Того, кто был раздражен безупречным поведением девушки Клары. Но он преодолел пагубные последствия необузданного воображения; очки и подзорные трубы были выброшены на свалку, стихи забыты, Клара ушла в монастырь, а кукла сломалась. Её пытались починить, но запасные детали не пришли из Англии из-за блокады, установленной корсиканским тираном. В

конце концов механизм куклы заржавел и она отправилась на свалку вслед за очками и подозрными трубами.

Теперь Натанаэль - успешный банкир, самый богатый человек нашего города. Его кот по имени Талер - самая красивая и обеспеченная личность в нашем кошачьем сообществе. Он любим многими кошечками, количество разбитых сердец исчисляется десятками. Как все красавцы, Талер глуп (ваш покорный слуга - исключение) и не понимает реалий мира. Все очень просто - Талер неуёмен во всем, понятие разумности существования, чувства меры ему недоступны. Он любит до самозабвения, наслаждается без удержу, ест без ограничений. В последнее время я заметил, что кот банкира располнел и его шерстка потеряла блеск, а местами стала выпадать. Правда, он по совету друзей натирает себя какими-то мазями, но я думаю, что это временная мера, которая не принесет желаемого результата. Результат будет прямо противоположный - хозяин, обнаружив на своих роскошных диванах облезлого кота, вышвырнет его за дверь и заведёт себе красивого котика, более подходящего к интерьеру гостиной.

Но пока Талер живет в доме банкира, я иду в подвал дома, на бал. Не хочу описывать общую суету, оценивать продуманность бантиков милых кошечек и красноречивые взгляды молодых котов... Всё это мишура. На балах я предаюсь любимому занятию - наблюдению. Вот группа котов-игроков, которые, образно говоря, режутся в карты. Они просто заходятся в азарте; искры из их глаз грозят прожечь потолок подвала и охватить пожаром весь дом - поэтому я обхожу их стороной, беспокоясь за целостность своего замечательного хвоста: ведь однажды один из игроков откусил хвост противнику, обвинив того в шулерстве.

Группа молодых очаровашек с бантиками - дебютантки, которых мамы вы-

вели на бал с целью избавиться от лишних ртов. Хотя, конечно, каждая из старых грымз будет говорить о тревоге за будущее дочери и, закатывая глаза, описывать дочкины достоинства. Честно-то говоря, они, эти достоинства, состоят только в том, что кошечка умеет жалобно мяукать и изящно поднимать лапки. Некоторые из этих красоток иногда произносят «мяу» с французским прононсом, из чего я делаю вывод, что хозяйка кошечки посещает уроки моей Марты. Молодые коты поддаются совместным уловкам мамы и дочки, не понимая, что это приведет к обязательствам, иногда непосильным. Романтизм бушует в их сердцах и головах! Мне жаль молодых глупцов.

В углу подвала собираются политиканы-спорщики, которые обсуждают текущую обстановку в стране, что влияет на благосостояние хозяев - а следовательно, возможность еженедельно украшать кошачий рацион печенкой. После этих разговоров я всегда благодарю Кошачьего бога за то, что, какие бы потрясения ни произошли, французский язык моей дорогой Марты всегда будет востребован.

Я люблю беседовать с пожилым котом по имени Ганс. Он проживает в доме советницы Бензон, которая совершенно ослепла, оглохла и плохо двигается. После замужества своей дочери Юлии советница осталась одна и проживает с приживалкой, которую третирует с утра до ночи, требуя то горячую грелку, то лед на свою большую голову. Ганс - вальяжен и благороден. Он курит трубку и сквозь колечки дыма рассматривает присутствующих.

Ужина на таких балах обычно не подают: как и его хозяин, Талер скуповат. Порезвившись, молодежь расходится, за ними следуют игроки, уходят и спорщики... Я прощаюсь с Талером и, отметив про себя, что вид его ухудшился, ухожу вместе с Гансом. Вместе мы идем с ним до первого поворота, где и прощаемся.

Вернувшись домой, я поднимаюсь на чердак - любимое место моего деда. И размышляю.

Мой дед был рожден романтиком, но изменился - под влиянием обстоятельств. Он понял, что романтические грёзы приводят жизнь к краху, они не дают покоя и комфорта. Но его возвышенная страсть к идеалу, пылкое воображение, темперамент не до конца изжили в нем романтический настрой. Дед страдал и мучился, он совершил массу ошибок - именно из-за того, что не оставил влечения к бесплодным мечтам.

Я - другой. Очевидно, время сформировало во мне отрицание всего идеального, сентиментального и романтического. Разум и наука - эти постулаты эпохи Просвещения - стали моими ориентирами, кото-

рыми я руководствуюсь в жизни. Покой и прочное положение гораздо приятнее, и вполне достижимы с меньшими лишениями и тревогами. Для меня романтизм навсегда отошел в прошлое.

Как ни странно, окружающие нас люди тоже изменились. Они практичны, рациональны и добиваются своей цели. Выбора между материальным благополучием и духовным призванием для них не существует. Чувство меры, душевное равновесие, комфорт, прочное материальное положение - вот истинные ценности современного человека, который знает, чего хочет.

Каждому времени свои герои.

На этом заканчиваю.

Ваш Мурр Третий

ИЗДАНО В ВОЛОГДЕ ·

Урожайный год Натальи

В нынешнем году «Древности Севера» выпустили книгу Натальи Мелёхиной «Сергей Орешков» - о Герое Советского Союза, трудившемся в довоенные годы войны на Вологодском паровозовагоноремонтном заводе.

Издание продолжает серию «Бессмертный герой», начатую книгой об Александре Панкратове, первым совершившем подвиг самопожертвования. В 1943 году Сергей Николаевич, как и Панкратов, закрыл собой амбразуру вражеского дзота в бою в Харьковской области. Он был уроженцем Сокольского района, но «своим героем» Сергея Орешкова считали не только на Вологодчине, но и в Донецке и Архангельске, Улан-Удэ и в украинском городе Смеле... Книга рассказывает о жизни Сергея Орешкова и его подвиге, представляет читателям много фотографий и документов. Автор завершает исследование надеждой, что книга «станет данью уважения Герою..., будет способствовать утверждению мира и взаимопонимания... Иначе за что и за кого отдал свою жизнь Сергей Орешков? За кого, если не за нас, за что, если не за мир?»

То же вологодское издательство выпустило еще одну книгу Мелёхиной - «Животинки из Паутинки». Небольшие рассказы о животных, составившие сборник, писались, как признавалась Наталья Михайловна, «легко и радостно». И читатели воспринимают её «как нечто светлое, доброе и несущее радость», - отмечала Наталья на одной из творческих встреч. Автор считает, что такому отношению к книге помогают рисунки Надежды Леонтьевой.

Святитель Игнатий и Василий Белов, или О чем может рассказать музейная «краснушка»

Эта история сквозь века соединяет родину моих родителей с городскими апартаментами писателя. Есть в мемориальной квартире В. И. Белова неприметная трехрядная икона. Она находится в комнате дочери писателя, в которой, как известно, на протяжении нескольких лет жила Анфиса Ивановна - мать прозаика.

Мало об иконе сохранилось информации, однако известно, что она написана во второй половине XIX века неизвестным мастером, происходит из Семигородней пустыни Кадниковского уезда и принадлежит к типу «краснушка» - так реставраторы и музейщики называют скорописные иконы примитивного письма, на которых фон или одежда выполнены красно-коричневой краской. Икона яркая и небольшая по размеру, украшена сусальным серебром, а клейма разграничены тонкими линиями, которые можно увидеть, только приблизившись к иконе.

В первом ряду на иконе изображены Казанский образ Богоматери, сюжет Воскресения Христова, святитель Николай Чудотворец, во втором - святые мученики Флор и Лавр, святитель Василий Великий, Ангел, Иоанн Предтеча, святые Зосима и Савватий. В третьем ряду - святой Димитрий Солунский, сюжет Чуда Георгия о змие, святая Анна Кашинская.

Примечательно, что музейное собрание рассказывает о том, что икона из Семигородней волости (сейчас это место принадлежит Харовскому району). Она жила-была на родине моих родителей - в деревне Возрождение, на месте которой прежде была Успенская Семигородняя пустынь, основанная иноками Дионисиево-Глушицкого монастыря в начале XV в. На том месте до сих пор доживают свой век стены келий и

хозяйственных корпусов монастыря, растаявшая березами, ивами, мхами. А в XIX и XX веках была крепкая деревяня, и в конце 1940-1950-х годов - в одном из корпусов, где жили бывшие фронтовики-инвалиды с семьями, в маленькой комнатке уютился с родителями и мой отец, а в нескольких метрах от корпуса стояла крепкая изба, в которой родилась моя мать.¹

Как икона попала в руки Василия Ивановича, точно не установлено. В какие годы она преодолела путь в более чем 30 километров от Возрождения до Тимонихи и сразу ли попала в квартиру писателя или какое-то время жила в Тимонихе - для меня тоже вопросы открытые. Возможно, она досталась писателю в дар от земляка (есть несколько уже точно установленных подобных фактов); возможно, он ее нашел в заброшенном деревенском доме, хотя именно в той деревне не было до середины 1990-х годов заброшенных домов; а может, Василий Иванович ее купил, будучи любителем старины и коллекционером? Известно, что он собирал антикварные книги, монеты, картины, по возможности реставрировал их, сохранял истории о них, фиксируя в литературных и публицистических текстах. И что примечательно, за некоторыми историями стояли

¹ С 1632 по 1651 г. на том месте был женский монастырь, преобразованный в 1651 г. в мужской. Находился под надзором игумена Дионисиево-Глушицкого монастыря.

судьбы его земляков, если вещь была с его родной земли.

Достаточно вспомнить историю о музейной рукописной книге пословиц и поговорок петербургского генерала, которую подарила писателю москвичка. Ее родня в XIX и XX вв. жила на вологодской земле и сохранила эту книгу. Старая «тетрадь» была ценна тем, что в северную деревню попала в XIX веке из северной столицы - Петербурга, ее привезла жена офицера, которая очень сильно полюбила за годы службы генеральского денщика - крестьянина из деревни Тигино. Столичная дама переехала жить в российскую деревню - только представьте!

Семигородская икона-«краснушка» - неприметная музейная ценность. О ней редко рассказывают в музее-квартире на обзорных экскурсиях: в мемориальном пространстве много других примечательных предметов и историй. Однако для меня она - не только образ кисти неизвестного народного самоучки-иконописца, но и память о моей деревне - родине предков. В 1980-е годы в избах стариков и старух, родившихся еще в конце XIX и начале XX века, я еще застала в красных углах те примитивные народные иконописные образы, как и на беловской «краснушке», которые разбрелись и разлетелись по городским квартирам. Николай, Мария, Василий, Иван, Анна, Георгий - все эти деревенские люди, как и те ныне музейные святые, стоят перед моими очами на сусальных серебряных облаках и охраняют тот мир старопрежней деревни, к которому мы все так или иначе возвращаемся, поднимая из глубин своей памяти имена своих дедов, прадедов, названия деревень, речушек и покосов. И в памяти каждого из нас есть тот самый красный угол со своими стариками и образами их небесных покровителей - святых.

Чем для Белова могла быть ценна эта икона? Об этом важно поразмышлять: она

теперь хранится в музейном фонде и является частью рассказа о биографии Белова, его духовных поисках и творческой вологодской квартире...

Икона была из тех мест, где вставал на путь духовной жизни 23-летний инок Брянчанинов - из Семигородней. Вологодские архивные документы подтверждают: начало монашеского пути будущего святителя совершилось именно в Семигородной Успенской пустыни (в конце 1830 - начале 1831) - в 70 километрах от Вологды. Там же был написан шедевр духовной литературы - «Плач инока», рожденный среди тишины лесов, в безмолвии, в поисках «душеспасительного покаяния», «врачества для себя», любви.

В произведении инок и объясняет причины, побудившие его к уединению и молитве: «Причина моего плача - причина нравственная, и область моего плача - область духа... Плачу плачем покаяния и любви. Погружаюсь в печаль спасительную, - не в ту, которая наводит смерть человеку: печалось не о чем-либо суетном, тленном, преходящем.

...Из слезы скорбящего и плачущего о грехах светится надежда спасения, как звезда из окружающей ее тьмы ночной».

Из биографии святителя известно, что после уединения в пустыни он сначала был отправлен в Глушицкий Дионисиев монастырь, куда был зачислен послушником, а летом 1831 года принял монашеский постриг и имя Игнатий, в честь священномученика Игнатия Богоносца, ученика Иоанна Богослова.

Семигородная Успенская пустынь, по сути, безмолвно хранит путь преображения во время плача земного человека в святого, как хранит и подземный выход из монастыря, который никто до сих пор не нашел, как железное дно монастырского пруда, о котором старые женщины рассказывали, но никто так его и не потрогал, как тайну плывущих над деревней трех мона-

хов, которых издалека многие видели, но никто лично с ними не поговорил... Вот теперь и история возникновения и путешествия иконы стала тайной пустыни и ушедшего из жизни Василия Ивановича.

Возможно, трёхрядная «краснушка» из тех благодатных мест для Белова была одним из образов родины, образов сильно-го православного захолустья, так или иначе причастного к имени святого Игнатия, вела его к тем размышлениям о силе веры и Бога, о совести и покаянии - интуитивно и сначала почти, на ощупь, - через сумерки профессиональных, творческих поисков, идеологических увлечений, через мирские причастия стариной, через боль, предательства, через хаос сует, через проверки славой. Она, как образ того мудрого прошлого, могла дарить писателю душеполезную тишину сердца, вести через житейские опыты к успокоению, укреплять веру в силу Слова. И таких старинных икон в беловской квартире было несколько - в холле, в комнатах Ольги Сергеевны и дочери Анны, в кабинете писателя. В таком окружении православных образов, будучи простым наблюдателем, невольно начинаешь рассуждать о вечности, о путях поиска на земных берегах и небесных.

Белов понимал, что путь служения искусству сродни монашескому пути и служению Богу. Это понимали и писатели-деревенщики, многократно возвращавшиеся мыслями к понятиям «совесть», «добро», «вера», «Бог». Они сознавали, что роль писателя порой близка к роли святого - мученика, пророка, чудотворца или бессребреника.

Федор Абрамов в записной книжке отмечал: «Закон и совесть должны править в мире». Валентин Распутин в «Литературной газете» в конце 1980-х: «Жить по совести - это значит быть личностью духовной, поступки которой соотносились бы с

вечным...». О творчестве В. Г. Распутина Виктор Петрович Астафьев эмоционально рассуждал: «Ах, как трудно и почетно быть на Руси писателем! Настоящим. Ему всегда и всех больше. Он от веку обречен на мучения и подвиг духа, на совесть, взыскующую добра, на вечное стремление к идеалу. И, сжигая себя в муках творчества, в борении со словом и за слово, он обречен страдать больше всех и за всех, живущих на земле».

И у Василия Белова находим: «А судья один - Бог! У каждого человека должна быть совесть. Бог-то - это и есть совесть...» (Беседа с Н. Бачуриной из «Российской газеты» за 1996 год). И в беседе с Владимиром Бондаренко в 2002 году Белов говорит о вере, которую «никакими знаниями не обретишь», и о главном в русской душе: «Совестливость. И религиозность. Иначе не распознаешь Его. Христианство - это и есть совестливость».

Тут-то и вспоминаются слова святителя Игнатия Брянчанинова о неразделимости понятий «православие», «Бог» и «совесть»: «Просвещенная и изощренная Евангелием совесть подробно и ясно показывает человеку его согрешения - и самые малейшие».

Белов рвется в писательство после армии - как раз примерно в том же возрасте, что и Дмитрий Брянчанинов в монашество, оставив службу. И тот, и другой пытались ословливать внутренние движения божественного в себе - один на монашеском, другой на писательском пути. Вера была получена ими не через знание, а через незаметные порой даже им самим внутренние обретения, о которых и «говорить много нельзя» (Белов). А писать как-то, если это писательство - не удовольствие, а обреченность на подвиг духа? И если Слово - это и есть Бог?

Николай Семёнович Лесков писал в повести «Детские годы»: «Искусство... искусство, ух, какая мудреная штука! Это ведь

то же, что монашество: оставь, человек, отца своего и мать, и бери этот крест служения да иди на жертву - а то ничего не будет или будет вот такой богомаз... или самодовольный маляришка, который что ни сделает - всем доволен. Художнику надо вечно хранить в себе святое недовольство собою, а это мука, это страдание, и я вижу, что вы уже к нему немножко сопричастились...».

Всё мог найти Василий Иванович в текстах Брянчанинова для самоисцеления, потому что святитель их писал, исходя из опыта своей души. Из «Плача инока»: «Средства мира, развлечения, увеселения, попечения и занятия земные не доставят тебе успокоения. Усыпляют они совесть на краткое время, но заглушить ее не могут. В минуты самовоззрения она просыпается». Многократно эта мысль звучит в литературном, публицистическом и эпистолярном наследии Белова, потому что мир уводил его в земные радости и через жертвование возвращал к вечному, отвлекал от самого себя, от своего Слова, но при этом и смирял с письменным столом - ради рождения этого Слова. «Все дары Бога человеку достойны уважения, - писал в «Аскетических опытах» Игнатий Брянчанинов. - Дар слова, несомненно, принадлежит к величайшим дарам. Им уподобляется человек Богу, имеющему Свое Слово. Слово человеческое, подобно Слову Божию, постоянно пребывает при отце своем и в отце своем - уме...». И эти слова открывали Белову, что призвание к Слову - великий дар и тайна, которые надо с благодарностью принимать и трудиться. И Василий Иванович принимал, благодарил Творца и трудился.

Слово брянчаниновское продолжалось в Белове-читателе, помогало отыскать в себе творческие силы, светило дару его слова, утверждало в правильности вы-

бранного пути: «Божественная цель слова в писателях, во всех учителях, а паче в пастырях - наставление и спасение людей».

Поздно ли, рано ли, но для Белова в 1990-е и 2000-е годы книги земляка-святителя Игнатия Брянчанинова стали настольными. Неоднократно в интервью с писателем находим упоминания о святом, например, в 1995 году в беседе с Виктором Кирюшиным Белов рассказывает: «Читаю мало, но то, что как раз и требует неторопливого размышления. В частности, труды Игнатия Брянчанинова. Самостоятельно выучил церковнославянский язык, читаю Библию. Язык этот куда более точный, мускулистый, выразительный, чем наш нынешний. Вообще без дела стараюсь не сидеть: это и для души лекарство. В деревне дел всегда много: посадить, прополоть, убрать...» Представьте, ради этих текстов Белов в преклонном возрасте берется изучать старый книжный язык, чтоб понимать весь объем смыслов брянчаниновских трудов. И в шесть предложений укладывает простой рассказ о своих жизненных ценностях: чтение, язык, деревня, физический труд.

На все эти мысли о Белове и Брянчанинове, Тимонихе и Возрождении, музейном собрании и его неприметных образах натолкнул меня образ семигородской иконы «краснушки» из беловской городской мемориальной квартиры. Отправной же точкой для размышлений стало все-таки имя Василия Ивановича и его творческая история, его плотницкая и литературная закваска, давшая миллионам людей духовный хлеб - хлеб насущный и воду живую.

Эльвира ТРИКОЗ,

*кандидат филологических наук,
сотрудник музея-квартиры*

В. И. Белова

Илл. - 3-я страница обложки

Святитель Игнатий и Василий Белов

От редакции. В нашей области уже пятнадцать лет проходит открытый фестиваль народной культуры «Покровские встречи» памяти святителя Игнатия Брянчанинова. Проводят его комитет по охране объектов культурного наследия Вологодчины, областное учреждение «Вологодаре-ставрация» и культурно-просветительный центр «Усадьбы Вологодчины». Проходит он в Покровском, в усадьбе Брянчаниновых, где вырос Димитрий Брянчанинов, будущий святитель Игнатий. Здесь же рамках фестиваля «Покровские встречи» в нынешнем году состоялись XII Брянчаниновские чтения. Научная конференция с таким названием проводится ежегодно более десяти лет. Участники чтений - историки и краеведы, в том числе школьники и студенты - выступают с докладами о духовном и материальном наследии святителя Игнатия и других представителей древнего знатного рода Брянчаниновых, рассказывают о жизни и творчестве выдающихся деятелей Вологодского края, о расположенных на территории области усадьбах, их истории и восстановлении.

Редакция журнала считает, что статья Эльвиры Львовны Трикоз вполне могла бы

прозвучать на Брянчаниновских чтениях. Раз этого по ряду причин не произошло, мы предлагаем считать её дополнительным выступлением.

«В начале было слово»: итоги премии-2024

Представляем победителей IV Международной литературной премии для начинающих поэтов и прозаиков «В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО»

Номинация «ПРОЗА»:

Тимур Нигматов (г. Душанбе, Таджикистан),
Лариса Назарова (г. Одинцово, Россия).

Номинация «ПОЭЗИЯ»:

Мария Ревкуц (г. Красноярск, Россия),
Виктория Соколовская (г. Полоцк, Беларусь).

Номинация «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»:

Анна Музыкантова (г. Архангельск, Россия),
Екатерина Пермякова (г. Курган, Россия).

Все участники конкурса получают благодарственные письма, а лауреаты - дипломы, личные призовые в размере 100 тысяч рублей, их произведения будут опубликованы в итоговом сборнике. Сборник передадим во все областные библиотеки России, а также в центральные библиотеки стран, где живут победители.

Тимур НИГМАТОВ,

г. Душанбе, Таджикистан

НЕРОЖДЁННЫЙ?

...Эх, братцы, а ведь август сорок третьего самым жарким был. И дело тут, конечно, не в погоде. Сколько народу тогда в землю полегло, насквозь её кровью горячей пропитало.

Но больше всех мне одна могила запомнилась, а ведь даже не военного. Потому как человек тот только август и пожил.

Вышел он к одной из рот прямиком из болота. Ту местность бывалые разведчики стороной обходили, потому как брод оты-

скать так и не смогли. А тут глядят солдаты, что привалом неподалёку встали: идёт к ним парень как ни в чём не бывало. До линии фронта рукой подать, а этот идёт, улыбается, каждый кустик рассматривает.

Ну, его, конечно, остановили, отвели куда следует. Может, шпион вражий. Замполит у них искусный был: в душу, как червь в яблоко, вгрызлся. А тут - толку ноль: ни кто, ни откуда, ни где и когда родился. Памяти в голове - с понюшку табаку.

Остался паренёк в роте. А что было делать? До ближайшего жилья дойдёт - сотрёт не только подошвы, но и сам сотрётся по макушку. Назвали Иваном Непомнящим. Шефство над ним взял старик-лейтенант, дядь Миша.

Удивлял Иван по десятку раз на день. Увидит стрекозу, глаза выпучит - «это кто?!» Сорвёт ягоду - и не налюбуется, осмотрит со всех сторон, обнюхает, лизнёт, только потом на вкус пробует.

Однажды огорошил дядь Мишу так, что тот чуть сигарку не проглотил.

- А что, - говорит, - и другие месяцы есть, кроме августа? А какие они, расскажи, дядю.

К тому же заговорённый был. Его хоть и берегли, но шальная пуля или осколок паспорта не спрашивают. А Ивану хоть бы хны, ни царапины. Комроты шутил: «Так он же нерождённый. Вот и умереть не может».

И сам воякой не был. Хотели Ивана научить стрелять из винтовки. Чтобы защититься мог в случае чего. Он сначала протянул руку, но едва коснулся, отдернул.

- Не, - говорит, - дядя Миша, прости. Она холодная. Она сама души не имеет и мою высосет по капельке...

И ушёл он почти так, как и пришёл. Август вышел, и Ивана не стало.

В тот день рота должна была взять сильное укрепление фрицев, что закрывало выход из ущелья. Бой ожидался опасный, кровавый.

Накануне вечером Иван долго смотрел на дядю Мишу. А потом говорит:

- Не надо тебе завтра идти. Я видел тебя вон там, на холме. - И показывает на склон. - Лежишь и смотришь в небо. Только уже не видишь его.

Дядь Миша только посмеялся в седые усы.

А Иван ночью пропал. Как смог караулы обойти, никто так и не понял.

Утром сделали вылазку к вражеским блиндажам, а там тишь, как на кладбище. Даже соловьи поют.

Внутри ни одного фрица не нашли. Словно испарились. Только оружие с амуницией от них и остались.

А позже на склоне обнаружили тело

Ивана. На том самом месте, которое он дядь Мише показывал.

На теле ни одной раны. Только подушечки пальцев обожжены. Лежал, раскинув руки, и смотрел в небо, которое уже не видел.

Дядя Миша после войны на то место вернулся и поселился бобылём недалеко от могилы Ивановой. Тянуло его туда что-то.

Вот такая вот история, братцы, о человеке, который только один август и пожил.

Лариса НАЗАРОВА,

г. Одинцово, Московская обл.

КАПЕЛЬКИ СВЕТА Весенний мотылёк

Иду по узкой тропинке. Ветрено. Но чувствуется, как солнце припекает. Кое-где уже сошёл снег. Хорошо! Вон и мотылёк полетел. Плавно так - то выше, то ниже. Засмотришься!

Постойте-ка. Какой же мотылёк днём? Мотыльки - насекомые ночные. Бабочка? Только тёмная и некрупная? Но нет. Погода не та: это на солнце - кажется, что лето, а в тени - зима зимой. Присматриваюсь - листок. Тёмный, прошлогодний - берёзовый. Полетал ещё бабочкой, да и опустился. Приземлился у края мелкой лужицы - воды попить. Да нет! Сам себе улыбаюсь: листок - это же не бабочка.

Будут ещё бабочки. И мотыльки будут. Но чуть позже. Чуть веснее.

В ожидании весны

Ранней весной прохладно, хотя и солнечно. Ветви дёргаются от порывов ветра. Меня обгоняет и летит впереди стрекоза. Какая стрекоза? Снег же ещё. Это крутится семечко ясеня. Сухое, с крылом-оболочкой. Ветер сорвал его, и оно полетело. Закружилось быстро-быстро - винт винтом. Верно говорят: вертолётник.

Но почему же мне этот вертолётник стрекозой показался? Наверно, зрение из непрерывного его движения уловило только два момента - как если бы это мелькали расположенные друг напротив друга полупрозрачные крылышки насекомого. А может быть... Может быть, я просто очень жду настоящую, тёплую весну...

Спокойный ёж

Спокойный ёж топает к реке. Ступает по жухлым листьям, по коричневым сосновым иголкам - босиком. А как ещё? Но мне маленькие передние лапки кажутся незащитными перед лесной холодной землёй, перед длинными сосновыми хвоинками, перед острыми сучками веток. А он не боится. Идёт себе вперёд, бесшумно заходит в воду. О, эти пухленькие тёмные, голые пяточки! Вода-то холодная. А ежу привычно. Уже плывёт - на другой берег. Задрал мордочку над водой. Передними лапками под себя подгребаёт, задними отталкивается. Сквозь прозрачную воду всё видно, даже ежиный хвост - не длинный, не короткий, остренький, бодрый такой.

Подплыл ёж к берегу, стал покачиваться на воде, точно теплоход на мелководье. Ну как перевернётся! Вылез, постоял немного, повернулся ко мне:

- Ну и трус ты, - сказал. - Нельзя таким быть. - И по своим делам потопал.

Сорока

Что это? Белоснежное на тёмном фоне. Сорока? Сорока. Сидит на молодом дубке перед ельником. Оп! - взмахнула крыльями - широкоущими! Как будто белыми растопыренными пальцами. Да не пятью - целым веером с каждой стороны.

На концах крылья сороки белые. Белые, да и не белые: каждое перо окаймлено чёрным - оттого-то и кажутся эти перья в полёте как бы отдельными друг от друга - широко расставленными.

О, да на тёмном фоне я лишь белое на сорочьих крыльях увидел, и то показался мне её размах широким. А если учесть ещё и чёрное окаймление - вообще длина получается аховая!

Да и просто сороку увидеть - сидящую или гуляющую - уже ахнешь! Красавица.

Белый звонкий

Ветреница. Понятно, почему ветреница - от ветра её белые цветки кач-кач-кач. Пока я произношу слово «качаются», они уже раза три то в одну и другую сторону наклониться успевают.

И белеют - ярко! Ярче подснежников? Не знаю. Подснежники - те высовываются, когда ещё снег лежит. Снег белый, и они белые. А ветреница цветёт, когда вокруг всё уже зеленое. Может быть, оттого её близна меня больше восхищает?

Много оттенков белого различают художники: снежный белый, бриллиантовый белый, белый молочный, дымчатый, жемчужный. Я не художник. Но цвет ветреницы я бы назвал так: белый звонкий. До того ярко он выделяется! Хочешь не хочешь - поглядишь. Как если бы среди травы вдруг колокольчик зазвенел.

Капельки света

Погода весной иногда меняется несколько раз за день. С утра шёл редкий дождь со снегом, падал на сухую и на уже пробившуюся молодую траву. Потом выглянуло солнце и снова скрылось. Ближе к полудню порывистый ветер бросал то в лицо, то в спину снег, который тут же, к моему удивлению, превращался в воду. Казалось, кончится эта игра природы скоро. Но через пару часов всё стихло. Засияло тёплое, по-настоящему весеннее солнце.

А теперь, под вечер, прохладно, но безветренно. И всюду разлит неуловимый, волшебный свет. Небо целиком покрыто тёмно-синими и светло-серыми облаками. Но не плотными, а как будто полупрозрач-

ными. Ни надо мною, ни дальше солнца нет. Но так светло! А как далеко всё видно! Этот свет как будто идёт не сверху, а множится прямо здесь, под облаками, рядом с землёй.

Чистые, одинаковые капли висят на тёмной ветке липы и - горят. Словно крохотные дневного света лампочки. Не может быть! Мне часто приходилось видеть, как после дождя или росистым утром в шариках воды отражаются солнечные лучи. Но ведь сейчас солнца нет. В этих недвижных, будто стеклянных, каплях рядом со мной - по кусочку затаянутого и притом каким-то чудом светящегося неба. Истинно капельки света!

Под ногами

Прямо под ногами - сидит и поёт, широко разевает клювик - скворец. Я иду, а он поёт - совсем не боится. Чёрные глаза поблёскивают на солнце, пёстрое оперение переливается изумрудным, жёлтым, фиолетовым, ультрамариновым. Нарядно теперь скворец смотрится - не то что ранней весной, в непогоду.

И песня его переливается - писком, треском, разными посвистами. Вся - старание, вся - призыв.

Дозвался тёплую весну, скворушка, и любимую свою дозовёшься.

Мария РЕВКУЦ,

г. Красноярск

ПО МЛЕЧНОМУ ПУТИ

Земля и Небо

*Если я к тверди останусь покорно прижатой,
В чём на земле состоят мои смысл и польза?
Древняя глупость! Отныне ты враг*

мой заклятый:

*Только летать и осталось рождённому
ползать!*

*В чудо, и в счастье, и в честное братство
поверив,*

Самые дивные сказки я сделаю былью.

Сотни в борьбе с вдохновеньем

искусанных перьев

Я превращу в свои крепкие сильные крылья!

Да, мне даровано небом иное движенье,

Нет на земле мне опоры,

но это ли важно?

К солнцу меня унесёт, победив

притяженье,

Сложенный мною самой самолётик

бумажный.

Словом-мечом через тернии путь пролагая,

С высшею волей не стану бездумно

сражаться.

Тот, кто по твёрдой земле

так нетвёрдо шагает,

С музами может в густых облаках

пробежаться...

Дождик, не плачь обо мне, ни к чему

твоя жалость,

Книга моя впереди, я открыла лишь

форзац...

Дерево тянется вверх, хоть в земле

зарождалось,

Только летать и осталось рождённому

ползать!

Плач Ярославны

Мне не надо вольного Придонья:

Что я буду турку за гроза?

Зачерпнуть бы Сороти ладонью

Чистой, синей, что твои глаза.

И сольются наши реки вместе,

Миновав пороги и мосты,

Как слились однажды наши песни

В ноте поднебесной высоты.

Я увижу, будто не впервые,

Как заря зажжётся над рекой,

Встанут строем ели-часовые,

Охраняя радостный покой.

Будет биться сердце, догорая
С яровою свечкою в руке,
Так, как птица бьётся, умирая,
Глядя в небо в стянутом силке.

О кровавом зле и Божьей силе
Долго будут вороны кричать,
Вдовьим плачем на твоей могиле
Будет песня девичья звучать.

***

Как странно: я скучаю по тебе...
С упорством вопиющего в пустыне
Скучаю я! Хотя в моей судьбе
Тебя, к несчастью, не было в помине.

Скучаю я по смеху твоему,
По непокорно взмыленной укладке,
По маленьким ладоням, по тому,
Как ты меня не целовал украдкой,

Как мы с тобой не пили в кухне чай
И как я не звала тебя к обеду,
Как не писал ты в письмах: «Не скучай.
Жди, ангел мой, я в декабре приеду».

Как до рассвета ты скрипел пером,
Сплетая кружева, а не интриги,
Как с ночью пил ямайский крепкий ром
И как ласкал истрёпанные книги.

Скучаю по беседам ни о чём,
Свечам, во имя слова век горящим,
И по тому, как руки калачом
Ты складываешь: нагло, но изящно.

Как приручаешь пули и цветы,
Как сказку с блеском обращаешь
былью
И как по-детски радуешься ты,
Когда хватаешь музыку за крылья...

Как можно о неведомом скучать?..
Но это так же просто и здорово,
Как можно о несказанном молчать,
Друг друга понимая с полуслова.

Как странно: я скучаю по тебе...
Издавна, представляешь, и поныне
Скучаю я, хотя в твоей судьбе
Меня, по счастью, не было в помине.

Виктория СОКОЛОВСКАЯ,

г. Полоцк, Беларусь

***

Мать купает сына, щекастого малыша,
Непослушные кудри ополоснув водой,
Из кувшина медного льющейся не спеша
Над светящейся позолоченной головой.

Мальчик резво плещется, весело хохоча,
Бьёт ладошкой крохотной, заводи
гладь мутя.
Счастлив без резиновой уточки и мяча,
Светом солнечным поцелованное дитя.

Мать встаёт за люфой, забытой на берегу.
Сын смеётся и убегает, играя с ней,
Глубже в озеро: «Мама, видишь, как я могу!»
Он бежит - и вода касается лишь ступней.

«Воротись, непоседа мой», - негодует мать.
Он идёт по воде. - И как его искупать?

***

Город вымер. И длинные улицы,
словно реки,
Пересохли, руслами тщетно тянясь
к истоку.

И по полым каналам слоняются человеки,
Не успевшие без хлопот угнездиться к сроку.

Хмурый город лишился защиты
в глобальном смысле.
Здесь навечно полдень и солнце всегда
в зените.

На весах небесных, божественном
коромысле,
Каждый миг решается участь
дождепролитий.

• ЛИТКОНКУРСЫ

У термометров в красных фарватерах
вздулись вены,

Хорошо, если 112 по Фаренгейту.

И в такое пекло кто-то искренний
и смиренный

В глубине трущоб пригубить
умудрился флейту.

И запела наследница дудочки из Египта,
Не сверяя ноты, без всякой табулатуры...

Криптограммами образов с древнего
манускрипта

Полилась мелодия в рёбра архитектуры.

Вдохновенные звуки по капельке, по аккорду
Наполняли надеждой города плотный

кокон,

Словно музыка ткала из зноя живую воду,
Проникая в узкие щели дверей и окон.

Заполняя собою мощёные променады,

Галереи, ворота, арки, автомобили,

Обвивая мосты, белоногие колоннады

И присыпанные песком золотые шпильи.

И очнулся ветер, солнцем приговорённый
к смерти.

Он, разбуженный дуновеньем, привстал
и, словно

Лёгкий взмах дирижёрской палочки
на концерте,

Стал раскачивать флейте в такт
этот мир огромный.

И качнулся воздух, взявший в пламенные
объятья

Раскалённым в глухом молчании
небосводом,

И вздохнули люди, в одночасье прервав
занятыя

Чем-то медленным и неважным
с одним исходом.

И распалось небо, и поднял осколки ветер,

Чтобы вбрызнуть дождь, охлаждая
земное тело.

Только кто-то смиренный играть
продолжал на флейте,
И живою молитвой музыка в мир летела.

***

Там, где грубая сила ржаную муку молола
И сплетала солому в косы для крыльев
крыши, -

Не звучала в потёмках охрипшая радиолоа,
Не смотрели чужие лица с цветной
афиши.

Не слепило сверкание люстры шелка
портьеры,

И не бился бокал хрустальный о гладь
паркета...

Там палили лучину, да свечи не жгли
без меры,

Да под крик петухов встречали
приход рассвета.

Там из печки белёной трещали в ночи
поленца,

И в углу - между окон - где брёвен бока
щерблёны,

В накрахмаленных складках расшитого
полотенца

Мироточила совесть с прабабушкиной
иконы.

Екатерина ПЕРМЯКОВА,

г. Курган, Россия

«ЖИТЬ СОВСЕМ НЕ СКУЧНО!»

Секрет

Высоко, где дремлют тайны,

На уютном чердаке,

Я и дедушка болтаем

На секретном языке

О ракетах и планетах,

Океанах и китах,

Где в мороз зимует лето

И зачем нужна мечта,

Почему у рыбы жабры,

*У верблюда борода,
И бывают ли от жабы
Бородавки на руках.
Но откуда знает дед мой
О секретном языке?
Видно, он когда-то в детстве
С дедом был на чердаке!*

Дождик

*Мне с утра в окошко - тук!
Кто стучит тихонько? Друг!
Он всю ночь томился в туче,
Под звездой дремал колючей,
А теперь вприпрыжку вниз
Вмиг спустился на карниз,
Озорной имея вид,
Капельками веселит.
Прикоснусь к стеклу рукой -
Здравствуй, друг мой дождевой!
Он хихикнул и украдкой
След оставил мокрой пяткой!*

Моя земля

*Я иду по лужицам,
Зонтик смело кружится
Прямо надо мной.
Первые весенние
Капельки рассеяны
Тучей озорной.
И летят крикливые,
От тепла счастливые
В небе журавли.
Город мой умоется,
И травой покроется
Краешек земли.*

Анна МУЗЫКАНТОВА

(г. Архангельск)

ДОКТОР ПЕРТУССИН И ФЕДЯ МЕДВЕДИН

Каждое утро доктор Пертуссин соби-
рался на работу. Все доктора надевали бе-

лые шапочки, а доктор Петруссин - синий
колпак с жёлтыми утятами.

Все доктора примеряли белые халаты, а
доктор Пертуссин - жёлтый халат с синими
китами, белыми слонами и оранжевыми
жирафами. Все доктора садились в маши-
ны, а доктор Пертуссин ехал на самокате.

В правом кармане у него лежал гра-
дусник Подмышка, а в левом - стетоскоп
Услышка. Подмышка и Услышка часто спо-
рили. И поэтому, когда доктор шёл, каза-
лось, будто он без перерыва что-то бормо-
чет себе под нос. Врачи смеялись над док-
тором Пертуссином: «Ха-ха-ха! Хо-хо-хо!»
И даже показывали на него пальцем.

Но однажды в городе появился совер-
шенно необычный мальчик. Это был Федя
пяти лет.

Утром доктор Пертуссин, стетоскоп
Услышка и градусник Подмышка получи-
ли срочный вызов: «Головная боль у маль-
чика пяти лет!»

Федя сидел на кровати и вздыхал:

- Ох-ох-ох! Голова болит!

- Покажи-ка, где болит? - спросил его
доктор Пертуссин.

А Федя как схватился за живот! Как за-
кричит:

- Вот!

- Это же не голова. Это живот! - воз-
мутился доктор Пертуссин и нацепил на
нос очки.

- Нет! - кричит Федя. - Это голова! - А
сам за живот держится.

- Где же тогда у тебя живот? - снова
спросил доктор.

- А живот у меня - вот! - Федя опять
схватился руками за голову.

И сразу все животные на халате док-
тора: слоны, жирафы, киты и даже ма-
ленькие утята - покачали головами и от-
вернулись от Федеи.

Градусник Подмышка выскочил из пра-
вого кармана халата и принялся измерять
Феде температуру.

- Уф-ф-ф-ф, - пыхтел градусник Под-

мышка, - хр-р-р, - кряхтел он изо всех сил. Но как он ни старался, температура не повышалась.

- Тридцать шесть и шесть! И ни градусом больше! - выкрикнул Подмышка.

Тогда стетоскоп Услышка выполз, словно уж, из левого кармана доктора.

- Дышите! - скомандовал он. - Не дышите! Кашляйте!

И Федя так сильно кашлянул, что доктор Пертуссин упал со стула.

- Не кашляйте! Не кашляйте! - закричал стетоскоп Услышка.

- Очень сложный случай, - сказал доктор Пертуссин. - Это совершенно здоровый мальчик, у которого вместо головы живот, а вместо живота - голова. Ничего не понимаю! Назначаю постельный режим!

Мама Феде тоже ничего не понимала. Поэтому на следующий день она снова вызвала доктора Пертуссина. На этот раз у Феде заболели ноги.

- Ой-ой-ой! Ноги боля-я-ят! - стонал Федя и страдальчески кривил лицо.

Градусник Подмышка и стетоскоп Услышка спорили:

- Посмотри, какие у него маленькие ноги, как у комара! Они растут, поэтому болят! - бурчал под нос Подмышка.

- Да разве они маленькие! Они огромные, как у слона! - возмущался стетоскоп Услышка.

Только доктор Пертуссин не спорил. Он осмотрел Феде ноги и спросил:

- Покажи-ка, где у тебя болят ноги. Здесь? - и доктор дотронулся рукой до правой коленки.

- Нет! - выкрикнул Федя. - Вот тут болит! - И Федя показал ладошки.

- Разве это ноги?! - возмутился доктор Пертуссин. - Это же руки!

- Нет! Это ноги! - выкрикнул Федя и недовольно надул губы.

- Как же так! - растерялся доктор и вытер пот со лба. - Вместо ног - руки, вместо головы - живот! Где же тогда у тебя уши?

- Во-от! - и Федя недовольно ткнул себя пальцем в нос.

Доктор ходил по комнате туда и обратно. В правом и левом кармане халата шумно спорили стетоскоп и градусник:

- Мальчика надо срочно в больницу! У него новая болезнь «рукоголовагит», - шипел, как самая настоящая змея, Услышка.

- Нет. Он бредит. Ему надо срочно сделать укол! - закипал и краснел от недовольства Подмышка.

Только доктор не спорил. Он сделал ещё несколько кругов по комнате и внимательно посмотрел на маму Феде, которая всхлипывала от расстройства.

- Скажите, пожалуйста, - спросил доктор, - давно ли ваш мальчик путает ноги, руки и другие части тела?

- Целый месяц... Фы-р-р-р! - звучно всморкалась мама в носовой платок. - С тех пор, как Федя пошёл в новый детский сад, он стал путать руки с ногами, а голову с животом. Но самое плохое, что он меня совсем не слышит!

- О-о-о! Со слухом у него всё хорошо! - решительно поспорил доктор Пертуссин.

- Вовсе нет! - выкрикнула мама Феде. - Вот, послушайте! Федя-я-я!

- Где медведи? - посмотрел Федя по сторонам.

- Феденька-а!

- Медведенька-а! - выкрикнул он, словно передразнивая маму.

- Фёдор!

- Мёда! Дайте мёда!

И Федя начал топтать ногами по полу. Доктор Пертуссин достал из кармана блокнот, ручку и начал писать:

«Федя. Пять лет. Вес двадцать килограммов. Волосы рыжие. Глаза карие - хитрые. Путает руки с ногами, а голову с животом. Не слышит маму. Диагноз: «хронический врунит».

Доктор протянул листок маме.

- Это лечится? - спросила она.

- Тяжёлый случай... - промывчал док-

тор Пертуссин. - Мне надо посоветоваться с коллегами.

И доктор наклонился к правому карману.

- Десять уколов «Честности» три раза в день, - шепнул стетоскоп Услышка.

- А причина болезни? - спросил доктор Пертуссин. - Нельзя лечить, не зная причину болезни.

- Ох-ох-ох... Мальчик не хочет ходить в детский сад, - ответил из левого кармана побледневший градусник Подмышка.

- Вот-вот! - вздохнул доктор Пертуссин. - Совершенно верно. Надо вылечить Федю, пока от него не заразилась мама.

- Ой! - вскрикнула мама и схватилась за голову.

- Ай! - воскликнул Федя. - Что будет с мамой?

- Сначала мама не захочет прибирать твои игрушки.

- Ну и пусть! - пробормотал Федя.

- Потом мама не захочет готовить завтрак, обед и ужин.

- Ну-у-у! - Федя вцепился маме в руку, словно клещ.

- Но самое страшное, что мама не захочет быть мамой!

- Ой-ой-ой! А если заразишься ты? - и Федя ткнул доктора Пертуссина пальцем в живот.

А доктор как свалится с табуретки, как начнёт бить ногами об пол.

- Не хочу лечить сопливых и кашляющих детей! Не хочу ходить на работу! Хочу обратно в детский сад! - вопил доктор Пертуссин.

- Но в детском саду оmlет! Бе-е-е-е-е! Кисель! Фу-у-у-у! Манная каша с комочками! - кричал громче доктора Федя.

- В детском саду можно играть, спать и гулять! Не хочу лечить детей! Не буду! - продолжал топтать ногами и валяться по полу доктор Пертуссин.

- Кто же будет лечить меня и других детей? - заплакал от обиды Федя.

Градусник Подмышка и стетоскоп Услышка выпрыгнули из карманов доктора и бросились к Феде:

- Мы будем лечить тебя! Срочно в больницу! И десять уколов «Честности» три раза в день!

- А-а-а-а-а! - закричал Федя и заполз к маме на руки. - Не хочу уколов «Честности»!

И как только Федя крикнул слово «не хочу», он сразу закрыл рот ладошкой.

- Я пошутил! Вот мои руки. Вот мои ноги, - и Федя показал руки и ноги. - Услышка, Подмышка, помогите доктору! Ему нельзя болеть «нехочутом». Кто тогда будет лечить детей?

С тех пор Федя каждый день ходил в детский сад. Пил кисель и ел манную кашу. А доктор Пертуссин, стетоскоп Услышка и градусник Подмышка лечили других детей. Тех, кто болеет понастоящему. А к Феде приходили в гости один раз в год - на день рождения.

«МЫ НА МОРЕ»

Стихи для детей

Выходной

*Сегодня волны крепко спят.
Не бьют о камни, не шумят.
Они не прыгают со мной -
У волн сегодня выходной!*

Прямо в лето

*Мы помчались! Мы помчались!
Прямо в лето, прямо в лето!
И дорога не скучает,
Вьётся лентой, вьётся лентой.
Справа - поле, слева - горы.
Впереди в глазури - небо.
Мы на море! Мы на море!
Я еще на море не был.
Скоро, скоро остановка.
Пляж, палатка, тёплый ветер.
Я в панамке! Я в обновках!
Я счастливей всех на свете!*

«Чистая книга»: итоги премии имени Федора Абрамова

Не случайно премию в честь Фёдора Александровича назвали именно так. «Чистая книга» - название неоконченного романа Абрамова. Вот как сам Фёдор Александрович объяснял смысл этого понятия: «Чистая книга писана в кромешной тьме, в яме, но она вся так и светится... Человек, сподобившийся прочитать эту книгу, прозревает на всю жизнь... Он постигает правду жизни. И он знает отныне, как жить, что делать. Но Чистая книга даётся только чистому человеку. И до неё надо дорасти».

Премия присуждается в Архангельске. Победителей объявляют в марте, а награждают в июне. В нынешнем премиальном сезоне в номинации «Современная проза» победил Василий Авченко из Владивостока за документальный роман «Красное небо. Невыдуманные истории о земле, огне и человеке летающем». Это книга о судьбе военного летчика Льва Колесникова, которая становится «точкой входа» в масштабные сюжеты освоения Дальнего Востока, историю авиации, расцвет поэзии в XX веке... Другой лауреат в этой номинации - прозаик, литературный критик и музыкант Роман Сенчин из Екатеринбурга. Премией отмечен сборник малой прозы Сенчина «Остановка. Неслучившиеся истории», включающий в себя повесть «Золотые долины» и более двадцати рассказов об обычных людях с их надеждами, желаниями, обычной нерешительностью и покорностью обстоятельствам, которым предоставляется возможность совершить перемену в судьбе,

но не все готовы сделать столь решительный шаг.

В номинации «Литературная критика» лучшим назван Иван Родионов, литературный критик, поэт, блогер, редактор из волгоградского города Камышина. Награды удостоена книга «На дно, к звёздам. Заметки об отечественной литературе 2019 - 2023» - сборник критических заметок о современной российской прозе, написанных автором для федеральных СМИ за три года.

Специальную премию «За подвижническую деятельность по изучению и пропаганде литературы Русского Севера» получил Николай Васильев за книгу «С ней люблю, негодую и плачу» - сборник эссе, посвященный творчеству Николая Рубцова. Главы этого исследования публиковал наш журнал в номере за 2023 год.

Специальной премии «За сохранение и развитие традиций деревенской прозы» удостоена Наталья Мелёхина за сборник рассказов «Перевал Волкова» (12+).

---

*Председатель экспертного совета
премии «Чистая книга»*

*Сергей Шаргунов: «Мой совет
издателям и пишущим: идите
на Север. Здесь рождается - или
продолжается - настоящая,
живая, полноценная русская
литература».*

Надо отметить, что Наталья была номинирована на премию уже во второй раз.

- Первый раз был в 2020 году, тогда я стала финалистом, и меня пригласили в числе других писателей-северян принять участие в праздновании столетия Фёдора Абрамова. Мы посетили его родную деревню Верколу, встречались с читателями в Архангельске и Карпогорах, - вспоминает Наталья Михайловна. - Пребывание на родине Фёдора Абрамова, пусть даже краткое, много мне дало: Пряслины, Порохины, Альки, Пелагеи, Махонька - все-все они по-прежнему здесь, хоть и живут в ином времени, хоть и носят иные имена, фамилии, отчества. Люди всё так же поют старинные песни, рассказывают сказки и небывальщины, хранят, а то и носят с гордостью народные костюмы - сарафаны-синяки да пестрядинные рубахи.

Прозаик рассказала историю появления сборника «Перевал Волкова»:

- Ко мне обратилась генеральный директор череповецкого издательского дома «Порт-Апрель» Елена Васильевна Рогачева с просьбой написать документальную книгу, но тема оказалась далека от меня, и я предложила взамен свою художественную прозу, которая издательство заинтересовала. В книгу, вышедшую в 2021 году, вошли как некоторые из моих старых, уже подзабытых читателями рассказов, так и новые на тот момент - «Коронованные бедой», «Маня, Муся и магнит» и др. Потом было тесное сотрудничество с художницей Еленой Ульяничевой.

Книга «Перевал Волкова» вышла в серии «Сокровища вологодской литературы», где также были изданы сборники стихотворений Александра Башлачёва «Нет тех, кто не стоит любви» (16+) и Николая Рубцова «Поверьте мне, я чист душою» (12+). Автором предисловия к сборнику стал поэт, прозаик, переводчик и руководитель Ярославского отделения Союза писателей России Мамед Халилов. «Пер-

сонажи рассказов Мелёхиной не выдуманы - они шагнули на страницы книг из бескрайних вологодских просторов. Живые и неповторимые, с певучей речью - они среди нас, не узанные и не разгаданные нами. Понадобился прозрачный талант и неброская, но пронзительная любовь к своей земле и её людям, чтобы мы узнали современников, своих соотечественников. А узнав, преисполнились светлой надеждой, что не всё ещё потеряно», - пишет Мамед Гаджихалилович.

Книга получила доброжелательные критические отзывы. «Какие хорошие люди обитают в новой книге Натальи Мелёхиной «Перевал Волкова»! Все без исключения! И не то чтобы они ангелы во плоти, нет, простые грешные люди, но столь уж хорошие и добрые. Как они помогают ближнему своему, да хоть и дальнему - искренне, бескорыстно, никого не оставляют без своего внимания и догляда. Умеют ценить герои Н. Мелёхиной внутреннюю и внешнюю красоту, знают волшебную, неистребимую силу слова, строго сохраняют и соблюдают исконные деревенские обычаи и традиции. Самое ценное в этой книге - мудрость простой жизни, передаваемая из поколения в поколение», - написал о сборнике доктор филологических наук, профессор Северного (Арктического) университета Андрей Петров.

Торжественное награждение победителей прошло на фестивале «Белый июнь» в Архангельске. Председатель экспертного совета, писатель Сергей Шаргунов так прокомментировал итоги премиального сезона: «Мой совет столичным издателям: идите на Север. Но это и совет пишущим, который хочется произнести вслед за Юрием Казаковым, москвичом, влюбившимся в эти пространства, героем книги, над которой сейчас работаю. Здесь рождается - или продолжается - настоящая, живая, полноценная русская литература».

«После победы встретимся и вновь заживем»

Выдержки из писем с фронта С. М. Кузнецова

Сергей Михайлович Кузнецов родился в 1904 году в деревне Дмитриево Кирилловского района. Закончил 9 классов, перед войной работал агрономом и бухгалтером.

На фронт его взяли 1 августа 1941 года. Служил в 131-м армейском запасном стрелковом полку на артскладе. 131-й АЗСП с августа 1941 по ноябрь 1944 входил в состав 7-й армии (Карельский фронт), которая обороняла от немцев и финнов рубеж по реке Свирь между Ладожским и Онежским озерами. В 1944 году после освобождения Петрозаводска и выхода Финляндии из войны полк вошел в состав 9-й Гвардейской армии (2-й, а затем 3-й Украинский фронт). С ней полк прошёл путь от Будапешта через Вену до Ческе-Будеёвице в Чехословакии.

На момент начала войны семья Сергея Михайловича жила в деревне Дмитриево: жена, Устинья Семеновна, 40 лет, и четверо детей: Николай - 15 лет, Лидия - 13 лет, Вячеслав - 4 года, Евгений - 3 месяца.

Домой Сергей Михайлович вернулся в августе 1945 г. Умер в июне 1948 г. от туберкулеза легких.

Сохранилось 59 его писем с фронта, пронизанных заботой о семье и ожиданием победы над врагом. Выдержки из этих писем предлагаю вниманию читателей.

**Евгений КУЗНЕЦОВ,
сын С. М. Кузнецова**

С. М. Кузнецов.

29 декабря 1941 г. ...очень рад и благодарен тебе, что ты, Коля, помогаешь маме. Война кончится, жизнь наладим.

15 июня 1942 г. Устиша! Меня тревожит состояние здоровья Коли... Не было бы осложнения после гриппа. Войну надо закончить в этом году.

[Лидя!] Воображение так и рисует: ты сидишь и пишешь, Славик пишет мне письмо, с напряжением слюнявит каран-

даш, а Женя сидит, уцепившись за тебя. Такие картины, Лида, отрывают на несколько времени от той действительности, в какой мы находимся. Читаешь письмо, и сердце наполняется радостью с одной стороны, а с другой видишь вашу действительность, и горько, горько становится. Приду домой, Лида, после войны жизнь направим, нужно пережить вместе со всей страной этот грозный период и во что бы то ни стало выгнать врага за пределы нашей страны и разгромить.

4 декабря 1942 г. Коля! Тебя, безусловно, в 1943 г. призовут в ряды Красной Армии. [25 декабря 1942 г. Коле исполнилось 17 лет]. Да, Коля, видимо, нам с тобой придется одновременно послужить в РККА, что я никак раньше не ожидал. Успехи Красной Армии на Сталинградском участке фронта и на Центральном фронте дают полное основание думать, что врагу больше не поднять головы. Будем надеяться, что разгром врага - дело недалекого будущего.

Несколько слов о себе. Здоровье старому, прибавился только кашель.

2 марта 1943 г. [Лида!] Итак, значит, Коля уехал. Я чувствую, в доме все равно что опустело. Он у меня из головы не выходит. 17 лет только исполнилось... почему же он мне не пишет, адреса не взял, что ли, моего или какая другая причина заставляет его молчать. Жаль, что нет у него кожаной обуви, всё здоровье можно потерять в такую сырую погоду.

3 мая 1943 г. Лида, убивает меня неизвестность положения Коли, что с ним и где он?

8 мая 1943 г. [Лида!] Я насчет Коли сделал запрос в Грязовец [Коля простудился на пути к фронту и умер в марте 1943 г. в госпитале города Грязовец, около пяти-

десяти километров к югу от Вологды], но пока еще ответа не получил.

21 мая 1943 г. [Лида!] Завтра еще буду писать письмо на имя военного коменданта города Вологды, может быть, что-то и ответит про Колю.

Война не обходится без гибели людей, жертвы кругом, и нас не обошли.

9 июня 1943 г. [Лида!] Я получил официальную справку Грязовецкого военкомата в ответ на мой запрос.

3 августа 1943 г. Устиша! Довольно тебе плакать о Коле, мертвых не воротить и слезами ничему не поможешь, береги себя.

14 февраля 1944 г. [Лида!] Твоё и мамы письма... были взволнованными в связи с создавшейся путаницей о моей смерти. Знаю, как вам было тяжело пережить это время. [Устинье Семеновне по ошибке пришла «похоронка» на Кузнецова Сергея Михайловича. Оказалось, что в Кирилловском районе Вологодской области был полный тезка моего отца].

Да, Лида, самая лучшая пора всей нашей жизни - это время школьной учебы.

Ты бы знала, Лида, живя здесь в однообразии, видя все время одних и тех же, каждый день одно и то же вот уже 2 ½ года, ей-богу, кажется, ум притупляется и память слабеет.

Завтра старинный праздник Сретенье, какие были раньше у нас в селе грандиозные гулянья, собирались десятки людей со всех краев... В памяти воскресают прожитые годы, как что-то потерянное.

8 марта 1944 г. [Лида!] Твоя учеба должна быть отличной - это, Лида, будет твой ответ, вернее, лозунг сегодняшнего твоего дня - быть отличницей, будущим строителем, честным работником соци-

• СЕВЕРНЫЙ ДНЕВНИК

алистического отечества. Взамен нашего дорогого Коли и в помощь мне, если я буду жив, а также в помощь маме в воспитании Славика и Жени. Вот, Лида, какова задача стоит перед тобой. Это мой тебе, моя дорогая, любимая, наказ.

[Лида подчеркнула слова красным карандашом, при этом слова «социалистического отечества» - дважды. Наказ отца Лида выполнила].

26 марта 1944 г. Устиша! ...довольно тебе тосковать. У тебя и так головные боли от сильного малокровия... Я сам вспоминаю про себя каждый день Колю.

Ношу домашний свитер под гимнастеркой. Если бы не свитер, то вряд ли бы удалось поправить голос, только свитер и спас, прогревая горло. Дней 10 не мог нисколько говорить, только говорил шепотом.

10 мая 1944 г. Устиша...каждую почти ночь кто-нибудь из вас приснится... Надежды на будущую семейную жизнь терять не будем.

22 мая 1944 г. [Лида!]...пишешь, как провела праздник 1 Мая. Я не ожидал, что тебе придется так провести эти дни. Обидно и досадно мне слышать все это... я тоже не имел возможности одеваться по потребности, спроси, мама скажет по этому вопросу тебе многое. Кончится война, жив буду, все поправим дела, только не падайте духом.

25 мая 1944 г. Здравствуй, дорогая Устиша! Сегодня получил от тебя письмо, в котором сообщаем о смерти моей матери. Спасибо за уход и похороны. Просьба описать подробнее прохождение болезни у матери и что она говорила или называла перед смертью. Прошу запомнить могилу матери и отца, чтобы сходить на них, если придется бывать дома.

31 мая 1944 г. ...табаку частенько не хватает, курю много. Сегодня продал нож, помните, который у меня был...за 200 руб. и сегодня их [деньги] перевел вам.

20 июня 1944 г. [Лида!]... теперь, дружок, надо будет поработать в колхозе, от лета зависит судьба почти всего года.

Замечательные победы Красной Армии на Карельском перешейке говорят о том, что финским лахтарям осталось разбойничать недолго, скоро заголосят они и будут просить опять мира. [«Лактари» (в переводе с финского «мясники») - термин с времен Гражданской войны. Отличались крайней жестокостью во время пыток и казней пленных красноармейцев].

21 июня 1944 г. Дорогая Устиша! ...ты пишешь, что вы сейчас себя запрягаете в телеги... как вы можете это делать, не выдавши не один уже год жиров и мяса.

Ваш гигантский труд, который вы вложили за время войны в сельское хозяйство, еще история не знает.

12 июля 1944 г. Пришлось насмотреться на бесчинства финнов во время похода. Разрушены и сожжены до основания целые деревни и села, жутко смотреть.

Вчера в местечке, где мы стоим, левой суд разбирал дело одного карела-изменника и предателя родины. Приговор был вынесен - повесить, сразу при всех на площади и казнили, я стоял рядом с виселицей и насмотрелся процесса казни. Когда казнили, публика аплодировала.

12 июля 1944 г. [Лида!] 17 июля исполнится мне 40 лет, возраст приличный, годы уходят, а сделано в жизни еще мало.

19 августа 1944 г. Дорогая Устиша! О Лиде. Береги ее характер, она слишком впечатлительна.

7 сентября 1944 г. Привет, Устиша! Очень жаль, что Славику не придется ходить в школу. Про тебя скажу следующее. У тебя здоровье совсем подорвется от такой жизни, так как выходит, что ночью бродишь [мама дежурила на скотном дворе], не отдыхаешь, а днем работаешь.

1 октября 1944 г. Вместо реальной помощи, в которой нуждаются семьи красноармейцев, додумались до такой вещи руководители колхозов, что преподносят штрафы за то, что сходили за дорогим продуктом в лес, то есть за грибами. [Несколько девушек, в том числе Лида (ей было 16 лет), ушли в лес за грибами, не предупредив бригадира].

Если не скинут наложенного на вас штрафа, я буду ходатайствовать перед районным комитетом партии или перед областным комитетом об оздоровлении работы колхоза.

Керосину, наверно, нет у вас, а вечера такие длинные.

16 декабря 1944 г. Устиша, напиши, пожалуйста, кто в нашем районе депутат Верховного Совета. Я Лиду просил написать, кому дают из вас паек или нет, и сколько.

Если можно, Устиша, то продай мое пальто на хлеб.

3 января 1945 г. [Лида!] У меня из головы не выходит одна мысль, как вы переживете этот год, по-моему, он для вас будет самым тяжелым, так как купить хлеба у вас не на что.

Кашляю теперь намного меньше.

20 февраля 1945 г. [Лида!] Находимся в Венгрии.

Здоровье понемногу поправляется, но очень ослаб.

После победы встретимся и вновь за-

живем. Залечим раны, нанесенные войной, и будем жить по-старому в тесном семейном кругу.

6 марта 1945 г. [Лида!] Чувствую себя гораздо лучше. В одно время думал, что совсем свалит.

Обстановка совершенно новая, ничего не понимаем друг у друга, объясняться приходится знаками... Сказывается, что они [венгры] были первыми союзниками немцев. Живем в домах, которые оказались пустые (хозяева сбежали, некоторые с немцами). Половина женщин ходит в брюках, на первый взгляд кажется потешным.

Несколько слов Славику:

1. Слушай во всем маму и Лиду.
2. Люби и не обижай Женю и вместе с ним играй и гуляй.

21 марта 1945 г. Сегодня нахожусь в одном венгерском селе. Население - словены. Можно кое-как разговаривать, но купить ничего нельзя, все говорят, что нет и нет, хотя знаешь хорошо, что есть.

В 1941 году венгры вместе с немцами напали на нашу страну, хотели за счет нас пожить... Я думаю, что эта война им даст такой урон, что на целое столетие не опомнятся они от нее и не вздумают воевать.

Устиша, я посылаю на имя депутата Верховного Совета СССР Рагиной А. Ф. [ее фамилию] сообщение в письме Лида, заявление, чтобы вам оказали материальную помощь.

Из писем, получаемых товарищами, известно, насколько везде на местах нечутко относятся к нуждам семей красноармейцев, неужели и у вас тоже так.

13 апреля 1945 г. Я уже в Австрии. Может быть, скоро встретимся. Ведь когда-то же будет концу испытаниям.

15 апреля 1945 г. [Лида!] Первое время весьма опасно заболел, но сумел удержаться на ногах, не ложился в госпиталь.

Нахожусь около Вены. Большое количество молодежи скрылось в лесах, боят-ся русских.

23 апреля 1945 г. Сегодня получил от Лиды письмо, несказанно был рад ему, сколько в нем чуткого, душевного и отзывчивого, жаждающего жизни сердечного чувства. Читаешь - и невольно выступают слезы. Сколько передумаешь, сколько воспоминаний каждый раз всплывает перед тобой. Начиная с самого детства, переберешь все, что сохранилось в памяти, всю жизнь по настоящий момент и забудешь-ся за этим, и горько-горько становится, когда снова ощущаешь сегодняшнюю создающую обстановку. Скоро опять 1 Мая и опять врозь с вами, вот уже четвертый праздник, и даже подчас кажется это все бесконечным.

Лида пишет, что вы почти босые ходите.

23 апреля 1945 г. [Лида!] Не случайно тебе назначили стипендию. [В это время Лида училась в 9 классе].

Австрийское население отнеслось к Красной Армии лучше, чем венгры, много есть хороших поступков по отношению к нам.

17 мая 1945 г. Нет слов у меня выразить радость, которую переживаю. Война окончена. Теперь буду ждать, когда скажут, что поезжай домой. Это, конечно, будет еще не скоро. Находимся в Чехословакии.

Всех вас тысячу раз целую крепко, крепко.

[На обороте данного листа - начерченные Лидой геометрические фигуры и формулы, написанные убористым мелким почерком, уравнения и реше-

ния задач. Черновик домашнего задания, заданного в школе. Бумаги чистой не было].

1 июня 1945 г. Пишу из Чехословакии.

Устиша, прошу тебя... постарайся сохранить свое здоровье, нам еще с тобой придется поработать для воспитания ребят... может, и в нужде первое время, но вместе забудем пережитое нами во время войны.

8 июня 1945 г. На днях опять поедем, будет большой марш, после которого, видимо, будут распускать старые года. Стоит сильно жаркая погода, на улице невозможно находиться. Я послал вам небольшую скромную посылочку.

Надеюсь в конце июля или в начале августа встретиться с вами.

Чехословакия.

[Записка из посылки Сергея Михайловича]:

Посылаю скромную посылку. Из нее:

1. Маме Устише - кожа к сапогам.
2. Лиде - свитер.
3. Славику - пальто и ножичек.
4. Жене - мячик.

15 июня 1945 г. Пока еще в Чехословакии. На днях поедем. Будет большой марш дней на 25, но пока еще не в Россию. С приездом на новое место, как говорят некоторые, будут часть людей отпускать по домам, не знаю, попаду или нет я в первую очередь, но надежды не теряю.

Надеюсь на скорую встречу с вами.

5 июля 1945 г. [Лида!] Я получил твое письмо на марше, прошло 16 суток, совершили 500 километров. Сейчас нахожусь в Венгрии.

Постарайтесь продать, если есть, мои вещи, на них справьте Славику сапожки.

Приеду, жить будет легче, потихоньку направим обстановку.

24 июля 1945 г. [Лида!] Комиссия про-
ходила снова. Признали нестроевым.
День своего рождения [17 июля] про-

вел хорошо. Ходил за ягодами, набрал го-
лубики котелок.
Привет маме, Славику и Жене.

О СОСТАВИТЕЛЕ

Евгений Сергеевич Кузнецов родился в деревне Дмитриево Кирилловского района за три месяца до начала Великой Отечественной войны. Уехал из дома в 1955 г. В 1963 году закончил с отличием Томский инженерно-строительный институт. Четверть века преподавал в Уральском политехническом институте. Кандидат технических наук. Один из зачинателей альпинизма в Томске. Чемпион СССР 1969 года, мастер спорта СССР в этом виде.

Автор нескольких книг стихов и прозы. Член Союза писателей России, член-корреспондент МАНЭБ, член Русского географического общества.

Живёт в Екатеринбурге.

Свои впечатления об отцовских дневниках Евгений Сергеевич выразил в стихотворении.

* * *

*Фронтовые отцовские письма я снова читаю,
пожелтела бумага, но память бессмертно чиста.
Я в промерзшем окопе о встрече с семьёю мечтаю
и встаю во весь рост. И душа улетает с листа.
Я жене напишу, что вернусь и что жизнь мы наладим,
будет снова богатой веселая дружная Русь,
будет хлеб на столе, новогоднюю елку нарядим
для детей наших милых... Но я никогда не вернусь.
Не вернусь, не узнаю, как выжила, вынесла сколько,
как, детей сберегая, сама голодала жена.
Колоски на полях да трава на лепешки, и только,
только памятник ей не поставила наша страна...*

*Перечитаны письма, видения дальние тают,
помолюсь потихоньку в преддверии нового дня.
Но из черного неба фашистские мины влетают
в дом донецкий, и все попадают в меня.*

Связующая «Нить»

О книге стихов
Михаила Карачёва

В 2023 году в Вологде вышла книга стихов Михаила Карачёва под кратким названием «Нить». Книга была выпущена к юбилею - автору исполнилось 70 лет.

Не будем говорить об обложке, качестве печати, фотографиях. Всё это сделано прекрасно, книгу приятно держать в руках и иметь в домашней библиотеке. Лучше перейдем к главному - к стихам.

В наше не слишком читающее время над поэтом нависает как бы двойная опасность. С одной стороны, большая (и обычно безразличная к литературе) часть населения вообще о современном литературном процессе, в том числе в пределах области, не имеет никакого представления. Для таких людей желательно, чтобы книга давала «сразу и всё», а также была не слишком большой (ибо это «кусается» - как по цене, так и по усилиям, затрачиваемым на чтение). С таким заданием книга Карачева действительно справляется: она компактна, читается в «один присест» (хотя чтение вообще любых стихов лучше все-таки растягивать) и представляет собой - по крайней мере, так кажется - избранное автора.

Но есть и другая опасность: если основная часть населения читать не очень любит (во всяком случае, стихи), то получается, что писатели (и отчасти филологи) как бы варятся в собственном соку. Отсюда - крайне придиричивое иногда отношение к чужим текстам, оценивание всегда по гамбургскому счету и так далее. Есть тут и свои, каса-

ющиеся литературной кухни, особенности, но о них, может быть, немного позже.

А пока нужно сказать, что книга удалась и в этом отношении. Конечно, на поэзию могут быть совершенно разные взгляды, и один и тот же текст может порождать как превозношение, так и тотальное отрицание, но мы все-таки постараемся остаться в пределах некоего «здорового критического смысла», помноженного, наверное, на желание сделать нашу вологодскую поэзию более интересной для читателя, который ее не знает. Как бы сказать такому читателю: посмотри, и сейчас на вологодской земле существует поэзия!

Поэзия Михаила Карачёва по характеру своему близка тому, что обычно называют поэзией мысли. Это не философская лирика в строгом смысле слова, однако совершенно очевидно, что акцент в стихах делается на осмысление мира, а не на чувствование его (хотя, конечно, чувства в поэзии тоже очень много, но об этом чуть позже). Мало того, отдельные строки представляют собой фактически законченные философские миниатюры: «Всё, что умерло, - рядом таится». В этой

строке ведь целая проблематика. Здесь одновременно - и смерть, и преодоление ее либо за счет памяти, либо, так сказать, непосредственного, хоть и метафизического присутствия того, «что умерло». Как бы некая взаимопроницаемость двух миров.

Или: «И как понять, что вечное - не случай». А действительно - как понять? Ведь тут - разница мировоззрений. Для религиозного сознания, в котором «вечное» есть неотменимое качество мира, случайности действительно не бывает (а бывают, если следовать известному изречению, «скрытые закономерности», ну, или Промысл Божий). Для сознания же, скажем так, материалистического (в котором «вечное» - штука довольно шаткая и как бы даже не обязательная) случай - господин всего. Ну, а если человек находится на стыке этих сознаний? Как ему, действительно, понять, «что вечное - не случай»? Какие подобрать философские аргументы?

Должны сделать необходимую оговорку: поэзия - это все-таки не философия. И процитированные нами строки в действительности, конечно, не ставят вопросы так, как мы их тут написали. Они органично вплетены в художественную ткань текстов и выполняют там свои функции. Но это не отменяет их философского звучания и интерпретации.

Кстати, поэтам, работающим в рамках классических традиций русской лирики, обычно ставят на вид, что у них «всё о березках». Это сложившийся культурный миф (который появился вместе с массовым появлением еще в прошлом веке эпигонов Есенина), который - если, конечно, читать «Нить» непредубежденно - на поэзии Карачёва не работает. Несмотря на обилие природных образов - деревьев, реки, луга и так далее - совершенно очевидно, что не они тут главные. Природа у Карачёва - не нечто самодовлеющее. Она всегда вплетена в сложные отношения с сознанием лирического героя. Даже более того - она во

многом является проекцией этого сознания! Хотя при этом, конечно, не перестает оставаться самостоятельной сущностью.

Так как поэзия Карачёва близка поэзии мысли, сразу же, естественно, возникают параллели с Боратынским, Тютчевым и т.д. Местами они даже текстуально очевидны:

*Вечной жизни рассказана небыль,
Вечный хаос нас рвет на куски.*

Противостояние «жизни» и «хаоса» в данном случае - вполне тютчевское.

Есть и другие параллели. Если у Тютчева исследователи как одну из констант его поэтического мира отмечают «двоемирие», у Боратынского - сумерки (то есть некоторое переходное состояние бытия), то для поэзии Карачева характерны образы тумана, мглы, тьмы, вообще какой-то природной зыбкости: «Длится ночь, и льется темень ветровая»; «И мгла ночная за спиной/ Страшит, как темный омут»; «Все сожаленья, вспоминая/ В ночной туман угнетены». Дело, однако, не просто в образах. Здесь создается определенная - вот эта зыбкая, туманная - атмосфера. Недаром в одном из стихотворений сказано, что «тревожный расступится воздух». В поэзии Карачёва нет легкости, воздушности (хотя напевность и лиричность, безусловно, есть), тут даже воздух настолько плотен, что он «расступается».

В данном случае, конечно, чувствуется влияние еще одной традиции - поэзии Юрия Кузнецова. Иногда она, опять же, текстуально угадываема:

*И мертвая жизнь оживает и стонет,
И ветер полуночный гонит и гонит,
И тени текут - не увидишь лица...
И матушка кличет с родного крыльца.*

Образ матери, которая кличет с крыльца, генетически, конечно, кузнецовский.

Вероятно, и плотность, как бы тягучесть атмосферы в стихах Карачева не в последнюю очередь обязаны этими своими качествами поэзии Юрия Кузнецова.

Нужно, однако, оговориться, что, когда мы говорим о Тютчеве, Кузнецове, мы не имеем в виду механическое перемещение их приемов (в формальном смысле) в стихи Карачёва. Во-первых, такое перемещение в принципе невозможно: при разности мировосприятий, сознаний получится, прямо скажем, какая-то ерунда. Во-вторых, Карачёв влетает эти приемы не механически, а органически, подстраивая их под собственный поэтический мир. Мир поэзии Карачёва - это не мир Тютчева (как, в равной степени, и не мир Кузнецова), и прежде всего потому, что тут другой лирический герой. Герой Карачёва - это такой русский стоик. Он не столько философствует, сколько внутренне проживает всё это течение жизни, бытия. Недаром само слово «жизнь» так часто появляется у Карачёва, причем именно в подобных контекстах: «Где жизнь прошла, как ожиданье жизни»; «Будто кто-то до меня/ Прожил жизнь мою...». Жизнь - как и мир - как бы не до конца принадлежит лирическому герою Карачёва (про лирических героев Тютчева и Кузнецова этого сказать нельзя). В этом - трагедия его положения. А также разность, та демаркационная линия, которая разделяет упомянутые нами традиции.

К слову, если уж говорить о наследовании традициям, такое наследование (хотя в то же время, как мы видели, и разрыв, отдельность) никогда не было лишь формальным, чисто эстетическим. Здесь есть и наследование смысловое, аксиологическое. В этом смысле «ориентация на чужое слово» (воспользуемся понятием Бахтина) характерна не только для древнерусской, но и для современной литературы. Продолжение традиций (если это, конечно, не эпигонство) - вполне нормальный,

закономерный и нужный процесс. Таким образом, в частности, сохраняется единство русской поэзии на протяжении веков. И кто знает, может быть, именно через поэзию Карачёва какой-то читатель выйдет на Кузнецова или Тютчева.

Раз уж речь зашла о лирическом герое, то, дабы не быть неверно понятыми, скажем, что он не только философ, стоически переносящий бытие. Он глубоко переживает разные чувства - от любви (к женщине, к Родине) до страха смерти. Важно заметить: переживает глубоко - но не напоказ! Здесь нет есенинского «Голова ль ты моя удалая, до чего ж ты меня довела» (ну или возьмите любую другую строчку - герой Есенина весь в охватившем его чувстве, оно у него переливается через край; совсем не то у Карачёва).

В поэзии Карачёва есть сдержанная сила чувств: «Среди безмерной тьмы горящей,/ Когда немеет всё окрест,/ Смятенные памятью томящей/ Ведет, как бритвою звенящей,/ По сердцу медленный надрез». Однако эта боль - внутренняя, не напоказ - избегается в слове: «Как будто ищет счастья повод/ В ночной рубежный мертвый час, - / Трепещет ласковое слово/ И призывает к жизни нас». Подобных - внутренних, потаенных, как бы не выплескиваемых вовне - переживаний в стихах Карачёва множество. Именно они делают стихи не только условно «стоическими», но глубоко напряженными, втуне эмоциональными.

Поэзия Михаила Карачёва - это, безусловно, цельная поэзия. Она может нравиться или не нравиться, но чего у нее не отнимешь, так это того, что после прочтения книги создается законченный образ мира. Он, опять же, может быть близок или не близок конкретному читателю, но он есть, он вписан в русскую поэзию и заявляет о себе уже хотя бы самым фактом своего существования.

Николай ДЕГТЯРЕВ,
член Союза писателей России

Николай Смирнов. «Где мёдом пахнут травы...»

Вологодское издательство «Древности Севера» в текущем году выпустило в свет книгу избранных стихотворений Николая Смирнова из Шекснинского района (1929 - 1965).

В сборнике - 92 стихотворения. Эта небольшая книга изящного формата, оформленная графикой Марии Цвеченко из Котласа, открывает серию «Поэзия и проза Русского Севера».

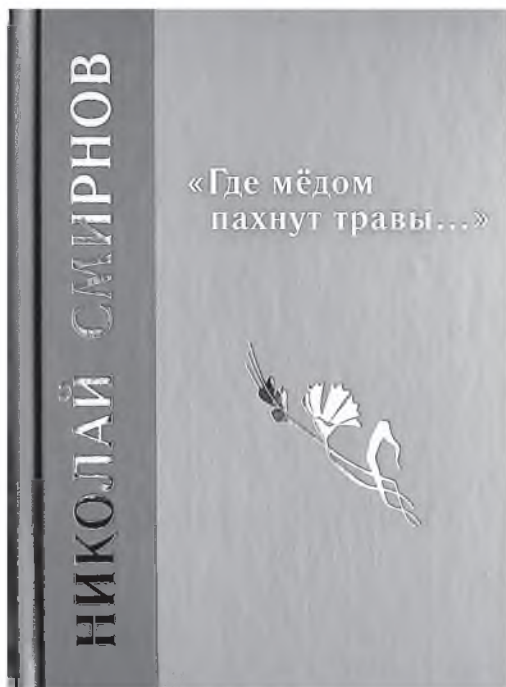
Названием книги стала строка стихотворения Николая Смирнова:

*Прячусь от соседей и от мошки,
Пахну свежим сеном и дымком,
И стихи, как чёрствые лепёшки,
Запиваю тёплым молоком.*

*Я считаю родиной по праву
Этот уголок большой земли,
Где в июне мёдом пахнут травы
И гудят над травами шмели.*

Смирнов прожил короткую, полную страданий жизнь - всего тридцать шесть лет. Туберкулёз... Как тут не вспомнить страшное выражение: «Настоящие поэты долго не живут»? Вспоминается судьба другого поэта-вологжанина, более известного, - Николая Рубцова. Оба жили на Вологодчине. Обоих зовут Николаями. И они должны были встретиться были в 1965 году на семинаре молодых литераторов в Вологде. Но Николай Смирнов в декабре того года покинул этот мир. Николаю Рубцову было отпущено немногим больше.

В подготовке первой книги Николая Смирнова тоже хватает мистических совпадений. Одна из составителей сборника, устюжанка Ольга Кульневская, много лет живёт неподалёку от старого городского кладбища. Именно здесь нашёл последний приют Николай Смирнов, но об этом Ольга не знала, пока не занялась составлением книги.

Память о поэте хранили лишь на его малой родине, в Шекснинском районе, - библиотекарь деревни Братково Татьяна Иванова и немногие литераторы. Публиковал свои стихи Смирнов только в местных газетах, из толстых литературных журналов - в «Молодой гвардии». Стихи Николая покорили еще одну устюжанку - учительницу Валентину Жукову. Эти увлечённые женщины сделали всё, чтобы книга стихов Николая Смирнова вышла в свет. Её приятно взять в руки - обложка цвета травы, и название душистое...

Возможно, Николай Смирнов мог бы стать новым Рубцовым. Не подражателем и даже не продолжателем Николая Михайловича - у него нет перепевов рубцовских стихов. Несмотря на лексическую и ритмическую близость творчества поэтов, шекснинский автор совершенно оригинален.

Давайте сравним. Николай Смирнов:

*Огни последние ночные
Погасли в сёлах и на станах,
Уснули берега речные
Под одеялами туманов.*

(«Огни последние ночные...»)

И вспомним хрестоматийное рубцовское:

*В этой деревне огни не погашены,
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звёздами нежно украшена
Тихая зимняя ночь.*

(«Зимняя песня»)

Обоим поэтам необходима тишина, чтобы услышать своё сердце, успокоиться.

Кому-то стихотворения Смирнова покажутся слишком простыми, слова - обыденными, «прозаическими». В этом, кстати, упрекали когда-то и Николая Рубцова. Но подлинные стихи и не должны поражать внешними эффектами; поэзия должна быть в сердце автора.

Вот стихотворение, которое считаю программным для Смирнова, недаром составители поставили его первым в сборнике. Вслушайтесь в эти удивительные строчки, чистые, звенящие, они читаются на одном дыхании:

*Я и в горе рад всему родному!
Ветер, словно друг, склонясь к окну,
Мне в лицо, усталому, больному,
Липой и черёмухой пахнул.*

*Облака повисли над прогоном,
Напились зарёю допьяна,
Лопнула, ударила со звоном
Где-то рядом молния-струна.*

*Вторя умирающему звуку,
Раненое сердце бередя,
Шелестит про вечную разлуку
Слёзная мелодия дождя.*

*Я сольюсь душою с этим краем,
В запахах и звуках растворюсь,
Встану над рекой в тумане раннем
И дождём над озимью прольюсь.*

*Вьвью через край хмельные росы,
Расцвету ромашкою в траве,
И меня вплетёт в тугие косы
Девушка с венком на голове.*

Как справедливо пишет известный критик Вячеслав Лютый, послевоенная советская поэзия чрезвычайно насыщена размышлениями о самопожертвовании и верности отчей земле. Всё это есть у Николая Смирнова. Он пишет об инвалидах Великой Отечественной, которые вдруг стали не нужны власти: зачем портить людям победное настроение? Многие стихи Смирнова - это рассказы о судьбах земляков, простых людей труда. Они не произносят громких слов о патриотизме, а на самом деле служат Родине и готовы отдать ей свою жизнь. Колоритные характеристики даёт поэт героям с их достоинствами и недостатками, духом бунтарства, желанием дойти до самой сути, бесконечной добротой. Собранные воедино, они показывают национальный характер русского человека.

В книге четыре раздела: стихи о малой родине и детстве, любовная лирика, философская. Поэзия Николая Смирнова соткана из молодости и мудрости, проникнута глубинным видением мира. Зная о раннем уходе поэта из жизни, по-другому читаешь его стихотворения; в них видно пережитое автором.

*На судьбу не сетуют
Лишь её избранники:
Им - улыбку светлую,
Им - цветы и пряники.*

...

*А моя судьба-тюрьма -
Доля горемычная,
Без души и без ума,
Злая и комичная.*

(«На судьбу не сетуют...»)

Стихи писались в 50-60-е, глубоко атеистические годы, но Николай Смирнов в них - простите за каламбур - являет читателю прямо христианскую смиренность. Он почувствовал ранний уход из земной жизни.

*Опять рыдают липы на ветру
И листья мокрые летят на подоконник.
Опять собаки выли поутру,
Как будто я уже для них покойник.
Вновь осень хмуро прячется в лесу -
Пришло всёвременное смять и искалечить.
И я покорно жертву ей несу,
Последний скарб взвалив себе на плечи.*

(«Опять рыдают липы на ветру...»)

Осень - подведение итогов, а жизнь - вечная дорога: нам всю жизнь идти и ехать.

Вслед за автором вступительной статьи к сборнику Ольгой Кульневской отметим, что Николай Смирнов так и не получил какого-либо литературного образования, но его отличала внутренняя культура, чуткость к слову. В стихах Смирнова можно уловить есенинский звук, пронзительное, но не нуждающееся в восклицательных знаках нежное выражение любви к малой родине и землякам. Зная, что дни его сочтены, Николай продолжал писать. Его поддерживали вологодские классики Василий Белов, Александр Романов, Сергей Викулов, но...

Эту книгу увидела вдова поэта, Александра Николаевна. Смирновы сыграли свадьбу, когда уже было известно о неотвратимо близкой кончине Николая. Вместе прожили всего шесть месяцев.

Теперь Николай Смирнов приходит к тем читателям, которые его не знали, а сейчас, уверен, полюбят.

Артем ПОПОВ,

член Союза писателей России.

Виктор Петрович снова в Вологде

Окончание.

Начало на 2-й странице обложки.

Зал был полон. Рядом с вологодскими студентами сидели люди, которые помнят если не самого Астафьева, то Вологду тех времен. Она была, может быть, не такой прибранной, как нынче, но теплой и... более человеческой, что ли...

Ведущие вечера кандидат философских наук Александр Романов и сотрудница ВОУНБ Наталья Швецова рассказали, где жил писатель в Вологде, что о ней писал, каким наш город предстал перед глазами Астафьева. Иллюстрацией к рассказу ведущих стали фотографии и фрагменты кинофильмов, снятых в нашем го-

роде в семидесятые - восьмидесятые годы двадцатого века. Зрители услышали произведения любимых композиторов Виктора Петровича, среди которых - Георгий Свиридов, Александр Гурилев, Франц Шуберт и Михаил Огинский. Их с блеском исполнили вологодские музыканты - пианисты Анастасия Кузнецова, Вера Сигова и Екатерина Юрченко, певица Ольга Пьянкова.

Этот вечер открыл череду мероприятий, посвященных 100-летию Виктора Петровича Астафьева. Областная библиотека представила выставки произведений Астафьева, в том числе и книг, подаренных писателем библиотеке, а также исследований творчества Виктора Петровича.

Ровно полвека назад, к 50-летию Виктора Астафьева, череповецкий поэт Леонид Беляев написал шуточное поздравление в стихах от коллектива Череповецкой студии телевидения. Редакции журнала текст предоставил известный вологодский краевед Леонид Вересов.

*Вы на древней земле Вологодской
Появились не «Ясным ли днём»?
И в края дали вашей сиротской
Мы подарок такой не вернём.
Потому что милиция даже
Нам подскажет наверняка:
Это очень хорошая «Кража»
Из сибирского кошелька.
И поднявшись не без одышки,
Головой опершись в небосклон,
Шлём Вам в «Синие сумерки» с вышки
До земли не «Последний поклон».*

ВОЛОГДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЕЧЕР
«ВОЛОГДСКИЕ СТРАНИЦЫ
ВИКТОРА АСТАФЬЕВА»
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

15 АПРЕЛЯ
16.00

УЛ. М. УЛЬЯНОВОЙ, Д. 1,
КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛ

Сборник избранной прозы Станислава Михайловича Мишнёва (24.06.1948 - 19.04.2020) увидел свет в текущем году в вологодском издательстве «Родники» в серии «Литература родного края. XXI век». Книга получилась солидной, на пятьсот страниц. О таком сборнике мечтал писатель...

Инициаторами издания выступили Тарногское литературное объединение «Родники» и Вологодское отделение Союза писателей России. Инициативу поддержали глава Тарногского округа Алексей Витальевич Кочкин, заведующая отделом культуры округа Марина Григорьевна Трофимова. Большую работу по подготовке книги выполнил писатель Александр Александрович Цыганов. Презентация новой книги Станислава Мишнёва состоялась в Тарногской районной библиотеке 24 июня, в день рождения писателя.

Александр СИЛИНСКИЙ

«Вещая моя печаль»

Слово о Станиславе Мишнёве

Многое связывает человека с местом, где он родился и вырос. Родной край, его люди становятся частью человеческой судьбы. Где бы мы ни жили, на каком бы языке ни говорили. В нашей огромной стране под красивым названием Россия у каждого из нас есть своя маленькая родина: отчий дом, который нам так близок и дорог.

С давних времён тарногская (кокшеньгская) земля притягивала своими просторами, богатством, красотой, загадочностью, окружающим миром, полным неведомого и непознанного. Об этом писали краеведы В. Е. Величутин, А. А. Угрюмов. Дело их продолжают юные исследователи исто-

рии края. Ежегодно на Угрюмовских чтениях они представляют новые интересные исследовательские работы по истории и культуре тарногской земли. Красоту края, самобытность людей, живущих на этой земле, воспевали в своих работах художники В. И. Силинский, В. У. Едемский, Д. Т. Тутунджан. Тарножане - особый народ. Люди, живущие здесь, отличаются трудолюбием, широкой и открытой душой, они готовы стойко и мужественно переносить все лихолетья, незыблемо хранить жизненные, нравственные заповеди своих предков, любить природу, жизнь, верить в светлое будущее своих детей и внуков.

Именно поэтому жители края сделали район таким, какой он есть сейчас: сохранившим культурные традиции своих предков. Может быть, именно потому тарногский край богат на таланты.

Сборник избранной прозы недавно ушедшего из жизни известного писателя-тарножанина, лауреата ряда всероссийских литературных премий Станислава Мишнёва «Вещая моя печаль», подготов-

ленный к печати в вологодском издательстве «Родники», - это подарок не только всем ныне живущим, но и будущим поколениям. Литературно-художественное издание, включившее в себе лучшее из написанного талантливым писателем, членом Союза писателей России Станиславом Мишнёвым, выходит в свет при поддержке Администрации Тарногского округа.

Станислав Мишнёв

Отпусти меня, земля!

РАССКАЗ

Много за жизнь я ходил пешком, столько переносил сапог, что на склоне лет проникся особенной нежностью к сапогам. И сочувствием тоже. И к кирзовым, и к резиновым, и даже к яловым, но особенно к хромовым, которые однажды обувал, примерял, но на завод денег не хватило. Для сельского жителя польза от сапог неоспоримая. Он в них «и в пир, и в мир, и по подоконью». Наши далёкие предки топтали землю голыми ногами и находили в этом много плюсов. Вы сравните два таких, вроде бы, одинаковых момента: как обувается человек в сапоги и как в туфли. Туфли он готов понюхать, погладить, поднести к самым глазам, потереть локтем, посидеть и подумать, как отреагируют люди, увидев его в «городском обутке», а в сапоги ноги опустил, топнул - и ходу. От прогресса не всегда и не везде польза человеку.

Кругом кучи ненужного хлама. Через тысячи лет наши потомки будут разрывать наши бытовые хранилища и удивляться: это чем же занимались люди, оставив после себя миллиарды бутылок, банок, тонны ржавых консервных банок и прочее, и прочее? И есть бы задумка у слинявше-

го в город земляка пробежаться босиком по росе, по тем самым межам и тропинкам, где в детстве бегал, - да как представит себе, что угодил ступнёй на битую бутылку, и страх берет. Без сапог в деревне «ни туда и ни сюда». Отличнейшая вещь сапоги! Раньше их ой как берегли! Не так то легко было хорошие сапоги справиться. Пойдёт, например, мужик из глухой, махонькой деревеньки в уезд правду искать, он сапоги дёгтем знатно напитаает, на горб кинет, житник в пестерь - и топает в лапотках, а сапоги на батог не сёт. До державной власти добрался, обутки под куст сунет, сапоги обует, рубаху вышитую подкушачит - знай наших! Не какой-то Ванька, а Иван Иванович. Не на слезу давить пожаловал - слово его тяжелым колосом возрастёт, на миру уроненное! Не суди в лаптях, сапоги в саях. Слава и почтение сапогам! Сапоги - не какие-то там рукавицы, рубахи нательные и прочее, это как шапка бобровая с заломом - богатство и гордость владельца. Гордость гордостью, но и вреда от сапог немало. Не дышит нога в сапоге. Придёт к хирургу больная, много лет отработавшая в животноводстве женщина,

на опухшие ноги пожалуется. «Да-а, - покачает головой врач, - надо вам с резиновых переходить на тапки». Стыдливо молчит женщина и думает: отсобачить бы тебя, чистенький да гладенький! Советчик, тоже мне, выискался!

В семидесятые годы девки-доярки на танцы бегали зимой за двадцать километров в резиновых сапогах, только голенища по тугим икрам хлопают. Струится звёздность лавой пенной, тает миг, тишиной спянный, да молодости мороз нипочем. Гденибудь в укромном местечке сапоги попрятали, туфельки надели, и быстрее в тепло - стужа от пят до макушки пробрала. Обхватит в вальсе кавалер стройный стан, к себе лебёдушку прижимает, а лебёдушка горит, себя в туфельках неловко чувствует. Краснеет, отвечает невпопад, и не так ступила, то нога подвернулась, то повалилась на кавалера, а он, дурень, обрадовался: перед глазами закачались, как на упругой кочке, две ягоды заманихи... То ли дело в сапогах!

Меня всё время разбирает досада, как нечестно поделен мир вещей на аристократию и бедноту. Те же белоснежные туфельки-лодочки, блестящие позывные в счастье, мечта взрослеющей девушки - и стоптанные, заляпанные грязью, брошенные под лавку на крыльце сапоги. Трудно проникнуть во все изгибы человеческого сердца. Вот туфельки, эти блаженствующие, вооруженные испытующим оком всевозможных хитростей и капель чистой небесной росы вроде бы безделушки, после танцев вымыты, высушены, набиты бумагой, сунуты в комод; они, будь у них такое же трепыхающееся сердце, как у хозяйки, переживали бы чарующие мелочи жизни, выносили бы планы искусного оболъщения, стыдились бы иногда искренности своих чувств, надеясь, ждали, слушали наивные рассказы подруг, ночами утыкались в бреду в зеркало, а жестокосердные сапоги... Что с них взять, толь-

ко и годятся по грязи ходить. На всё своё время. А ведь было время, в яловых, наглаженных гармошкой офицерских сапогах щеголяли секретари райкомов, председатели колхозов, и простой крестьянин считал за честь, держась строевой выправки, под восхищенным взглядом жены или любимой девушки, упиваясь скрипом своих сапог, подняться в президиум!

Кругом был снег и белая равнина.

Март увяз, и физиономия деревни потому удручающая; окидом светлым метит день утро, мечет углублённым в дым небесам скорые послания; ночь пришла - гложет мир, слепотой взорванный, лениво ткёт сырые полотна молодуха-весна, кутаясь в тоску, унылую морозную вязь.

Валентина Ивановна сняла с подоконника стоящий на перевернутой чашке электрический утюг, стала смотреть в окно. Мир просыпался; качались на ветру голые прутья черемух, шепча и жалуясь всему свету, искрились шершавые от измороси крыши домов; напротив через улицу у Епишевых, будто спросонья почёсываясь, с тупым упорством бился на одной верхней петельке ставень.

Каждый вправе мысленно задаться вопросом, какое место на шкале ценностей у него занимает забота о собственной душе. Что происходит внутри души, сколько усилий направляю я на то, чтобы изменить состояние души к лучшему? Состояние души - это наш рай и ад, горе и счастье, скорбь и радость, улыбка и слёзы. Валентина Ивановна прожила девяносто четыре года, и чем дольше живёт, тем сильнее казнит себя. Насколько позволяет память, - из каких неведомых тайн и уголков возвращает она пережитое, и её прожитое сшивается в один большущий день. Один случай наползает на другой, путаются даты, года, зимы с летами, осени с веснами. Да какой большущий день - руками отпор своим мыслям даёт, маленький

день прожила, с воробьиный шажок всего. «Как Бог сподобит, а пожить-то охота. Только бы немного полегче, для всей родни полегче, для всего люду полегче, чтоб радости побольше в глазах у людей было, надежды...» Будто бы ангелы бестелесные и те задевают друг дружку, а разве земной человек проживёт тихо да мирно, никого не обидев? И так приложишь, и эдак - нет, не прожить. Когда-то омрачила душу грехом, бросила её в тлен и пепел, - до гробовой доски память; там сделала подножку другому человеку, чужой радости позабывовала; тот упал и больно ударился, и мимо чужого горя прошла, будто глухая была... эхма, гори она, скорбь, ярким пламенем! Прожитое - это только предисловие, оно скользит по памяти, как облако парит над золотистым лугом, то отыщет след, бывает - мимо пронесётся и не заметит. Настоящее важно: что сейчас совершается, в эти минуты. Год от году ночи длиннее, спи бы, кажется, вволюшку, да не спится. Белый день тащит за собой отчаяние, мёртвую усталость, сожаления, тяжесть всего мешает спать. Ночью солнце и то отдыхает, а старый человек - нет. Всё приходит слишком поздно, вот в чём беда человеческая.

Говорили раньше: «Оставляй на потом мольбу вспоминать гульбу».

Деревня Загрязная стоит на горушке. Жизни в ней ещё много: по горбатой покатоности в восьми домах ребятишки в простоте да беззлобии на крыло встают, в десяти домах народ в самой поре, то есть чада отвалили, можно и самим для себя пожить. Вопрос: а чем жить, если в колхозе шитьё на нитки не приходит? Чем больше вкладывается денег в производство молока и мяса, тем меньше окупаемость.

Говоря словами М. Е. Салтыкова-Щедрина, «жизнь вышла из старой колеи, а новой колеи не находит», - эта механика точно про сегодняшний день. Давление на мужика сверху ослабло. Всё, выкачали

деревню-матушку. Уже не набегают уполномоченные от райкома партии, - губы у горланов дрожат, глаза выпучены, руки вертятся как крылья у мельницы: давай, давай, мать-перемать!.. Нет райкома. И сельсоветов нет, есть поселения. Поселение - это тьма египетская, среднее между диктатом Кремля, квасным патриотизмом и вражеской подливой. Районная газета перестала печатать полевые репортажи, ей дела нет, сколько надоили колхозники молока и сколько продали государству, под какой деревней от моста одни свай торчат. Уделяет нуждам селянина малую толику квадратных сантиметров, одна протокольная административная шелуха, школы, праздники, лесные аукционы, соболезнования и поздравления. В Загрязной с недавних пор завелись торгаши, Евгений Петрович с женой Альбиной Антоновной. В прошлом Евгений Петрович около гаражей тёрся, Альбина в кладовщиках числилась. Торгуют на дому. Подозрительно народ к ним относится: жульё, мешочники! Куда власть смотрит?! Тунеядцы! На сто первый километр их! Где-то товар купят, «огорюют», как говорят в деревне, и деревенским: «Берите, бабы, берите, за посмеих дешево!» Что какой-то сельдерей, и тот Альбина достаёт (по её словам) из Израиля. Это надо же! И ведь берёт, вкушает деревня заморский товар! Евгению Петровичу пока неловко, почти совестно, а жена - та боевая, готова отца родного с кашей съесть и самой себе в глаза наплевать. Она насквозь пропитана купеческим благоговением к рублю. Евгений Петрович с народом осторожничает, кажется ему, что со всех сторон на него люди как волки смотрят. Есть у них мотоцикл с коляской, муж за кучера, жена за интенданта. Покупатель худо верит частной торговле, боится, что та его обездолит. Он думает, что своей покупкой совершает благодеяние и увеличивает стартовый капитал спекулянта. И до того это

чувство подозрительности противно, что муж ощущает потребность раз и навсегда освободиться от торговли, да не тут-то было! Сколько денег было скоплено на машину, всё в оборот пустили.

Под деревней поле, длинными загонами к озеру выткалось, дотянулись загоны до наволоков, дальше вечность попала в расщелину, да не могла развести её в ширь - через озеро и чёрт тропы не ведёт. Вчера на наволоках дымила большая машина, лесом груженная. Валентина Ивановна с час наблюдала, как саженой десять подается машина вперед да назад пятится. А воз большой. Выйдет из кабины мужик, походит вокруг, опять в кабину и дымы пускает.

- И по кой леший тебя к озеру занесло? Вроде дороги торной там веком не бывало.... - без особого душевного восторга говорит вслух Валентина Ивановна.

Потом пришёл гусеничный трактор - и вперед машину волочил, и назад, вытащить не мог.

- Давайте, робята, мните хорошенько. Эх, батогом бы вас, зимогоров!

Сухая маленькая голова её почти гола, кое-где лишь торчат редкие седые волосинки. Голова постоянно покачивается, а лицо живое, доброе, такое чистое, будто десять раз на дню в парном молоке умывается.

Живут Валентина Ивановна вдвоём с правнучкой Настей. Настя среднюю школу чуть не с золотой медалью кончила, учителя в университет посылали учиться, а она всем наперекор пошла в колхоз дояркой. Месяц проходит - не ноет Настя и не бранится, как бабы на скотном дворе прежде бранились, и начальство не проклинает, и не суетится, а вечерами книги читает. Озадачилась старая: неужели приживётся? Она считала себя обязанной открыть глаза девушке, считала её поступок легкомысленным, даже бранила, стыдила, и слезы у неё не точились, а бежали

быстрыми, нарастающими капельками. Она их вытирала сухими искривленными пальцами, но не около глаз, а вокруг рта, где морщины кустились.

- Я бы на твоём месте... Эх, золотко ты моё ненаглядное! Тебе ли не учиться, ягодка ты моя? И умна, и статна, да неужели планида твоя такая - в навозе плавать?

Взглянула правнучка на бабушку полувесело-полузадумчиво и говорит вполголоса:

- Зачем мне институт, если дома интернет, компьютер? Учись того больше. Или мне, как матери, мыкаться по общежитиям, голодать, а потом мышей в складе гонять? Баушка, всё зависит от человека. Король французский Людовик Шестнадцатый учился токарному делу, а на площади ставили гильотину для его шеи. Надеялся, верил.

- То король, что с короля взять, - сконфуженно улыбнулась старушка.

Обняла бабушку, прижалась к ней, утешает:

- Зря ты, баушка, тоскливишься. Какой навоз? Нынче кнопочки, полная механизация.

- Настя ты, Настя... уж я-то знаю, какие они, кнопочки. Сорок лет возле коров мыкалась. Ты, как колос, податлива и бражна молодостью, может, ты и права... Хотя кто в города подался, назад не горопитися выезжать.

- А мы с тобой в своей деревне жить будем!

- Вот, золотко, другой раз думаю: что такое вся наша жизнь? Что же мы такое? Почему гробы делают такие узкие?

Глубоко копала Валентина Ивановна и вздрагивала, и Настя употребляла все усилия, чтоб утешить старушку.

- Входить в жизнь нужно не веселым гулякой, а с трепетом, как в священную рощу. Вот у нас под деревней Куст был, так когда с покойником на кладбище ехали, через Куст на руках проносили. Поче-

му? Вечный покой предков потревожить было нельзя.

Троих мужей издержала Валентина Ивановна. С первым пять ночей только вместе ночевали, ушёл на войну. Пять ночей; не успел ворон сдержанно прокричать в предрассветный дым, сон да и только! Сгинул в Польше. Девочку от него родила. Хилый родился ребенок, пожила дочка месяц и умерла - кашель сгубил. Убивалась, с глубоким, истерическим вздохом произносила:

- Святые преподобные, молитесь за меня!

Ближе к зиме, когда старая ель у колдца всё старательнее налегала на смычок, когда голые поля петляли в изломах колеи, пожаловал к Валентине Ивановне под вечер сватом Гриша. За одной партой в школе сидели. Столбом у дверей застыл, топтался да топтался на скрипящем деревянном протезе, еле насмелился присесть на лавку. О том о сём поговорили, видит Валентина Ивановна: не про погоду ворожить пришел Гриша, руки не знает куда девать, голос срывается. Сидела Валентина Ивановна на самодельном диване, подсунув под мышку подушку. Любопытство раздирало её. Она развеселилась и спрашивает:

- Ты говори, какая у тебя надобность ко мне?

- Пусти, Валя, к себе. Младший брат на ноги встаёт, девку насмотрел славную, нельзя престарелых родителей без опеки оставлять. Ты мне со школы в душу запала. Особенно глазищи твои черные, большие, а брови... всё мечтал и теперь мечтаю поцеловать их. Чего, смешно? Ничего, Валя, смешного нет. Я такой неприметный, невидный, а ты - огонь. Без мужа живёшь, подолом не трясеешь... Давай жить вместе.

Выслушала Валентина Ивановна «сватовскую» речь Гриши, поразились высокой простотой парня, в благородном порыве признала для себя всё своё теперешнее ни-

чтожество. Уткнувшись головой в подушку, заревела. Гриша с мучительным сердцебиением осторожно положил свою руку ей на голову, так же осторожно провёл по волосам; подняла голову Валентина Ивановна, сосредоточила взгляд на пустой божнице, сделала решительный жест и сказала:

- Давай.

В эту минуту между ними было что-то родственное, вспомнили школу, погибшего на фронте первого мужа Валентины, не забыли сунутого райкомом партии «кота в мешке» - нового председателя колхоза.

- Шёл бы ты председателем, всё-таки своей. А что нога, лошадь увезёт.

- Что ты, что ты, кругом нужда, бабы как ведьмы злые, а я... шумни на меня посильнее, я и смяк, - протяжно сказал Гриша.

- Боишься, а сватом пришёл. Не орёл ты, правда, а может, оно и к лучшему.

Гриша левую ногу оставил под Ленинградом.

Три с половиной года жили счастливо. Гриша к житью податливый был, без работы часу не просидел. Деревяшка-протез стук да стук, стук да стук. Весной послал его бригадир плугарить - раньше на плугах человек обязательно сидел; свет от тракторной фары ночью тусклый, тракторист больше вперёд смотрит, чем назад, свалился Гриша с «биседки», плуга его изуродовали. Помучился две недели да и отмучился. Энергичный, краснощекий, пахнувший морозом прокурор на суде спрашивал, какую меру наказания она желала бы вынести трактористу, - полную, ответила! Полюбила она Гришу, жить без него не мыслила. На руках остались Васенька да Фанечка. «Будь по-твоему», - выговорил прокурор с особенным почтением к закону, и тут увидела в нём Валентина Ивановна что-то давно забытое и страшное, и поспешила опротестовать своё скоропалительное решение, да прокурор только насмешливо глянул на её испу-

ганное и смятое лицо, и рукой указал секретарю: «Пиши». Дали трактористу десять лет лагерей, осталась его жена с кучей ребятни. Много раз потом аукнулось Валентине Ивановне её жесткое требование на суде. Ведь жили почти рядом, обе ходили в доярках, у той и у другой в доме каждая кроха хлеба облита слезой, да живём загрызла бы жена тракториста вдову Валентину Ивановну. На впалом лице жены тракториста намертво застыло тяжелое страдание, и во всем её существование всю оставшуюся жизнь куталось страшная безжизненность. Разделилась деревня: большая часть осуждала поступок Валентины Ивановны - ну, упал Гриша в плуга, заснул, должно быть, или протез свой деревянный поудобнее укладывал, схоронили, лежи он в земле, и земля ему пухом, зачем детей тракториста сиротить, зачем бабу с кучей ребятни одну оставлять? Малая часть оправдывала: ишь, когда другие мужики на фронтах гибли, этот на броне сидел, нажимать на курок не мог по причине отсутствия двух пальцев на правой руке; знаем, где он пальцы оттяпал.

Два года одна хозяйство тянула, с детишками билась, в отчаянии готова была бежать из деревни, а куда бежать, кто её ждёт? Тут обозначился на горизонте Паша-печник, ростом небольшой, но такой дородности, что глядеть на него весело. Лицо у Паши в веснушках, широкое и красное, глаза - что пуговицы от гармошки, так и просятся плясать. Улыбнулся он Валентине Ивановне с видом отчаянного повесы, плечами передёрнул: а что, баба, не приворотить ли мне к тебе? Есть у меня в другом сельсовете на хозяйстве жена грозная, как печь молотами сбитая, так жена далеко, а тут несчастная вдовушка в полном бабьем несчастье на корню засыхает. Широко печник ходит, ремесло обяывает ходить. Ремесло плечи не тянет; надо уметь разговоры вести, по рукам хлопать, отступать, припрашивать, знания копить.

- У Сергея Орлова есть стихотворение «Станция Валя». Это как раз про тебя:

*Легким именем девичьим Валя
Почему-то станцию назвали,
Желтый домик, огород с капустой,
Поезд не стоит и двух минут,
На путях туманно, тихо, пусто...
Где ты, Валя, проживаешь тут?*

Неделю трубу печную с шуточками да прибауточками перекалывал, с Васенькой подружился, стихи ему читал Лермонтова и Некрасова. Будешь, говорил, как подрастёшь, со мной на пару по миру ходить, будешь сыт-пьян и нос в табаке.

В нравственной жизни есть свои полюсы, да и ночной мрак всегда сильно действует на утомленную нервную систему. Никто и никогда не изменит сути жизни во веки веков!

Постоянная нужда, как непрерывное счастье, приводит к равнодушию; отчаяние становится привычной жизнью и налагает на душу преждевременную смерть.

Печник по женской линии был дока. И так к Валентине подъезжает, и эдак, подарочки ребятишкам дарит. Веселый, за словом не стоит, только на речи льстивые, на платочки да конфетки плевать хотела Валентина.

- Разведусь со своей каргой, вот истинный крест, разведусь! В ногах твоих валяться стану, пока согласие не дашь! Станция Валя, Валентина Ивановна!

Окаменело правильное лицо Валентины, гневом и боязнью, печалью и презрением встречают глаза женатого ухажера. С год так продолжалось. На деревне чего только не наплели про Валентину и Пашу-печника. Пуще всех язвила, желчью давилась, жена упрятанного в тюрьму тракториста.

- Ну и сука, а? Есть ли на земле змея подлее Вальки?

А Паша-печник в самом деле развелся с женой.

Прибрёл с тощим обшарпанным чемоданом к Валентине, улыбается.

- Поработила ты меня, Валентина Ивановна. Лепи что хочешь, всё вынесу, что прикажешь.

Уперла закатанные по локти руки в бока Валентина - как раз пол мыла, торопилась: на скотном дворе корова в её стаде с часу на час будет телиться, на лице мелькает сначала удивление, потом сомнение, и сменяется гневом:

- Катись-ко ты, Пашенька, ко всем чертям собачьим!

- Валентина Ивановна, пощади! Ребяتيшек не пожалел, жена от собственного воя даже сгорбилась - любя ты мне, и точка!

- Иди, иди, и дорогу в этот дом забудь!

- Да ты что, Валюша?

- Вон! - вскрикивает тонким фальцетом Валентина.

- Ладно, не кричи, уйду. Но на прощание скажу:

У тебя по самый пояс косы,

Отсвет зорь в сияющих глазах...

Валя, Валя, где-то за откосом

Голос твой мне слышится в лесах.

Месяц в колхозной кочегарке ютился, грязный стал, лохматый. Даже смеяться, кажется, разучился. Доярки Валентину подъедают:

- Вот она, истинная любовь-то. Сахарница ты у нас, Валюша. А мы, дуры, повыскакивали за первых встречных, живём да хохочем.

Нашла Валентина Пашу-печника, он сидел неподвижно у дверей кочегарки, снег пушистым слоем покрывал ему голову. Смотрела на него молча, смотрела, хмыкала под нос, потом спросила:

- Ну?

Повернулся на голос Паша, низко поклонился Валентине, в грудь свою постучал:

- Сердце ты моё вынула. Нет у меня сердца! Запьюсь с горя, плакальщиц немало будет.

*Вспыхнет в небе дальняя зарница,
Стукнут рельсы, тронется вагон...
Я хотел бы здесь остановиться
Навсегда у сердца твоего...*

Стали жить вместе. Паша хотел, чтоб всё по закону было, чтоб в сельсовете зарегистрировать брак, а Валентина против:

- Не пойду ни в какой сельсовет. Обижать детей станешь - чемодан свой у калитки найдёшь. И ещё: от всякого заработка будешь пересылать прежней жене алименты. Дети не виноваты, что батька у них - козёл похотливый.

Почти семь лет прожили вместе. Любви как таковой не было, перегорели оба в прежней жизни, была семейная привязанность друг к другу. Он её уважал, подстраивался под неё, она платила тем же. Детей больше Бог Валентине занять не позволил.

- Кто-то очень умный сказал: «Я искал свободы, потому избрал смех». Увы, не мы выбираем смех, смех выбирает нас, - сказал как-то Паша.

Печник - да постник? Все печники пьющие, за редким исключением. Как-то пуסקали «дымовые» у одного хозяина. По стакану выпили - весь дым в избе. По-другому - да что за чёрт, не идёт в трубу! Хозяйка дверину перетворяет, кашляет. А Паша, как всегда, схитрил: положил наверх трубы стекло из старой рамы. Он стекло заранее припасал. Сейчас, говорит, с ветром договор подпишем, тягу выпрошу у ветра. Забрался на крышу - а время уже позднее было, лестницу плохо видать, стекло снял с трубы, закричал:

- Заходи со всех сторон, наяривай!

И упал. Сразу зашибся насмерть. Потерпел с ветром договариваться, надернул сапоги на голые ноги, в темноте зацепился сапогами за проволоку, и полетел, «маму» выговорить не успел. Как потом врачи сказали, сердце оторвалось, ибо ударился грудью о стылую землю.

На кладбище явилось много народу. Много печей сложил Паша, никому не нагрубил, никому не задолжал, с мужиками пил «на свои». Зря говорят, что быть знаменитым некрасиво. Когда все разошлись, разъехались, села трижды вдова на соседнюю могилу, на пустынное небо поглядела, до крови прикусив губу. Плакала и слушала ни с чем не сравнимую кладбищенскую тишину. Стынет холмик свежей могилы. Передёрнет похолодевшими плечами и сидит, опустив глаза к долу. Рядом, в каких-то двух метрах от неё, лежал её Паша. Эта близость казалась ей непостижимой. Ждала: встанет Паша из могилы, какое-нибудь стихотворение скажет, рассмеётся... В каждом звуке плача выражалась повесть смиренных страданий!

Дети выросли. Васенька давно уже Василий свет Григорьевич, на пенсии. Фаина живёт в Мурманске. У Фаины четверо внуков, три дочери и сын. Живёт в очередь: то у одной дочери, то у другой, надоест, звонит сыну: увози, надоели мне зятя-алкоголики! У Васеньки в гостях только раз бывала, как ему квартиру дали, и закаялась больше век свой с родной печи не слезать. Возвращалась от него слякотной осенью, колеи в пояс, машин нет, райсоюзковский шофер Христа ради посадил их двоих - ещё попутчица беременная напросилась, в тесную кабину «ГАЗ-51». Валентина Ивановна угодила в серединку. А дорога - жуть! Машину кидает, машина буксует, в кузове ящики с водкой звякают, шофёр знай передачи перetyкает: первая-вторая-задняя, первая-вторая-задняя. Шофер заикался сильно. Стали вылезать из кабины: «Ка-аааа, ттё-отушка? - спрашивает, - жива-аа?» А тётушка в ответ: «Добро вёз. Между ног всё раздёргал своей железкой».

Настя - старшая внучка Василия Григорьевича. Дочка Василия Григорьевича родила Настю на первом курсе института. Пока беременная ходила, Василий Григо-

рьевич, как бы ему тяжело и горестно ни было, терпел, надувался обидой, ни разу ни шлюхой, ни дрянью дочь не обозвал. Ходил мрачнее тучи. Вечерами шёл в город, болтался в парке. Изредка, большей частью в ветреную ночь, сидел на кухне в одних трусах и майке, курил, откинувшись спиной на стену. У Толстого есть игривожуткое признание, что, только прыгнув в гроб, из щелки под гробовой крышкой, он шепнёт миру всё, что думает о женщинах и захлопнет её навсегда. Вряд ли Василий Григорьевич знал Лобачевского и его геометрию. Только женщины существуют в его измерении, то есть скользят сквозь время по двум параллельным, но пересекающимся плоскостям. Жена на цыпочках подходила к двери, смотрела и уходила. Она будто грозу чуяла. И раз Василий Григорьевич утром скажет, что лучше бы из деревни не уезжать, жил бы себе кум королю, сват министру, и другой про короля да министра скажет. Жена поучительно и скажи:

- Кто кого держит?

- Пустое, - говорит муж с проблеском обычной усталости. Он давно чувствует вкус к отпускному безделью и к ласке солнца, и к блеску листьев на родных черемухах, и безоблачному небу, и к верным кирзовым сапогам. - Этим отпуском матери баню срублю.

Радио катило «Песню варяжского гостя».

Дочка из роддома приехала с маленьким живым комочком в пеленках - и ну от порога реветь обиженно в две струи: рожениц встречают с цветами, с колясками, а она как нищенка бездомная!

- Куда я с ней? Мне учиться надо.

- Учиться, говоришь? - крикнул отец, и голос в четырёх стенах показался ему грубым, жестким, отталкивающим, и стало неловко перед женой и дочерью. - А что же ты думала, когда по сеновалам с парнями валялась? - тише, но язвительнее спросил он. - Суччч... - прорычал и стих.

Жена пала на колени перед Василием Григорьевичем, за руку схватила:

- Прости, прости, Вася, с кем не бывает? Молодо - глупо...

- Глупо? - выпустивший пар Василий Григорьевич на этом бы и остановился, не сунься с разъяснениями жена, а тут взорвался. - Глупо? Так знайте: как хотите, так и водитесь, и чтоб ни звука! слышите, ни звука! И чтоб носа при мне из своей комнаты не казала!

Хорошо встретили дочку из роддома, нечего сказать!

Месяц места себе не находит. Жена попыталась уладить семейный конфликт:

- Нельзя так, Вася, нельзя.

- А ей можно?! Разве мы её дури всякой учили, на путь истинный не наставляли? Она опозорила меня! Прикажешь мне встать перед ней на колени и просить прощения? Перед кем, перед этой сопличкой? Шалишь, мать!

Напившись как-то, кричал и крушил мебель, даже милицию соседи вызвали. Из вытрезвителя вернулся, упал лицом вниз на подушку, и плечи затряслись в рыдании.

Жена опять сделала попытку примирения, но услышала в ответ рычание:

- Ещё ты раз!..

Два года дочь с Настей мыкалась, на третий год, в мае, с подсказки матери, поехала в деревню старую бабушку навещать, да Настю ей и оставила:

- Вот Эдичка придёт из армии, и я сразу... сразу!

Неизбежны морщинки на лице и их углубление с каждым прожитым днём; какой там Эдичка, жила в общежитии, из милости комендантша комнатуху отдельную ей выделила, денег нет - мать тайком от отца сунет ей в карман немного, да стипендия. Ходила в обносках, была рада всякой тряпке, что девчата с курса подадут. Отец даже на день рождения рублика не подарил. Я, говорил своей жене, вы-

рос в заплатах на портах, зато знаю, почём она, копеечка. Пускай идёт своей дорогой, жизнь мёдом не мазана.

Валентина Ивановна рада правнучке радешенька. Внучка первое время часто письма писала - по жанру где-то между «Не могу молчать!» Толстого и «Что делать?» Чернышевского. Потом письма стали приходить всё реже. Несколько раз приезжала сама, плакала истерично, шмыгала носиком Настя, ревела Валентина Ивановна. Приедет Василий Григорьевич к матери, упрекает мать, что надо себя беречь, для себя жить, столько ты на колхоз погорбатилась, а Валентина Ивановна утряслась с ребеночком.

- Ты поступай, Васенька, как тебе совесть позволяет поступать, а я буду своей тропы держаться, - говорила в оправдание. - Ничего-о, не всё кремень будешь, когда-то и одумаешься, и прощения у внучки попросишь, а вот простит ли она? Вряд ли. Такой рубец на сердце ей оставил, что не простит.

Твёрдый и прямой, молчит Василий Григорьевич. По хозяйству матери помогает, рыбу ловит, но чтобы с ребенком поиграть - нет!

- Мама, почему мне стыдно? Стыдно с мужиками в домино играть, стыдно мастеру в глаза смотреть, мне перед Богом... совсем тихо, оглядываясь на божницу. - Перед Богом стыдно. Планировал, что дочь институт кончит, парня хорошего встретит, поженятся... На зятя загадывал обязательно офицера-морьяка, такого капитана дальнего плавания, а на деле... Шкура!

- Большой, а ума-а? Небо принадлежит не одним ангелам, ты смирения своей гордыни запроси, возлюби, как в Писании сказано.

- В Писании много чего сказано. Ты уже в больших годах, тебе ли с ребенком нянчиться? Поди, вся деревня хохочет? Скажут, умом тронулась Валентина Ивановна.

- Умный не скажет, дурак не поймёт. Будет наша Настенька в школу бегать, потом замуж выйдет...

- Сначала родит, - хмыкнул сын.

- И в кого ты такой уродился, такой толстокожий слон, хотела бы я знать? Гриша мухи не обидел, терпеливый был, весь народ его уважал, а ты... поезжай в свой город! И с таким настроением ко мне не вертайся!

Говорят положенное от века:

- Доброй ночи!

Говорят и другое:

- Утро вечера мудренее.

Смотрит в окно Валентина Ивановна, долго смотрит. Вроде никаких перемен, или ей хочется жить без перемен? Настя давно убежала на ферму.

- Кнопочки, - хмыкает Валентина Ивановна.

Почти год прошёл, как в доярки Настя пошла - и ничего, не ноет, не капризничает. Читает да пишет, пишет да читает.

- И охота себя изнурять, - скажет Валентина Ивановна.

- Баушка, ну ты и репей! - ответит Настя.

Не желает Настя говорить по душам на эту тему.

По старинке ставит самовар, из современного электрического чайника воды не пьёт. Серьёзная штука самовар. Самовар - символ устойчивости семьи во времени и пространстве. Самовару подавай хозяина и хозяйку, уважение подавай, длинный вечер или доброе утро для самовара сущая радость, спокойствие в делах ему подавай, тогда и настроение отличное себе заберёшь.

За чаем разглядывает церковный календарь. Очки надела. До чего же картинки с богослужебными сосудами заняты! Вот чаша, или потир. Надпись по краю потира: «Тело Христово примите, Источника бессмертного вкусите». На лицевой стороне лик Спасителя, по бокам - Бого-

родицы и апостола Иоанна Богослова. На противоположной стороне Святой Крест.

Запотели стекла очков. «Вот попрошу Настю меня в настоящую церковь свозить...» - На божницу посмотрела, стоят на ней иконки, да иконки-то современные, не старинные лики. Перекрестилась. - Всё чисто погляжу! Где надо - на колени опущусь, где надо - свечи поставлю. Да что: вдруг скovyрнёт лихая, тогда как? Настя говорит, что слово «человек» есть греческое слово, по-нашему «повёрнутый вверх». Должно быть, правильно греки думают. Земля принимает тело с любовью, а небо принимает со слезой. Вот кладбище взять: приглядишься, кресты, как живые руки растопырили и, спотыкаясь, к тучам бегут. Это, должно быть, покойники к небу руки тянут. А может, на дом попа позвать? Покаяться, прощения попросить... А у кого? В живых-то моих сверстников нет, на том свете разве услышат? А может, и услышат, кто его знает. Да-а, Валентина Ивановна, отшумели твои травы прямые, и грозы все давно отгремели. Пожалуй, надо попа на дом призвать. Чтобы все грехи вспомнить... да разве всё вспомнишь? Хотя Настя и в церковь меня свозит, чтоб по-культурному выглядело. Умные эти греки. Слово «культура» у них - возделывание, воспитание, возвращение. Закладной камень в культуре - слово.

Ещё Настя говорит, что в солнечной Италии больше всех бьют жён врачи и полицейские. Странно... там тепло, платят хорошо, в семьях по две да три машины, яблоч, слив, как у нас рябины... врачи бы, кажется, призваны людей лечить, не калечить. «А у нас в России как?» Настя в ответ пожала плечами. «Бьют, у нас во все века били. Иная молодлица от воспоминаний прошлых кошмаров скорее бежит, старается заслонить подступ памяти. Параня Шпичиха сказывала...»

Так за самоваром, размышляя о самом главном, Валентина Ивановна сидела с

час - самовар остыл, и мысли плавно перешли в несколько иную плоскость: на деревне произошли перемены: на улице стояли две женщины средних лет, что-то говорили, говорили, жестикулировали руками. Причём одна из женщин постоянно поднимала правую руку к небу. Валентина Ивановна встала, подошла к самому окну, прижалась лбом к стенку, попыталась разглядеть небо. Небо как небо, серое, тягучее, тонюсенькая полоска света, как острый нож, режет подол раздёргнутой сырой тучи. Из проулка вылетел большой колёсный трактор с навесными плугами. Бабы порхнули в разные стороны, одна вслед погрозила кулаком.

На тракторе работает Витька, Серёги Тулупова сын. Ох уж этот Серёга! Обижал Васеньку, когда росли ребятишки в дни оны. Схватит пальцами за нос, давай волочить да спрашивать: «Дуб или вяз? Дуб или вяз?» Бывало, Васенька домой с синяками приходил. Валентина Ивановна побежит мать у Серёги совестить, а Серёгина мать в ответ: «Ты за своими гляди, чего на чужой устав набегать? Кто без синяков вырос? Без нас с тобой разберутся». Серёга назло директору школы Македонскому Александру отчество Иванович дал. Он, твердил, нам родня по отцу будет. Вызовут его к доске, он глотку прочистит и говорит: «Прямой потомок Александра Ивановича Македонского идёт в бой!» У Серёги на дверях в избу подкова приколочена, под подковой красной краской такая фраза выписана: «Заходи - не бойся, выходи - не плачь». Знаменит Серёга дурью. Январской ночью подъехали с подпившими собутыльниками к магазину на «сотке» - так в народе Т-100 величают (в ПМК тогда работал, лес корчевал), магазин давно закрыт, продавщица за три километра, поднял трактором угол у магазина, сползали, ящик водки вытащили и обратно магазин на место поставили. Деревенский магазин стоит на семи ветрах,

на четырёх камнях, поднять ума большого не надо. Судили Серёгу. Год условно дали. Посмеялись судьи над таким ухарством.

Ближе к полдню Настя пришла с фермы, новость рассказывает:

- Витька Старик плуга навесил, в мастерскую ремонтировать повёз. Поставил трактор на горушке против своего дома, сам перекусить забежал. Видимо, худо поставил, трактор брякал да брякал и покатился задом, да прямо-то плугами в кутнее окошко. Рамы с косяками вынес, бабку чуть на тот свет не отправил.

- Надо же? А я гляжу, чего бабы судачат? Весь в Серёгу, будь он неладен! Доставай чугун из печи, обедать пора.

Пока Настя собирала стол, Валентина Ивановна всесторонне обдумывала свой план вызова священника на дом. Визит чужого человека требовал от их с Настей чего-нибудь праздничного. Она решила устроить маленькое пиршество, естественно, с самоваром, с пирогами и даже с вином. Вино надо купить простенькое, чтоб градусов в неё было немногим больше лимонада. Если выставить водки, священник подумает Бог знает чего про неё... нет, про Настю подумает плохо. Настю она отошлёт куда-нибудь, Насте её грехи знать не надобно. Начнёт, конечно, с Гриши....

- Баушка, ты не спишь?

- Что ты, золотко, какой сон? Всё вот думаю. И почему в памяти до Гриши нет ничего, туман какой-то да страх, а может, и не страх вовсе, а требование «надо». И то надо, и другое надо... сколько же мук народ положил, чтоб страну нашу после войны вытянуть?! Знаешь, как мы с Сашей, первым мужем, целовались? На вечерину в нашу Загрязную парни да девки с соседних деревень сходились... супчику самую малость... надо бы вообще от мясного давно отказываться, всё себя перебороть не могу... Он меня в щеки целовал и в глаза. Неумёха был... девки хихикают... Не целуй в глаза, говорю, при-

мета худая... Я его Шуркой всё звала, а он поправлял: Саша. Да какой Саша, протестую, будто чужой ты, будто я имени такого прежде не слыхала... У сельсовета прощались... Иван Иванович речь держал: «Не посрамите, ребята, наш край!» Он с финской войны обмороженный воротился. Вот, Настя, человек был душевный, такие редко рождаются. Есть нечего, народ ветром шатает, двое из нашей деревни с голоду умерли, разрешил выжать ржи гектар. Выжали с бабами ночью, высушили, обмолотили, муку на мельнице Яков Кириллович намолот, а Ивана Ивановича сгребли органы да в тюрьму.

Не первый раз слышит Настя про это целование, про сгнившего в руднике Ивана Ивановича, но делает вид, что её это очень занимает.

- Сегодня издалека заезжаешь, - смеётся она. - Говори, говори, чего надумала-то?

- А священника мне надо повидать. Как знать, как знать...

- Баушка! Ты опять? Живи ты, моя хорошая, моя самая, самая!..

Из-за стола выскочила, к бабке прижалась, целует её и в щеки, и в глаза.

- Да я к тому, что исповедоваться мне надо. В грехах покаяться. В церковь тоже охота, да на ноги не надеюсь, часу не выстоять.

- А мы со стулом! А что, сядешь и молись!

- Ну-у, какое же моление сидя? Буди попа на дом привези, всё-таки так-то приличнее.

В голосе Валентины Ивановны звучало сомнение, и вся она казалась такой маленькой и придавленной. Ложку отложила, чашку с супом отодвинула, сосёт беззубым ртом хлебную корку.

- Ты бы когда к родителям съездила, что старушечью вонь нюхать...

- Баушка! Перестань!

- Закипела... Вот замуж тебя отдам за Витьку Серегина, узнаешь, где раки зимуют.

- Да что с тобой сегодня, баушка? Какой-то зуд на тебя напал, ей богу.

- Зима надоела.

Всё связано-перевито на этом свете. Мать у Серегина Тулупова получила первую, одну-единственную в своей жизни долгожданную пенсию и умерла. Было у неё радости и удивления. Бабам на скотном дворе сотенную показывала. Все бабы сотенную щупали, и множество добрых слов замелькало у каждой в мозгу, и пожеланий сказано было немало - живи теперь со спокойной душой да радуйся, а Валентина Ивановна обняла виновницу торжества и просто сказала: «Кинь сапоги в навозную яму». - «Ну-у, скажешь тоже, сапоги кидать нельзя, память. Я их вымою, одеколоном надушу и на комод поставлю. А что, много они тонн соломы переносили, четыре зимы на ветру стыли. Не-е, сапоги - это вещь!» - было в ответ. Почти на сорок лет её пережила Валентина Ивановна. И вроде как нечто должна ей, мёртвой, и как-то перед ней обязана, и как-то виноватой себя чувствует. Куда было бы приятнее вызывать любимую мысль о том, как выгоднее быть добрым, никого не обижать. Никто у нас пройденного пути не отберёт, и всё же приятнее жить, сознавая, что ты добрая, тебя любят, тебя берегут.

Вот и утренние зори заполоскались ало. Набитые злым, мелким снегом тучи расступились перед натиском солнца, и сразу деревня ожила, малиновым цветом вспыхнули искрящиеся крыши, деревня загомонилась детскими криками.

Тут и посевная причастила мир трудами да хлопотами, успевай, мужик, изгибайся. Изогнуться было желательно, под мешки хребёт подставить, да!.. - северит, холодный ветер пронизывает насквозь, люди пожимаются, несмотря на то, что небо безоблачно и солнце заливает белесую прошлогоднюю отаву. Фуфайки и добрые сапоги ещё в почете.

Витька Старик, высокорослый и сутулый парень-перестарок, на тракторе первым врезался в терпкую свежесть пашен. Хорошо видно Валентине Ивановне из окна, как пашет поле вниз от домов до самого озера. «Плуга в печь посадил, - вспоминает недавний курьезный случай. - Бабу ему такую державную, толк бы из него вышел. Парень-то не бросовый, только дурит что разве...»

Как просохла дорога, спрашивает Настя Валентину Ивановну:

- Что, баушка, не передумала священника звать? Кстати, его зовут отец Иона. Его недавно перевели в нам из Грязовца. Ещё добавлю, что на поэта Пушкина Александра Сергеевича в охранку доносил священник по имени Иона.

- Э, да как ты всё знаешь-то? А наш-то каков, не прохвост?

- Что ты, баушка, да как можно?

- А чего его туда-сюда волочат?

- А вот сама и спроси, если такая смелая.

- А что, интересно мне. Очень даже интересно. Не передумала.

- Звать?

- Как звать? Надо пирогов напечь, соленья-варенья наготовить... Чужой мужик придёт, осудит. Рыбник бы хороший... Рыба, поди-ко, в лавке, одна килька?

- Есть и палтус, и пикша, и треска, рыбы нынче навалом, были бы деньги.

- А хорошо зажили! Эту бы еду да после войны!.. Ещё власть браним, и Хрущев трепло, и Ельцин пьяница, и этот, с пятном-то родимым во всю голову... Альбинке закажи, пускай подороже, да эта прохиндейка найдёт. И полы намоём - зови. Постой, что там ещё твой Пушкин вытворял?

- Он мщение почитал наипервейшей христианской добродетелью.

- Мщение? Чудеса в решете. Это надо же?.. То за ним и присматривали.

Однажды под вечер приехал священник на старенькой «Ниве». Сначала вылез из машины длинноволосый детина, за ним старичок.

Настя и Валентина Ивановна смотрели на приезжих из избы, не приближаясь к окнам.

- Который из них поп-то? - спросила Валентина Ивановна.

- Старый.

- А молодой кто? Смотри, тоже с бородой... вот так детинушка!

Слезливо застонали под сапогами старенькие половицы крыльца, Настя и Валентина Ивановна явственно услышали эти стоны, и Настя, с замиранием сердца, нырнула в кухню, спряталась за занавеску, а Валентина Ивановна присела на краешек стула.

Приезжие зашли, перекрестились с поклоном на восточный угол, где на божнице стояли три маленькие иконки и лежал букетик засохших ромашек.

Валентина Ивановна задрожала всем телом.

- Здравствуйте, - ответила задыхающимся голосом. - Проходите, садитесь. Садись, батюшка, садись. Хошь в кресло садись, хошь за стол в сутний угол, или на лавку пройди.

- Хорошо у вас, - оглядывая избу, сказал священник, втягивая в себя воздух и опускаясь в мягкое кресло. Был он седой, плешивый, круглолицый.

Молодой присел на краешек лавки возле двери. Валентине Ивановне это понравилось. Ишь, не за стол попёрся, вежливо у двери.

Вышла Настя из кухни, поздоровалась.

- Правнучка моя, золотко моё, - представила её гостям Валентина Ивановна. - Как, батюшко, лучше будет, с дороги нашей стряпни отведаете или сразу к делу?

- До рыбы, да до хорошей рыбы я сам не свой, - ответил отец Иона, пощипывая бороду. Он как-то язвительно вглядывался

в Настю, а та упорно смотрела мимо мужчин. - Молодица пекла-то?

- Да не я уж! Давай, золотко, угощай гостей, волок переехали, и сама не постись.

Отец Иона сотворил молитву, все расселись за стол.

У отца Ионы был сильно развит нюх и непоколебимая решимость поест от души. Потом, он носил шелковую рясу и щеголял возвышенным образом мыслей. Сердце девушки сильно билось. Рука с чашкой мелко вздрагивала. Чудно хорош собой был сопровождающий отца Ионы! Плечистый, с замечательно выразительной физиономией, с невысоким, но выпуклым лбом, прямым носом. В избе запахло тонким запахом ладана.

Гости молчали. Старший как бы ожидал, что скажут хозяева, младшему было не с руки лезть с разговорами вперёд батка в пекло, а хозяева ждали, когда гости покушают с дороги.

Грудь Насти медленно и тяжело дышала, и в тоже время она старалась затаить дыхание и не смотреть на мужчин.

- Молодица-то при какой должности? - спросил за едой отец Иона.

- В доярках, - ответила Валентина Ивановна.

- Раз я служил заутреню в Светлое Христово воскресенье... Похожая, - отец Иона кивком в сторону Насти дал понять, про кого собирается говорить, - очень даже похожая... не верила даже в твердь небесную... Ни с того ни с сего шаррахнулась в сторону...

- Упала? - договорила Валентина Ивановна, воспользовавшись паузой.

- Дарохранительницу расшибла, - довольно холодно закончил отец Иона.

Пробовала Валентина Ивановна спрашивать мужчин о последних новостях в райцентре, но молодой по-прежнему молчал, а отец Иона говорил непринуждённо, но слов тратил мало, был порывисто-лаконичен и даже рубоват.

Через полчаса отец Иона стал проявлять нетерпение. На какой-то вопрос Валентины Ивановны не ответил, а пригладил ладонью остатки своих волос, завитых в виде тонких прядей с затылка на лоснящуюся лысину, и сказал:

- Шли бы вы, молодые люди на улицу, а мы делом займёмся.

Настя и молодой человек сидели на толстых чурках. Дневной зной только что улёгся, воздух наполняется свежестью.

- Обязательно все должны быть при должностях? - вдруг спросила Настя, засмеялась, и этот беззвучный смех принял на губах её насмешливое выражение.

- Меня Владимиром зовут. А вас Анастасией?

Настя услышала голос искренний, тёплый, даже чем-то весёлый.

Кивнула утвердительно в ответ головой.

- А рыба в озере есть? - указывая рукой вдаль, спросил молодой человек.

- Если вода есть, то рыба есть, - ответила Настя. - Так при чём всё же должности? Владимир передёрнул плечами.

- Обиделись?

- На каждый роток не накинешь платок. Разве зазорно работать дояркой? А вы водитель священника?

- В какой-то мере. Я алтарник.

- А кто такой алтарник?

Мало-помалу молодые люди разговорились. Владимир рассказал, что окончил военное училище, полгода воевал, теперь стал на путь священнослужителя. Такие сведения сильно повлияли на Настю. Она никак не думала, что бывшие офицеры могут быть священниками. Какое-то время она пребывала в таком смущении, что, казалось, сама забыла, почему она сидит на улице на толстых чурках.

- А потом? - спросила Настя.

- Что «потом»?

- Не век же быть на побегушках.

- Надо жениться.

- А что, разве попам жениться нельзя?

- Нет. Если до положения в сан я не женюсь, значит, быть мне холостым всю жизнь.

- Надо же! А велик ли сан, интересно знать?

- Простой: иерей.

Провожать гостей Валентина Ивановна вышла в белых валенках и накинутой на плечи шерстяной шали.

- Поезжай, батюшка, с Богом. А ты, молодец, женись! Мужчина ты видный, душевный, тебе без жены никак нельзя: в блуд впадёшь.

- Вы правы: надо жениться.

Священник уехал.

- Да-а, золотко, - важно протянула Валентина Ивановна. - Быть ему первым в сохе.

- О ком это ты говоришь, баушка? Об этом лысом и, кажется, заносчивом старикашке?

- О том, с кем ты лясы точила. Поспросила я этого Иону про парня, он и сказал. А годов ему всего 26! Самый такой представительный возраст. - Потыкала батогом в березовые чурки. - А колун где, забыла? Вынесла бы колун, ну, сказала, разомнись, работать надо, то ожиреешь.

Уже заря золотила облака и приближались сумерки... Пойдите, ещё не время утомлять вас описанием летнего вечера. Да и сколько всего написано про эти вечера! Одним душно, другие ждут грозу, третьим подавай комаров да оводов, четвертые уже целуются... одним словом, лучше всего жить как живётся. Без всяких претензий глубоко понимать характеры просто скажем, что ближе к сумеркам у крыльца Валентины Ивановны остановилась знакомая «Нива». Остановилась и остановилась, мало ли машин останавливается вечером возле чужих квартир.

Приезжий достал удочку, небольшой рюкзачок, поклонился сидевшей на ступеньке крыльца Валентине Ивановне.

- Схожу на озеро.

- Сходи, батюшко, сходи. Настя наша тоже рыбачит иногда, да всё времени нет. Как ничего не изловишь, так чурки эти поколи с досады. Я и колун тут положу.

- Быть по-вашему!

С пахоты до начала уборочной страды Владимир заезжал несколько раз. То рыбы половить, то про Настю спрашивает, то интересуется здоровьем Валентины Ивановны. У них сложились даже приятельские отношения. Валентине Ивановне много чего хочется знать: почему народу много умирает от рака, да почему владыка областной к нам не едет Литургию служить, да почему в лесу муравьи жить перестали, да почему клевать стало худо...

- Настя, - рассказывает, - третьего дня пришла с озера под утро, а выловила - кошке стыдно подать.

Как-то дождь не дал возможности Владимиру отойти дальше машины. Видит такое дело Валентина Ивановна, машет рукой с крыльца:

- Да заходи, чайку попьём!

А между тем самовар уже начал запевать, и красное пламя, которое поднималось вверх из трубы, норовило поцеловать старательную старушку и в глаза, и в губы за её усердие.

Пришла с фермы Настя. Мокрая, расстрёпанная. Владимир, доселе сидевший за столом с самоваром, вскочил, поклонился. Девушка тоже степенно поклонилась в ответ.

- Как вы думаете, Анастасия, дождь ещё будет? - спросил он.

Настя, переодевшаяся в горенке в сухое бельё, вышла, посмотрела вкось, и Владимиру показалось, что она не взглядом повела - она метнула молнию. Какая-то нега, что-то светлое было разлито по всему лицу её.

- Бойтесь застрять?

- Как говорят бывалые водители, «машина - зверь, шофер - собака», - рассмеялся Владимир.

- Батюшка, извини меня, глупую старуху, пойдём на крылечко, посидим с тобой, а то голодная спать ляжет, простесняется. Люблю с малых лет шум дождя слушать, - предложила Валентина Ивановна, озабоченно глядя на гостя.

Владимир извинился.

Деревня отходила ко сну. Как хочется в картину нашего повествования вплести какой-нибудь случай: или набежавший порыв ветра, даже собачий брех, или вдруг земля разверзлась, или огонь небесный опалил... Увы, собаки не лаяли, и Витька Старик давно дрых - помогал соседу закатить под просевший угол избы камень, и сосед, как водится, угостил его примерно; и дремала перед работающим телевизором Валентина Ивановна. Все по какому-то чуду были довольны судьбой и властью, что случается в России довольно редко, а алтарник и Настя говорили тихо.

Образ Владимира беспрестанно мерещился Насте. Стояла ли возле коровы и смотрела, как пульсирует молоко в доильном стакане, или любовалась начинающимся утром, а к светлым мечтам уже примешивались кое-какие тени: а если у него уже были романы с девушками или какие-нибудь скверные истории? Мучительное чувство ревности закрадывалось в неопытное девичье сердце.

Добрая-предобрая Валентина Ивановна наставляла на ум:

- Был бы он простой тракторист или печник какой там, он бы под окнами нашими все ночи свистел, оказывал тебе всякие знаки внимания, провожал бы домой, на танцуйках подрался бы из-за тебя, а священнику ничего этого вытворять нельзя. Ему надо марку держать! С него пример берут. Откройся бабке: люб он тебе?

- Люб.

- Вот и люби себе на здоровье. Амуры строить он не будет. И коров вечером не побежит тебе помогать привязывать. Он в воде онуч не сушит, по всему видать.

Однажды возьмёт и скажет: человек я занятый, Анастасия Эдуардовна, как хошь стать моей женой, так будь ей, а не хошь - проворонила ты своё счастье.

- Баушка, он меня старше на шесть лет!

- Так уж и много! Да раньше двадцать-тридцать годов разница замуж шли. Санко Шпик перед самой войной девку из Рукавина высватал о пятнадцати годиков. Помню, седой, горбатой, всё ел походя. Краюху сунет за пазуху, щиплет да бежит. Семеро у матки было, чем кормиться?

- То раньше... Вот писатель Лев Толстой когда женился, ему было 34 года, а Софье Андреевне Берс - 18.

- Ну вот! Сама себя и выпорола. Не мешкай: отца-то Иону, сказывал мне, опять переводить скоро станут. Кому-то он, видать, не нравится. Не говорил тебе, по какой причине убирают?

- Нет.

Ночью все люди спят. Или должны спать. Не спят влюблённые. Влюблённые не могут спокойно обдумать своё положение, они волнуются, ищут нравственную опору, которую смутно представляют, какая она. Влюбленным ночью не хватает воздуха. У влюблённых мокрые глаза - так заведено от века. Еще: многие от любви глупеют и теряются. И ещё: большую роль в любви играет темперамент.

Почему ночи ближе к осени такие короткие? Боже мой... боже мой!

Пожирающее беспокойство всё время не покидало Настю. «А баушка? - думала Настя. - Что делать, что делать?! Нет! Я не оставлю баушку! Вынянчила, вырастила, одевала, кормила...Нет!!» И другое пугало Настю: попадья! Она - попадья. Мыслимо ли?! Матушка! «Да какая я матушка, мне всего двадцать лет!» Всё это болезненно ворочалось в мозгу девушки. И вот, охваченная дрожью, вдруг встала с постели, опрометью бросилась в большую половину дома, настезь распахнув двери, и в совершенной темноте

упала на колени перед кроватью Валентины Ивановны.

- Баушка! - с сдержанным жаром прошептала она, нащупав руку старушки. - Баушка!

Валентина Ивановна очнулась, с испугом спросила:

- Что, что случилось? Горим?

- Баушка, я так тебя люблю!

Люди добрые! Пока жизнь тянется, конец одного есть начало другому, или, если витиевато поправить, не видно ни конца, ни начала. Одни превращения, нелепые этюды, да и те совершаются так незаметно, что не всякому глазу - а любопытному деревенскому до всего есть дело, - уловить их колеблющееся движение. Все на деревне думали, что умирать собралась Валентина Ивановна, да умереть никак не может, и будущий священник, как ястреб за добычей, ездит, денежки из старухи выманивает, а причина была в другом. Судачил народ: страсти ли действуют на ум, или ум будоражит страсти? Бездоказательна теория вечной любви и минутной страсти, если таковая имеется в наличии, как и вечное сострадание по бессмертию.

Алтарник стал объектом всеобщего внимания.

- Увезёт девку, - говорили одни. - Всё рыбку ловил, хорошая щука клюнула!

- Не-а, - опровергали другие. - Давно бы к матери в город уехала, коль дума была.

- Вот приду я в церковь, а тут Настя - матушка... Хаа-аха. Аведь вместе коров пасти.

- Поп-то, сказывают, гири двухпудовые через забор кидает.

- Не поп, попом сразу не ставят. Соображалка у попа должна быть лучше, чем у секретаря райкома.

- Старого уберут: за воротник много закладывает.

А местная продавщица в сельмаге - женщина такая, что «с камня мох дерёт да покупателю втохает», ярая конкурент-

ка Альбины Антоновны, на язык - коня оглушит десятифунтовой гирей, при ходьбе демонстрирует походку худосочной балерины, - как такую новость узнала, раздула ноздри, с таким свирепым выражением в глазах смотрела на дверь магазинчика, что дверное полотно дало трещину. Почему? Зависть! Дурочкам молоденьким хозяйственные, непьющие мужики достаются за просто так, будто им мужья по штатному расписанию не полагаются, а ей... из тюрьмы не выходит её гад ползучий!

Первый день была бледна, руки подрагивали, месяц как курить бросила, а тут пачку сигарет разорвала и три штуки с одного разу выдула в подсобке.

Да простят мне читатели всякого рода отступления, особенно отступления, требующие поверхностного изложения фактов. Владимир запросил у Насти руку, взамен поклялся отдать сердце. Велика ли прелесть передавать торопливые, до смешного глупые вопросы и неторопливые, обстоятельные ответы, вот лучше послушаем, как быть с Валентиной Ивановной.

Настя ныла сердцем; прикладывала к глазам мокрый от слез платок.

- К себе заберём, - ответ Владимира.

- Она из своей избы ни ногой! Не-ет, ни за что!

- Уговорим.

- Не уговорить. Уж я-то её знаю.

- Я не могу перебраться в вашу деревню. Далеко. Дорога плохая.

- Моя мама живёт в Ростовской области. Год назад писала письмо, что работала агрономом, сократили, устроилась кладовщицом. Вот если бы маму уговорить... она одна, жаль очень, никого из родни рядом нет. Вот я съезжу к маме, если согласится...

Мать Насти была очень и очень тронута приездом дочери. В этом она усмотрела перст Божий, согласилась сразу. Жила она в колхозной квартире, спала на колхозной

железной кровати, домишко стоял на отшибе, к нему вела каменистая, с неровными выступами дорога. Внизу был овраг, заваленный всяким хламом, из автомобильных покрышек бежала бурая вода, пахло плесенью и тиной. Вопрос с трудовой книжкой, выпиской занял всего полдня. Всё имущество затолкали в два объёмистых дорожных рюкзака и два чемодана. Особенно мать дорожила зимними тёплыми сапогами: «Ноги мёрзнут». Странно, никто мать не провожал, никто не махал вслед рукой. Постояли; мать поплакала, подняла кверху свои маленькие брови, сморщила лоб и рот разинула...

- Да ну их! - наконец облегченно сказала она, приходя в себя. - Сброд. Ни постоянства в прилежании, ни настойчивости, ни терпенья.

С подсказки Валентины Ивановны деду Василию Григорьевичу и бабе Лизе Настя подала срочную телеграмму: «Немедленно выезжайте оба».

*Влюблённые поют
под вишнями и клёнами,
Влюблённые всегда поют,
на то они влюблённые...*

Чем порядочнее и честнее Орфей, тем труднее ему молоть чепуху под вишнями и клёнами. Обнимать любимую надо обязательно, обнимать и вдыхать запах её волос, и разбирать волосы любимой, и говорить красивые слова или убаюкивать слух. Вот щека кавалера так близко к щеке девушки... Владимир взглянул ей в лицо, взоры их встретились, и губы их слились. У Насти кружилась голова, в груди как молоты стучали. Она смотрела на кавалера пытливым взглядом, желая угадать, что у того на душе. Серьёзный человек, существо загадочное, несомненной благонамеренности; иной каждой клеткой понимает, что весь мир, затаив дыхание, слушает его планетарное изложе-

ние сути вещей, и тут, в самый пик твоих рассуждений, любимое сокровище ласково скажет о какой-то бытовой ерунде, и выстроенная схема супружеских иллюзий, уличенная в некоем подлоге, рушится, как картонный домик. Настя же была молода, но не глупа, чтоб в минуты счастливого стечения обстоятельств прыгать в ров львиный. Просто она плохо представляла себе супружество и себя в нём. В мечтах она погружалась в душистый пар недоговорённых слов, что доставляло ей мучительно-сладкое головокружение, и всё.

Одни девушки любят примешивать к любви романтику и фантазию, любят даже наперекор враждебным их чувству обстоятельствам, а другие любят тогда, когда вступает в силу чувство долга.

Благовоспитанный кавалер обязан говорить предметно. Ахиллесова пята девушки - великодушные идеи.

Настя: «Я так боюсь, мне так страшно!.. Вот что такое окормление? Я что, буду в церкви поварихой?»

Спросив это, она сразу смекнула, что поступила очень опрометчиво. Сказано было нелепо, ибо обличало в ней мелкую натуру. Что-то горькое до остроты шевельнулось под сердцем: проворная, уже о месте себе в церкви хлопочу.

Владимир: «Маленькая поправка: окормление словом. Душа моя, тебе многому придётся учиться, но бояться не надо. Корень слова - «корм», верно. Апостол Павел обращается ко всем: «Но вы - род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенство Призвавшего вас из тьмы в чудный Свет свой». Это понятие относится к литературному наследию христианства, никак не к пище земной, а к пище духовной. Самое раннее литературное произведение - «Слово о законе и благодати». Автор - митрополит Киевский Илларион. 1050 год. Академик

Лихачев говорил, что «Слово» обращено в будущее. Потом ты считаешь «Повесть временных лет», журналы «Фома», «Монастырский вестник», стихи современника иеромонаха Романа, лекции протоиерея Александра Меня «Сын человеческий», рассказы Максима Козлова, Валерия Лялина, и пока хватит. Не всё сразу, постепенно».

Настя: «Надо мной будут смеяться...»

Владимир: «Церковь не театр. Ты будешь женой обыкновенного сельского попа, а попы созданы Богом для попечения о запущенной русской душе. Всякий вопрос нужно рассматривать со всем тщанием и последовательностью. Вот скажи, что делал медведь Винни Пух, отправляясь на поиски загадочного полюса?»

Настя: «А что?»

Владимир: «Священник не даёт поучительных советов, «как жить». Как говорит Карл Густав Юнг, это лекарство сомнительного качества и мало эффективное. Священник помогает человеку искать ресурсы для преодоления причины своих проблем...»

...Валентина Ивановна затеплила свечку, прилепила её на божницу, опустилась на колени.

- Господи! - перекрестилась, собралась с духом. - Простите меня все, кому досадила, кого обидела. Спасибо тебе, Господь, что дозволил прожить до глубокой старости и у гробовой доски испытать великую радость. Сын мой одумался, прощения у дочери запросил, дурень лысый... а кровинушка моя, Настенька моя, встретила мужа достойного. Дай им, Господи, тепла душевного да здоровья, деток вырастить

пригожих да умных. Отпусти меня, родная земля! Отпусти!

...Вы спросите, при чем сапоги, с которых я начал нехитрый свой рассказ? А при том, что на Никольской неделе растворились хляби небесные и полил дождь, да такой злой, что прохватывал до костей. Снег мигом превратился в густую сальную кашу. Жених, невеста, дед Василий Григорьевич с бабушкой Лизой, мать Насти и вся остальная многочисленная родня, разряженная в пух - грех не побывать на настоящей свадьбе, да в церкви, да под колокольный звон, да когда невеста без пяти минут попадья - все, естественно, обулись в сапоги. «Ниву» тащил на тросе подпивший Витька Тулупов. Машина совалась из ямы в яму, а трактор рычал - Витька любит самодеятельность, особенно давить на клаксон; был слух, что на клиросе приходской церкви будет петь городской хор. Частная торговка Альбина была с деньгами: все подарки прошли через её руки! Не беременный, да роди; запросил Василий Григорьевич кровать двуспальную, «на каких лица духовного звания спят» - а кто их разберёт, духовных-то! Но кровать стоптала. Через знакомую бухгалтершу райпотребсоюза.

За рекой дорога в реестре сельских дорог значится как «муниципальная». Витька вытащил «Ниву» до «муципалки-ёлкипалки», поехал за автобусом с гостями. Катит, песни орёт, вывалившись в дверку.

Рассчитываю на ваше сочувствие, дорогие читатели, жалостливым напоминанием того, что рабочие сапоги желательнее оставлять у входа в церковь; для церкви надо брать про запас праздничные туфли.

Не кривить душой!

Памяти Станислава Михайловича Мишнёва

Ничто не могло меня порадовать... Была суббота, накануне всю ночь противно моросил дождик, готовый перейти в снег. К 7.30 утра сквозь облака проклюнулось стыдливое солнце, а это значило одно - объявленный на сегодня всеобщий субботник по подъему льнотресты состоится.

Мы, сотрудники центральной библиотеки, вместе с десятком прочих мелких организаций числимся шефами в колхозе «Восход». И в тот день мы собрались у райисполкома, загрузились в открытые тракторные телеги и отправились к месту «битвы за урожай».

Сентябрь 1983 года выдался непогожим, темпы уборки буксовали так же, как и транспорт по глинистым ухабам в сторону Шебенъги. Кроме мощных тракторов, туда уже ничто не могло пробраться, а разливы грязи на дороге были глубоки и коварны, густая жижа легко заливалась в тракторную телегу. От тракториста требовались умение рисковать, а то даже и героизм. Путь был недалгий - километров десять, но ехали мы часа полтора...

Наконец, притащились к колхозной мастерской, рядом с которой на широком, набухшем от дождей поле распластался лен. Некоторые из нас с надеждой поглядывали на часы: времени десятый час, обед не за горами. Общий обед на субботнике - веселое дело. К тому же мы расположились возле колхозной столовой, а шефам пообещали бесплатный обед.

Но тут заминочка вышла. Прибывший для встречи колхозный председатель Власов почесал затылок и виновато молвил:

- Это... прямо не знаю, как и сказать... Столовая-то у нас есть, только поварихи нет, в Тарногу уехала, дела у нее там какие-то... Может, из ваших кто возьмется? - несмело спросил председатель. - Продукты все есть...

И тут, не знаю с чего, все на меня:

- Иди, ты справишься, больше некому. Ну, хоть глянь! У плиты работать не хуже, чем на ветру...

Похоже, соображала я не очень, ежели не убежала в поле первой, а зашла чисто из любопытства посмотреть «объект». Предстояло приготовить обед на 37 человек - дело сложное, но реальное, для тех, кто бывал «в поварихах». Я зашла на кухню и остолбенела. Имелись только телячьи кости, немытая картошка, горох в мешке, макароны второго сорта и растительное масло. Ни капли воды, ни полена дров, ни крошки хлеба, ни сахара. Печка не растоплена. Электрическая плита не включена.

Положение казалось безвыходным. С чего начать? Дура, вляпалась, как кур в ощип. Я металась между делами, считая минуты. Электрическая плита разогреваться не спешила, сырые дрова гореть отказывались... Я была в отчаянии.

- Ладно, есть у нас один человек, надеюсь, он, как всегда, выручит, - оживился председатель и исчез.

И тут в дверях появился высокий статный молодой мужчина, косая сажень в плечах, с охапкой сухих тонко наколотых дров и свитком желтой бересты.

- Помощники нужны? - бодрым голосом поздоровался богатырь, положил дрова у печи и шустро развел огонь в топке.

Он еще и большой пакет со свежими овощами принес - очевидно, со своего огорода...

Не успела я что-либо сказать, как мужчина схватил ведро и побежал за водой. В считанные минуты «стратегический запас» воды был обеспечен. Он работал споро, без суеты, легко включился в дело и исправно выполнял обязанности «подсобного кухонного рабочего».

Вот уже в алюминиевой двухведерной кастрюле варится мясной бульон, во второй, чуть поменьше, - закипают макароны; вот котел, в нем греется вода. В четыре руки быстро почистили картошку, и на кухне запахло едой.

- А хлеба-то у нас и нет! И тушенки бы баночку! - восклицаю я. - Да и что-нибудь на третьюе...

- Это я мигом, - сказал помощник, - и след простыл; а через 20 минут уже его «Урал» снова у крыльца.

Признаюсь, с такой быстротой мне приходилось работать нечасто. Тем более что неожиданного своего помощника я видела впервые в жизни! Помощник - точнее, мой спаситель, - излучал спокойствие, делал всё аккуратно, без суеты. И у меня появлялась уверенность в собственных силах и хорошем результате, раз меня Бог послал потрудиться рядом с ним.

Задача, которая вначале казалась почти нерешаемой, сообщая оказалась выполненной: обед из четырех блюд был готов за 2 часа 20 минут. Когда озябшие на ветру работники пришли с поля, всех ожидал салат из свежей капусты, горячий гороховый суп, макароны по-флотски и кисель.

Пока шефы дружно стучали ложками, помощник исчез без следа. В душе осталась глубокая благодарность человеку, выручившему в трудную минуту. И я поняла, что день этот прожит не зря. На мой запоздалый вопрос, как зовут героя, пришедшего мне на помощь, местные ответили:

«Да это Славка Мишнёв, бригадир Стародворской бригады». Тогда это имя я не запомнила, как и он моё. А поступок запомнился навсегда.

Этот короткий эпизод, как эпитафия в повести, многое рассказывает о Мишнёве. Безотказный, не отказывающийся ни от какой работы, скромный, готовый прийти на помощь по первому зову - это все о нем, Станиславе Михайловиче Мишнёве, простом сельском труженике и большом русском писателе.

***

Самый первый рассказ Станислава Мишнёва - «На сенокосе» - вышел в районной газете «Ленинец», и я помню, как мой отец, читая свежий номер после ужина, одобрил: «Знает, что пишет. Сразу видно, этот Мишнёв из настоящих наших деревенских мужиков». Знание автором деревенской жизни вызывало у читателей особое доверие к его прозе. Люди приняли крепкий, как топором рубленый, слог, с пониманием относились к четко выписанным характерам героев, пусть их поступки и не всегда выглядели логичными. Да и кто из нас всегда действует по логике?.. Жизненность описанного вызывала у читателей живую реакцию.

Сборник произведений писателей Северо-Запада «Под созвездием Большой Медведицы» (тираж огромный по нынешним временам - 10 тысяч экземпляров), вышедший в Архангельске в Северо-Западном книжном издательстве в 1990 году, особенно заинтересовал тарножан. Туда вошли три новеллы Мишнёва: «Черемуха», «Мельник» и «Такая она, жизнь». Нам с коллегами из центральной библиотеки не терпелось получить автограф и организовать встречу с читателями. Тогда планам не удалось сбыться, Станислав Михайлович по природной своей застенчивости наотрез отказался.

***

Личное знакомство с Мишнёвым произошло десять лет спустя, в годы работы в отделе писем тарногской районной газеты «Кокшеньга».

Во второй половине 90-х - начале 2000-х годов Станислав Михайлович писал необычайно плодотворно. Почти все рассказы того периода появлялись на страницах местной газеты. Рассказы довольно крупные по объему, а формат нашей газеты в тот период из привычного А3 преобразовался в почти журнальный - А4. Перед мной стояла задача: сократить текст, чтобы тот в аккурат уместился в отведенное для художественной литературы количество страниц, причём желательно без большого ущерба для содержания.

Такой труд требует от редактора особенно внимательно следить за сюжетом, держаться главной авторской идеи. Приходилось перечитывать рассказы по пять-шесть раз; иногда казалось, что я живу среди мишнёвских героев и каждого знаю лично. До сих пор сопереживаю бесправному детству героя рассказа «На белом хлебе» или неразделенной любви Фаины Солод, жалко Катю Романову из рассказа «Налог с души»... А как прописаны сильные характеры Якова Офонасьевича, Гришки Лобача, Николая Павловича; как ярко показаны подлые натуры Офони Мылова и Липы - персонажей повести «Персть земная»!..

«Персть земная» особенно памятна. В начале 1999 года публикация повести уже набирала обороты, её опубликовали в двух номерах «Кокшеньги», готовилось продолжение. Тут терпение Станислава Михайловича окончательно лопнуло. Он пришел в кабинет нашего главного редактора с требованием, чтобы «какая-то Юрова» не смела больше прикасаться к его рукописям. Анатолий Иванович Попов был человеком мудрым, он посоветовал возмущенному автору: «А вы сами с ней по-

говорите, разберитесь; может, всё не так криминально...»

Помню, как зашел Мишнёв в кабинет с настроением самым решительным. Я как раз что-то опять «резала». Первая буря негодования довольно скоро перешла в наш с ним продуктивный диалог и конструктивное обсуждение повести «далее по тексту». Тогда меня невероятно поразило, с какой быстротой Станислав Михайлович принял замечания, не стал «качать права». Способность извлечь из критики пользу, быть благодарным за интерес к творчеству, умение найти зерно разумного в высказываниях других и возможность полученный опыт использовать дальше, готовность учиться всегда - это редкий талант. И он у Мишнёва был.

И я очень многому научилась у Станислава Михайловича! Опыт жизненный у него заметно поболее моего... Писатель очень много читал и упорно работал. Не просто идти первому, пробиваться без покровителей, жить среди простых деревенских людей, безразличных к труду литератора, который им кажется далеким от их повседневных забот. У Мишнёва я училась, в первую очередь, смелости говорить и писать то, что думаю. Помню, как однажды мы спорили, что же важнее: прислушиваться к общественному мнению или его, это мнение, стараться формировать? Пришли к общему выводу: задача писателя - всегда говорить правду и не кривить душой.

Мишнёв в каждом человеке видел или учителя, или героя будущего произведения. В случайной встрече, в изменяющихся обстоятельствах или даже маленьком цветочке на окне, в камне, лежащем у дороги, он находил нечто глубинное, помогающее разгадывать тайны бытия.

Гораздо позже в «Письме другу» Станислав напишет:

«Пока жив человек - он частица великого и бесконечного мира. Кажется, я срос-

ся сердцем с деревьями и цветами, с бесхозными разваливающимися домами, со снегом, с одиночеством: могу часами лежать, смотреть в небо, наблюдать за одиноким ястребом, парящим в облаках, а вокруг что-то шевелится, ищет дорогу к солнцу, дышит, перекликается. Спрашиваю себя: а что является мерилем мужицкого достоинства? И отвечаю: отношение к земле. Так и пиши, велю себе - о ней, кормилице нашей! Только это и сблизает прошлое с настоящим».

***

В ретроспективе прошлых лет яркими вехами стали мероприятия, посвященные юбилеям писателя. Помню, как в июне 2008 года с великим трудом мы, члены

литобъединения «Родники», уговорили Станислава Михайловича принять участие в литературном вечере «За деревню радея» в районном Доме культуры. Со сцены читали отрывки из его прозы, артисты народного театра инсценировали рассказ; лились песни, декламировались стихи, звучали приветственные речи в честь 60-летия писателя. Многочисленные зрители дружно и благодарно аплодировали, и только сам юбиляр, похоже, чувствовал себя, как говорится, не в своей тарелке. Природная скромность не позволяла Станиславу Михайловичу принять шумный интерес к своей персоне. А ведь многие его коллеги-писатели от подобных праздников получают удовольствие - не меньшее, чем от труда за письменным столом или публикации...

Для Мишнёва главным удовольствием всегда был творческий труд. Может быть, поэтому на следующий публичный юбилей писатель согласился только десять лет спустя. На этот раз всё получилось исключительно душевно. В уютном зале районной библиотеки собрались истинные почитатели творчества Мишнёва - человек 20-25. Знатоки цитировали любившиеся им рассказы, вспоминали яркие встречи писателя со школьниками и взрослыми читателями, поездку в Великий Устюг, обсуждали планы на будущее. Станислав Михайлович, как всегда, слушал больше, чем говорил; и всё-таки говорил он тогда больше, чем обычно, с добрым юмором подшучивая, в первую очередь, над собой... Помню, остался писатель от этой встречи в самом прекрасном расположении духа.

***

Что больше всего хотел Мишнёв? «Нам не надо гонорар, нам бы книжечку издать, маленькую, тонюсенькую... Не покидает маленького писателя сознание того, что, в сущности, в его голову природа положила столько извилин, сколько у всех нормальных людей... В душе писателя много сил, ему не отказано в Божьих дарах, в его сердце волнуется кровь, и под маской некой беспечности скрыта любовь к своей Родине, к своей деревне» («Письмо к другу»).

Была и у нас со Станиславом Михайловичем «книжечка, маленькая, тонюсенькая» - «Из разного теста» называется, вышла она в серии «Творчество тарножан» в 2005 году, отпечатана в местной типографии тиражом 300 экземпляров. В сборник вошли семь рассказов и две сказки. Перечитываю их почти двадцать лет спустя, и яркими сполохами вспыхивает нестерпимая боль и унижение деревни рубежа вто-

рого тысячелетия, мастерски отраженная в рассказах «Клюква», «Доживало», «Малая родина». Но смех и горе в нашей жизни соседи. Рассказ «Как мы бегали» - веселый и ироничный, полюбился всем особенно и даже стал однажды гвоздем литературного праздника в Тарногском Городке, в День мёда.

***

Ко второму десятилетию нового века Станислав Михайлович перерос районный уровень. Произведения Мишнёва охотно начали публиковать журналы «Вологодский ЛАД», «Север», «Берегиня», «Библиополе», «Наш современник», «Воин России» и другие издания. Произведения прозаика из тарногской глубинки печатали рядом с рассказами и повестями известнейших писателей России. Победы во всероссийских и международных конкурсах вывели имя писателя Мишнёва в число самых читаемых авторов Вологодчины.

Писательский труд в наши дни не приносит никаких материальных благ, это бескорыстное служение высшим целям, своего рода духовный подвиг. И жизнь Мишнёва - тому подтверждение. Встретился на жизненном пути Станислава Михайловича человек, который помог издавать его книги. Хорошим другом и спонсором стал для него наш земляк Сергей Витальевич Бурцев из Санкт-Петербурга, благодаря его помощи Мишнёву удалось издать практически всё, что было им написано.

Будем читать и вспоминать хорошего человека, главные качества которого - умение много и упорно трудиться, не зазнаваться, помогать людям, дорожить дружбой и уважать людей. И, конечно, писательский дар, сделавший Станислава Мишнёва одним из лучших прозаиков современной России.

Надежда ЮРОВА

• СОДЕРЖАНИЕ

РАЗГОВОР С ЧИТАТЕЛЯМИ
Андрей Сальников. Под синим небом
Вологодчины.....1

АСТАФЬЕВСКИЙ ВЕК
Виктор Петрович снова
в Вологде.....2-я стр. обложки, 214

И НЫНЕ, И ПРИСНО
Андрей Сальников. Время добрых дел ..... Цв.
вклейки в начале и в середине номера

ИСКУССТВО
Ольга Анфимова. Мир детских книг Василия Бе-
лова ... Цв. вклейки в середине и в конце номера

К 110-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА ЯШИНА
Наталья Яшина. А любовь - она вечная!
Заметки дочери поэта 2
Сергей Созин. Запасаемся светом 14

ПОЭЗИЯ
Инга Чурбанова. Гербарий 17
Евгений Некрасов. Я больше жизни
жизнь люблю 23
Геннадий Иванов. В небесах булыжные
дороги... 27
Марина Ерофеевская. Двадцать пятый
кадр. *Цикл стихов* 30

ПОЭТЫ НЕ УХОДЯТ
Александр Коротаяев. Виктор учил быть
счастливыми победителями 34

УРОКИ КЛАССИКОВ
Ольга Анфимова. «Услышать
музыку в душе...» 40

ПРОЗА
Татьяна Андреева. О любви, кабачках,
псах и котиках... *Короткие рассказы*
из нашей жизни 46
Александр Цыганов. Случайные этюды.....52

На 1-й и 4-й страницах обложки - иллюстрация Дарьи Ятвицкой к книге
В. И. Белова «Птички-рукавички: книга для семейного чтения». - Вологда: Полиграф-Периодика, 2022 год

Электронный вариант всех номеров «Вологодского ЛАДА» размещен на сайте
Вологодской областной универсальной научной библиотеки www.booksite.ru

ВОЛОГОДСКИЙ
ЛАД

Литературно-
художественный
журнал

2024, № 1 (42)

В 1991-1995 годах
выходил под названием
«Лад. Журнал
для семейного чтения».
С 2006 года -
«Вологодский ЛАД»

Главный редактор - **А. К. Сальников**

Адрес редакции: 160000, Вологда, ул. Зосимовская, д. 54-а,
e-mail: salnikovandre@yandex.ru

Адрес типографии: ООО ПФ «Полиграф-Периодика»,
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

Тираж 700. Объем 15 п.л. Формат 70x100/16. Печать офсетная. Подписано в печать 11.09.2024.
Время подписания номера по графику - 10 час., номер подписан в 10 час.
Дата выхода номера - 30.09.2024. Заказ № 1307. Свободная цена.

Редакция не имеет возможности рецензировать и возвращать рукописи.

Юрий Максин. Дни Восадулина
(из глубинки).....56
Олег Ларионов. Поминование.....146
Наталья Мелёхина. Улитки 164

НОВЫЕ ИМЕНА
Ольга Васюкова. О нашей жизни вчера
и сегодня. Главы из романа
в рассказах «Луганщина» 168
Елена Воропаева. Размышления
на чердаке 179

БРЯНЧАНИНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
Эльвира Трикоз. Святитель Игнатий
Брянчанинов и Василий Белов, или
О чем может рассказать
музейная «краснушка» 186

ЛИТКОНКУРСЫ
«В начале было слово»:
итоги премии-2024.....191
«Чистая книга»:
итоги премии имени Федора Абрамова 200

СЕВЕРНЫЙ ДНЕВНИК
«После победы встретимся и вновь заживем»
Выдержки из писем с фронта
С. М. Кузнецова 202

ПОЭТЫ О ПОЭТЕ
Николай Дегтярёв. Связующая «Нить».
О книге стихов Михаила Карачева 208

ИЗДАНО В ВОЛОГДЕ..... 26, 178, 185, 211

НАСЛЕДИЕ
«Вещая моя печаль».
Слово о Станиславе Мишнёве.....215
Станислав Мишнёв. Отпусти меня,
земля! *Рассказ* 216
Надежда Юрова. Не кривить душой! *Памяти*
Станислава Михайловича Мишнёва 235

Учредитель - автономное учреждение Вологодской области
в сфере средств массовой информации
«Вологодский областной информационный центр»
Адрес издателя: АУ ВО «Вологодский областной информационный
центр», юридический адрес: 160000, Вологда, ул. Зосимовская, д. 54-а;
почтовый адрес: 160000, Вологда, ул. Зосимовская, д. 54-а.

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной
службы по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
по Вологодской области, регистрационное удостоверение
ПИ № ТУ 35-069 от 28 декабря 2011 г.

16+

Мир детских книг Василия Белова

Иллюстрации к статье
Ольги Анфимовой, размещенной
на цветной вкладке в середине номера.

Репродукция иллюстрации Юрия Воронова
к рассказу В. И. Белова «Старый да малый».
Справа - обложка этой книги

В. И. Белов. «Птички-рукавички: книга для семейного чтения». - Вологда: Полиграф-Периодика, 2022 год. Иллюстрации Дарьи Ятвицкой

Репродукция иллюстрации Юрия Воронова к рассказу В. И. Белова «Каникулы»

Репродукция иллюстрации Юрия Воронова к рассказу В. И. Белова «Каникулы»

Иллюстрация Дарьи Ятвицкой к книге В. И. Белова «Птички-рукавички: книга для семейного чтения». - Вологда: Полиграф-Периодика, 2022 год

Иллюстрация к статье Эльвиры Трикоз «Святитель Игнатий Брянчанинов и Василий Белов, или О чем может рассказать музейная «Краснушка» (см. стр. 186). Икона трехрядная «Богоматерь Казанская; Воскресение Христово; Николай Чудотворец; избранные святые: Святой мученик Флор, Святой мученик Лавр, Святой Василий Великий, Ангел, Святой Иоанн Предтеча, Святой Зосима, Святой Савватий; Святой Дмитрий Солунский; «Чудо Георгия о змие»; Святая Анна Кашинская». Неизвестный иконописец. Вторая половина XIX века. Доска, левкас, яичная темпера. 37,0 × 27,0 × 2,0 см

